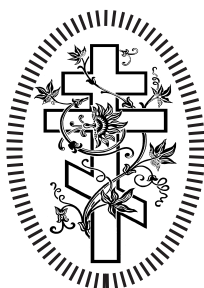

РУССКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

РУССКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

Серия самых выдающихся книг великих русских мыслителей, отражающих главные вехи в развитии русского национального мировоззрения:

Св. митр. Иларион	Кавелин К. Д.	Суворин А. С.
Повесть Временных Лет	Коялович М. О.	Соловьев В. С.
Св. Нил Сорский	Лешков В. Н.	Бердяев Н. А.
Св. Иосиф Волоцкий	Погодин М. П.	Булгаков С. Н.
Москва – Третий Рим	Аскоченский В. И.	Трубецкой Е. Н.
Иван Грозный	Беляев И. Д.	Хомяков Д. А.
«Домострой»	Филиппов Т. И.	Шарапов С. Ф.
Посошков И. Т.	Гиляров-Платонов Н. П.	Щербатов А. Г.
Ломоносов М. В.	Страхов Н. Н.	Розанов В. В.
Болотов А. Т.	Данилевский Н. Я.	Флоровский Г. В.
Ростопчин Ф. В.	Достоевский Ф. М.	Ильин И. А.
Уваров С. С.	Игнатий (Брянчанинов)	Нилус С. А.
Магницкий М. Л.	Феофан Затворник	Меньшиков М. О.
Пушкин А. С.	Одоевский В. Ф.	Митр. Антоний Храповицкий
Гоголь Н. В.	Григорьев А. А.	Поселянин Е. Н.
Тютчев Ф. И.	Мещерский В. П.	Солоневич И. Л.
Св. Серафим Саровский	Катков М. Н.	Св. архиеп. Иларион (Троицкий)
Шишков А. С.	Леонтьев К. Н.	Башилов Б.
Муравьев А. Н.	Победоносцев К. П.	Концевич И. М.
Киреевский И. В.	Фадеев Р. А.	Зеньковский В. В.
Хомяков А. С.	Киреев А. А.	Митр. Иоанн (Снычев)
Аксаков И. С.	Черняев М. Г.	Белов В. И.
Аксаков К. С.	Ламанский В. И.	Лобанов М. П.
Самарин Ю. Ф.	Астафьев П. Е.	Распутин В. Г.
Валуев Д. А.	Св. Иоанн Кронштадтский	Шафаревич И. Р.
Черкасский В. А.	Архиеп. Никон (Рождественский)	Кожин В. В.
Гильфердинг А. Ф.	Тихомиров Л. А.	
Кошелев А. И.		

МИХАИЛ МАГНИЦКИЙ

ПРАВОСЛАВНОЕ
ПРОСВЕЩЕНИЕ

МОСКВА
Институт русской цивилизации
Родная страна
2014

УДК 323
ББК 66.1(2)
М 12

Магницкий М. Л.

М 12 Православное просвещение / Сост., предисл. Минакова А. Ю., имен. указ. Гришиной Е. П., коммент. Хатунцева С. В. / Отв. ред. О. А. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, Родная страна, 2014. – 528 с.

В настоящей книге впервые после почти двухсотлетнего перерыва публикуются произведения выдающегося русского государственного деятеля Михаила Леонтьевича Магницкого (1778–1844). Он активно выступал против космополитической системы образования, насаждаемой в России в царствование Александра I. Магницкий предлагал строить народное образование на Православии и следовании духовным традициям России. Успехи России в истинном просвещении предлагал показывать в духе заветов Владимира Мономаха. Основы духовной философии должно излагать по посланиям ап. Павла. Преподавателям естественных наук следует во время чтения своего курса указывать на премудрость Божию и ограниченность наших чувств и орудий для познания всюду окружающих нас чудес. Магницкий предлагал отстранять от преподавания масонов, чтобы их подрывной дух не мог ослаблять учение Церкви в преподавании наук. За эти очевидные для православного человека истины Магницкий был подвергнут травле и клевете со стороны антирусских сил.

ISBN 978-5-4261-0079-4

ПРЕДИСЛОВИЕ

Выдающийся русский государственный деятель и ученый Михаил Леонтьевич Магницкий был потомком Леонтия Филипповича Магницкого (Теляшина) (1669–1739), педагога Математико-навигационной школы, автора знаменитого учебника «Арифметика». Фамилия Магницкий была дарована ему Петром I: «...от его величества по усмотрению нрава ко всем всеприятнейшего и к себе влекущего, именован прозванием Магницкий, и учинен российскому благородному юношеству учителем математики»*. Леонтий Филиппович был крестьянского происхождения, его изначальная фамилия была Теляшин. Среди Теляшиных был святой Нектарий (в миру Николай Павлович Теляшин (1586–1667) – монах и строитель Нило-Столобенской пустыни, архиепископ Сибирский и Тобольский**. Он приходился двоюродным дедом Л. Ф. Магницкому. Л. Ф. Магницкий был не только математиком, но и горячим ревнителем Православия, обладающим глубокими богословскими познаниями. Известны такие эпизоды его биографии, когда он, рискуя вызвать гнев Петра I, обличил протестанта-«еретика» Д. Тверитинова в бого-

* Андронов И. К. Первый учитель математики российского юношества Л. Ф. Магницкий // Математика в школе. 1969. № 6. С. 78.

** Успенский В. П. Преосвященный Нектарий [Теляшин], второй настоятель Ниловой Столобенской пустыни, бывший архиепископ Сибирский и Тобольский. – Тверь, 1882.

словском диспуте и в Сенатском суде*. Определенные черты его личности и характера явно передались его не менее известному потомку.

Его правнук Михаил родился 23 апреля 1778 г. в семье Леонтия Ивановича Магницкого, начавшего службу при Елизавете Петровне в 1759 г. сержантом гвардии, бывшего при Екатерине II генерал-адъютантом и прокурором в камер-коллегии, а с 1810 г. служившего в чине действительного тайного советника прокурором московской синодальной конторы**. По свидетельству современника, секретаря императрицы Елизаветы Алексеевны Н. М. Лонгинова, семья Магницких была небогатой, и отец будущего попечителя Казанского округа «почти милостынею питался в Москве, пока сын доставил ему место, чин, ленту, пенсию и жалованье»***. Тот же Лонгинов упоминает и о супруге Магницкого: «Женился он на какой-то француженке из модной лавки, братьев и родню ее вывел в люди и в места и, ничего не имея, кроме жалованья, содержал пышно всю сию семью и сам жил как Лукулл»****.

Образование Магницкий получил в 1790-е гг. в Благородном пансионе при Московском университете. На доске почета, заведенной в пансионе в 1791 г., его имя было записано золотыми буквами третьим по счету, в то время как имя поэта-классика В. А. Жуковского значилось там же тринадцатым. За блестящие успехи в изучении наук Магницкий получил золотую медаль из рук директора пансиона, знаменитого тогда поэта М. М. Хераскова. Магницкий отличался артистизмом

* Записка Леонтия Магницкого по делу Тверитинова. – СПб., 1881.

** Чистович И. А. История перевода Библии на русский язык. – М., 1997. С. 70.

*** Письмо Н. М. Лонгинова в Лондон к графу С. Р. Воронцову // Русский архив. 1882. № 2. С. 182.

**** Там же.

и обаянием, будучи человеком «острого, высокого ума, с необыкновенно увлекательным даром слова»*. Когда он говорил, то «одно живое слово, одно блестящее замечание сменялось у него другим; за эпиграммою следовал фарс, там опять какое-нибудь передразнивание, какая-нибудь острая выходка, напоминавшая лучшие парижские гостиные; какая-нибудь арлекинада, от которой все помирали со смеху; и все это с разносторонним талантом было приправлено то смехотворной импровизацией, то прочитанным или тут же вымышленным рассказом»**. Ко всему прочему он обладал привлекательной внешностью и превосходными манерами, писал недурные стихи, некоторые из которых Н. М. Карамзин опубликовал в своем альманахе «Аонида»***. Даже недоброжелатели Магницкого свидетельствовали, что «прекрасное его стихотворение: *Соловей* («Песня моей Катеньке». — А. М.) очень славилось в свое время»****. Это стихотворение Магницкого попало в «Сборник любовной лирики XVIII века» наряду со стихами Сумарокова, Державина, Дмитриева и Карамзина*****. О «прекраснейших стихах» Магницкого упоминал и П. А. Вяземский*****.

В качестве яркого образчика его поэтического творчества, по своему не бесталанного, приведем «Оды к российскому юношеству на публичном акте 1794 года

* Лажечников И. И. Как я знал Магницкого // Русский вестник. 1866. № 1. С. 122.

** Корф М. А. Жизнь графа Сперанского: В 2 т. — СПб., 1861. Т. 1. С. 278–279.

*** Фортунатов Ф. Н. Памятные записки вологжанина // Русский архив. 1867. № 12. С. 1703.

**** Панаев В. И. Воспоминания // Вестник Европы. 1867. Т. 4. Кн. 12. С. 73.

***** Сборник любовной лирики XVIII в. — СПб., 1910. С. 143–144.

***** Вяземский П. А. Запросы господину Жуковскому от современников и потомков // Вяземский П. А. Полн. собр. соч. — СПб., 1878. Т. 1. С. 10.

декабря 21 дня в Благородном пансионе при Императорском Московском университете»:

Перуном Россы ополчены,
Как буря страшная пройдут,
Рассыплют грады вознесены,
Столпы вселенной потрясут,
От груди грома отразятся,
Застонут царства под пятой,
В ничто, в ничто преобратятся
Могущественной их рукой*.

Свою карьеру Магницкий начал с воинской службы. В традициях того времени он был записан еще в трехлетнем возрасте унтер-офицером в лейб-гвардии Преображенский полк, куда поступил на действительную службу в 1795 г. ординарцем майора Д. В. Голицына, будущего московского генерал-губернатора, в том же году был послан в Польшу и в течение короткого времени дослужился до капитана (1796)**, после чего перешел 30 января 1798 г. с военной службы на гражданскую в ведомство государственной коллегии иностранных дел***, затем канцелярию вице-канцлера. В чине коллежского асессора 29 сентября 1798 г. Магницкий был направлен в канцелярию русского посольства в Вене, где служил секретарем в течение двух лет****, приняв должность у Д. П. Рунича****. Там он был прикомандирован к фельд-маршалу А. В. Суворову для ведения его переписки, а также «отправлял при нем политические и военные дела».

* РГАЛИ. Ф. 377. Оп. 1. Е.х. 79. Л. 122 об.

** ГА РФ. Ф. 109. Оп. 3. Д. 879. Л. 119.

*** Там же.

**** Там же.

***** Кондаков Ю. Е. Либеральное и консервативное направления в религиозных движениях в России первой четверти XIX века. СПб. 2005. С. 47.

По словам А. С. Стурдзы, оставившего интересные воспоминания о Магницком, «даровитому юноше досталось в завидный удел не раз вслушиваться в разговоры великого Суворова, ловить то приветливые к себе, то игривые слова героя, который останется навсегда представителем русского ума и военной доблести русских»*.

В 1802 г. он был отправлен с русским послом в Париж**. Впоследствии в одной из официальных бумаг Магницкий так писал об этом периоде своей жизни: «Находился секретарем посольства в Париже и в продолжение двух лет заведывал всеми делами посольства»***. Там он занимался обменом пленных, составлением дипломатических бумаг в канцелярии посольства. Магницкий обратил на себя внимание Наполеона, который в то время был первым консулом Французской республики, и его супруги Жозефины, причем Бонапарт предсказывал Магницкому блестящее будущее на родине: «Этот молодой человек далеко пойдет в своем отечестве». В Париже его называли «русским львом». О его отношении к Наполеону сохранились противоречивые свидетельства. Так, одни утверждали, что он был «отчаянным обожателем» французского диктатора, за что якобы и был в 1812 г. отправлен Александром I в ссылку. Другие, напротив, приводили резко отрицательные высказывания о гениальном корсиканце, оставленные Магницким: «Он (Наполеон. — А. М.) был в беспрестанном движении и напоминал гиену, посаженную в клетку. Во всем у него были видны сатаническая гордость и презрение к людям... Презрительная бесцеремонность его доходили до крайности»****.

* Стурдза А. С. Воспоминания о Михаиле Леонтьевиче Магницком // Русский архив. 1868. Кн. 2. С. 928.

** РГИА. Ф. 733. Оп. 40. Д. 203. Л. 9.

*** ГАРФ. Ф. 109. СА. Оп. 3. Д. 879. Л. 119.

**** Морозов П. Т. Мое знакомство с М. Л. Магницким. — М., 1877. С. 9.

По возвращении из-за границы в Петербург в 1803 г. Магницкий поступил на службу сначала в ведомство вице-канцлера, а затем был назначен начальником отделения Экспедиции государственного благоустройства в департаменте Министерства внутренних дел в чине коллежского советника, что, по утверждению мемуариста В. И. Панаева, «в особенности и сблизило его с тогдашним директором оного, Сперанским»*, который занимал в то время пост директора департамента. Магницкий становится своим человеком в доме Сперанского.

По свидетельству Н. М. Лонгинова, «у Сперанского никто, кроме Магницкого, не был в секрете» (то есть в особом доверии. — *А. М.*)**. Вероятно, это объяснялось идейной близостью двух молодых людей, которые в тот период были убежденными либералами-западниками. Ф. Ф. Вигель вспоминал про Магницкого, что в молодости тот носил вместо трости якобинскую дубинку с серебряной бляхой, на которой красовалась надпись по-французски: «*droits de l'homme*» (права человека. — *А. М.*)***. Насколько либеральными были по тому времени взгляды Магницкого, можно судить по его собственному рассказу о том, как в 1803 г. он вернулся из Парижа «с проектом конституции и запискою о *легком способе* ввести ее». По его словам, проект был представлен Александру I, который по этому поводу «приказал сказать... что его (Магницкого — *А. М.*) не забудет, и, действительно, через семь лет сдержал слово, назначив его статс-секретарем»****.

* Панаев В. И. Воспоминания // Вестник Европы. 1867. Т. 4. Кн. 12. С. 73.

** Письмо Н. М. Лонгинова в Лондон к графу С. Р. Воронцову // РА. 1882. № 2. С. 179.

*** Фортунатов Ф. Н. Памятные записки вологжанина // Русский архив. 1867. № 12. С. 1708.

**** Два доноса в 1831 году. Всеподданнейшие письма М. Магницкого императору Николаю об иллюминациях // Русская старина. 1899. № 2. С. 293.

Историкам, впрочем, ничего не известно об упомянутом конституционном проекте Магницкого, так что здесь приходится верить ему на слово.

Особый характер отношений между Сперанским и Магницким злые языки склонны были объяснять не только общностью убеждений. Так, Н. И. Шениг утверждал, что «Сперанский был в тесной дружбе с Магницким и, как полагают, в связях с его женою»*. Может быть, именно поэтому Вигель характеризовал Магницкого как одного из тех приверженцев Сперанского, «которые вместе с Европейским образованием проповедывали и Европейскую безнравственность»**. По словам А. И. Михайловского-Данилевского, Магницкий в глазах дворянского общества имел перед Сперанским «то преимущество, что происходил из дворянского рода, почему имел менее завистников, нежели первый, возникший из поповичей»***.

С 1804 г. Магницкий стал редактором официального журнала Министерства внутренних дел («С.-Петербургский журнал»), контроль за которым был поручен Сперанскому. В этом периодическом издании помимо отчетов помещались важнейшие правительственные акты и статьи научного содержания, «в нем старинный наш приказный язык, видимо, стал облекаться в новые формы»****.

В июне 1804 г. Магницкий был послан с секретным поручением Александром I в Псков для ревизии губер-

* Воспоминания Николая Игнатьевича Шенига // РА. 1880. Т. 3. Кн. 2. С. 312.

** Вигель Ф. Ф. Записки. – М., 1892. Ч. 2. С. 26.

*** Михайловский-Данилевский А. И. Из воспоминаний // РВ. 1890. Т. 210. № 9. С. 168.

**** Дубровин Н. Ф. Русская жизнь в начале XIX века. – СПб., 2007. С. 272–273.

нии. В итоге, по донесению Магницкого, псковский губернатор был смещен за «лихоимство»*.

На его дальнейшей служебной карьере сказалась еще одна инспекционная поездка в 1805 г. во время Аустерлицкой кампании в сравнительно недавно присоединенный к Российской империи польско-литовский Виленский край, где он проверял работу учебных заведений, пытаясь выявить французскую агентуру. Таковую Магницкий не обнаружил, однако подал подробнейшую записку о состоянии дел в недавно присоединенном к Российской империи крае, о настроении польского дворянства и пр. Впоследствии он утверждал, что якобы открыл в Виленском университете «заговор в пользу французов сделанный»**, причем университет представлял собой не что иное как «гнездо будущих возмущений»***. Польские националисты вели дело к максимальному ограничению русского имперского влияния и всемерному насаждению в крае польских и католических начал. Однако никаких практических выводов из донесения Магницкого правительством тогда сделано не было. А. Чарторыйский, ближайший друг Александра I, который был в то время попечителем Виленского учебного округа, отделался выговором, а сам Магницкий получил орден св. Анны 2-й степени, причем в рескрипте, сопровождавшем эту награду, не было указано, за что ее дают****. Чарторыйский впоследствии утверждал: «Виленский университет был чисто польским, в четыре года вся русская Польша покрылась школами, в которых процветало польское национальное чувство. Университет, в который я назначил

* Показания Магницкого // Деятнадцатый век. Исторический сборник. — М., 1872. Кн. 1. С. 235.

** ГАРФ. Ф. 109. СА. Оп. 3. Д. 879. Л. 120.

*** Показания Магницкого // Деятнадцатый век. Исторический сборник. — М., 1872. Кн. 1. С. 236.

**** См. там же.

самых выдающихся литераторов и ученых в стране, наряду с заслуженными иностранными профессорами, руководил этим движением необыкновенно усердно и разумно. Последствия этого, о которых русские потом глубоко сожалели, в то время, казалось, естественно проистекали из благородных намерений императора в отношении поляков»^{*}.

Возможно, именно опыт ревизии Виленского университета и репутация профессионального «разоблачителя» впоследствии повлияли на решение о назначении Магницкого попечителем Казанского университета.

В ноябре 1808 г. Магницкий подал Александру I всеподданнейшее письмо «Нечто об Общем Мнении в России и верховной Полиции»^{**}. В нем он заявлял: «...не дерзкие общественные говоруны потрясают Государства: их потрясает общее мнение и люди, им управляющие»^{***}. В России же общественное мнение «взяло, с некоторого времени, направление против Правительства». «Вредное направление умов» возникло вследствие воздействия духа Французской революции, неумелых, насильственных правительственных мер, призванных предотвратить революционное брожение, и пропаганды русской партии: «Люди, закоснелые в старинных предрассудках и никогда не прощающие Правительству Политического их ничтожества, стали осуждать так называемый ими дух подражания всему иностранному»^{****}. Исправить положение можно, если последовать примеру Наполеона, который, возродив империю и монархию «окружил Монархию всем, что в понятиях человеческих есть наи-

^{*} Клиер Дж.-Д. Россия собирает своих евреев. – М., 2000. С. 204.

^{**} РГИА. Ф. 1167. Комитет 6 декабря 1826 г. Оп. 1. Опись дел архива Государственного совета. Т. XIV. Д. 25/21.

^{***} Там же. Л. 4–4 об.

^{****} Там же. Л. 7–7 об.

величественнейшего». Магницкий предлагал наделить особыми привилегиями и богатством «первейших» государственных чиновников, ликвидировать «вражду» между гражданскими чиновниками и военными, очистить от мздоимцев прослойку земских исправников и уездных судей, отправляющих правосудие, обеспечить их достаточным жалованием. Он писал также о необходимости выдвижения русских по происхождению деятелей на первостепенные посты в государстве: «Преимущественное помещение природных граждан на первые места Правительства, и особенно по Части воинской, где при малейшей неудаче Иностранец обвиняется в мнении народном изменою, большую доверенность народа Правительству обретает употребление природного языка и введение оного во всем великолепии и изяществе Его в Акты управления и разные обнародования, образуя вкус народный, убеждает его на меры, Правительством принятые, и внутренним в них убеждением дает ему некоторый род участия в оных»*. Надо полагать, под русскими первейшими чиновниками, носителями русского языка и изящного стиля, имелись в первую очередь Сперанский и сам Магницкий. В 1810 г. Александр I совершенно неожиданно для многих приблизил Магницкого к себе в качестве статс-секретаря департамента законов в Государственном Совете с пожалованием в действительные статские советники. Вероятно, это произошло и вследствие «дружеской связи» Магницкого со Сперанским**.

Весной 1811 г. Магницкий начал выполнять все военные дела «в высшем их отношении», составлять инструкции командующим русскими армиями. Кроме того, император дал ему в марте 1811 г. «поручение образовать

* РГИА. Ф. 1167. Комитет 6 декабря 1826 г. Оп. 1. Опись дел архива Государственного совета. Т. XIV. Д. 25/21. Л. 33 об. – 34.

** См. Панаев В. И. Воспоминания // Вестник Европы. 1867. Т. 4. Кн. 12. С. 73.

устройство Министерства Военного и полиции»*. В марте 1811 г. он был назначен директором комиссии составления военных уставов и уложений, активно участвовал в подготовке и проведении военной реформы 1810–1812 гг., в том числе в составлении «Учреждения для управления большой действующей армии» и других актов, касавшихся военного ведомства. Магницкий вместе с М. Б. Барклай де Толли возглавил комиссию составления уставов и уложений для всех подразделений военного министерства, то есть выступил в роли военного законодателя. Уставы регламентируют всю деятельность армии, поэтому можно утверждать, что Александр I поручил ему одно из самых важных дел, какое только мог получить высокопоставленный чиновник перед грандиозной схваткой Российской империи с одним из самых удачливых в мировой истории полководцев – Наполеоном.

Магницкий смог за несколько месяцев составить все необходимые уставы и подать их на высочайшее рассмотрение, за что и был пожалован анненской лентой.

Один из исследователей биографии Магницкого вполне справедливо утверждал: «Если бы в это время совершенно прекратилась его деятельность, он унес бы с собою репутацию ревностного поборника широко задуманных преобразований, главным двигателем которых был Сперанский»**. Однако судьба распорядилась иначе.

Блистательная карьера Магницкого внезапно пресеклась. 17 марта 1812 г. он был объявлен государственным преступником и отправлен в изгнание. При аресте Магницкий, как вспоминал А. И. Михайловский-Данилевский, «не так равнодушно, как Сперанский, принял известие о своем заточении; он начал возражать, что не можно брать гражданина под стражу без суда,

* ГАРФ. Ф. 109. СА. Оп. 3. Д. 879. Л. 120–120 об.

** Феоктистов Е. М. Магницкий. – СПб., 1865. С. 3

что мы живем не в Турции, и тому подобное»*. Причиной ареста и ссылки явилось падение его покровителя и друга М. М. Сперанского, при котором он одно время состоял своего рода «правой рукой» и «ревностным исполнителем его планов»**. Сперанский был обвинен в «намерении ниспровергнуть существующий порядок», в «преступных сношениях с французским правительством» и сослан в Нижний Новгород. Магницкий же был отправлен в Вологду.

Существует несколько версий, согласно которым Магницкий невольно способствовал опале себя и Сперанского. Так, историк М. И. Сухомлинов утверждал: «Будучи весьма близким лицом к Сперанскому, Магницкий, как уверяют, был отчасти причиною его падения. Оскорбленный тем, что Сперанский не открыл ему содержания важных бумаг, за которыми застал его, явившись к нему неожиданно, Магницкий дал заметить французскому посольству, что знает его тайны, и этот неосторожный намек подал повод к толкам, расспросам и секретным депешам, кончившимся ссылкой Сперанского»***. Другую версию привел в своих воспоминаниях Н. И. Шенин: «Жена одного отставленного по высочайшему повелению вице-губернатора, подруга жены Магницкого по институту, приехала хлопотать об оправдании мужа и бросилась к старой своей приятельнице, чтоб через нее действовать на Сперанского. Тот взялся хлопотать и доложил Государю. Александр Павлович, будучи одарен необыкновенной памятью, вспомнил об отставленном и решительно отказал. Сперанский через несколько време-

* Михайловский-Данилевский А. И. Из воспоминаний / РВ. 1890. Т. 210. № 9. С. 168.

** В. К. Магницкий // Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. – СПб., 1896. Т. 35. С. 328.

*** Сухомлинов М. И. Исследования и статьи по русской литературе и просвещению. – СПб., 1889. Т. 1. С. 216.

ни повторил представление, но получил отказ вторично. Между тем просительница неотвязно приступала к Магницкой, и та при ней написала записку к Сперанскому, прося уведомить, есть ли надежда на определение отставленного? Через несколько минут Сперанский написал в ответ: «Что мне делать с бестолковой, плешивой головой, которая никаких резонов слышать не хочет и, с свойственным ему упрямством, во второй раз отказала мне решительно!» Магницкая показала ответ сей сидевшей у нее приятельнице, а та припрятала эту записку в карман и, распрощавшись, поехала к Балашову (министр полиции. – *А. М.*), объяснила ему свою просьбу и показала собственноручную записку Сперанского. Балашов вспрыгнул от радости, обещал ей выхлопотать определение мужа и тут же... поскакал к Государю и представил ему этот документ*». На следующий день Сперанский с Магницким были отправлены в ссылку.

Вологодскому губернатору было предписано оказывать сосланному «всякую пристойность по чину», но вместе с тем принять строгие меры для наблюдения за ним, то есть доносить министру полиции обо всем «замечательном на счет изгнанника» и о всех лицах, с которыми он будет иметь знакомство. Письма Магницкого, а также те, которые будут приходить к нему, приказывалось представлять в подлиннике тому же министру для доклада императору**.

Магницкому многое пришлось пережить в ссылке. На улицах на него указывали пальцем, дети кричали вслед: «Изменник!» Проходу не было не только его семейству, но и слугам. Акушер отказывался приезжать к его беременной жене. В лавках ему продавали товары по

* Воспоминания Николая Игнатьевича Шенига // РА. 1880. Т. 3. Кн. 2. С. 312.

** См. [Чумиков А. А., Чумиков А. П.] Михаил Леонтьевич Магницкий в 1812–1844 гг. // Русская старина. 1875. Т. 14. Кн. 12. С. 641.

ценам, завышенным в сравнении с обычными в пять раз. За снимаемый семейством Магницких дом вместо обычных трехсот рублей пришлось платить тысячу рублей в год. Они были вынуждены продавать все, что у них было, вплоть до платья. После взятия французами Москвы купцы из мясных рядов решили убить Магницкого. В своих показаниях Александру I он пишет: «В течение нескольких месяцев, — каждую ночь, с больною беременною женою и малолетним сыном ожидал я нападения пьяной черни»*.

Вологодский губернатор пытался заставить слуг Магницкого доносить на него, запугивал тех, кто готов был познакомиться с ним, ссылкой в Сибирь, распространял слухи, что изгнанник ходит гулять с женою за город якобы для того, чтобы взбунтовать окрестных крестьян, которым он говорит, что будто бы пострадал за них**.

Четыре года провел Магницкий в Вологде под строгим надзором полиции. Все это время он был «весьма сдержан в своем поведении и переписке»***, притом что «жена его, от жестокого климата, потеряла здоровье, а дочь умерла»****. Магницкие избегали обращаться к местным врачам, поскольку те были «опаснее самих болезней»*****. Сильнейший стресс, связанный с крушением карьерных планов и смертью ребенка, пробудил религиозные чувства Магницкого. Началась его постепенная эволюция «вправо».

Некоторое время Магницкий продолжал оставаться на либеральных позициях. По словам Н. М. Лонгинова,

* ГАРФ. Ф. 109. СА. Оп. 3. Д. 879. Л. 44–48.

** Там же. Л. 47.

*** [Чумиков А. А., Чумиков А. П.] Михаил Леонтьевич Магницкий в 1812–1844 гг. // Русская старина. 1875. Т. 14. Кн. 12. С. 642.

**** Показания Магницкого // Деятнадцатый век. Исторический сборник. — М., 1872. Кн. 1. С. 237.

***** ГАРФ. Ф. 109. СА. Оп. 3. Д. 879. Л. 49.

«Магницкий в Вологде громогласно везде проповедывал вольность», а П. И. Бартенев добавлял к этому, что «Магницкий в Вологде признавался князю П. А. Вяземскому, что он со Сперанским замыслили ограничение самодержавия»*, граф же А. И. Рибопьер рассказывал про Магницкого, будто бы он хвалился в Вологде тем, что он и Сперанский собирались «остричь когти льву» (то есть императору Александру. — А. М.), «доверчиво склонившему к ним свою голову»**. Отметим, что Сперанский сам, будучи сосланным, не забывал о своем друге и его жене и оказывал им материальную поддержку.

По прошествии нескольких лет император, столь же внезапно, сколь и отправил их в опалу, «простил» Сперанского и Магницкого. Возвращение к государственной деятельности Сперанского и Магницкого произвело сильное впечатление на русское общество. Один из современников по этому поводу писал так: «Случай сей произвел почти такое же волнение в умах, как и бегство Наполеона с острова Эльбы»***.

30 августа 1816 г. Магницкий получил назначение на должность воронежского вице-губернатора и с июня 1817 г. фактически выполнял губернаторские обязанности****. Он смог за короткое время раскрыть значительные злоупотребления и преступления воронежских властей. К примеру, он доказал, что «под именем земской повинности в продолжение трех лет совершенно ограблена губерния на несколько миллионов, которые следует взы-

* Письмо Н. М. Лонгинова в Лондон к графу С. Р. Воронцову // РА. 1882. № 2. С. 181.

** Цит. по: Загоскин Н. П. История Императорского Казанского Университета (за первые сто лет его существования). 1804–1904. — Казань, 1903. Т. 3. Окончание ч. 2-й и ч. 3-й (1814–1819 и 1819–1827). С. 270.

*** Цит. по: Шильдер Н. К. Император Александр Первый. Его жизнь и царствование. В 4 т. — СПб., 1898. Т. 4. С. 56.

**** Государственный архив Воронежской области. Ф. 30. Оп. 1. Д. 413.

скать с виновных»*. Кроме того, Магницкий приказал надежным чиновникам составить описание нерассмотренных дел, накопившихся в губернском правлении и канцелярии губернатора и провести ревизию воронежской полиции, в том числе и в уездах**. Магницкий также пытался облегчить положение крестьян во вверенной ему губернии, разрешая судебные дела в их пользу.

Указом от 14 июня 1817 г. Магницкий был назначен на должность гражданского губернатора в Симбирск, где он вновь подтвердил свое реноме «ловкого, распорядительного и энергичного администратора»***, ведущего активную борьбу с разного рода злоупотреблениями и преступлениями, деятельно и энергично защищавшего местных крестьян от насилия и злоупотреблений помещиков. Сохранился колоритный рассказ Магницкого о первых днях на посту гражданского губернатора. Первый служебный день в новом качестве Магницкий начал с приема местных чиновников. По его словам, он «увидел такую коллекцию, какой сроду не видывал: точно четвероногие стали на задние лапы и надели ошейники... На всех лицах были видны пошлость и страх»****. Магницкий знал, с каким окружением ему придется в ближайшее время иметь дело, а потому его первая речь носила весьма оригинальный и явно приноровленный к специфическим особенностям собравшейся публики характер: «Господа, строгим к вам быть нельзя, — обратился к чи-

* Показания Магницкого. С. 240.

** ГАРФ. Ф. 109. СА. Оп. 3. Д. 779. Л. 133–143. О пребывании Магницкого в Воронеже см. нашу статью: Предисловие к публикации: Отчет М. Л. Магницкого «О трехнедельном управлении Воронежской губернией» // Из истории Воронежского края / Под. ред. А. Н. Акиншина. Вып. 8. ВГУ. 2000. С. 207–211.

*** Попов Н. А. Общество любителей отечественной словесности и периодической литературы в Казани с 1804 по 1834 г. // Русский вестник. 1859. Т. 23. С. 74.

**** Морозов П. Т. Мое знакомство с М. Л. Магницким. – М., 1877. С. 7–14.

новникам Магницкий, – и не буду убеждать вас не брать взяток, потому что это противно вашей натуре, но скажу вам одно: берите, но не дерите». Сразу же после этой примечательной речи, воспринятой чиновной братией с глубочайшим удовлетворением, к нему на прием явился богатый и влиятельный купец-татарин Ахмет Аксенов, который ранее к прежним губернаторам свободно входил без доклада. Без обиняков Аксенов выложил на стол Магницкому небольшой узелок. «Это на поклон вашему превосходительству маленький подарок, всего двадцать тысяч. Будешь милостив, каждый год буду приносить по пяти тысяч. Ты небогат, жалованье небольшое, а расходы велики; прими, не побрезгуй малым приношением», – заявил купчина. Магницкий, вспыхнув, заявил, что взятки не берет, и выгнал Аксенова из кабинета. Деньги были отданы им в Приказ общественного призрения на содержание немощных и сирот. Затем в доме Аксенова был произведен обыск, в ходе которого было обнаружено 300 тысяч фальшивых ассигнаций – сумма по тем временам огромная. Правда, печатного станка обнаружить не удалось, поскольку один из чиновников уведомил Аксенова о предстоявшем обыске и получил за извещение сто рублей. При обыске в тюфяке была также найдена секретная переписка татарина с высокопоставленными сановниками из Петербурга и Москвы, которые благодарили купца за присылку денег и обещали за то «всегдашнее покровительство». Всю эту переписку Магницкий представил министру внутренних дел, чем нажил себе немало врагов. Попад в тюрьму, Аксенов писал жалобы, где, между прочим, утверждал, что его разоблачитель «хуже сатаны», и уверял, что он «человек самый опасный, замышляющий зло против целой России».

Н. И. Тургенев, летом 1818 г. посетивший свои поместья в Симбирске, записывал: «Магницкий делает

здесь некоторую эпоху своим управлением. По всей губернии беспрестанные следствия против дворян, употребляющих во зло власть свою... начинаю уважать его как защитника крестьян, хотя и вижу в действиях его неосторожность и неопытность его, а может быть, и желание выслужиться»*.

В Симбирске в деятельности и мировоззрении Магницкого возникли некоторые черты, которые впоследствии однозначно были истолкованы его либеральными биографами как проявление «мракобесия» и «реакции». Он, в духе того времени, увлекся западноевропейским мистицизмом. В письме к Сперанскому от 12 сентября 1817 г. Магницкий писал: «Молитесь за нас, как мы за вас уже несколько лет молимся. Особенно за обедней в страшные минуты совершения таинства, вспоминайте о друзьях ваших. Не забудьте прислать мне продолжение переписки вашей о молчании. Вообразите, что Хвостова** с вами встретилась, в полученной здесь книжке «Сионского вестника» помещено ее сочинение, отменно близкое к вашим мыслям»***. Далее он просил совета у Сперанского, как более опытного в духовной сфере единомышленника: «Скажите, как мне приняться за открытие здесь библейского общества?»****. Можно утверждать, зная дальнейшую эволюцию взглядов Магницкого, что духовный поворот к мистицизму был достаточно глубоким и искренним, хотя враждебно настроенные к нему мемуаристы объясняли резкое изменение его образа жизни исключительно карье-

* Архив братьев Тургеневых. Вып. 5: Дневники и письма Н. И. Тургенева за 1816–1824 годы. – Пг., 1921. С. 132.

** А. П. Хвостова (1768–1853) – писательница, поклонница западноевропейской мистики.

*** ОР РНБ. Ф. 731. Сперанский М. М. Магницкий (М. Л.); попечитель Казанского учебного округа. Письма (2) М. М. Сперанскому 12 сентября – 28 ноября 1817 г. – Симбирск, Л. 1–1 об.

**** Там же. Л. 1 об.

ристскими побуждениями. «Будучи блестящим светским человеком, весьма остроумным и насмешливым, напитанным философиею XVIII столетия, – писал, к примеру, В. И. Панаев, – вдруг делается он жарким фанатиком; ездит по церквам, беседует с духовными лицами, посещает чаще обыкновенного больницы, тюрьмы (что император обыкновенно делал в своих вояжах)... выходит из кареты, несмотря на грязь и холод, чтобы принять благословение бегавшего по симбирским улицам так называемого Блаженного в надежде, что об этом дойдет до Голицына (министра духовных дел и народного просвещения, проводящего в своем ведомстве политику в духе идей Священного Союза. – *А. М.*), а через него, может быть, и до государя»*. А. И. Михайловский-Данилевский писал по этому поводу следующее: «...по возвращении из ссылки увидели в нем такового поборника ханжества и самодержавной власти, каковых представляют средние века в некоторых фанатических монахах»**. Сам Михайловский-Данилевский «едва удерживался от смеха, видя... бывшего статс-секретаря Александра, ежеминутно возводящего глаза на небо, твердящего при каждом случае кстати и некстати о милосердии Божиим, о посте и о грехопадении»***. В своих воспоминаниях он также приводил изумивший его разговор с Магницким. «Знаете ли, – сказал ему Магницкий, – каким образом император назначает епископов в епархии? Когда ему Синод представит трех кандидатов, то государь, написавши имена их на особых бумажках, кладет их в сосуд, который закрывает платком, потом становится на колена, возносит к Всевышнему теплые молитвы свои, да руководствует его в выборе пастыря, и, совершив молит-

* Панаев В. И. Воспоминания // Вестник Европы. 1867. Т. 4. Кн. 12. С. 74.

** Михайловский-Данилевский А. И. Из воспоминаний // РВ. 1890. Т. 210. № 9. С. 168.

*** Там же. С. 169.

ву, вынимает наудачу имя которого-нибудь из кандидатов. По сей причине, – прибавил Магницкий, – мы видим у нас столько благочестивых архиереев». – «Не надежнее ли, – ответил Данилевский, – справиться о поведении и познаниях кандидата?» – «Что человеческое мудрствование против благодати Божией», – возразил Магницкий*.

Будучи губернатором, Магницкий открыл в Симбирске отделение Библейского общества и стал его вице-президентом, что впоследствии вменялось ему в вину либерально настроенными современниками. Речь Магницкого при открытии Библейского общества в Симбирске произвела сильное впечатление в столице. «На этих днях читал я библейскую речь вашего губернатора, – писал по этому поводу весной 1818 г. Карамзин своему брату в Симбирск. – Я слышал, что она полюбилась императору и князю Голицыну, а это – главное»*. Поскольку Библейское общество занималось и благотворительностью, то Магницкий основал в Симбирске «Женское общество христианского милосердия».

Библейское общество воспринималось многими его членами как средство быстро сделать карьеру, что, впрочем, до известной степени соответствовало замыслам его российских основателей. В воспоминаниях М. Ф. Де-Пуле рассказывается о том, как один из членов Библейского общества в Симбирске, внесший взнос в десять рублей, был принят Магницким «очень любезно», при этом Магницкий заявил: «Будьте уверены, что библейские члены всегда будут помогать друг другу»***.

* Цит. по: *Шильдер Н. К.* Император Александр Первый. Его жизнь и царствование. В 4 т. СПб., 1898. Т. 4. С. 479.

** Цит. по: *Загоскин Н. П.* История Императорского Казанского университета (за первые сто лет его существования). 1804–1904. – Казань, 1903. Т. 3. Окончание ч. 2-й и ч. 3-й (1814–1819 и 1819–1827). С. 281.

*** *Де-Пуле М. Ф.* Отец и сын. Опыт культурно-биографической хроники // *Русский вестник*. 1875. Т. 118. Июль. С. 67.

Ненавистник Магницкого Н. И. Греч утверждал, что Магницкий в Симбирске устроил «нечто вроде крестового похода против произведений печати», когда он не только «принуждал всех чиновников и дворян вступать в оное (Библейское общество – А. М.) членами, но и стал жечь на площади сочинения Вольтера и других подобных писателей XVIII века»*. Накануне этого он якобы «организовал» анонимное письмо в центральный комитет Библейского общества, в котором содержался проект всеобщего уничтожения зловердных книг. Есть достаточные основания сомневаться в причастности Магницкого к этой акции, во всяком случае, обвинения Греча представляются нам безосновательными и клеветническими, поскольку никаких аутодафе на площадях Симбирска Магницкий не устраивал**. Заметим, что сожжение книг практиковалось в то время в Западной Европе, в частности в Германии, причем инициатива подобных акций могла исходить не только из «реакционной» среды, но и из стана либералов. К примеру, С. М. Соловьев писал в своем труде, посвященном исследованию внешней политики Александра I: «В 1817 году в протестантской Германии с великим торжеством праздновали трехсотлетие реформации. 18 октября студенты и некоторые профессора собрались близ Эйзенаха, в историческом замке Вартбурге: говорились зажигательные речи, пелись зажигательные песни, и дело кончилось тем, что по примеру Лютера, сжегшего папскую буллу, сожжены были сочинения, написанные в консервативном духе, направленные против либерального движения. Суд и приговор был произнесен над сочинениями – один только

* Греч Н. И. Записки о моей жизни. – М., 1990. С. 218–219.

** В причастности Магницкого к этой акции сомневался мемуарист М. Ф. Де-Пуле. См.: Де-Пуле М. Ф. Отец и сын. Опыт культурно-биографической хроники // Русский вестник. 1875. Т. 118. Июль. С. 68.

шаг к исполнению приговора и над сочинителями»*. Это была своего рода идеологическая подготовка убийства студентом-террористом К. Зандом известного немецкого консерватора А. Коцебу.

Явную клевету Греча несколько оправдывает то обстоятельство, что «усердие не по разуму» и разного рода экстравагантные заявления и поступки довольно часто были свойственны Магницкому. Но в описываемый период его позиция мало чем отличалась от позиции Сперанского, который был поклонником мистицизма, в своих письмах к А. Н. Голицыну восторгавшимся манифестом, провозгласившим соединение Министерства просвещения с ведомством духовных дел, расхваливавшим деятельность Библейского общества, оказывающим личное свое содействие библейскому делу в Пензе, просящим у Александра I краткого отпуска, необходимого ему, как он подчеркивал, специально для посещения Саровской пустыни, где он надеялся найти силу «внутреннего христианства»**. Вряд ли можно признать проявлением «реакции» тогдашние заявления Магницкого вроде следующего: «...я думаю, что христианин не может иначе действовать, как истребляя зло и неправду, сколько можно человеколюбивее и хладнокровнее. Иначе, каким образом созидать Царствие Божие, не разрушая и даже дозволяя распространяться царствию его противника?»***

В тот период Магницкий оставался на былых либеральных позициях, поддерживал тесные связи со Сперанским, который весной 1818 г. писал в одном из

* Соловьев С. М. Император Александр I. Политика, дипломатия. – М., 1995. С. 466.

** Томсинов В. А. Светило российской бюрократии. Исторический портрет М. М. Сперанского. – М., 1991. С. 245.

*** ОР РНБ. ф. 731. Сперанский М. М. Магницкий (М. Л.); попечитель Казанского учебного округа. Письма (2) М. М. Сперанскому 12 сентября – 28 ноября 1817 г. – Симбирск. Л. 3.

частных писем о том, что Магницкий «ведет себя как рыцарь, искоренитель всех злоупотреблений»*. Однако вскоре судьба Магницкого выписала очередной зигзаг. Когда противоречия между Магницким и симбирским дворянством накопились до предела, Магницкий попросил бывшего обер-прокурора Святейшего Синода, а ныне министра духовных дел и народного просвещения князя А. Н. Голицына способствовать его возвращению в Санкт-Петербург. Князь выполнил его просьбу**.

С начала 1819 г. Магницкий начал играть одну из ключевых ролей в ощутимо наметившемся повороте в политике Российской империи. Он во многом был вызван причинами, которые носили не только специфически российский характер. Потрясения первых десятилетий XIX в., крушение казавшегося незыблемым традиционного монархического миропорядка вызвали к жизни волну духовных умонастроений, которые на политическом уровне нашли свое отражение в акте Священного Союза. Этот акт, по словам либерального историка русской науки и просвещения М. И. Сухомлинова, «послужил основанием для реформы народного просвещения в России: то, что в акте выражено общими чертами в нескольких словах, разрослось в целую систему в понятиях и действиях...»***. Резко усилилось влияние религии на все стороны образования и культурного процесса.

В 1817 г. Министерство народного просвещения было соединено со Святейшим Синодом. Новое учреждение возглавил князь А. Н. Голицын. Его руководя-

* Цит. по: *Загоскин Н. П.* История Императорского Казанского университета (за первые сто лет его существования). 1804–1904. – Казань, 1903. Т. 3. Окончание ч. 2-й и ч. 3-й (1814–1819 и 1819–1827). С. 273.

** *Вишленкова Е. А.* Ревизор, или Случай университетской проверки 1819 года // ОИ. 2002. № 4. С. 32.

*** *Сухомлинов М. И.* Исследования и статьи по русской литературе и просвещению: В 2 т. СПб., 1889. Т. 1. С. 160.

щими деятелями стали лица, решительно осуждавшие систему народного просвещения, созданную либералами-реформаторами первой половины царствования Александра I, среди которых выделялись А. С. Стурдза и Д. П. Рунич. Одно из первых мест среди деятелей министерства занял Магницкий. Н. К. Шильдер даже утверждал, что он был «главным действующим лицом» «сугубо министерства»*.

В правительственном либерализме той эпохи, в «слепом доверии» к просветительским идеям XVIII в. русские патриоты видели источник политических потрясений и религиозных смут. «Постоянною темою соversations Главного правления училищ было водворение в общественном воспитании начала веры и монархизма, торжество Откровения и покорности властям над порывами разума и воли, предоставленных самим себе и неподчиненных никакому авторитету, – писал по этому поводу либерал М. И. Сухомлинов. – Соединение веры и знания провозглашено было целью умственного развития, но под соединением понимали не равноправный союз двух начал, а полное господство одного над другим. Отвергая свободу научного исследования и увлекаясь крайнею нетерпимостью, отрицали построение науки на независимых основаниях, и научный элемент даже в сфере богословия считали несовместным с идеею чистой, неиспытующей веры»**. В начале 1819 г. Магницкий получил от Александра I предложение стать членом Главного правления училищ, органа, призванного направлять всю деятельность Министерства духовных дел и народного просвещения. В феврале того же года ему

* Шильдер Н. К. Император Александр Первый. Его жизнь и царствование. В 4 т. СПб., 1898. Т. 4. С. 294.

** Сухомлинов М. И. Исследования и статьи по русской литературе и просвещению: В 2 т. СПб., 1889. Т. 1. С. 159–169.

было поручено произвести проверку деятельности созданного в 1805 г. Казанского университета.

Проверка показала, насколько глубоко в деятельность университета проникли враждебные русской культуре западные идеи и подрывные революционные лозунги. Университет стал рассадником либерально-масонской идеологии, западного мракобесия и обскурантизма. Либералы отрицали православные и национальные основы русской государственности, глумились над Церковью и народными обычаями. Ломали и искажали учебные программы, внося в их идеи, чуждые русской культуре. В результате проверки Магницким был поставлен вопрос о серьезной реорганизации Казанского университета на православных и национальных началах.

Ревизия Казанского университета приобрела характер важнейшего, знакового события, ключевого для внутренней политики этого периода, став своего рода символом борьбы русских патриотов с западниками, мракобесием и обскурантизмом. Как водится в таких случаях, либеральные историки и публицисты обвинили Магницкого в реакционности, невежестве, незнании особенностей университетской жизни, предвзятости, карьеризме, интриганстве. Они безосновательно утверждали, что ревизия была вызвана политическими, а не академическими мотивами, тем более не какими-либо вопиющими злоупотреблениями, поскольку университет был заведомо вне подозрений в силу того, что являлся «заповедником» свободы и прогресса. Утверждалось, что сроки, в которые была проведена ревизия, были чрезмерно краткими для того, чтобы выявить объективную картину состояния Казанского университета. Общим местом стало утверждение об изгнании Магницким из университета 11 лучших профессоров из 25 с последующей их заменой на благонадежных гимназических учителей —

людей, заведомо недостойных, интриганов и льстецов, пресмыкающихся перед новым попечителем. Утверждения эти, сформулированные либералами в 60-е гг. XIX в., повторяются из исследования в исследование, создавая иллюзию исчерпанности темы. Однако факты говорили совсем об ином*.

Отчет о ревизии рисует несомненные вопиющие недостатки, злоупотребления и должностные преступления в деятельности Казанского университета. Речь шла о воровстве очень значительных сумм из университетского бюджета, огромных по тем временам расходов на обучение с минимальной отдачей, липовой отчетности, фальсификациях экзаменов, сомнительном уровне квалификации значительной части преподавателей и профессуры и их не менее сомнительном моральном уровне, разваливающихся учебных корпусах, злоупотреблениях в использовании имеющихся площадей, когда студенты вынуждены были ютиться в антисанитарных условиях и пр. Характеристики, данные Магницким в отчете профессорско-преподавательскому составу университета, были, как правило, точны и объективны. Отметим, что он выделил как выдающихся ученых гениального русского математика и создателя неевклидовой геометрии Н. И. Лобачевского («есть человек отлично знающий»**) и астронома И. М. Сиимонова («подающий самую большую надежду на будущее время»***), участника полярной экспедиции Беллинсгаузена и Лазарева, открывших Антарктиду.

* РГИА. Ф. 733. Санкт-Петербургский учебный округ. Оп. 39. Д. 259. Дела о ревизии Казанского университета М. Л. Магницким и проведенных реакционных предприятиях. Л. 14–53. Текст «Отчета по обозрению Казанского университете» с комментариями Е. А. Вишленковой опубликован в монографии «Консерватизм в России и мире: в 3 частях». – Воронеж, 2004. Ч. 3. С. 122–161.

** Отчет по обозрению Казанского университета // Консерватизм в России и мире: в 3 частях. Воронеж, 2004. Ч. 3. С. 137.

*** Там же. С. 136.

Магницкий отмечал отсутствие в учебных программах Закона Божия, невежество студентов в знании этой дисциплины, дух деизма, свойственный студенческой массе, в отчете имеется несколько выпадов против преподавания философии (разумеется, просветительской, рационалистической, материалистической): «...без всякого сомнения, все правительства обратят особенное внимание на общую систему их учебного просвещения, которое, сбросив скромное покрывало философии, стоит уже посреди Европы с поднятым кинжалом»*.

В отчете предлагалась система мер по укреплению уже существовавшей гимназии с отделением при ней, в котором готовились бы учителя для обширного региона, создание пансиона для «благородного юношества», создание татарского училища, основание Медико-хирургического института с анатомическим театром, больницами и ветеринарным отделением и т. д.**

Текст доклада, равно как и подробности биографии Магницкого, позволяют утверждать, что он был чиновником достаточно сведущим и компетентным, для того чтобы выносить суждения об особенностях университетской жизни (ведь он закончил Благородный пансион при Московском университете и осуществлял ревизию Виленского университета). Нет оснований говорить и о поверхностности, и поспешности ревизии из-за отсутствия времени у Магницкого. Изучение дел на месте длилось почти две недели, а отчет составил четыре тома (5 тыс. листов)***.

В июне 1819 г. Магницкий был назначен попечителем Казанского учебного округа и получил инструкцию, ко-

* Там же. С.152.

** Там же. С. 152–155.

*** Вишленкова Е. А. Ревизор, или Случай университетской проверки 1819 года // Отечественная история. 2002. № 4. С. 24.

торая предписывала ему ввести в университете преподавание «богопознания и христианского учения, определив для этого наставника из духовных», уволить некоторых профессоров от занимаемых должностей и т. д.* Магницкий в привычном для него стиле приступил к исполнению новых обязанностей. Автономия университета была ликвидирована, отныне на все должности сотрудники не избирались, а назначались. Был уволен ряд профессоров, прежде всего по причине преклонного возраста, низкой квалификации, пристрастия к алкоголю и т. д. По идейным мотивам был уволен лишь один И. Е. Срезневский, преподававший философию**. Очевидно, что Магницкий имел определенную свободу действий и принимал решения в соответствии со своими убеждениями. В России западноевропейский педагогический опыт, считал Магницкий, может оказаться особенно опасным. «Мы заимствовали просвещение от земель иностранных, не приспособив его к нашему положению (*не обрусив*), и сверх того в самую неблагоприятную минуту, в XVII-м и начале XVIII-го столетия, то есть во время опасной его заразы, – писал он. – Мы пересадили ядовитое растение сие в наш холод, где оно вредит медленно, ибо *растет худо* (курсив Магницкого. – А. М.)***. Выход виделся Магницкому в том, чтобы систему образования организовать таким образом, чтобы она соответствовала национальным особенностям. «Россия имеет особенный характер, – утверждал он. – Следовательно, и просвещение ее должно быть соображено с сими отличительными ее свойствами»****. Соответственно, необходимо «создать

* *Рождественский С. В.* Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения (1802–1902). – СПб., 1902. С. 119.

** *Вишленкова Е. А.* Ревизор, или Случай университетской проверки 1819 года // Отечественная история. 2002. № 4. С. 29.

*** Показания Магницкого. С. 243.

**** Там же.

новую науку и новое искусство, вполне проникнутые духом Христовым, взамен ложной науки, возникшей под влиянием язычества и безверия»*.

При осмотре Казанского университета Магницкий был поражен тем, что обнаружил в числе его почетных членов аббата Грегуара, деятеля Французской революции, одного из радикальных членов Парижского Конвента, подписавшего смертный приговор Людовику XVI. В самой Франции Грегуар числился среди цареубийц, которые не допускались в царствование Бурбонов ни к каким должностям. В канун его смерти католический клир лишил его причастия и возможности христианского погребения. Магницкий вспоминал: «В бумагах университета я нашел письмо Грегуара, в котором он благодарит университет за избрание и посылает для его библиотеки все свои сочинения, а в них на первой странице красуется его знаменитая речь о свойствах царей. Цари, говорит Грегуар, в человечестве то же, что чудовища в физическом мире»**. В итоге Грегуар лишен был звания почетного члена Казанского университета***.

Современные исследователи считают, что документы Магницкого, обращенные к Казанскому университету, содержали принципы будущей идеологии Министерства народного просвещения, которая «выстраивалась на разоблачении предшествующей и выдвигала национальную идею как основу российского образования»****.

В целях предупреждения возникновения каких-либо тайных политических организаций правительство при активном участии Магницкого потребовало от про-

* Морозов П. Т. Мое знакомство с М. Л. Магницким. – М., 1877. С. 19.

** Там же. С.17.

*** РГИА. Ф. 733. Оп. 39. Д. 356. О почетном члене Казанского университета Грегуаре. 1821.

**** Вишленкова Е. А. Ревизор, или Случай университетской проверки 1819 года // Отечественная история. 2002. № 4. С. 30.

фессоров и преподавателей подписки, что они «ни к каким ломам масонским или другим тайным обществам не принадлежат»*.

Во главе хозяйственного и полицейского управления был поставлен директор, статус которого был выше ректорского; ему поручался надзор за «нравственным образованием» студентов. Директору предоставлены были обширные права; он вполне заменял собою попечителя, который оставался в Петербурге, но «деятельно сносился с своим посредником»**.

Была осуществлена ревизия университетской библиотеки. В ней было уничтожено все, что, по определению Магницкого, было проникнуто «вредным направлением». В первую очередь он торжественно сжег на университетском дворе книги вышеупомянутого аббата Грегуара. Впрочем, именно библиотека из всех учебно-вспомогательных учреждений удостоилась относительного одобрения суровым ревизором: «В библиотеке есть многие важные, редкие и дорогие издания по богословской и медицинской части. Библиотека эта представляет довольно обширное, но весьма недостаточное и случайное собрание книг»***.

Мероприятия Магницкого преследовали одну цель: пересоздать русские университеты и всю систему общественного воспитания в России. Принципы, на которых должна была осуществиться эта радикальная реформа, были изложены Магницким в знаменитой инструкции директору Казанского университета от 17 января 1821 г. Она определяла дух и направление, которому обязаны

* Михайлова С. М. Развитие ориенталистики в Казанском университете // Казань, Москва, Петербург: Российская империя взглядом из разных углов. – М., 1997. С. 280. См. также: ЦГАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Ед. хр. 1511. Л. 1.

** Попов Н. А. Общество любителей отечественной словесности. С. 83–84.

*** Загоскин Н. П. История Императорского Казанского университета (за первые сто лет его существования). 1804–1904. – Казань, 1903. Ч. 2. С. 44.

были следовать в преподавании различных дисциплин ученые университета, и по своей форме представляла синтез бюрократического документа и религиозно-философского трактата.

Главной целью университетского образования инструктория объявляла воспитание «верных сынов Православной Церкви, верных подданных Государю, добрых и полезных граждан Отечеству». Поэтому в первую очередь требовалось сформировать в студентах «первую добродетель гражданина»: покорность и послушание. Для этого студенты обязаны были ежедневно «отправлять» в положенное время должные молитвы и в присутствии инспектора, а в воскресные дни и в дни церковных праздников ходить с инспектором к Божественной литургии, приучаться «к делам милосердия небольшими, по состоянию каждого милостынями, посещением больных товарищей в праздничные дни и тому подобного». Причем студенты, «отличающиеся Христианскими добродетелями», должны были предпочитаться всем прочим и руководство университета обязано было принять их «под особенное покровительство по службе и доставить им все возможные по оной преимущества». Директор университета обязан был наблюдать, чтобы студенты «постоянно видели вокруг себя примеры строжайшего чинопочитания со стороны учителей и надзирателей». Он должен был «иметь достовернейшие сведения о духе университетских преподавателей, часто присутствовать на их лекциях, по временам рассматривать тетради студентов, наблюдать, чтобы не прошло что-нибудь вредное в цензуре», чтобы «дух вольнодумства ни открыто, ни скрытно не мог ослаблять учение церкви в преподавании наук философских, исторических или литературы». Ему вменялось в обязанность «выбор честных и богобоязненных надзирателей», а также «сообщение с полициею

для узнавания поведения их вне университета, запрещение вредных чтений и разговоров», а также «предупреждение всех тех пороков, коим подвергается юношество в публичном воспитании».

В основе преподавания всех наук «должен быть один дух Святого Евангелия». В университете вводилось богословское отделение, профессор которого обязан был преподавать библейскую и церковную историю. В преподавании философии основополагающим становился следующий принцип: «Все то, что не согласно с разумом Священного Писания, есть заблуждение и ложь и без всякой пощады должно быть отвергаемо... <...> только те теории философские основательны и справедливы, кои могут быть соглашаемы с учением Евангельским: ибо истина едина, а бесчисленны заблуждения». Основанием философии должны служить послания апостола Павла к колоссянам и к Тимофею, в которых призывалось уклоняться от «басен», «скверных суесловий», «словопрений лжеименного разума» и «учений бесовских». Начала политических наук преподаватели должны извлекать из Моисея, Давида, Соломона, отчасти из Платона и Аристотеля, «с отвращением указывая на правила Махиаделя и Гоба (Макиавелли и Гоббса. – А. М.)», в силу безнравственности последних. Преподавание политического права должно было показать, что «правление Монархическое есть древнейшее и установлено самим Богом, что священная власть Монархов в законном наследии и в тех пределах, кои возрасту и духу каждого народа свойственны, нисходит от Бога, и законодательство, в сем порядке устанавливаемое, есть выражение воли Вышнего».

Профессора физики, естественной истории и астрономии, согласно инструкции, обязаны «указать на премудрость Божию и ограниченность наших чувств и ору-

дий для познания непрестанно окружающих нас чудес», а также показать, что «обширное царство природы, как ни представляется оно, премудро и в своем целом для нас непостижимо, есть только слабый отпечаток того высшего порядка, которому, после кратковременной жизни, мы предопределены», указать «на тверди небесной пламенными буквами начертанную премудрость Творца и дивные законы тел небесных, откровенные роду человеческому в отдаленнейшей древности».

Студенты медицинского факультета должны были быть предостережены своими профессорами от ослепления, «которому многие из знатнейших медиков подверглись, от удивления превосходству органов и законов животного тела нашего, впадая в гибельный материализм». Им должно быть внушено, что «Святое Писание нераздельно полагает искусство врачевания, без духа Христианской любви и милосердия, есть ремесло, само по себе, особливо, когда отправляется для одной корысти, <...> низкое».

В лекциях по словесности на первом плане должна быть Библия, разбор «красот языка Славянского», а также «образцовых творений» Ломоносова, Державина, Богдановича и Хемницера, с тем чтобы отвергать все, что «введено в язык произволом и смелостью», как «неклассическое и недостойное подражания». В курсе древних языков необходимо знакомить слушателей преимущественно с творениями христианских писателей: святых Иоанна Златоуста, Григория Назианзина, Василия и Афанасия Великих. При изложении арабской и персидской литературы преподаватель не должен «вдаваться излишне во все, что собственно принадлежит к их религии, к преданиям Магомета и первых учеников его», а ограничиться «преподаванием языков арабского и персидского в том единственно отношении, в котором

они по торговым и политическим связям для России могут быть полезны».

В курсе истории профессор обязан прежде всего проследить роль христианства и христианской церкви, показать что «Отечество наше в истинном просвещении упредило многие современные государства, и докажет сие распоряжениями по части учебной и духовной Владимира Мономаха». Кроме того, он должен «распространиться о славе, которою Отечество наше обязано Августейшему дому Романовых, о добродетелях и патриотизме его родоначальника и достопримечательных происшествиях настоящего царствования»*. Спустя несколько лет Магницкий дополнил эти положения следующим образом: «Проповедуют в истории, что мир существует несколько тысяч лет; в Казани следуют хронологии книг священных»**.

Профессор, преподающий российскую поэзию и историю российской словесности, в своей книге «Опыт краткого руководства к эстетическому разбору по части российской словесности» призывал студентов: «Советую чаще читать «Рассуждение о старом и новом слоге русского языка» г. Шишкова. Превосходная классическая книга! Особливо советую гг. студентам трудиться в преложении некоторых псалмов, как то делали знаменитые наши стихотворцы: Ломоносов, Сумароков, Державин, Дмитриев, Николев и пр.***» По воспоминаниям И. И. Лажечникова, тот же профессор рекомендовал

* Все цитаты из инструкции Магницкого даны по следующему изданию: Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Царствование Александра I. 1802–1825. 2-е изд. – СПб., 1864. Т. 1. Стб. 1317–1337.

** Сборник исторических материалов, извлеченных из архива I Отделения с.е.и.в.к. – СПб., 1876. Вып. 1. С. 371.

*** Цит. по кн.: *Попов Н. А.* Общество любителей отечественной словесности. С. 87.

«духовное красноречие», где образцом слога, по предложению Магницкого, служили некоторое время Четьи-Минеи (полное собрание житий святых)*.

Профессор математики, говоря о полном согласии законов математики с истинами христианства, утверждал, что ее законы полностью согласуются с истинами христианского учения. «Математику, — говорит он, — обвиняют в том, что она, требуя на все доказательств самых строгих, располагает дух человеческий к недоверчивости и пытливости, отчего и бывает, что люди в ней пристрастные, во всяком случае, даже и тогда, когда дело идет о вере, ищут очевидных убеждений и, не находя оных, делаются материалистами, допускающими только то, в чем уверяют их чувства. Причиною вольнодумства не математика, а господствующий дух времени. В математике содержатся превосходные подобию священных истин, христианскою верою возвещаемых. Например, как числа без *единицы* быть не может, так и вселенная, яко множество, без *Единого* владыки существовать не может. Начальная аксиома в математике: всякая величина *равна* самой себе: главный пункт веры состоит в том: Единый в первоначальном слове своего могущества *равен* самому себе. В геометрии *треугольник* есть первый самый простейший вид, и учение об оном служит основанием других геометрических строений и исследований. Он может быть эмблемою: силы, действия, следствия; времени, разделяющегося на прошедшее, настоящее и будущее; пространства, заключающего в себе длину, широту и высоту или глубину; духовного, вещественного и союза их. Святая церковь издревле употребляет *треугольник* символом Господа, яко верховного геометра, зиждите-

* Лажечников И. И. Как я знал Магницкого // Русский вестник. 1866. № 1. С. 137.

ля всея твари. Две линии, крестообразно пересекающиеся под прямыми углами, могут быть прекраснейшим иероглифом любви и правосудия. Любовь есть основание творению, а правосудие управляет произведениями оной, нимало не преклоняясь ни на которую сторону. Гипотенуза в прямоугольном треугольнике есть символ сретения правды и мира, правосудия и любви, через ходатая Бога и человеков, соединившего горнее с дольным, небесное с земным»*. В таком же духе была составлена инструкция для преподавания по кафедре политической экономии: «Непреложный закон всякого домостроительства постановлен в сей заповеди, данной первому человеку по падении его: в поте лица твоего снеси хлеб твой. Вследствие сего, основными началами как частного, так и народного хозяйства должны быть следующие главные правила: трудись, снискивай познания, приспособляя их и исполняя предприятия; что произведешь таким образом, тем и пользуйся. Но мы существуем не для одного сохранения кратковременной жизни своей, не для одного телесного благополучия своего и даже не для одного благоденствия земного отечества: не пекитесь – говорил Искупивший нас от клятвы – о том, что съесть, чем утолить жажду, во что одеться; не собирайте себе сокровищ на земле; просящему дай, хотящему у тебя занять не откажи, и т. д. Посему преподаватель политической экономии поставит себе в непрременную обязанность делать своим слушателям напоминания, что все наше имущество, как малое, так и большое, содержит в себе только условную цену, именно в качестве средства к достижению высших благ, дабы тем предупредить, сколько возможно, то пагубное влияние любостяжания, которое и без

* Цит. по кн.: *Сухомлинов М. И.* Исследования и статьи по русской литературе и просвещению: В 2 т. – СПб., 1889. Т. 1. С. 225.

всякого учения весьма легко овладевает человеческим сердцем и превращает людей в машины, а еще боле – ту суетную расточительность, которая пожирает и самое мнимое богатство наше. Но таким образом пределы сей науки слишком расширятся. В отвращение сего преподаватель не только оставит все рассуждения, до политики, в собственном смысле взятой, касающиеся – так как он, стоя на средней ступени в обществе, не может видеть существенных нитей их; но пройдет молчанием и все другие предметы, действующие лишь случайно на умножение или уменьшение богатства, как, например, распоряжения, относящиеся к торговле и ремеслам, разные привилегии, водворение переселенцев и т. п., а вместо сего, при всяком удобном случае, будет устремлять мысли слушателей к тому произведению богатства, к тому разделению и потреблению его, которые превращают оное из телесного в духовное, из тленного в нетленное. Сии случаи встретит он, говоря, например, о истинной и обменной цене вещей, о выгодах и невыгодах разделения работы, о сбережениях, нужных для составления капиталов, о так называемых неимущественных произведениях, о плодотворных и бесплодных издержках, словом сказать, почти во всякой статье найдет он соприкосновенность между богатством мира сего и сокровищем вечности, между имуществом плоти и духа нашего и не преминет указать, где теряется между первым и вторым равновесие в ущерб последнему. Таким образом, соединит он низшую, условную экономию с высшею, истинною, и составит из нее науку в строгом смысле нравственно-политическую»*.

Профессор анатомии и физиологии цель анатомии определял следующим образом: «Анатомия показывает строение человеческого тела, а физиология объясняет

* Там же. С. 226–227.

действие органов в соединении бессмертной души с телом. Цель анатомии – находить в строении тела премудрость Творца, создавшего человека по образу и подобию своему. Тело наше – храм души, и потому необходимо знать его и хранить чистым и неоскверненным; при тесной связи тела и души надо всячески остерегаться, чтобы не впасть в ужасный материализм, подобно некоторым безумным врачам. Так как мы, по падении праотцев наших, подверглись многообразным болезням, то Господь через науку анатомию подал нам средство не только к облегчению, но и к истреблению болезней»*.

Университетское начальство крайне возмутила процедура длительного вымачивания трупов в воде с целью изготовления скелетов для университетского анатомического театра. Директор университета писал в совет университета, обнаружив, что в отдаленном от главных университетских зданий доме несколько лет стоят кадки с человеческими и животными трупами, залитые водой, издающие дикий смрад: «Превращение трупов в скелеты есть необходимость для науки, весьма жестокая в отношении почтения к нашим умершим; но сия жестокость в благоустроенных заведениях смягчается скрытным производством и благочестивым погребением частей тела, от костей отпадавших. Здесь торжественно издеваются над прахом усопших, чего и язычники не делали. Нет пощады народным уважениям, трепещет христианское сострадание: какое же впечатление воспитанникам и какое зрелище для тех, кои и без того почитают медицину варварскою наукою?»**

В феврале 1823 г. попечитель Казанского учебного округа обратился с официальной запиской к Голицыну, в

* Цит. по кн.: Сухомлинов М. И. Исследования и статьи по русской литературе и просвещению: В 2 т. СПб., 1889. Т. 1. С. 227–228.

** Там же. С. 228–229.

которой высказывал мнение, что «если правительство не хочет допускать распространения различных гибельных учений, то не должно довольствоваться одним надзором за направлением профессоров, а должно прибегнуть к решительной мере и вовсе изъять некоторые науки из учебного преподавания»*. Имелись в виду прежде всего естественное право, а также рационалистическая и материалистическая философия, ведущая к отрицанию бытия Бога. По словам Магницкого, «наука естественного права сделалась умозрительною и полною системою всего того, что видели в революции французской на самом деле, стала опаснейшим подменом Евангельского Откровения и, наконец, отвергнув алтарь Христов, наносит святотатственные удары престолу царей, властям и таинству супружеского союза»**. Философия же «есть нечто иное, как настоящий иллюминатизм (иллюминатство выступало в воззрениях Магницкого синонимом масонства. — А. М.), обязанный новому только своему имени тем, что христианские правительства у себя публичное преподавание его дозволяют и даже платят жалованье распространителям оногo»***. Более того, Магницкий был убежден в том, что преподавание философии подрывает существующий строй. В своей докладной записке, поданной в Главное правление училищ, он писал: «Я трепещу перед всяким систематическим неверием философии, сколько по непобедимому внутреннему к нему отвращению, столько и особенно потому, что в истории XVII-го и XVIII-го столетий ясно и кровавыми литерами читаю, что сначала поколебалась и исчезла вера, потом взволновались мнения, изменился образ мыслей только переме-

* Феоктистов Е. М. Магницкий. Материалы для истории просвещения в России // Русский вестник. 1864. № 8. С. 412.

** Два мнения попечителя Казанского учебного округа, М. Л. Магницкого // Русский архив. 1864. С. 862–863.

*** Там же. С. 865.

ною значения и подменом слов, и от сего неприметного и как бы литературного подкопа алтарь Христов и тысячелетний трон древних государей взорваны; кровавая шапка свободы оскверняет главу помазанника Божия и вскоре повергнет ее на плаху. Вот ход того, что называли тогда только *философия* и *литература* и что называется уже ныне *либерализм!*» (здесь и далее курсив Магницкого. – А. М.)*. Впоследствии, в издаваемом им журнале «Радуга», он в более развернутом виде повторил свои инвективы против философии: «Все учения философские, будучи *отрицательны*, или, что одно и то же, *разрушительны*, имеют общим началом *господство человека*; а как скоро человек признает себя *самовладыкою*, то он тем самым есть уже бунтовщик против Бога и против всякой власти, Богом установленной; *бунтовщик же только ненавидеть может*, следовательно, общее чувство, философскими учениями рожаемое, есть *ненависть* <...>. Кто усомнится, взгляни на то, что делали они (философы) в течение последних 40 лет <...>. Какое остервенение самых зверских страстей; какое утончение злобы; какие неслыханные преступления»**.

Преподавание естественного права и философии все-таки не было запрещено, несмотря на все усилия Магницкого. Тем не менее вместо римского права в университете было введено преподавание византийского права и в качестве источника последнего рассматривалась церковная «Кормчая книга». Новый попечитель устроил в 1823 г. с «обличительной» целью особую «кафедру конституций», английской, французской и польской. О конституционном правлении Магницкий вообще не мог говорить без брезгливости. Это была, по его

* Два мнения попечителя Казанского учебного округа, М. Л. Магницкого // Русский архив. 1864. С. 864.

** Ч-в [Чумиков А. А., Чумиков А. П.]. Михаил Леонтьевич Магницкий. Новые данные к его характеристике. 1829–1834... С. 484.

мнению, полная ложь и бессмыслица – распустить народ и связать власть; дать свободу ногам и оковать голову*. Народные собрания, считал он, терпимы и сносны, пока довольствуются субсидиями и ролью актеров, забавляющих публику; но, когда они вздумают серьезно мешаться в их дела, их разгоняют Кромвели и Наполеоны**.

Одновременно Магницкий вынашивал планы создания Института восточных языков в Астрахани и даже намеревался «поставить университет в сношения с учеными сословиями Индии» и возложить на него собиранье сведений об учении браминов, «указав источник последнего в преданиях патриарха и апостолов, в Индии сохранившихся»***.

Изменения коснулись и студенческой жизни, причем университет «принимал вид духовного, даже монашеского учреждения»****. Все студенты были распределены не по курсам, а по степени «нравственного содержания». К первому разряду относились «отличные», «весьма хорошие» и «хорошие» студенты, ко второму – «испытываемые», «посредственные» и «исправляемые» и, наконец, «находящиеся под особым присмотром». Студенты, принадлежащие к каждому из этих разрядов, располагались на разных этажах и собирались вместе только на лекциях. Но и здесь принимались меры для того, чтобы предотвратить какое бы то ни было общение между ними. Не только посещать знакомых, но и переходить с одного этажа на другой запрещалось без билета от инспектора. Надзиратели обязаны были водить студентов из одной комнаты в другую, осматри-

* См.: Морозов П. Т. Мое знакомство с М. Л. Магницким. – М., 1877. С. 19.

** См.: Там же. С. 20.

*** Феоктистов Е. М. Магницкий. Материалы для истории просвещения в России // Русский вестник. 1864. № 7. С. 42.

**** Сухомлинов М. И. Исследования и статьи по русской литературе и просвещению: В 2 т. – СПб., 1889. Т. 1. С. 222–223.

вать волосы, платья, кровати. Посторонние лица могли посещать университет только в праздники, да и то под непосредственным наблюдением надзирателя. За все нарушения заведенных правил студенты подвергались наказаниям, перечень которых был весьма обширен. Это могло быть лишение пищи на несколько дней, заключение в карцер или в «комнату уединения», где двери и окна были загорожены железными решетками, на одной из стен висело распятие, а на другой картина Страшного Суда. Попадавшие в карцер получали название «грешников», и, пока они находились в заключении, за спасение их душ произносились молитвы. Во время попечительства Магницкого в Казанском университете стала практиковаться такая мера, как отправка студентов в солдаты без суда и следствия, ей подверглись двое студентов за «неумеренное употребление крепких напитков». Однако не только студенты подвергались надзору, И. И. Лажечников вспоминал по этому поводу: «За профессорами наблюдали, чтоб они не пили вина. Из числа их, некоторые весьма воздержные, но привыкшие пред обедом выпивать по рюмке водки, в свой адмиральский час ставили у наружной дверей на караул прислугу, чтобы предупредить грозу нечаянного дозора. Таким образом, прислушиваясь к малейшему стуку и беспрестанно оглядываясь, преступник дерзал ключом, привешенным у пояса, отворять шкаф, где, в секретной глубине, хранилось ужасное зелье»*.

Преподаватели всех факультетов и кафедр должны были давать на рассмотрение попечителю подробные планы своих лекций. Разумеется, отсутствие выборного начала порождало недовольства при кадровых изменениях профессорско-преподавательского состава.

* *Лажечников И. И.* Как я знал Магницкого // *Русский вестник*. 1866. № 1. С. 138–139.

Большинство авторов самых различных идейных направлений сходятся в том, что в попечительство Магницкого учения жизнь в Казанском университете не развивалась. Справедливости ради стоит отметить, что примерно такая же ситуация существовала в Казанском университете и до попечительства Магницкого. В первой четверти XIX в. русская наука еще переживала стадию становления и лишь в более поздний период стала приносить зрелые плоды. Очевидно, что меры Магницкого действительно несколько затруднили развитие таких дисциплин, как философии и естественное право, но они совершенно не коснулись естественно-научных дисциплин. Магницкий, к примеру, «снаряжал ученые экспедиции по различным отраслям наук, в разные страны, на запад и на восток», отправлял ученых в Германию, Францию и Англию «для изучения математических наук и устройства кабинетов», а для «отыскания рукописей древних классиков положено было объехать армянские монастыри, по поводу открытой в Италии драгоценной рукописи Евсевия на армянском языке»*. Кроме того, им «сделано было много на увеличение и украшение зданий университета, на устройство церкви (по образцу домашней князя А. Н. Голицына в Петербурге), библиотеки, физического кабинета, обсерватории, одним словом, все, что можно было сделать денежными средствами, щедро ему отпускаемыми»**.

7 ноября 1823 г. Магницкий отправил Александру «записку о народном воспитании», которая является, с нашей точки зрения, одной из этапных вех в истории русской идеологии александровской эпохи. Начиналось это «собственноручное всеподданнейшее письмо» в ха-

* Сухомлинов М. И. Исследования и статьи по русской литературе и просвещению: В 2 т. – СПб., 1889. Т. 1. С. 217.

** Лажечников И. И. Как я знал Магницкого // Русский вестник. 1866. № 1. С. 135–137.

раκτηрной для Магницкого манере: «Сей плод моего усердия к церкви и Царю, в обыкновенном служебном порядке не вмещающийся, куда понесу, Государь, ежели не к ногам Вашим?»*

В этой записке Магницкий предлагал царю проект создания целостной системы «народного воспитания», которой, по его словам, покуда еще нет ни в одном из существующих христианских государств: «...самоважнейшая часть управления как бы брошена везде на произвол исполнителей и ежели получила некоторое устройство, то как бы случайно и от обстоятельств». Напротив же, «люди злонамеренные» (в их число Магницкий относил Талейрана, Наполеона и Вейсгаупта), целенаправленно «заниались составлением полной системы народного воспитания». Это привело к тому, что «большая часть лучших учителей», которые должны учить наследника престола, «заражены опаснейшими началами неверия идей возмутительных». Мало того: «Нет книги, по которой бы безопасно можно было учить его истории всеобщей и Российской. Нет курса прав, который можно было преподать царевичу Российскому в истинном его смысле. Нет истории систем философских, которая бы не развратила мыслей».

Созданная антихристианская система народного воспитания является плодом реализации «правильного, обширного и давно втайне укоренившегося плана и заговора». Судя по некоторым деталям, Магницкий имеет в виду прежде всего масонство, но прямо не говорит об этом, предпочитая возлагать ответственность за происходящее в мире зло прежде всего на «князя тьмы века сего».

* Сборник исторических материалов, извлеченных из архивов I Отделения с.е.и.в.к. – СПб., 1876. Вып. 1. С. 363. Далее все ссылки идут по этому изданию: С. 363–374.

В записке содержится религиозно-философская трактовка Магницким тех процессов, которые происходят в мире и таких характерных явлений нового времени как «общественное мнение», «свобода книгопечатания», «конституции». В его изображении все вышеперечисленное есть не что иное как порождение дьявольских сил: «Князь тьмы века сего производит большую часть влияний своих на мир и миродержителей гражданских через общее мнение, которое есть как бы труба, коею он, как в древности оракулы, произносит свои заключения, суды и приговоры, сеет лжи и клеветы, распространяет нелепые предсказания и нечестивые понятия. У большей части народов, и в том числе у нас, гул сей, совершенно вопреки истине, почитается гласом Божиим (*глас народа – глас Божий*). В конституциях, сем неистовом порождении бунта народного, главным их основанием положена *свобода книгопечатания*, или, что одно и то же, беспрепятственное волнение и *необузданность мнения общественного*, то есть труба для глаголов князя тьмы, как можно более широкая, громкая и всегда отверзтая; а как он знает, что доброе воспитание народное, улучшая сердце и образ мыслей падшего человека, составить может и общее мнение доброе, то есть из трубы, для него нужной, может сделать проток благодати не только на поколение настоящее, но и на будущее; то он, отвлекая всеми способами внимание правительств и людей благонамеренных от сего важного предмета, указывает его одним своим чадам и последователям, *как рычаг, которым можно потрясти весь мир гражданский*».

Магницкий явно переходил за границы дозволенного, когда утверждал, что предлагаемые им планы можно осуществить лишь вопреки «духу времени», которым ранее руководствовался Александр I: «Духу времени сие не понравится, но если бы вы знали, кто этот

дух времени, которому вы служите, то старались бы не делать ему угодного». Подобного рода напоминания о былых либеральных увлечениях не могли не вызвать у монарха сильного раздражения.

В обоснование вышеизложенного Магницкий ссылается на революционные события, которые прокатились по Европе в 1820–1821 гг.: «...единомыслие разрушительных учений в Мадриде, Турине, Париже, Вене, Берлине и Петербурге не может быть случайным».

Исходя из своего видения общеевропейских процессов, Магницкий предлагал Александру воспользоваться тактикой и указаниями врагов монархии и христианства, поскольку «из них же можно, как кажется, почерпнуть и противуядие, как то делается в медицине, когда кровью бешеной собаки исцеляется ее укушение», то есть составить на определенных началах план «народного воспитания», который бы охватывал все учебные заведения Российской империи.

В качестве «основного начала» народного воспитания Магницкий называл Православие. На мистической стороне Православия Магницкий не заостряет внимания. Оно интересует его главным образом с точки зрения политической, как учение, освящающее царскую власть: «Верный сын Церкви Православной, единой истинной веры Христовой, знает, что всякая власть от Бога, и посему почитает он всех владык земных, Нерона и Калигулу; но истинным помазанником, Христом Божиим, не может признавать никого, кроме помазанного на царство Церковью Православною. Итак, мы одни, по слову Оригена, исповедуем обе религии: и первого, и второго величества. У нас одних корона самодержавия лежит на алтаре Божиим, неприкосновенна для рук черни, но приемлется в таинственном священнодействии, из рук церкви. Над нею крест, над державою крест, над

скипетром крест. Тут нет ничего человеческого. Наше-го Государя мы открыто во всяком училище отечества нашего называем и должны называть помазанником Божиим, и все знают и веруют, что это правда. Пусть скажут сие в училищах Пруссии, Нидерландов, Англии о их государях, там рассмеются».

Поминая недобрым словом «Лефортов и Биронов», Магницкий утверждал, что «дух времени» «более ста уже лет» нападает на Православие: «Пусть заглянут в акты Синода и тайной канцелярии от начала XVIII столетия до конца его и между прочим в дела о Феофилакте (Лопатинском. – А. М.)^{*}, епископе Тверском, и члене Синода Арсении» (Мацеевиче. – А. М.)^{**}. Однако, несмотря на то, что Православие оказалось ослабленным борьбой с «духом века сего», оно остается единственной верой истинной, «в которой слово Божие не только сохранено во всей чистоте непрерывной иерархией Апостольскою; но и засвидетельствовано, подписано кровью мучеников всех веков прошедших и даже ежедневных» (Магницкий ссылаясь на то, что в Греции был напечатан мартиролог, в котором перечислялись сотни современных мучеников за веру, погибших от рук турок).

Понимаемое таким образом Православие теснейшим образом связано с самодержавием. Без первого невозможно второе. Более того, «самодержавие вне Православия есть одно насилие», утверждал Магницкий. Православие и самодержавие, таким образом, «два священных столпа, на которых стоит империя». Говоря о том, что «Право-

^{*} Феофилакт (Лопатинский) (1670-е – 1741), архиепископ Тверской и Кашинский, видный иерарх первой половины XVIII в., богослов, философ, выступивший против главного идеолога секулярных антицерковных реформ Феофана (Прокоповича) и подвергшийся за это репрессиям.

^{**} Арсений (Мацеевич) (1697–1772) – митрополит Ростовский и Ярославский, выступивший против секуляризации церковных земель. Жизнь закончил в тюрьме.

славию и благоговение к помазаннику Божию должны быть основанием русского народного воспитания», Магницкий уже в 1823 г. приближался к триединой формуле: «Православие. Самодержавие. Народность».

Но эти начала русской жизни, «хотя еще не поколебались, но уже ослаблены». Для их восстановления необходимо распространить на все учебные округа империи действие знаменитой инструкции от 17 января 1820 г. для Казанского университета, которую мы анализировали выше: «Ежели сие признано полезным в 16 губерниях сего округа, почему не сделать того же в прочих?»

Таким образом, в условиях явного кризиса идеологии «просвещенного абсолютизма», то есть той идеологической доктрины, которой российская монархия придерживалась в течение весьма длительного времени, Магницкий фактически дал идеологическое обоснование реформированию государственной политики России с православно-патриотических позиций.

Работая в Комитете по составлению цензурного устава в 1820–1823 гг., Магницкий составил проект, по которому запрету подвергались все произведения, которые прямо или косвенно отвергали или подвергали сомнению учение Священного Писания и Евангельского Откровения, запрещались сочинения, содержавшие в себе «дух сектантства или смешивающее чистое учение веры евангельской с древними подложными учениями, либо с так называемой естественной магией, кабалистикой и масонством»*. Не разрешалось также публиковать «сочинения, в коих своеволие разума человеческого пытается изъяснить и доказать философией недоступные для него святыя таинства веры»**. Наконец, в про-

* Сухомлинов М. И. Исследования и статьи по русской литературе и просвещению: В 2 т. – СПб., 1889. Т. 1. С. 469.

** Исследования и статьи по русской литературе и просвещению: В 2 т. – СПб., 1889. Т. 1. С. 468.

екте запрещались те произведения, которые хоть малейшим образом ослабляют или подрывают авторитет существующей власти. Впоследствии, уже в царствование Николая I его основные идеи легли в основу цензурного устава 1826 г.

Магницкий явно пытался обогнать время в попытках противостоять надвигающемуся всемирному революционному урагану. Он оказался одним из тех, кто чувствовал приближение новых «темных веков», тех опасностей, которые несли миру разрушительные идеи Французской революции, и пытался выработать против них своего рода духовное «противоядие». Главным «противоядием» от революционных процессов для него явилась религия (вначале «общехристианская», затем — Православие), влияние которой он стремился со собственными ему энергией и фанатизмом распространить на все сферы жизни государства и общества.

Покровительство начальника Магницкого по Министерству духовных дел и народного просвещения князя А. Н. Голицына представителям неправославных конфессий, мистикам, сектантам и масонам, принижение статуса Православной Церкви в связи с экуменическими увлечениями императора Александра I привели к возникновению «православной дружины» (выражение единомышленника Магницкого, философа и богослова А. С. Стурдзы), противостоящей «мистической партии», проводящей в жизнь идеи надцерковного «универсального христианства». Лидером последней считался князь А. Н. Голицын. Магницкий примкнул к «православной дружине», которую тогда возглавляли А. А. Аракчеев, митрополит Новгородский и Петербургский Серафим (Глаголевский) и архимандрит Фотий (Спасский) и которые ставили своей целью изменение конфессиональной политики в пользу Православной Церкви. Сохранилось

описание обстоятельств знакомства Фотия с Магницким: «Встретив его у дверей гостиной, Фотий, держа восковые свечи в руках и с немой торжественностью, проводил его до приготовленных кресел. Кругом сидели почетные дамы, в том числе графиня Орлова. Фотий сидел возле Магницкого и молчал несколько минут, потом ухватился за колокольчик, стоявший на столике, и стал звонить, сколько у него было силы, не проговаривая между прочим ни слова. Видно, Магницкий и он поменялись взорами в залог взаимного согласия, — и негласный между ними союз был заключен»*.

В 1823 г. деятели «православной дружины» перешли в наступление на «мистическую партию» Голицына, воспользовавшись в первую очередь так называемым делом Госснера. Пастор И. Е. Госснер, эмигрировавший в Россию из Германии в результате религиозных гонений, был активным деятелем Библейского общества, вызывавшим особенное отторжение у православной оппозиции. Его книга «Дух жизни и учения Иисуса Христа, в размышлениях и замечаниях о всем Новом Завете», в русском переводе, без заглавного листа, называлась: «О Евангелии от Матфея», была пропущена цензурой в мае 1823 г. В ней он высмеивал обряды христианской церкви, объявлял их греховными, критиковал духовенство, как посредника между Богом и человеком. При этом в книге содержались фрагменты, которые легко можно было истолковать как открытый призыв к христианам не повиноваться властям, преследующим «истинных» христиан. Подобная книга была исключительно удобна для критики со стороны православной оппозиции, и та не замедлила воспользоваться предоставившейся ей возможностью. Дело в том, что книгу предложил перевести с немецкого Голицын и он же пропустил ее в печать.

* Стурдза А. С. Воспоминания о М. Л. Магницком // РА. 1868. Стб. 932.

В марте 1824 г. корректура книги Госснера по инициативе Магницкого была тайно выкуплена из типографии и передана митрополиту Серафиму, написавшему опровержение на нее. Приложив около тридцати листов из книги, он послал опровержение императору. Акция возымела действия, и 6 апреля 1824 г. Александр I запретил «серому кардиналу», видному масону Р. А. Кощелеву появляться при дворе. С этого момента ситуация начинает переламываться в еще большей степени (после запрета деятельности масонских лож) в пользу православной оппозиции.

Мотивы поведения Магницкого недоброжелатели его объясняли тем, что он «мог надеяться, что Аракчеев, за оказанную услугу, возведет его в звание министра»*. Архимандрит же Фотий (Спасский) в своих записках совсем иначе объяснял логику поведения Магницкого: «Ученый человек Магницкий, прежде быв в числе заблудших от Церкви и истины, но обратив от того сердце свое на путь правый, весьма много делал пользы, как сам бывший (бывший. — А. М.) во многих тайнах зловерия, многие вещи раскрывал важные, по частям своим везде сильно и благим намерением действовал. Во время оно он был совершенно предан Православию, отличных способностей, многоучен, искусен в знании Священного и церковного писания. Он, бывая у графа Аракчеева, нередко ему делал внушения свои добрые и разумные к содействию в делах противу врагов веры и блага общего»**.

Свое кредо Магницкий выразил в письме от 7 апреля 1824 г. Александру I: «...**коренное средство к истреблению...** тайных обществ (имеются в виду прежде всего масонские ложи, тесно связанные с разного рода

* Панаев В. И. Воспоминания // Вестник Европы. 1867. Т. 4. Кн. 12. С. 84.

** Автобиография Юрьевского архимандрита Фотия // Русская старина. 1896. Июль. Т. 87. С. 180.

мистиками, некоторыми инославными конфессиями и так называемыми декабристами. — А. М.)... есть одно: возвысить, утвердить, приблизить к Державной власти Православную Церковь, непрестанно боримую; ограничить терпимость, ее гонящую...»*

Магницкий самым активным образом вмешался в дело И. Е. Госснера. Он и его сообщники упростили и почти принудили митрополита Серафима (Глаголевского) ехать во дворец и лично представить Александру I, какая опасность угрожает Церкви от издания и распространения книги Госснера «О Евангелии от Матфея». «Для этого нарочно было избрано необыкновенное время — шесть часов вечера, чтобы необычайностию самого посещения встревожить Императора. Митрополит упал к ногам его и требовал удаления князя Голицына, которого управление, по его словам, колеблет Церковь Православную. Такая сцена не могла не подействовать. Государь старался успокоить митрополита, сказал, что обратит внимание на его жалобу и, если найдет действия министра ошибочными, устранил от управления вверенными ему частями. Впрочем, подробности этого разговора, за кончиною всех действующих лиц, останутся навсегда неизвестными. Магницкий, вслед за митрополитом, отправился на адмиралтейский бульвар, а оттуда прошел к подъезду Государя — где уже столпилось довольно народу, привлеченного каретою митрополита — с тем, чтобы видеть, с каким лицом выйдет он из дворца, веселым или печальным. Удостоверившись же, по довольному выражению лица владыки, что дело идет хорошо, он поспешил в невский монастырь поздравить его с успехом». Рассказ этот, записанный со слухов Гречем, неоспорим

* «Записка о тайных обществах, полученная от Магницкого М. Л. в 1824 г. (об иллюминатах, об-ве Иоахима, о распространении немецкой философии. 1824.). ГА РФ. Ф. 1165. Особенная канцелярия Министерства внутренних дел. Оп. 3. Д. 59. 1824. Л. 45—45 об.

в одном: «...факт жалобы м. Серафима на кн. Голицына, лично принесенной Государю, не подлежит сомнению»*.

Рассмотрение книги Госснера было поручено президенту Российской академии А. С. Шишкову, а переводчик, цензор и содержатель типографии Н. И. Греч отданы под суд, Госснер же выслан за границу.

В мае 1824 г. Голицын под давлением «православной дружины» был отправлен в отставку, Министерство духовных дел и народного просвещения реорганизовано, а новым министром народного просвещения назначен один из ревнителей Православия А. С. Шишков. Положение Магницкого вновь оказалось очень шатким – консерваторы не верили в искренность его консерватизма, Шишков был не прочь избавиться от бывшего союзника, либералы считали ренегатом, это сильно осложняло ему жизнь и портило репутацию. Современники объясняли логику его поведения исключительно карьеристскими и конъюнктурными мотивами. В частности, его обвиняли в предательстве Голицына, объясняя это тем, что он, поддерживая Аракчеева, рассчитывал занять пост министра народного просвещения.

В самом Министерстве народного просвещения против Магницкого началась закулисная интрига, в которой главную роль играл А. С. Шишков. Интригу инициировал М. М. Сперанский, который к тому времени возненавидел Магницкого и призывал влиятельных чиновников министерства объединиться в борьбе против бывшего политического единомышленника**. В результате Шишков поставил на вид Магницкому, что тот безвыездно живет в Петербурге, и в августе 1825 г. вынудил его надолго отправиться в Казань. В отсутствие Магницкого в столице

* Чистович И. А. История перевода Библии на русский язык. – М., 1997. С. 70–71.

** См.: Панаев В. И. Воспоминания // Вестник Европы. 1867. Т. 4. С. 99–101.

ежегодный отчет по казанскому учебному округу был признан неудовлетворительным*.

После смерти Александра I судьба Магницкого в очередной раз резко изменилась. Магницкий в 1824 г. неоднократно жаловался А. С. Шишкову, что «правительство изгоняет вредных профессоров (из Петербургского университета. – *А. М.*), а члены императорской фамилии (великий князь Николай Павлович, будущий император Николай I. – *А. М.*) дают им места». Шишков отказался дать этим бумагам какой-либо ход, и Магницкий, вероятно, через Аракчеева, доставил их Александру. Речь шла о том, что изгнанные из Петербургского университета за «безбожие и вольнодумство» профессора К. Ф. Герман и К. И. Арсеньев были определены в другие учебные заведения по ходатайствам вдовствующей императрицы Марии Федоровны и великого князя Николая Павловича**. Случилось так, что докладные записки Магницкого оказались в руках Николая Павловича. Их отдал ему князь Голицын, которому было поручено разобрать бывшие в кабинете скончавшегося монарха бумаги. Причастность Магницкого к былому заговору против своего благодетеля Голицына сыграла ему дурную службу. Голицын вошел в особо доверительные отношения к Николаю Павловичу, хотя и не занимал при нем важных государственных постов. В итоге будущий царь начал крепко недолюбливать Магницкого и всецело склонен был верить характеристикам, даваемым недоброжелателями попечителю Казанского учебного округа.

В начале 1826 г. Николай I назначил ревизию Казанского университета, которая была начата в феврале 1826 г. и длилась целый месяц. Ревизоры обнаружили

* См.: *Вишленкова Е. А.* Ревизор, или Случай университетской проверки 1819 года // *Отечественная история.* 2002. № 4. С. 31.

** См.: *Панайев В. И.* Воспоминания // *Вестник Европы.* 1867. Т. 4. Кн. 12. С. 102.

растраты Магницким казенных денег. Однако известный историк П. И. Бартенев в своих комментариях к автобиографическим показаниям Магницкого отметил по этому поводу, что «казанское дело», продолжавшееся семь лет, закончилось тем, что с первоначально обвиненного в растрате 90 тысяч рублей Магницкого было взыскано 438 рублей 15 копеек, и сделал вывод, что он «не был корыстолюбцем или мелким злоупотребителем»*. Так или иначе, Магницкий был отправлен Николаем I в отставку вместе с А. А. Аракчеевым и Д. П. Руничем. На его имущество был наложен секвестр, а затем он был сослан в Ревель (ныне Таллин, Эстония), где жил около шести лет. О ревельском периоде его жизни мало что известно. П. А. Вяземский вспоминал, что Магницкий «в ссылочных пилигримствах своих затронул не одно женское сердце»**.

В Ревеле Магницкий сотрудничал с 1832 по 1832 г. с ежемесячным педагогическим, философским, литературным журналом «Радуга», целью которого была проповедь Православия в Остзейском крае и борьба с западными идейными влияниями. В цикле статей, опубликованных в этом журнале, он повторил свои инвективы против рационалистической и материалистической философии.

Через несколько лет после декабристского мятежа правительство обратилось к вопросу о «зловредности тайных обществ». Одним из инициаторов этого обращения явился опальный Магницкий. В начале 1831 г. он подал императору Николаю I ряд записок под общим заглавием «Обличение всемирного заговора против алтарей и тронов публичными событиями и юридическими

* Показания Магницкого // Деятнадцатый век. Исторический сборник. — М., 1872. Кн. 1. С. 252.

** Вяземский П. А. Из старой записной книжки // Русский архив. 1874. Кн. 1. № 7. Стб. 182.

актами»^{*}. В этом документе он подробно осветил историю создания в Мюнхене общества так называемых иллюминатов. В «Обличении» подробно излагался план захвата иллюминатами-масонами власти в европейских государствах и установления мирового господства. Магницкий писал о том, что целью иллюминатов является «освобождение народов от государей, дворянства и духовенства». Развивая эту мысль, он утверждал, что «Орден совершенствующихся» стремится к «разрушению не только алтарей и тронов, но и всех правительств, какого бы рода они ни были, и даже самых оснований всякого гражданства и образованности» и следующим образом обрисовывал тактику иллюминатов по захвату власти: «Иллюминаты должны стараться завладеть всеми правительственными местами, помещая на них своих адептов»^{**}.

Магницкий утверждал, что европейские правительства слабо действовали против масонов: они лишь ограничились отставками и изгнанием за границу лиц, подозреваемых в причастности к иллюминатскому заговору. Таким образом, они распространились по всей Европе, а часть из них обосновалась в России. Объявляя якобинцев «ударной силой» масонов, автор записки заявлял, что никто в мире не может устоять против них, кроме России, поскольку она «страшна масонам своей физической силой, духом... истинной и несокрушимой религией, преданностью к... самодержцам, искреннею, чудесною, святою, потому что она основана на вере, на чувстве, на тысячелетнем предании любви народной»^{***}.

Показательно, что в своих записках Магницкий фактически занялся разоблачением своего бывшего началь-

^{*} Два доноса в 1831 году. Всеподданейшие письма М. Магницкого императору Николаю об иллюминатах // Русская старина. 1899. № 1–3.

^{**} Там же. № 1. С. 69.

^{***} Там же. С. 80.

ника и либерального единомышленника М. М. Сперанского. Прежде всего Магницкий заявил, что тот являлся главой тайного заговора в России и, благодаря покровительству Сперанского, проповедь иллюминатства велась в Российской империи с «адскими ухищрениями» посредством как учебной, так и научной литературы. При всем при том Сперанский изображался Магницким как жертва иллюминатов, «кои ищут... обольстив значущих в правительстве людей разными обманами... управлять ими в видах своего общества»*.

В своей записке Магницкий перечислял десятки высокопоставленных чиновников, находившихся в тайном обществе, причем сам признавался в том, что какое-то время был членом масонской ложи «Полярная звезда»**. Магницкий обвинял университеты в преподавании пантеизма, материализма и прагматизма, ибо занятия «точными дисциплинами» (статистика, экономика и т. д.) при соответствующей интерпретации со стороны либеральной профессуры очень быстро могут убедить студентов в том, что «лица правительственные, духовенство, дворянство, армия суть классы непроизводящие (трутни общества)»***. Магницкий раскрывал разрушительную работу масонских лож в русской культуре. Не случайно, по его мнению, для масонских кругов было характерно стремление «завладеть всеми отраслями литературы и всех их отравить ядом иллюминатства»****.

* Там же. № 2. С. 297.

** Этот факт подтверждает либеральный историк В. И. Семевский, который в статье «Декабристы-масоны» (Минувшие годы. 1908. Т. 5–6. С. 403) писал, что в числе бумаг, найденных в кабинете императора Александра I после его смерти, есть донос некоего полковника Полева, в котором называются следующие члены ложи иллюминатов: Сперанский, Фесслер, Магницкий, Злобин и др.

*** Двадоноса в 1831 году. Всеподданейшие письма М. Магницкого императору Николаю об иллюминатах // Русская старина. 1899. № 3. С. 623.

**** Там же. № 1. С. 75–76.

Израильский публицист С. Ю. Дудаков утверждает, что самым примечательным в этой записке Магницкого было то, что «впервые участниками «мирового заговора масонов» стали и евреи»*. Говоря о возникновении различных ересей, Магницкий возлагал за это вину на еврейство, которое превратно истолковывает Библию, особенно в пророчествах о пришествии Христа. Евреи, пользуясь незнанием христианами древнееврейского языка, «издают под видом молитвенных книг разные возмутительные против народа и правительств христианских» сочинения**. Указывая на евреев как на всеобщую «деморализующую силу», Магницкий писал об использовании их со стороны иллюминатов для достижения тайных целей: «Люди сего рода в Россию приезжать могут, по большей части, под именем приказчиков торговых домов, от коих и действительно, для закрытия себя, легко иметь им некоторые поручения наших произведений и проч., ибо ныне капиталы всей Европы приведены уже в руки жидов (четыре брата Ротшильда)»*** Кроме того, он заявлял, что центр мирового заговора находится в Лондоне****.

О дальнейших годах жизни Магницкого имеются лишь отрывочные сведения. В 1834 г. сын Магницкого, Михаил Михайлович, служивший в гвардейской кавалерии, а затем переведенный за участие в дуэли в армию адъютантом начальника поселенной резервной кавалерии графа И. И. Витте, упросил последнего исходатайствовать у новороссийского генерал-губернатора М. С. Воронцова дозволения переселиться в Одессу его

* Дудаков С. Ю. История одного мифа. Очерки русской литературы XIX–XX вв. – М., 1993. С. 59.

** Два доноса в 1831 году. Всеподданейшие письма М. Магницкого императору Николаю об иллюминатах // Русская старина. 1899. № 3. С. 625.

*** Там же. С. 629.

**** См.: Там же. № 1. С. 87.

отцу вместе с женой*. В Одессе Магницкий сблизился М. С. Воронцовым. Одно из своих сочинений, «Краткое руководство к деловой и государственной словесности для чиновников, вступающих в службу», напечатанное в Москве в 1835 г., Магницкий посвятил ему, в признательность за перевод на юг**. Особо теплые отношения сложились у Магницкого с православным писателем и публицистом А. С. Стурдзой и его сестрой – Р. С. Эдлинг.

В годы одесской ссылки произошло примирение Магницкого с А. Н. Голицыным, в отставке которого с поста министра духовных дел и народного просвещения он принял самое активное участие. «Это лежало на совести его Магницкого, и он прибегнул к помощи третьего лица (А. С. Стурдзы. – А. М.), прося за прошлое христианского прощения; в ответ Магницкому князь поручил ему передать, что *старого он не помнит*»***. Кроме того, по совету архимандрита Гавриила (Розанова), впоследствии архиепископа Херсонского, почитателем и постоянным посетителем которого он был, Магницкий попросил прощения в 1837 г. у Сперанского, когда тот был в Одессе****.

Стурдза ввел Магницкого в кружок, в который входили видные одесские чиновники, в том числе одесский градоначальник граф А. П. Толстой, интригующий против М. С. Воронцова. Увлекающийся Магницкий имел неосторожность принять участие в составлении ежегодно представляемого отчета по градоначальству, в

* Михаил Леонтьевич Магницкий в 1823–1845 гг. [две собственноручные записки императора Николая I и воспоминания о пребывании Магницкого в Одессе до смерти]. Сообщ. В. Ф. Кеневич и Н. Н. Мурзакевич // Русская старина. 1874. № 11. С. 274.

** Там же. С. 275.

*** *Фортунатов Ф. Н.* Памятные записки вологжанина // РА. 1867. № 12. Стб. 1698–1699.

**** См.: *Мацевич Л. С.* Одесские заметки о Магницком [Неизданная рукопись Магницкого. Из воспоминаний о Магницком протоиерея М. К. Павловского. Могила Магницкого.] // Русский архив. 1898. № 2. С. 227–228.

котором Воронцову были поставлены на вид «все бюрократические промахи, делаемые в Одессе, мелкие беспорядки полиции и т. п.»* Известно, что отчет «возбудил деятельность комитета министров»**. В итоге в начале 1839 г. одесские власти под предлогом, что Магницкий начал «водиться с праздными людьми в Одессе, занимается интригами, пересудами, сплетнями и неосновательными доносами, затрудняет начальство и возбуждает вредное для службы несогласие»***, приказали ему покинуть Одессу.

Магницкий переехал в Херсон под надзор полиции и провел там два года. «Скромное и сдержанное пребывание в тихом городе обратили внимание графа Воронцова, который, во уважение хилого здоровья Магницкого, исходатайствовал ему у государя императора возвращение снова в Одессу»****.

Это произошло в 1841 г. Во второе свое пребывание в Одессе Магницкий увлекся астрономией, занимался греческим языком и переводом книг древних писателей, писал статьи для погодинского «Москвитянина»****. Сохранилась характеристика Магницкого того времени, данная А. С. Стурдзой: «...быстрота и меткость ума еще не

* *Мурзакевич Н. Н.* Записки 1806–1833 // Русская старина. 1887. Сентябрь. С. 484.

** Михаил Леонтьевич Магницкий в 1823–1845 гг. [две собственноручные записки императора Николая I и воспоминания о пребывании Магницкого в Одессе до смерти]. Сообщ. В. Ф. Кеневич и Н. Н. Мурзакевич // Русская старина. 1874. № 11. С. 275.

*** *Мацевевич Л. С.* Одесские заметки о Магницком [Неизданная рукопись Магницкого. Из воспоминаний о Магницком протоиерея М. К. Павловского. Могила Магницкого.] // Русский архив. 1898. № 2. С. 226.

**** Михаил Леонтьевич Магницкий в 1823–1845 гг. [две собственноручные записки императора Николая I и воспоминания о пребывании Магницкого в Одессе до смерти]. Сообщ. В. Ф. Кеневич и Н. Н. Мурзакевич // Русская старина. 1874. № 11. С. 275.

***** *Погодин М. П.* Сперанский. Критико-историческое исследование // Русский архив. 1871. 7 и 8. Стб. 1156.

покидали бодрого старца; он все еще был душою наших дружеских бесед, несравненным ценителем ученых и литературных трудов, строгим обличителем гордой философии по стихиям мира и в полном смысле стойком-христианином. Только мало-помалу крепло и обнаруживалось в нем благодатное отчуждение от мирских видов и пристрастий, прилежание к келейной молитве и безусловное младенческое послушание всем уставам матери нашей Православной Церкви*». Магницкий окончательно обратился к традиционному Православию. Любимыми его книгами стали Евангелия и Четьи-Минеи св. Дмитрия Ростовского. «Он уже строго осуждал в других уклонения мистицизмом и всякие другие уклонения от чисто православного учения; таким лицам он выставлял в пример для подражания простоту веры поселян, и при этом нередко повторял: «Нам нужно побольше мужицкой веры»**. Один из типичных представителей тогдашнего дворянского общества так негодовал по поводу набожности Магницкого: «Умнейший человек, но суеверен как крестьянин. Представьте: у него огромные иконы, перед которыми теплится день и ночь лампада!»*** Магницкий не раз давал волю своему негодованию против «разных аристократических замашек и капризов в деле веры», не переноса на дух «разделения в вере между аристократами и мужиками, между господами и слугами» и суждений вроде: «Как же я позволю священнику помазать мне лоб, чтобы одно и то же было для лакея и для барыни!» Или: «Как это в причастии ложечка для всех одна: побывает во рту у мужика и потом и мне дадут ее в рот!» Подобные заявления возмущали Магницкого, он видел

* Стурдза А. С. Воспоминание о Михаиле Леонтьевиче Магницком // Русский архив. 1868. Кн. 2. С. 931.

** Фортунатов Ф. Н. Памятные записки вологжанина // РА. 1867. № 12. Стб. 1697.

*** Морозов П. Т. Мое знакомство с М. Л. Магницким. – М., 1877. С. 5

в них неверие в силу православных обрядов и таинств. На благотворительных вечерах с танцами и концертами он без церемоний говорил великосветским дамам, что они служат дьяволу. Когда тем же дамам случалось говорить ему: «Как это говорится при крещении детей: *дуни и плюни на него?* Что, мы разве чертей рождаем?!» – то он твердо отвечал им на прекрасном французском языке: да, да, нужно изгонять дьявола из того, что вы рождаете.

Лица духовного звания утверждали, что Магницкий в вере был «совершенный простец». Сам же бывший попечитель Казанского округа в узком кругу заявлял: «Моя вера – кучерская... мы с кучером ходим в одну церковь... В какую церковь мой кучер, туда и я. А если в ней несколько священников, то если я застану в церкви кого-либо из них, то – это он, мой духовник»*. Он глубоко верил в силу молитвы: «Сказано: просите и дастся вам; я так и верю. У Бога, как у отца, нужно прямо просить того, в чем есть нужда. Если нуждаешься в сапогах, так и молись: Господи, дай мне сапоги! Если у меня нет дров, я буду просить и молиться об этом, и Бог так сделает, что у меня будут дрова». Когда у него случались семейные раздоры с женой-француженкой, то он видел в них «наваждение дьявола» и поэтому «всякий раз кропил стены святою водою и курил в комнатах херувимским ладаном. Этим он прогонял бесов как причину раздора». Последним и решающим аргументом Магницкого в спорах о вере было: «Постойте, стойте... будете умирать так же, как ваша кухарка, и тогда вспомните мои слова». За подобные действия и высказывания большая часть тогдашнего русского образованного общества считало Магницкого «чуть не помешанным»**.

* Мацеевич Л. С. Одесские заметки о Магницком // Русский архив. 1898. № 2. С. 225–226.

** Там же. С. 226.

Известно, что в конце жизни Магницкий испытывал серьезные денежные затруднения, и бывший его покровителем князь А. Н. Голицын, описывая «несчастное положение старика Магницкого», просил Николая I увеличить ему пенсию. Смирив христианской аскезой свой неугомонный нрав, примирившись с теми, кого он жестоко обидел при жизни, 21 ноября 1844 г. Магницкий скончался от воспаления легких и был погребен на Старом кладбище Одессы*. В 1930-е гг. на месте этого кладбища был устроен парк имени Ильича**.

Целостное исследование жизни, деятельности и идей Магницкого – еще впереди. Однако очевидно, что он являлся одной из тех ключевых фигур русской истории первой четверти XIX в., стараниями которых был осуществлен поворот в правительственной политике, острие которого было направлено против идеологии Французской революции XVIII в., то есть против атеизма, рационализма, космополитизма, конституционализма, либерализма и т. д. Попытка реализации подобной идеологии на практике в первые два десятилетия правления Александра I вызвала протест в русском обществе, что резко ускорило становление национал-патриотических сил. Магницкий смог создать свой собственный русский проект, отличающийся достаточной степенью масштабности и в какой-то степени реализованный в правительственной политике не только Александра I, но и Николая I. Этот проект имел ряд существенных особенностей. Его невозможно адекватно исследовать без понимания того, что его автор одно время разделял либеральные ценности и являлся одним из лидеров «либеральной бюрократии» той эпохи, а затем радикально пересмотрел

* См.: Там же. С. 229.

** См.: *Ильина К. А.* Попечитель учебного округа // Неформальные практики властвования в Казанской губернии (первая половина XIX века). – Казань, 2006. С. 112.

свои взгляды, став убежденным патриотом и антизападником. Опыт преодоления либерализма предопределили существенные особенности проекта Магницкого. Кроме того, с нашей точки зрения, Магницкий в большей степени, нежели кто бы то ни было из светских идеологов русской национальной идеологии александровского царствования, подвергся всестороннему влиянию церковно-православных кругов (возможно, благодаря тесным контактам с архимандритом Фотием (Спасским) и митрополитом Серафимом (Глаголевским), отразив их позицию в русской правой мысли.

Таким образом, Магницкий, с определенными оговорками, в идейном плане оказался непосредственным предшественником графа С. С. Уварова с его знаменитой формулой «Православие. Самодержавие. Народность».

В подготовке материалов для публикации в настоящем издании приняли участие А. С. Глазева, А. Е. Гребенщиков, Е. Ю. Назаренко. Перевод с французского – А. О. Мещеряковой.

Орфография большей частью изменена в согласии с современными правилами написания.

А. Ю. Минаков

Раздел I

СОЧИНЕНИЯ

НЕЧТО ОБ ОБЩЕМ МНЕНИИ В РОССИИ И ВЕРХОВНОЙ ПОЛИЦИИ

Всемиловейший Государь¹!

Проникнутый личной преданностью к особе Вашего императорского Величества, яко к благотворителю моего Отечества, восстановителю несчастного Отца моего с семейством и собственному моему благодетелю, толикократно незаслуженными еще милостями и щедротами меня взсыпавшему, я приемлю смелость поднести Вашему Величеству рассуждение мое об общественном в России мнении и верховной полиции. — По внутреннему убеждению моему, предмет сей, давно в свободные от должности часы меня занимавший, представился мне достойным внимания Вашего императорского Величества. Не смея утверждать о мере основательности моих мыслей, смею удостоверить Ваше императорское Величество в чистоте и доброту моих побуждений, кои единственно суть: любовь к Отечеству и Государю, для счастья его царствующему. Смелость некоторых рассуждений и самого слога

не могла остановить меня, ибо сим языком говорили Траяну². С глубочайшим благоговением сим.

Всемилоостивейший Государь Вашего императорского Величества верноподданный Михаил Магницкий.

Секретно

**Нечто об общем мнении в России
и верховной полиции ноября «...» дня 1808 г.**

Главный предмет верховной полиции есть наблюдение за общим мнением.

Полиция, которая наблюдает токмо за лицами, подслушивает, так сказать, разные речи и занимает правительство токмо пересказами, есть полиция варварская и вредная, ибо всегда бывает притеснительная и по большей части личностями водимая.

Во Франции, где, без сомнения, полиция доведена до совершенства, несколько лет сряду, в самые важные для правительства эпохи, слышал я сам, как в клубах и кофейных домах порицали публично Правителя Республики³, и полиция не занималась сим.

Ежедневно представляла она первому консулу основательные донесения о состоянии общего мнения в Париже и еженедельно по положению его во Франции, ибо не клубные разносчики, не дерзкие общественные говоруны потрясают государства: их потрясает общее мнение и люди, им управляющие.

Общее мнение в России взяло с некоторого времени направление против правительства. Порицать все, что правительство делает, осуждать и даже осмеивать лица, его составляющие, и приказывать им давать почувствовать, под видом некоторой таинственности, важные последствия отчаянного якобы положения вещей

сделалось модой или родом обычая, от самого лучшего до самого низкого общества распространившегося, заразившего все состояния, все сословия, даже разные части правительства составляющие. Обычай или дух сей столь открыто усиливается и умами совершенно овладеть стремится, что хвалить правительство, оправдывать поступки его вышло странно и значит выставлять себя как бы его наемником.

Пагубный дух сей из одной столицы перешел в другую. Письма, в Москву отправляемые, и приезжие из Петербурга непременно наполняют ее слухами, для правительства вредными. Слухи же сии, невзирая на нелепость их, с жадностью внимаются и распространяются с чрезмерною быстротою в обширном городе, составленном по большей части или из людей праздных, или отставных и дворян, недовольных и почитающих себя независимыми от правительства потому токмо, что под благотворною его сению пользуются достаточными имуществами, которое оно же ими охраняет.

Из древней столицы сей, куда каждую зиму съезжается со всех концов России богатейшее дворянство, гибельная мода порицать правительство переходит в провинции, тревожит *добрых* граждан, служит пагубным для злых орудием и благотворную доверенность к правительству, в важных положениях его столь драгоценную, в основании ее и повсеместно колеблет.

Если последствия духа сего столь пагубны в губерниях Российских, где еще, невзирая на все вредные внушения заразительных столиц, вера русская, честь русская и любовь к Государю природному сохраняется, то легко заключить можно, каковы последствия, сим положением умов производимые, в провинциях завоеванных, пограничных и недовольных, в коих скрывается еще дух буйной свободы, как пламень под пеплом, беспрестан-

но возжигаемый извне, движением в Европе, происходящим и изнутри разными злоупотреблениями, слабостию местных правительств и неустройством для одних притеснений деятельной полиции.

Что произведет дух сей, распространяясь в армиях? Каковы последствия его будут, когда усилится он в самом народе? Кто исчислит бедствия производимых им впечатлений на сердца воспитывающегося юношества, которое до того уже в сем смысле развратилось, что я сам, с удивлением и ужасом, слышал мальчиков гимназии, повторяющих вредные городские толки?

Нужно ли представлять всю важность сего предмета? Нужно ли доказывать гибельные последствия подобного умов положения? Нужно ли утверждать, что все меры обыкновенные есть преследования личные, не только в сем случае бесполезные, но даже и вредные, ибо раздражают умы и представляют опасность, которая всякой дерзости придает цену, уважение и некоторый род славы.

Между тем, что делает полиция? Осмелилась ли она представить правительству в истинном виде сие гибельное направление умов? Взошла ли к причинам оногo и познала ли их? Представила ли общие средства исправления, в самых причинах сих почерпнутые? Последние две мысли сии составят предмет моего рассуждения.

І. О причинах вредного направления умов в России

Французская революция, в начале своем столь очаровательная, особливо издали, потрясла умы в целой Европе.

Все, чем прельщали нас Вольтеры, Руссо и Дидероты⁴, то есть: моральная и политическая свобода; народ, через представителей своих собственно в законодатель-

стве участвующий; представительные сословия народной власти, всем великолепием и древними, изящными формами облеченные. Сие на прерыв ударило нас, что мечты сих так названных философов сбылись наяву, и лучшие времена республик, коими так часто играло воображение наше при чтении истории греческой и римской, наконец настали. С одной стороны, успехи и торжество революции, с другой – ложные меры правительств, боязнь, которую тотчас обнаружили они, и опасения, кои за ними последовали, придали сим призракам вероятие, подстрекали любопытство и усилили дух мечтательной независимости.

Мечты сии тем сильнее действовали на умы, что зримы были в большой отдаленности и совершенном отвлечении от всего ужасного и отвратительного; ибо если бы, например, тогдашнее правительство наше вместо ложных осторожностей и запрещений, всегда вредных, дозволило читать всенародно кровавые страницы актов республиканских, в которых рубить головы называлось «бить монету» и «добром», декадою именовалась та, в продолжение коей расстреляно наиболее Вандейцев⁵, то без сомнения упали бы привидения, вдали от революции возникшие.

Но какой-то гибельный рок Европы хотел, чтобы все правительства того времени брали примеры совершенно противоположные и служили революции, которую погасить стремились впоследствии, даже и за несколько лет тому назад, повсюду принятые меры строгости запрещений и утеснения отягчены над народами, повсюду как бы на прерыв хотели уверить, что во Франции произошло нечто такое чудесное и соблазнительное, о чем даже и слух допустить к народу опасно. Между тем народы видели низверженный трон, видели все человеческие величия в прахе, все, что доселе представлялось в привычках и

мнению святым, видели поруганным и уничиженным. За сими впечатлениями, весьма уже для общественного порядка предосудительными, последовало в России правительство жесткое – умы еще более воспалялись, согласие в политических мнениях, неудовольствием рожденное и боязнью скрываемое, названо истинным патриотизмом.

Последствия сего известны.

Наконец просияло благословенное царствование нашего Траяна, отверзлись темницы, возвратились изгнанники, исчезли и самые орудия угнетений, то есть люди, над коими народное негодование наиболее отягчалось. Все жалобы умолкли; единое чувство любви, единый глас удовольствия соединил все концы России, везде слышны были токмо повествования о Государе боготворимом, о разных предсказаниях о нем Екатерины⁶, и, словом⁷, обнаруживались те благотворные гадания, коими обыкновенно наслаждается любовь народная при начале царствования Государей любимых. Но мало-помалу чувство сие охладело. Начали жаловаться на введение новостей (новшеств – *А. М.*). Люди, закоснелые в старинных предрассудках и никогда не прощающие правительству политического их ничтожества, стали осуждать так называемый ими дух подражания всему иностранному. Общественное мнение начало колебаться. С жадностью слушали, подобно детям, сказкам духов внимающим, разные, по большей части вымышленные рассказы о царствовании Екатерины, в коих, скрытым еще образом, осуждалось правительство настоящее, стали порицать лица его составляющие, жаловаться на недостаток представления (*représentation*), словом, хулить все то, что за год пред сим почитали счастьем невозможным, что за несколько месяцев до того боготворили.

Тщетно было бы полагать, что подобные перемены в общественном мнении имели какое-либо основание.

От республик греческих и римской до наших времен история наполнена неблагодарностью народов и примерами легкомыслия их чрезмерно пагубного, но весьма, впрочем, свойственного толпе, ничего основательно не знающей, судящей правительство издали, по пересказам неверным и всегда почитающей себя верховным судьей царей. Но основательно положить можно, что описанная мною добрая <...> так сказать в общественном мнении, было нечто иное как минутное токмо чувство радости при перемене благотворной, после мрачных времен и жестокого перелома... Мнение же общее, выше объясненными причинами в основании своем потрясенное, никогда уже не исправлялось.

Итак, заключить можно, что главнейшие причины повреждения общественного мнения в России суть:

- 1) Дух революции Французской.
- 2) Ложные меры, тогдашним правительством против оного принятые.
- 3) Прошедшее правительство и перелом, его переживший.

II. О способах исправления или средствах исправить мало-помалу общее мнение

Познав таким образом положение общего мнения в России и открыв причины оного, мы почерпнем в самих причинах сих и способы исправления. Если возмущения, низложившие храмы Бога и троны царей, потрясли мнения народов о всем, что было прежде священным, если гибельный дух века, в котором мы живем, содействует унижению сему двух начал, кои единственно связь общественную держат, и именно религии и власти царской, то, без сомнения, все средства употребить должно для возвышения и ограждения их всевозможным величием

от прикосновений общественного мнения. Настоящий правитель Франции оценил мысль сию с великой точностью. Он окружил монархию всем, что в понятиях человеческих есть наивеличественнейшего. Титлами и богатствами отмеченные первейшие государственные чиновники, сословия законодательные, великолепием и древними формами облеченные, заслуге токмо дозволенный доступ к правителю, пышная стража его, большое представление при дворе, большие почести первейшим гражданам, пред Отечеством заслужившим при жизни их и по смерти присвоенных, составят между государем и народом то великое расстояние, которое толпа общественная привыкла принимать за истинное величие. С другой стороны, изящнейшим языком выраженные акты, волю повелителя столь достойно знаменующие, народные торжества и великолепные памятники возвышают дух народа и нравятся его гордости уваженной.

Звание проповедателей религии, почестей первейшему духовенству присвоенных, частые и пышные отправления церковного служения, всем великолепием воинских представлений определенное, поддерживает некоторую наружность истинной нравственности, призывает народ хотя на некоторое время к воспоминанию о почитании Бога и властей, от Него постановленных, и делает полезные впечатления на юные сердца воспитывающего с рождения.

Если средства сии произвели быстрое и полезное действие на самом жерле еще дымившегося вулкана революции, если не только перед глазами французского народа, немедленно после всех поруганий царского достоинства, но и в глазах всей Европы, толико облагородствовались и возвеличили они и монарха, и первейших чиновников, из окровавленного праха революции возникших, то кольми паче могли бы они благотворные

иметь успехи в России, где нравственность народная еще не повреждена, религия почитаема и Государь от Дома Филарета⁸ и крови Петра Великого на троне. Сверх того, два важных предмета непосредственно в России отличное внимание в сем отношении на себя призывают, ибо производят жалобы и общее мнение во вредном направлении его удерживают.

1-е. Два первые состояния государственные, на коих все основание монархии укрепляет и движется именно гражданское, собственно правительство в разных чинах составляющее, и воинское, поставлены у нас разными обстоятельствами в вечной и повсеместной вражде. Исчезло из виду благотворное соединение их на пути, коего цель есть слава Отечества. Некоторое взаимное местничество и пренебрежение заняли место тех совокупных усилий на славу Отечеству, которые иногда их с толикою пользою соединяли. Предмет сей в обыкновенном положении государства не довольно представляется важным, но весь вред его, все гибельные его последствия неожиданно и ужасно раскрываются в обстоятельствах чрезвычайных, как то во время войны, заразы и прочее.

Во Франции, в сем государстве истинно воинственном, всякий гражданин — солдат, честь умереть за Отечество принадлежит всем одинаково. Мужество воинское, гражданские добродетели, заслуги ученых и добрые нравы духовенства тем же знаком Почетного легиона отмечаются. Все состояния государства равно нужны, и благотворное согласие их в славе Отечества истинную силу и величие держав составляет.

2-е. Не говоря о недостатках гражданского казенного уложения нашего, стоит токмо взглянуть на людей, коим честь, собственность и будущее благосостояние детей наших вверены. Что может быть униженнее и презреннее в обществе. Какой так называемый поря-

дочный человек согласится быть земским исправником или уездным судиею?

Кто захочет, живя в губернии, поместить сына своего в канцелярию одного из губернских присутственных мест? А между тем от трибуналов сих зависит участь народа, между тем им исключительно вверено явное отправление правосудия по всей империи, на их исследованиях полагаясь, основываются суждения Сената и невозвратно произносятся страшные приговоры гражданской смерти и лишения чести. Между тем миллионы казенных поселян страдают под их управлением и разоряются их злоупотреблениями. Какая может быть сему причина? Почему столь важное в государстве звание так унижено и в толико презрительное положение впало? Правительство, которое недавно с толиким благоразумием и смелою рукой положило основание просвещению и облагородствованию духовенства, которое единым словом исторгло навеки проповедь дателей религии улучшением их состояния из того унижения, в коем они доселе находились. Просвещенному правительству сему легко и удобно представить, что унижение людей, отправляющих у нас правосудие, происходит: 1-е, от их бедности, 2-е, от злоупотреблений и лихоимства, к которому могла их принудить бедность сия, и, 3-е, от того презрения, которое естественно в общем мнении на счет их укоренилось.

Нужно необходимо облагородствовать состояние (сословие. — *А. М.*) сие, нужно возвысить его в собственных его глазах. Нужно дать ему приличное содержание и потом с неумолимою поступать уже строгостью как в выборе чиновников, так и в наказании их проступков. Нужно призвать различными преимуществами помещиков богатых, людей знатного происхождения, отставных и на поле боя отличившихся офицеров к губернскому служению. Тогда возвысится почтенное состояние, кои-

ми правосудие в государстве отправляется. Тогда токмо перестанет продаваться честь и собственность гражданина, умолкнут вопли бедных, столь нагло и открыто притесняемых, и миллионы благословений осенят сие новое творение нашего Траяна.

Сверх того, всякий народ привязан к обычаям своим, к воспоминанию о славе предков и более или менее презирает все чужестранное. С радостью и любовью видит он в правителях своих каждый шаг к восстановлению чего-либо старинного и в привычках его священного; ибо принимает сие знаком их уважения и любви к себе.

Преимущественное помещение природных граждан на первые места правительства, и особенно по части воинской, где при малейшей неудаче иностранец обвиняется в мнении народном изменою, большую доверенность народа правительству обретает употребление народного языка и введение оного во всем великолепии и изяществе его в акты управления, и разные обнародования образуя: вкус народный убеждает его на меры, правительством принятые, и внутренним в них убеждением дает ему некоторый род участия в оных.

Сим, кажется, ограничиваются средства, которыми общее мнение в России исправлено и привязано к правительству быть может. Но не должно упускать времени и необходимо нужно, чтобы полиция, лучше образованная, невидимою и везде присущною силою своею познавала общее мнение, могла всегда о состоянии его дать полное и основательное правительству сведение и даже во многих случаях направить оное. Нужно, чтобы в век, в котором живем мы, полиция была такова, как видим мы ее с Людовика XIV под управлением Аржансона⁹; чтобы, как некое провидение, над порядком общественным недремлемо бдящее, обнимала она все части общества, от хижины поселянина до Кабинета первейшего государ-

ственного чиновника, и всегда была невидима. Славный Лемуар говорил, что добрая полиция должна во всякое время окружать гражданина, но не беспокоить его.

ИЗ ПИСЕМ И ЗАПИСОК

А. А. АРАКЧЕЕВУ¹

1814—1817 гг.

I.

Милостивый Государь, граф Алексей Андреевич!

По благотворному участию вашего сиятельства в судьбе моей я поставляю непременно обязанностию предавать все действия мои по службе вашему, милостивый Государь, руководству. Почему и имею честь представить, у сего, список с отчета моего по кратковременному управлению здешнею губерниєю, который с сею почтою отправил я по своей команде. Вы изволите увидеть из него, сиятельный граф, состояние бывшего здесь управления и порядка.

Правдивость вашего сиятельства истребила уже здесь столько зла, что, оставляя губернию, не могу я промолчать пред вами, почтеннейший благотворитель, еще одного, одного, которого достойно внимание правительства.

Здесь есть дело верейских однодворцев с коллежским асессором Чуриковым, состоящее в том, что Чуриков отнял у прекраснейшего казенного селения земли, лес, каменные ломни и, наконец, реку, с нею и водопой.

Однодворцы жаловались несколько лет. Чуриков не довольствовался тем, что все судебные места, до казенной палаты, продолжали дело и склоняли даже в его

пользу; но дабы истребить и самые просьбы однодворцев, вместе с бывшим губернатором, отдали они сына их поверенного в солдаты, без очереди; морили его самого в холодной избе, и Чуриков как жестокий помещик в собственном имении с покровительством губернатора и покорностию земской полиции заставлял трепетать бедных однодворцев, разъезжая по селению и выбирая начинщиков справедливых жалоб в рекруты, по своему произволу.

Все сии обстоятельства сказывали мне: самый поверенный верейских однодворцев, при 25-ти человеках из них, в присутствии правившего должность здешнего губернского предводителя, и подтвердил сосед Чурикова, помещик Цуриков.

Таким образом, несчастные однодворцы готовы были покориться; но отчаянная отважность поверенного спасла их. Он просил Сенат, и по настоянию министра финансов дело поправилось. Дан указ отмежевать земли однодворцев. Отправлена комиссия на место. Чуриков не мог подкупить сотрудника здешнего правления Базилевского, который начал исполнять указ, как следовало. Губернатор нашел средство отдать его под суд, и дело опять остановилось. Будучи вице-губернатором, настоял об отряде новой комиссии, но никак не мог успеть. Наконец послана комиссия уже в мое управление губерниею, но и она ничего не сделала, после пышного угощения от Чурикова возвратилась с представлением в его пользу. Я назначил новую и надеюсь, что она дело свое исполнит, но уверен, что Чуриков и тут будет придумывать извороты и однодворцы опять пострадать могут, ежели дело сие не поставится под особенное наблюдение начальства.

Чуриков, закупив все, что закупить можно, совершенно здесь господствует. А так как из губернии видна

изнанка Петербурга, то кажется, и там имеет подпорки. Он не токмо теснит и разоряет 15 т. казенных поселян своих соседей по верейскому имению, как везде, чем может покупает близ казенных селений небольшие частицы земли и захватывает самым насильственным образом их дачи. От одного конца губернии до другого и дела сии г-на Чурикова известны, и имя его служит страшилищем для казенных поселян.

С истинным высокопочитанием и вечною
преданностью Милостивый Государь,
вашего сиятельства всепокорнейший слуга,
Михайло Магницкий.

II.

Список с отчета о трехнедельном
управлении Воронежскою губерниею
Июля 20-го 1817
Получено (Аракчеевым) 2 августа

Кратковременное управление мое здешнею губерниею не заслуживало бы внимания Вашего Высокопревосходительства, ежели бы расстройство оно не представило мне на первом шагу множество предметов, требовавших немедленного исправления и призывают их особенное содействие высшего начальства.

По довольно долгому моему здесь пребыванию легко мне было знать, что, правя губерниею до приезда нового начальника оной, могу и тем только быть полезным, чтобы:

1-е, приуготовить дела к такому общему обозрению, помощию коего он мог бы увидеть одним, так сказать, взглядом истинное положение управления ему вверенного и

2-е, немедленно исправить все то, что не терпит отлагательства в видах общей безопасности.

Сие понятие о моей обязанности привело меня к обозрению разных предметов и к различным действиям, в коих буду я иметь честь по порядку времени дать Вашему Высокопревосходительству подробный отчет о каждом особенно.

I. По делам губернского правления и всех мест, ему подчиненных

Мне давно известно было, что главное расстройство здешней губернии состоит в слабом действии подчиненных полицейских мест. Что места сии по недейтельности их загромождены делами, запущенными весьма давно в порядке, не обревизованными и за течением коих нет должного наблюдения. Что само правление по необычайному множеству расположенных переписок и запущению собственных его дел потеряло всякий способ надзора за порядком мест, ему подчиненных, едва успевает очищать бумаги, в него вступающие, и действие свое в понуждении низших полицейских мест ограничило непрестанными денежными штрафами, кои по маловажности своей и частому их повторению не имеют уже никакой силы.

От сего дела следственные производятся чрезвычайно медленно и слабо; а уголовные умножаются. Полиции и тесные тюрьмы наполнены колодниками, Уголовная же палата должна решить до тысячи дел и более ежегодно; дел тем труднейших, что первое обследование по большей части было поздно, недейтельно и недостаточно.

Самое множество уголовных дел есть уже признак совершенного расстройств полиции. По сему положению вещей заключал я, что самый центр полиции, гу-

бернское правление, должно быть в расстройстве и что, открыв положительно степень и причины оногo, можно будет найти и средство исправления.

На сем основании предложил я правлению при первом вступлении в оное:

1. Составить за все прошедшее управление подробные ведомости нерешенным делам. Составление ведомостей ограничил я прошедшим только управлением потому, что знал, и опыт доказал, что за дальнейшее время сие совсем невозможно, не остановив течения всех настоящих дел.

2. Приказать секретарю правления представить отчет о состоянии архива.

3. Предписать всем подчиненным местам составить по данной форме ведомость не решенным в них делам и означить число содержащихся по оным арестантов в полициях и тюрьмах.

В своем месте по порядку времени моих действий буду я иметь честь донести о последствиях сего предложения.

II. О мерах по исправлению Воронежской полиции

Совершенно расстроенную полицию губернского города, как то далее Ваше Высокопревосходительство увидеть изволите, нашел я в руках чиновника весьма неблагонадежного и в общем мнении потеряннoгo, между тем как правивший должность здешнего полицмейстера бобровский городничий Глинка², чиновник, по службе, деятельности и прямоте своей всеми здесь уважаемый, удален был от сей должности по одной личности, всему городу известной, и находился под следствием, коегo ничтожность с первого взгляда на оное обнаружилась.

Я предложил немедленно правлению рассмотреть дело о г. Глинке. Оно рассмотрено, он найден во всех частях невинным и даже обвиненным делами своего предшественника. Он допущен к должности. Ему поручено:

1. Обревивозать дела и положение полиции.

2. Составить обывательские книги, ибо до того времени не токмо оных не было, но полиция и не знала, сколько жителей, кто живет в городе и с какими видами.

3. Привести в порядок мясные и рыбные ряды и поверить весы и меры на торгу и в лавках, ибо прежде как жители, так и войско жаловались на нечистоту мясных рядов, дурное качество продающейся говядины и непомерную дороговизну оной, выше московской цены.

Большая часть сих мер, сколько краткость времени дозволила, приведена в действо. Неблагонадежные чиновники полиции удалены и замещены новыми. Цена на мясо, до сделания еще новой таксы, значительно упала. Пожарные орудия, сколько по ветхости их возможно, исправлены и собраны для всегдашней готовности в одно место.

При сдаче дел одной части найдено 300 неисполненных.

Важная покража в доме статского советника Дебольцова серебра на 2000 рублей, в сие время случившаяся, открыта личною деятельностью г. Глинки в два дни, серебро все отыскано и возвращено, не токмо воры, но и все участники пойманы и при сем случае открыты в самом городе пристанодержатели беглых и воров и люди, составлявшие фальшивые пашпорты и давно жившие в оном. Грабеж лавки купца Чубуркина, в то же почти время случившийся, открыт, вор найден, вещи и деньги 2200 рублей, выше суммы в объявлении хозяином показанной, сысканы и возвращены ему.

Сии действия г. Глинки представляются Вашему Высокопревосходительству тем отличнейшими, что он всту-

пил в управление такую полицию, которая несколько уже лет одним именем существовала.

Я нашел ее в следующем положении:

Чиновники, ее составляющие, за исключением трех или четырех, люди, дела своего не знающие, поведения дурного и неблагонадежные. Многие из них мною уже изгнаны и заменены другими; но некоторые еще остаются. Дела полиции так запущены и расстроены, что в правлении более ста дел за нею остановлены; палаты Уголовная и Казенная непрестанно на нее жалуются; а представляемая из сего докладная записка покажет Вашему Высокопревосходительству, что с давнего времени и самого правления указам она ослушна; но что при всем том правление с начала 1816 г. ограничивалось оштрафованием ее шестнадцать раз сряду маловажными денежными пенями, между тем как по закону не пеням уже, а строжайшему суду она подвергалась.

Полиция получала значащие суммы на содержание будочников, издерживала их неизвестно куда; ибо по личному осмотру прокурора не оказалось их налицо и будки стоят пустые; но ни денег нет, ни отчета в оных. Обстоятельство сие по распоряжению моему ныне только следует.

Город, коего жители не известны полиции и который, как при всяком поиске открывается, наполнен беспаспортными, беглыми и пристанодержателями беглых и воров, оставлен без ночной стражи и подвержен от сего величайшей опасности. Доколе дело о будочниках приведется в порядок, нужно бы было нарядить оных от обывателей, которые, чувствуя собственную опасность, совершенно на сие готовы; но без особенного Вашего Высокопревосходительства предписания прочным образом делать сего невозможно.

В городе торгуют люди в великом множестве, никакого права на торговлю не имеющие, ибо производят оную без свидетельств от Казенной палаты, от чего правительство теряет, вероятно, довольно важных доходов.

Учрежденная здесь квартирная комиссия привела дела свои в такую запутанность, что порядок очередей совершенно смешался, помещение войск осталось на ее произвол, и как войска, так и жители непрестанно притеснены и жалуются. Я отрядил в комиссию сию особенного чиновника, которому поручил составить в течение недели, по данной от меня форме, такие ведомости всем домам, из которых бы ясно было видно, кто отправил свою очередь и кто отправлять должен. Поручение сие исполнено. Ведомости сии готовы и ясно открыли все злоупотребления квартирной комиссии. Дома богатых людей везде освобождены под предлогом бывших самых малых постоев и облегчены в постое, а дома бедных, духовенства и недостаточных чиновников самым несправедливым образом обременяются.

Теперь остается уравнить сию повинность, но я не полагаю, чтобы без особенного строжайшего предписания Вашего Высокопревосходительства по давнишнему навыку и выводам сего беспорядка было сие надлежащим образом исполнено.

В сем положении полиции явился ко мне здешний полицмейстер Полозов из отпуска. Я не мог допустить его к должности по беспорядкам, в коих он сам открывается весьма виновным; ибо не только не доложил о расстройстве полиции, но продолжил оное и даже умножил.

По сему и предложил я правлению, до окончания следствия по здешней полиции, откомандировать Полозова в Задонск, поручить его должность задонскому городничему Славянову, который обревизует здешнюю

полицию надлежащим образом. А бобровского городничего Глинку, который по бедности в губернском городе жить с семейством не может, откомандировать в Острогужск для обревизования и приведения в устройство расстроенной тамошней полиции, на время отсутствия городничего Щекина, который по новым уголовным делам и требованию Уголовной палаты вызван к ответу в Воронеж и будет находиться здесь под присмотром полиции.

Должность бобровского городничего поручена Нижнедевицкому Ранцевичу, ибо в Боброве помещена полковая квартира, а в Нижнедевицке нет войска.

III. По заседаниям Приказа общественного призрения

Давно слышал я о горестном положении заведений здешнего Приказа общественного призрения; но никогда не мог вообразить ужасного состояния их до обозрения оных.

Я буду иметь честь представить Вашему Высокопревосходительству положение сих заведений точно в том виде и порядке, как представились они при осмотре их мною обще со здешним губернским прокурором.

1. Дом воспитательный

Он помещен в тесном и сыром строении, которое осенью и зимою, по общему показанию живущих в нем, так сыр, что без опасности для здоровья несколько часов пробыть в оном не можно. Между тем на том же дворе есть другой дом, для заведений Приказа назначенный, который занят был директором, коему по уставу положено две или три комнаты.

Кормилицы и няньки заведений принимаются не только без свидетельства врачебной управы, но и без паспортов. Я нашел рожок во рту спящего младенца с самой отвратной нечистотой; одного из младенцев совершенно окровавленным, другого, страдающего без помощи шесть дней в конвульсиях, и всех воспитанников первого возраста, полумертвых страдальцев, покрытых разными нечистотами и сыпями и не похожих на детей, вверенных благотворному правительству несчастными матерями. Я видел самый нечистый шкаф, в котором поставлены несколько склянок лекарств с ярлыками, на коих по большей части не только нет надписи, кому и сколько лекарства, но не выставлено даже и имя того, кто оное прописывал. Один из сих ярлыков внес я в присутствие Приказа. Таким образом устроенная аптека воспитательного дома раздается женщиною, только имя смотрительницы носящей.

Я видел младенцев, по углам на полу лежащих за неимением колыбелей. В комнате, определенной для прибежища родильниц, нашел я женщину умалишенную, беременную от человека умалишенного же, что объявил мне и правящий должность директора заведений и сам смотритель дома умалишенных. Кухню воспитательного дома нашел я в величайшей нечистоте.

2. Градская больница

Заведение сие видел я в равном беспорядке – и именно:

1. Нет журнала о состоянии больных.
2. Инспектор Управы до моего осмотра не видал сей больницы. Медицинские чиновники посещают ее разные и не довольно часто.
3. Подлекарь составляет и раздает сам лекарства, которые нашел я также с неподписанными ярлыками.

4. Болезни самые простые не вылечиваются по нескольку лет.

5. Человек, имеющий неизлечимый рак, принят в больницу, не освидетельствован Управою и наконец бежал из больницы.

6. Больные чрезвычайно стеснены, и прилипчивые, и самые отвратные болезни не отделены от прочих. Подлекарь объявил мне, что сие происходит от тесноты помещений, между тем как я нашел на дворе довольно обширный флигель, в котором живут драгуны, по объявлению их уже два года.

3. Дом умалишенных, инвалидный и богоугодный...

Заведение сие в равном беспорядке с прочими:

1. Людей умалишенных никто не лечит. Они стеснены с богаделенными, и мне объявлено, что сие происходит от тесноты, между тем как на дворе стоит пустой дом.

2. Бешеные не отделены от умалишенных.

3. Старуха 90 лет, совсем раздетая, жаловалась мне, что смотритель отнял у нее одежду, из милосердия ей данную. Обстоятельство сие подтвердилось признанием смотрителя, который, по моему приказанию, и возвратил отнятую одежду.

4. Дом смиренный и рабочий

Сие заведение есть скопище людей, ничего не делающих и ничем не смиряемых. Люди, от помещиков отдаваемые, не получают от них пищи. Они не имеют никакого занятия и вместо исправления развращаются в праздности.

Из сего горестного изложения Ваше Высокопревосходительство усмотреть изволите, что все законы и правила, на заведение сего рода изданные, совершенно нарушены и именами заведений благотворных прикрыты места недозволенного прибытка, которому <...> непрестанно жизнь нескольких младенцев, бедных больных и благосостояние людей самых несчастных.

Представляемое из сего исчисление, сколько стоили все сии заведения в прошедшее правление, сколько сохранено младенцев и вылечено больных и умалишенных, ясно сие показывает. Из оного Ваше Высокопревосходительство усмотреть изволите, что в четыре года на 6579 больных, из коих умерло 730 и которые неравное время, иные несколько месяцев, а другие и несколько, может быть, дней, в больнице находились, – употребляемо было почти ежегодно почти равное число денег, а всего 64 тысячи рублей. В доме воспитательном в четыре прошлые года из 562 воспитанников умерло 543 и сохранение 19 младенцев стоило 27 тысяч рублей.

Я предложил приказу исследовать все найденные мною злоупотребления. Переменить смотрительницу воспитательного дома и смотрителя за домом умалишенных и обревизовать счета закупщика при заведениях. Младенцев, кои еще могут быть розданы в деревни на воспитание, раздать немедленно.

Но я не могу умолчать пред Вашим Высокопревосходительством, что и члены Приказа, давно знавшие все сии беспорядки и не представлявшие об оных правительству, подлежат строгому взысканию, о коем и имею честь на благорассмотрение Ваше представить.

Врачебная здешняя Управа и в особенности инспектор оной фон Еллинг и оператор Сарториус найдены мною совершенно виновными; ибо не токмо не пекутся о заведениях Приказа, но инспектор и не осматривал

их до меня; а Сарториус весьма небрежен к исполнению своих обязанностей, между тем как получает здесь две тысячи рублей жалованья. Оба чиновника сии весьма не благонадежны, и польза службы требует, чтобы они были удалены от места и переменены достойнейшими.

Один акушер Аракин и духовное начальство прививают здесь предохранительную оспу, сколько могут приватно. Ни Комитет, для оной учрежденный, ни Управа нимало не вводят прививания оной даже в самых заведениях Приказа. В городе умирают дети от оспы естественной. Представляемая из сего записка от духовного здесь начальства докажет Вашему Высокопревосходительству, что префект Воронежской семинарии протоиерей Зацепин, по побуждениям религии, делает то, что были обязаны давно привести в действие и местное начальство, и врач управы, — и что прививание предохранительной оспы вместо повсеместного его распространения едва начинается усердием духовенства.

Совершенно справедливым почитаю просить Ваше Высокопревосходительство, чтобы протоиерей Зацепин³, пастырь во всех отношениях достойнейший, в пример и ободрение других, был за сие награжден каким-либо знаком отличия.

IV. О делах губернского правления.

Продолжение

Как осмотрел я заведения Приказа общественного призрения, в правлении, не останавливая дел текущих, ибо в двадцать дней решено при мне оных 704. Кончена невероятная работа составления ведомостей о всех нерешенных по последнему управлению делах. Видя из сих ведомостей, что не решено указов 109, прочих дел 3500, почел я моею обязанностью спросить о причинах сего запущения.

Честь имею представить из сего Вашему Высокопревосходительству объяснения мне на вопросы, представленные от советников, асессора и секретаря.

Истинные причины запущенных в правлении дел суть:

1. Давнишний беспорядок.
2. Занятие многими делами, до правления не принадлежащих.
3. Частое и почти непрестанно бывшее откомандирование асессора и советника Шилова так, что большую часть времени оставался советник Базилевский один и дела правления исправлял за всех. Отличный чиновник сей по долговременной службе своей и неустомимому усердию заслуживает внимания Вашего Высокопревосходительства, и я имел честь о сем свидетельствовать.

Секретарь правления титулярный советник Чулков и канцелярские чиновники, в представляемых из сего списка именованные, оказали отличное усердие, составляя день и ночь потребованные мною огромные ведомости, не остановив решения 704 дел и окончив то и другое в наилучшем порядке в двадцать дней. Я испрашиваю благосклонного воззрения Вашего Высокопревосходительства на сие отличное их усердие.

V. По канцелярии гражданского губернатора

При открытии первых почт из уездов заметил я:

1. Что цены на фураж и провиант показываются несоразмерно высокие.

Я предписал циркулярно о представлении цен истинных под строгую ответственностью.

2. Что при донесении о скоропостижно умерших и находимых телах не делается немедленного свидетельства от земской полиции и не призываются медицинские

чиновники; а когда и призываются, то тел не вскрывают, а судят о смерти по наружности.

Я предписал, чтобы свидетельства сии производились немедленно и в строжайшем порядке.

3. Что недоимка простирается до 2 миллионов рублей после бывшего обильного урожая, от коего за удовольствием губернии осталось 1 100 000 четвертей на продажу.

Я предписал взыскать недоимку сию всю в течение месяца под опасением строгого взыскания.

3. Найдя множество дел, остановленных по канцелярии губернатора за неполучением ответов после двух и даже трех требований, предписал я очистить все дела сии в течение двух недель.

Секретарю надворному советнику Сарычеву и чиновникам губернской канцелярии справедливость должен я отдать за усердие и деятельность их во время моего управления.

Верно. Магницкий.

РЕЧЬ ПРИ ОТКРЫТИИ СИМБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ БИБЛЕЙСКОГО ОБЩЕСТВА¹

Приступив с Божиим благословением к святому и великому делу распространения Его Слова, взглянем, любезные сочлены мои, на важность сего предмета.

Все царства и народы земные очевидно движутся двумя силами: политикой мира сего и видами Провидения. Глава политики мира сего есть князь его; глава провидения небесного Господь наш Иисус Христос. По первой народы земные от поклонения Богу истинному

пришли к идолопоклонству; воскурились фимиамы в капищах, на жертвенниках полилась кровь человеческая. Идолы, духами тьмы одушевленные, стали прорицать будущее. После многих народов, истребленных и возникших, толпа разбойников основала обширнейшую в свете идолопоклонническую империю².

Торжество князя тьмы казалось совершенным; вся известная вселенная ему поклонялась. По видам Провидения небесного, в уголку мира, в одной из отдаленнейших провинций Римской империи горело всесожжение на алтаре истинного Бога, окруженное малочисленным народом.

Дотоле ход Провидения состоял в том, чтобы огонь чистой веры в истинного Бога теплился, не угасая посреди бурь, князем тьмы воздвигаемых, покуда не придет время обратиться ему в пламень и объять вселенную.

Движение светил небесных показало великую сию годину. Слово Божие воплотилось! Царь мира небесного родился в нищете и унижении мира земного. Ангелы возвестили рождество Его пастухам; но в то же время мудрость земного Востока преклонила колена пред яслями, в которых Он положен, и обожала в молчании детское Его немощствование.

Глава политики мира сего, непонимавший, как видно, дотоле сего таинства, узнал Его; все силы ада устремились на истребление Божественного младенца. Но воинства небесные не подвиглись на Его ограждение. Старец и молодая мать защитили Его одни, от соединенных сил земли и ада – уединением.

Посягнувший на убийство Его, живой пожирается червями.

Тогда Богомладенец возвращается в Иудею зреть в возрасте и мудрости в мастерской бедного Тектона³.

Двенадцати лет учит Он мудрых посреди Храма; в мужеском возрасте объявляет себя Сыном Божиим – Спа-

сителем мира. Излагает учение Божественное. Но как понять его? Оно отвратно уму; ибо совершенно ему противоположно, и требует от него одной покорности и молчания. Оно противно страстям, ибо требует их умерщвления, и не того совершенства, которого требовала философия, не той пышной добродетели, за которую так щедро вознаграждала она самолюбие; оно требует смердам сего самолюбия, требует в жертву всех благороднейших чувствований сердца и обещает за то что же? Гонения, презрение, ненависть от людей и казни. Как понять и полюбить такое учение?

Правда, что чудеса подкрепляют его. Законы природы изменяются по гласу Учителя. Но что до того? Князь тьмы берется и умеет изъяснить все сие по-своему: учение найдено противным разуму; а чудеса учителя приписаны тому, что Он беса имеет в себе. Но как в то же время Он называет себя сыном Божиим и царем, то признан опасным общественному порядку и определен на казнь. Несколько раз посягают сие исполнить; но час еще не пришел.

Богочеловек преображается; никто не знает того, и избраннейшие ученики не могли выдержать сего зрелища; отяготевшая плоть их заснула.

Наконец в час тьмы настало время минутного торжества князя тьмы. Сын Божий предает Себя на распятие. Тот, кто все сотворил, имеет руки связаны. Тот, кто должен судить весь мир, судится за его искупление. Тот, кто изводит нас из темниц ада, ввергается в темницу. Тот, кто смерть истребил, предается смерти.

Ученики, братья, друзья его столь мало понимают все сии происшествия, что оставляют Его и бегут.

Земля потрясается, солнце меркнет, ад видит Его во славе Божества; но на земле печатают еще гроб Его и самого почитают за обманщика.

Что ж будет с его учением? Остались ученики и апостолы; но все люди низкого происхождения, бедные, неученые. На них посылается Дух Святой. Писания, непонятные для мудрых, им открылись: Учение Спасителя стало так ясно, что они идут сами учить, – кого же? Ученых и мудрых. Чему? Что мудрость надобно бросить, что надобно не только оставить все наслаждения, но самыми честными и благородными чувствами пожертвовать, и даже самого себя возненавидеть. На что же? На то, чтоб спастись, уверовав, что Сын Тектона, осужденный за то, что объявлял себя Сыном Божиим, и казненный с разбойниками, есть действительно Сын Божий и что без сей веры не можно быть вечно счастливу после смерти.

Легко представить себе, как их в мире приняли; но между тем учение их начало так распространяться, что наместники римские смутились; императоры, вселенной повелевавшие, испугались двенадцати человек – простолюдинов. Правительство римское обратило всю жестокость и силу свою на истребление христиан смертью. Но смерть не ужасает их; пытками, самыми ужаснейшими; но и пытки только число их умножают.

Так восторжествовало тогда Провидение небесное средствами тихими, простыми и таинственными над политикой ада.

Царство князя тьмы поколебалось в его основаниях. Идолы умолкли и пали. Капища их превратились в храмы Бога живого. Свет Христов воссиял от востока и озарил, мало-помалу, всю вселенную.

Политика князя тьмы, не могшего уничтожить открыто преобладание Икупителя, изменилась в действиях своих, но не в предмете.

Начались в самой Церкви Христовой вражды, ереси, отпадения, разделения.

Но для князя тьмы сего недовольно. Нужно, чтоб было поклонение ему в виде каких-либо идолов. Наружных восстановить было уже невозможно; просвещенные народы не стали бы им поклоняться: выдуман новый идол, разум человеческий. Богословия сего идола: философия. Жрецы его: славнейшие писатели разных веков и стран. Началось поклонение идолу разума. Мрак философии затемнил опять свет Христов. Просвещеннейший из народов сбросил с себя золотые цепи гражданского порядка; опрокинул алтари Христовы; воздвигнул капища нравственным идолам и, как поток, надуемый всеми мерзостями злочестия и разврата, выступил из берегов своих, и не раз угрожал затопить всю христианскую Европу. Вулкан революции выбросил из себя истинного сподвижника князя мира сего — сподвижника доселе невиданного⁴. Безбожен, — он восстанавливает религию; восстановив ее — он оскверняет алтари и разрушает ее храмы; в буйстве и безумии сем мечтает о покорении вселенной, и все ему благоприятствует. Падают троны; покоряются народы. Не токмо великим завоевателем он является, но и предсказывает времена и числа побед своих. Европа начинает видеть в нем нечто чудесное. Сила, богатство и слава его возвращают вместе с гордостью; он думает, что скоро покорятся ему все народы и воздвигнутся в честь его храмы. На краю поработанной Европы остается одна Россия. В расчетах земной Политики и она должна покориться соединенным силам двадцати народов. Войско, ее защищающее, отступает: взята Москва. Все вероятия земные были, что и Россия, подобно другим, купит постыдный мир, пожертвованием силы и славы своей, и, наконец, падет под иго сподвижника Князя тьмы. Все так казалось; но не так быть долженствовало по планам Провидения царя небесного.

В его видах Россия, от низвержения Перуна в воды Днепра до вторжения Наполеона, несла уже на челе своем таинственный знак великого ее предназначения.

В самой глубокой ее древности, в намеках народных прорекалось для нее нечто Священное. Всегда называлась она Русь Святая, цари ее именуются благочестивейшими. Воинство несет святое титуло христолубивого. Самый народ от одного ее конца до другого называет себя православным. Что значит сие? Не тайный ли глагол, прорицающий великое назначение ее в бытиях Провидения? Несомненно, так! События наших времен изъяснили глагол сей. Крестовый поход от Москвы до Сены! Есть его истолкование. Воинство наше, слабое числом против полчищ, славою ста побед покрытых, народ безоружный, побеждают, разбивают гонят торжествовавшие легионы бесчисленных врагов, и самые стихии за нас вооружаются.

Один из благочестивых сочленов наших в будущее собрание опровергнет мнение, будто бы опасно читать Библию текстами Библии (так в тексте. – А. М.). *Слово Божие само за себя говорить будет.*

Но как читать Священное Писание? Возражают еще некоторые: оно непонятно. Не от того Слово Божие кажется непонятным, что язык славянский или другой труден; но потому, что мудрость Божественная недоступна пытливости ума нашего. Последователи Христовы до названия христианами в Антиохии⁵ назывались учениками; следовательно, не только прочесть Слово Божье, но учиться ему должно. Разве каждый из нас не употреблял больших трудов и долгого времени на изучение словесности, математики, географии и проч.? Как же всему учимся, а таинства Божественной мудрости одним прочтением их узнать хотим?

Христос, основывая Свою Церковь, сказал Апостолам: шедше убо научите вся языки (Мф 28:19).

В первые два тысячелетия мира Религия сохранилась без письма одним преданием. Предание сие состояло в том, что отцы <...> называли детям чудеса Божии, которые видели или от отцов своих слышали; а дети, равно благочестивые, то же делали для детей своих.

Боговдохновенный Моисей соединил – и написал все сии предания в книгах Бытия. В последующих велит он израильтянам от имени Божия повествовать те чудеса, которые они видели, детям их и повторяет сие повеление, равно как и то, чтобы они читали, перечитывали и обдумывали закон Божий, то есть все, что тогда составляло Священное Писание. Пришествие Мессии не отменило сего благочестивого обычая. Верные продолжали рассказывать детям своим то, что слышали от отцов своих, и поручали передавать познание сие их потомству. Так в древние времена учились Слову Божию! Млеко благодати принималось вместе со млеко матери. А у нас чему учатся дети? Что слышат они ежедневно? Чему же научат они детей своих, и мудрено ли, что не будут знать и самого названия той книги, которой содержание неизвестно было отцам их?

Такова продолжающаяся политика князя тьмы. Когда невозможно ему уже опровергнуть Библию – ибо веки протекли мимо ее и все ее хулители обратились в прах, а она осталась неприкосновенной, – то должно, по крайней мере, отвратить от нее внимание и уверить, что она непонятна. Действительно, непонятна пытливости самолюбия и гордости ума: понятна и ясна вере, которую одну берется учить тот Учитель, о коем сказал Никодим: «...вем, яко от Бога пришел еси Учитель; никто же бо может знамении сих творити, аще не будет Бог с ним» (Ин 3 : 2). Сей-то Учитель один для веры одной снимает, один за одним, те священные покровы, коими закрыты таинства Божественной премудрости. Умам высокопар-

ным – гордой учености и любопытству они непроницаемы; малым же в духе, детям Царствия Божия все понятно и ясно, ибо Учитель их всегда с ними.

А посему раздавать книги Священных Писаний, сей ковчег премудрости и благодати Божественной, значит, содействуя высокому предопределению правительства нашего, столь видимо особенным благословением Божиим осеняемого, значит набирать воинство под знамена Креста и к великому дню решительного сражения царства тьмы с Царством Света раздавать тот меч, обоюдоострый, которым должен быть поражен навсегда древний змий.

Да благословит Господь наш Иисус Христос труды и слабые начинания наши на пользу его Царствия, и да сопричтет нас к верным и добрым воинам Своим навеки.

ОТЧЕТ ПО ОБОЗРЕНИИ КАЗАНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

М[инистерство] д[уховных] д[ел] и н[ародного] п[росвещения]¹, департамент народного просвещения, донесение члена Главного правления училищ действительного статского советника Магницкого, заключающее отчет по обозрению Казанского университета. Апреля 9-го дня 1819 года № 3.

Господину министру духовных дел
и народного просвещения².

Исполнив возложенное на меня поручение по обозрению Казанского университета, имею честь представить Вашему Сиятельству подробный в оном отчет.

Замечания, отчет сей составляющие, буду я излагать в самом том порядке, которому следовал при обозрении, и потому представляю в 1-м отделении I-й части состав университета, во 2-м отделении обозрение наружного его благоустройства, в 3-м отделении состояние хозяйственного управления, в 4-м отделении положение учебной его части, в 5-м отделении часть нравственного его образования.

Сие составит I часть отчета. Потом изложу во II части оною в 1-м отделении состояние Казанской гимназии в порядке хозяйственном, учебном и нравственном, во 2-м отделении разных заведений, при университете находящихся.

В III части в 1-м отделении представляю общее заключение или краткое извлечение из всего отчета, а во 2-м отделении изложу мнение мое, которое Вашему Сиятельству в предписании своем изволили требовать о приведении Казанского университета в надлежащее устройство или замену его в случае невозможности исправить новым порядком учебного управления.

Часть I

Отделение 1-е

Общий состав университета

Совет университета состоит из 23 профессоров и адъюнктов³, из сего числа пять только имеют голос и уважение, но не могут дать делам надлежащего исправления, ибо большинство голосов, движимое личностью и посторонними влияниями, действуют решительно.

Большинство членов состоит I-е: из иностранцев, в числе коих человека два люди достойные, другие ни

языка нашего, ни законов и порядка не знают. Прочие же сами люди запутанные в делах и неблагонадежные.

2-е: из молодых людей русских профессоров и адъюнктов, добрых и благонравных, но воспитанных и произведенных, по большей части весьма снисходительно, теми самими, кои делали злоупотребления, а потому голоса сих последних, в числе 13-ти, кроме двух, всегда подкрепляли зло по самому невинному побуждению почтения и благонравия.

Посреди сего Совета старый и пронырливый профессор Яковкин⁴ господствовал своим влиянием. Запутанность его счетов проходила без замечаний. Беспорядок и самовольство хозяйственного управления оставались без надлежащего отчета. Ученики гимназии, недоученные, принимались по его покровительству в студенты без строгого испытания. Дети частных людей, живущие у него на пенсионе, допускались к лекциям профессоров под названием слушателей и, не ходя на лекции, а почислившись на оных три года, получали или звание студентов, или аттестат.

Сие состояние Совета, обратившегося в посмеяние самых его членов, изъясняет все замеченные министерством беспорядки и неурейства лиц и заведений, ему подчиненных.

Имею честь представить здесь в доказательство того духа, которым Совет вообще заражен, *рассуждение о разных системах нравовучения*, профессором философии сочиненное, одобренное и напечатанное в университете и произнесенное в торжественном собрании прошлого года⁵.

Если нужно будет, то и еще могу я представить сочинение сего рода, оставленное мною в Казани, потому что оно не напечатано и было взято и рассмотрено мною в рукописи.

Изложив сие общее понятие о составе и духе центрального управления Казанского университета, подступлю я к представлению прочих частей моего отчета, кои по мере раскрытия их во всей подробности покажут последствия, от сей причины проистекшие.

К сему отделению приобщу я записку о главнейших членах Совета с замечаниями, почерпнутыми из послужных их списков; из личного моего с ними знакомства; из рассмотрения их сочинений, из слушанных мною лекций и осмотра порученных им заведений.

Отделение 2-е

Обозрение наружного и полицейского благоустройства Казанского университета

Пять домов, университетом занятые, построены и накуплены весьма ненадежные. Университет, приняв их положение в 1814 году, стал продолжать настояния о их починке, еще в 1813 году сделанные. Начались сметы для их исправления архитекторами, не знающими архитектуры и коих постройки непрестанно валятся.

Вместо того чтобы сказать, что некоторые из сих зданий куплены почти в развалинах, а другие пришли в сие состояние вскоре после постройки, составили расчет на их починку в сто тысяч рублей с лишком.

Отпущены 35 тыс. руб. на необходимейшие починки. Деньги сии употреблены теми же незнающими архитекторами на починки наименее нужные; ибо, например, вместо укрепления треснувшей до фундамента капитальной в доме стены выбелили другие и т. п. Деньги сии растрачены без всякого хозяйственного надзора и частью неправильно покупкою материалов без порядка и на добрую веру экзекутора⁶.

В сем состоит развязка тех запутанных представлений и смет, кои затрудняли министерство в сношениях его с университетом по сему предмету.

Необходимо нужно будет послать отсюда опытного и надежного архитектора для осмотра всех зданий, университету принадлежащих.

После сего осмотра откроется, что есть такие здания, которых и чинить нельзя; а нужно будет перестроить, или если они совершенно негодны, то должно будет, сломав, построить новые. Откроется, что в главном здании университета передняя стена наклонилась и через времени угрожает падением.

Когда архитектор произведет сей осмотр и сделает смету для приведения университетских зданий в надлежащую безопасность; то нужно будет его оставить на время в Казани членом строительной комиссии, которая не заключала бы контрактов с Казанскими монополистами Савиновым и Калмыковым, как то доселе было, а заготовляла бы сама все нужные материалы, хозяйственным образом и под личною ответственностью произвела строение по утверждению здесь смет и фасадов.

Для состава сей комиссии можно будет употребить профессоров, коим как предмет сей, так и бывшие злоупотребления известны.

О заимствовании нужного для сего суммы, без особенного назначения из строительного капитала <...>, я имею честь представить в своем месте при общем мнении по осмотру (часть III отделение 2-е).

В пяти домах, университету принадлежащих, между тем как студенты стеснены в помещении, а ученики гимназии и комнат для уроков не имеют, и учатся в спальнях, чиновники университета занимают 90 покоев, кроме тех, кои заняты служителями, солдатами и разными принадлежностями.

Профессора Арнгольд и Герман имеют: первый 11, а последний 10 покоев. Секретарь университетского управления занимает 6 комнат, а переплетчик университета 3 и т. д.

В рассуждении полицейского устройства в университетских зданиях экзекутор найдет много весьма неисправным. Беспорядок пожарных орудий и невозможность ими действовать могли подвергать ежедневно обширное университетское здание опасности от пожара. По моему приказанию трубы исправлены, ведра и прочие принадлежности собраны в одно место и удобно могут быть ныне взяты к немедленному употреблению. Но оставалось еще сделать следующие распоряжения, коих по краткости моего в Казани пребывания не мог я привести в действо, и предложения к исполнению Совету, а именно:

1-е: разошедшиеся рукава труб или вычинить, ежели можно, или переменить новыми.

2-е: неудобные, по тягости и огромности их, багры переделать в обыкновенные.

3-е: сделать расписание пожарной команды таким образом, чтобы в случае нужды каждый солдат знал орудие, которым должен действовать, и чтобы немедленно мог при оном явиться по известному знаку.

4-е: пожарных служителей поручить в команду надежнейшего унтер-офицера, который в должности брандмейстера за исправность пожарных орудий и служителей лично ответствен под начальством экзекутора.

Исправность сей команды не только обеспечит безопасность университета, но и пособием полиции может быть в пожарах поблизости университета.

К неисправности экзекутора должен я был отнести нечистоту, которую нашел в классах, столовых, спальнях и кухнях.

Восстановление повсеместной чистоты и порядка в несколько дней доказало, что они были возможны и могут всегда быть сохраняемы.

Сохранение их возложил я на личную ответственность инспектора студентов и гимназии, доколе сия последняя в университетском доме будет находиться.

В спальнях студентов нашел я воздух испорченным и повторил замечание, инспектору мною сделанное, о немедленном устройении отдушин, которые впускали бы в комнаты нужное количество воздуха для освещения их поутру и на ночь. Я заметил, что в коридорах у всех почти печей унесены заслонки и даже двойные вьюшки и что беспорядок сей может иметь опасные следствия, ибо против самых печей видел я большие щели в полах.

Инспекторам, каждому по своей принадлежности, поручено сие осмотреть и немедленно представить опись недостающим заслонкам и железным листам своему начальству.

Для предупреждения же подобного неустройства на будущее время предоставил я право ректору или проректору исправлять все подобные небрежности эскутора на его счет.

Нестерпимую неопрятность стола и буфета учеников гимназии и их кроватей поставил я на замечание главному надзирателю оной; а приведение сей части в надлежащий порядок поручил особенному попечению директора гимназии и надзору инспектора.

Для лучшего наблюдения за сохранением чистоты во всех зданиях университета и совершенного порядка в классах гимназии и факультетов поручено мною проректору составить образование такого внутреннего надзора, который бы, начинаясь от входа в университет, окружал непрестанно учеников и студентов.

Для сего предложил я:

1-е. Чтобы учрежден был особенный привратник, как то бывает во всяких публичных заведениях.

2-е. Чтобы в гимназии из учителей, а в университете из студентов было составлено дежурство.

3-е. Чтобы каждый вечер дежурные доносили своим инспекторам, а инспекторы ректору о всех происшествиях дня.

Для исполнения сих распоряжений предложил я Совету утвердить выбором постоянного инспектора студентов и переменить главного надзирателя гимназии, который как по беспорядку оной, так и по причинам, далее в части II отделении 1-м о гимназии изъясненным, в настоящей должности остаться не мог.

Внутренняя полиция университета в самом дурном положении. Инспектор студентов, профессор Брейтенбах, есть человек слабый, в отношении своей должности, он навещает студентов весьма редко, то есть через несколько дней, и они живут без всякого за ними присмотра. Когда сделан мною вопрос о числе их, то для узнания одного собирались от профессоров сведения о числе слушателей на их лекциях.

Неопрятность комнат, студентами занимаемых, невзирая на приготовления, к приезду моему сделанные, поразила меня. Белье постельное нашел я в самом дурном состоянии, и многие постели без простыней и наволочек. Кухня и все в ней принадлежности, как то посуда и прочее, найдены в столь большой нечистоте, что без отвращения видеть их не можно.

К довершению беспорядочного управления студентами, по предписанию бывшего министерства, не содержатся они от университета, но получают жалованье и занимаются сами своим хозяйством, в рассуждении стола и других потребностей. Сие имеет то неудобство, что

отнимает у них нужное для существеннейших занятий время, оставляет в их распоряжении деньги, которые они и во зло употреблять могут и по неопытности их самого содержания надлежащим образом не обеспечивают.

Отделение 3-е

О хозяйственном управлении университетом

По хозяйственному управлению университета на-шел я только в порядке хранения университетских сумм; но и здесь не мог свидетельствовать 50 руб. медью, сложенных по недостатку места и ветхости мешков таким образом, что один замок и печать сохранение их обеспечивают. Впрочем, заготовление разных для университета потребностей, как то дров, свеч, провианта и фуража, производилось в противность общих и частных университетского устава постановлениям, не подрядом, а закупом, через эскутора. Хотя в оправдание сей совершенно противозаконной меры и представлено мне то, что покупки производят справочно из цен; но так как, несмотря на сие, цены сии превышают истинные торговые, то из сего следует только то, что справочные цены, будучи обыкновенно везде, а особенно в Казани, чрезмерно велики, закрывают злоупотребление закупов некоторым благовидным извинением.

Изъяснив сие Совету университета, я предложил ему восстановить сию часть управления на законном ее основании.

Сверх сей неисправности закупов самое хранение разных потребностей и особенно дров нимало не обеспечено.

Каждый мог брать их по произволу всякой определенности. Я поручил сделать по квартирам назна-

чение их количества сообразно числу людей на законном основании.

Усмотрев из поданных мне отчетов построениям и починкам университетских зданий, что в оных на довольно значащие суммы закупка материалов производилась через экзекутора без всякого другого отчета, кроме показания имени купца, у которого что-либо куплено, сделал я надлежащее замечание Совету и предложил отменить сию важную неправильность навсегда, а экзекутора, замеченного мною с сей стороны весьма неблагонадежным, обратив на одно исполнение полицейских его обязанностей, поручил всю хозяйственную часть особому эконому, по назначению Совета.

В сем заключается причина того неумеренного увеличения издержек, которое возрастало.

Окончив обозрение хозяйственной части Казанского университета, не нарядил я особой комиссии для строгого и подробного обревизования университетских счетов по следующим причинам:

1-е. Все старые счета, в которых заключается наибольшая часть неправильностей, представлены были прежнему начальству народного просвещения и оставлены тогда без замечания, что Совет, принимая за утверждение оных, в сем смысле и отозвался мне.

2-е. Смерть покойного ректора подала способ ссылаться во всех затруднительных случаях на личные его распоряжения.

3-е. Учет самый подробный, невзирая на вышеизложенные к нему препятствия, открыл бы, без сомнения, растрату важных сумм без закрытия даже оной законными формами, но он не обнаружил бы подлинно виноватых и не доставил бы способа вознаградить потери казны, ибо и все имущество целого Совета двадцатой части ее не составит.

По сим причинам и ограничил я действие мое, по сему предмету, строгим замечанием Совету и предложением о прекращении бывших по хозяйственной части неустройств на будущее время; для чего и приняты мною на месте все нужные меры, как Ваше Сиятельство из представленного у сего списка, с последнего моего предложения, усмотреть изволите.

Отделение 4-е

О положении учебной части Казанского университета

І. Факультет нравственно-политических наук В факультете сем не нашел я главной науки — Закона Божия.

Из справок, по сему случаю мною взятых, открылось, что еще в 1814 году покойный ректор Браун заявил Совету о лжеумствовании студентов и просил, чтобы для отвращения оного открыты были лекции Закона Божия. Совет представлял попечителю, но представление сие осталось без разрешения. Потом, в прошлом году, профессор Городчанинов входил в Совет с таким же настоянием; Совет положил сделать справку и доложить присутствию; но сего доселе не исполнил.

Самое разделение наук сего факультета неправильно и с уставом несообразно.

В уставе положен после профессора естественного, политического и народного права, по точному разделению самой науки права, профессор гражданского и уголовного, сказано, судопроизводства; но под сим словом разуметь должно право Российской империи; ибо общие начала гражданского и уголовного права предшествуют

науке судопроизводства, которое составляет только дополнение к оним. Итак, положено учить гражданскому и уголовному российскому праву; а учат вместо того одному российскому уголовному.

В уставе положен, равномерно в порядке самой науки права, профессор прав знатнейших как древних, так и новейших городов; а учат вместо того римскому и общему уголовному праву, с применением к сему последнему римского, германского и опять российского законодательства, хотя для того и есть особенная кафедра.

Причиной сей запутанности в разделении учебных предметов есть произвольное их назначение самими преподавателями без всякого общего собрания, которое введено сначала и оставалось доньше.

Впрочем, в сем факультете один профессор Солнцев преподает лекции на латинском языке; один он занимается своей частью с прилежанием; имеет собрание нужных для нее авторов; составляет записи и принял деятельные меры к тому, чтобы студенты ходили на лекции.

Профессор философии Срезневский, воспитанник здешнего Педагогического института, следуя системе Якоби⁷, руководствуется духом не весьма полезным и по счастью преподает лекции свои так дурно, что их никто не понимает. Присидя в классе его два часа, спросил я студентов, в чем лекция того дня состояла, и ни один не знал сего. Полагая, что присутствие мое могло быть причиною сего странного рассеяния, сделал я некоторые вопросы из истории философии, которую они прежде слушали, но в том ни одного из них удовлетворительного ответа не получил.

Адъюнкт Манасеин, преподающий лекции естественного, политического и народного права, в отсутствии; он открывает училища в Кавказской губернии.

Из послужного его списка видно, что он сам преподаваемой им науке доучивался в Петербурге не более полутора года, после чего и утвержден здесь же адъюнктом права.

Нет ничего жалостнее преподавания российского уголовного права профессором Врангелем. Ни понятия о преподаваемом им предмете, ни познания языка российского, на котором преподает, он не имеет. Поучась в нескольких немецких университетах, вступил он юнкером в Комиссию составления законов и переехал в Казань, из юнкеров Комиссии в пять лет сделался профессором. Он зять г-на Яковкина.

Профессор дипломатической политической экономии Цеплин есть человек самый пустой и читает лекции политики, самой тщетной и почти не существующей науки.

Профессор Кондырев преподает лекции политической экономии по Сарториусу⁸, который никак не может служить руководством в сей науке; ибо и сам издал только сокращение Смита⁹.

II. Факультет физико-математической науки

Профессор Броннер, преподававший лекции теоретической и опытной физики, весьма недостаточно заменяется магистром Кайсаровым.

Впрочем, часть математических наук сего факультета заслуживает особенное внимание, по выбору преподавателей можно сказать, что одна сия часть составлена правильно и преподается отлично хорошо. Университет обязан сим случаю. Попечитель Румовский¹⁰, будучи сам известный математик, занимается сим рядом наук предпочтительно, а с тех пор люди, при нем выбранные и образованные, остались доныне.

Профессор Бартельс есть человек, отлично знающий, но не довольно хорошо знает по-русски и лекции преподает вместо русского на немецком, а иногда, смотря по разумению студентов, и на латинском языке.

Он вообще кажется лучше мог бы быть академиком, нежели преподавателем. Теперь он болен и, сколько мне известно, желал бы отправиться в Швейцарию.

Экстраординарный профессор астрономии и наблюдатель Симонов¹¹, молодой человек, отличный познаниями и поведением, известный в чужих краях и подающий самую большую надежду на будущее время. Он преподает лекции свои прекрасно и предлагал Совету правила для экзамена студентов в математических науках, весьма основательные и необходимые, но предложение сие, показавшееся слишком строгим, не было принято.

Экстраординарный профессор Никольский¹², сверх отличных достоинств, по своим знаниям в математике и по нравственным качествам имеет и то достоинство, что факультет, отдавая справедливость его отменно ясному преподаванию, склонил его давать лекции первым началам чистой математики для вступающих из гимназии студентов. Неправильность сего распоряжения, противного Уставу и самому образованию учебной системы, где все приуготовительные науки составляют курс гимназии, не отнимая из профессора Никольского чести, скромности и усердию его принадлежащие, открывает состояние учения в Казанской гимназии и снисходительность, с какою университет допускает в студенты людей, первым началам существеннейших познаний не обученных.

Вместо сего неправильного доучивания следовало бы не принимать недоученных; но тогда университет не имел бы студентов; а без студентов и профессоры не могли бы долго получать своих окладов и университет не мог бы сохранить того призрака существования, ко-

торый с сидящими на лекциях учениками под именем студентов мог он иметь доселе.

Экстраординарный профессор Лобачевский¹³, хотя и отсутствующий ныне, по общему отзыву есть человек отлично знающий.

Адъюнкт Дунаев в преподавании химии не может достаточно заменить хорошего профессора сей науки.

Профессор естественной истории, доктор Фукс, есть человек отличный и в ученом свете известный.

Профессор сельского домоводства и технологий, Брейтенбах, преподает лекции сих тщетных наук весьма недостаточно, на немецком языке. Занимает две кафедры, для жалованья; а имеет в одной и другой 4 слушателя потому только, что, отправляя должность инспектора студентов, может он принудить и принуждает тех из них, кои разумеют по-немецки, ходить к нему на лекции.

Итак, в сем факультете преподавание математических наук в порядке, а, впрочем, один г-н Фукс может преподавать лекции настоящим образом.

III. Факультет врачебных наук

Кафедра профессора анатомии, физиологии и судебной медицины, вопреки всякому порядку и университетскому уставу, занята студентом Отсолигом, под руководством декана факультета. Сей молодой человек может быть хорошим учеником, но не учителем.

Таким образом, медицинские науки преподаются на факультете далее, но надлежащего основания не имеют.

Патологию, терапию и клинику преподает за профессора сих наук профессор Фукс. За профессора врачебного вещевословия, фармацевтики и врачебной словесности преподает профессор медицины и хирургии доктор Вердерамо, человек отлично достойный и в

ученом свете известный. Он же преподает лекции по-вивального искусства.

Профессор Арнгольд, человек, не знающий латинского языка и не умеющий доселе собрать остова тела человеческого, человек, коего незнание в хирургии обличается представляемым у сего списком сделанных им операций, преподает лекции хирургии.

В сем факультете 6 студентов, которые, считая жалование профессоров, помещение и отопление, стоят 15 тыс. руб. в год.

IV. Факультет словесных наук

Профессор красноречия, стихотворства и русского языка, Городчанинов, человек весьма доброй нравственности и знает язык правильно, но подает невыгодное мнение о своем вкусе, ибо делает критический разбор, в виде образцовых творений, одам графа Хвостова¹⁴, преподает и печатает оные. Не отнимая достоинств от сего поэта, позволительно желать, чтобы разбору его творений предшествовал разбор Ломоносова, Державина и Жуковского.

Кафедра греческого языка существует только названием. Студенты не умеют читать по-гречески.

Хотя в описании занятий кафедры латинской словесности и поставлен разбор Горациевых од¹⁵; но в Дополнительных курсах, как далее будет сказано, учат студентов грамматике по книге Бредера¹⁶, что доказывает, что они не могут еще понимать Горация.

V. О Дополнительных курсах

Дополнительные курсы можно разделить на два рода, а именно:

1-й. Доучивание студентов, кои принимаются без строгого экзамена, кои, выше показано, первым началам чистой математики профессором Никольским и латинской грамматики учителем гимназии Сычуговым.

2-й. *Употребление людей, произведенных в высшие ученые достоинства*, дабы имели они какое-либо упражнение за получаемое жалованье, таковы: 1-й: занятый помещенным в математическом отделе профессором Лобачевским. 2-й: преподаваемый адъюнктом естественной истории Тимьянским, философии ботаники, которая принадлежит к кафедре г-на Фукса и, без сомнения, им лучше преподаваема быть может. 3-й: военной и гражданской архитектуры, преподаваемой адъюнктом Петровским. 4-й: статистика Российской империи, которая в то же время в своем факультете преподается профессором Яковкиным. 5-й: всеобщей теории изящных наук и правил российской прозы, из которых последний предмет принадлежит по роду своему к кафедре красноречия и поэзии. 6-й: всеобщей географии, которая в то же время преподается профессором Томасом. 7-й: древней географии, которая также составляет только часть при историческом преподавании, в своем факультете.

Лектор татарского языка имеет одного ученика и получает за него 600 руб. в год.

Те беседы со студентами на латинском языке, к которым § 119-й университетского устава приглашает профессуру, никогда не имели места.

Из изложения сей статьи об учебной части Казанского университета Ваше Сиятельство усмотреть изволите, сколько она недостаточна: по полноте факультетов, от недостатка нескольких профессоров, по неспособности многих преподавателей, по невниманию Совета к распорядку учебных предметов и установле-

нию единообразной и доброй методы преподавания, по недостатку надзора за профессорами и студентами, ходящими произвольно на лекции; по легкому приему в студенты людей, недоученных существеннейшим предметам; низших учебных степеней; по снисходительному производству из сих самых студентов в высшие ученые степени.

Но сколько ни горестно подобное положение одного из высших учебных заведений, стоящего уже правительству два миллиона рублей, желать бы еще можно, чтобы вред его ограничивался сею одною ничтожностью и денежною потерею.

Следующее за сим отделение откроет зло гораздо важнейшее.

Отделение 5-е

О нравственном образовании воспитанников Казанского университета

Признаюсь Вашему Сиятельству, что, невзирая на вопль ученых и полуученых целой Европы против намерения основать зыблущийся храм науки на едином, твердом краеугольном камени, я не постыдился спросить у студентов, наученных профессорами философии управляться нравственным законом, слышали они что-либо о законе Божием, письменном и откровенном, и, к прискорбнейшему удивлению нашему, услышал, что многие из них не знают числа заповедей; другие отвечали мне, что Бог написал их на двух, а не на трех скрижалях, потому что так Ему было угодно, и, невзирая на то, что в расписании наук занимаются якобы они разбором Одиссеи, ни один из тех, коих вопрошал я, не знает, что значит слово Евангелие. Между тем как со-

чинения Вольтера выбросил я из библиотеки, отобранной для чтения студентов их инспектором.

Итак, доказанная мною в предшествовавшем отделении полуученость воспитанников довершается неверием и самым глубоким невежеством в Законе Божиим. Из людей, так образованных, выпущено уже в пятнадцать губерний 43 учителя.

Ваше Сиятельство усмотреть изволите из вышепредставленного мною предложения моего университетскому Совету в статье IV, что я был вынужден оставить в актах университета сей горестный ему упрек и некоторое увещание о соглашении впредь университетского духа с духом того правительства, которое, сделав для него доселе важные пожертвования, вправе требовать, чтобы он основывал ученость своих воспитанников на благочестии.

На будущее время сие важное зло может быть искоренено выбором надежного попечителя, но прошедшей от него вред, то есть пятнадцать губерний, наводненные учителями, в сем воспитании образованными и ныне других также образующими, весьма важен и, по моему мнению, не скоро исправлен быть может.

Новому попечителю необходимо нужно будет узнать лично директоров всех подведомственных университету гимназий с тем, чтобы, увидя неблагонадежных к предполагаемой цели, по их духу, переменить новыми. Другого способа я не вижу.

Статью сию заключу я тем, что каждый из учителей сих, столь противно выгодам и видам воспитавшего их правительства образованный, стоит ему по соображению сделанных на университеты издержек 34 022 руб.

Таков плод, принесенный Казанским университетом в течение 14-ти лет.

Часть II

Отделение 1-е

О Казанской гимназии, о порядке хозяйственном, учебном и нравственном

1-е. О хозяйственном порядке Казанской гимназии

Профессор Яковкин, человек пронырливый и умевший приобрести благоволение бывших начальств местных и высших, управлявший всем университетом до торжественного открытия, составивший часть университетского Совета из учеников своих, управлял гимназиею самовластно и только с некоторыми наружными обрядами ответственности. Он объявил себя независимым от университета потому, что гимназия, им управляемая, имела в 1798 году свои права и доньше называется Императорскою. И таким образом, будучи независимым, когда ему нужно, представлял, напротив, на разрешение университетского Совета свои дела, когда почитал сие для себя надобным, дабы закрыться ответственностию университета, а сей последний, исполняя беспрекословно виды его, ни разу не спросил попечителя и через него высшее начальство: может ли гимназия, имевшая права до прав университета и ныне сохранить их, когда по уставу все гимназии ему подчиняются? На сем недоумении застал я управление г. Яковкина. Взглянув на накупленные им строения, на развалины тех, кои он строил и, когда они упали, велел разобрать, на новую отстройку гимназического дома, которая без тех мер, кои приняты ныне, как изволите Ваше Сиятельство усмотреть из предложения моему

Совету V статьи, без сомнения, вскоре также бы разрушились; на отвратную неопрятность гимназического стола, постелей, белья и всего, к гимназии принадлежащего, на большие издержки, непрестанно для сего заведения возрастающие, на беспорядок отчетов и книг, которому примером служит небольшая выписка у сего, мною представляемая, и когда из всего дела и положений Казанской гимназии сообразил я: 1-е, что она управлялась совершенно безотчетно г. Яковкиным; 2-е, что с вступления только Вашего Сиятельства в Министерство просвещения сие замечено и потому потребованы нужные сведения; 3-е, что при собрании сих сведений открылось, что гимназия, имевшая экономической суммы 128 тыс. руб., не только всю ее, доселе безотчетно, издержала, но и начинала представлять, что нуждается в самых необходимых потребностях, 4-е, что о сем было произведено обследование профессором Никольским и к Вашему Сиятельству от 27 февраля сего года под № 198 представлено, то нашел я от меня зависящим только то, чтобы до нового устройства гимназии приостановить продолжение нестерпимых в оной беспорядков, и потому, склонив г-на Яковкина к представлению мне прошения об отставке, предложил Совету, чтобы до разрешения его участи высшим начальством был он уволен от управления гимназиею немедленно, чтобы место его заступил и занимал до предполагаемого преобразования оной профессор Никольский, недавно обнаруживший весь беспорядок ее хозяйственного управления, и чтобы он вместо новых требований о прибавке сумм искал средства их избежать уменьшением расходов и прекращением злоупотребительных издержек, как и указал я ему. В то же время я предложил Совету сменить и всю контору гимназии, как участвовавшую в бывших по оной злоупотреблениях, ибо она могла бы

препятствовать г. Никольскому на восстановление порядка, ею самую нарушенного.

Участь г. Яковкина, совершенно виновного, как по сей части, так и по Комитету экзаменационному, как ниже сего усмотреть изволите, приемлю смелость представить на Христианское милосердие Его ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА; ибо он человек старый, больной, обремененный многочисленным семейством и заслуживающий некоторое снисхождение по ученым трудам целой жизни и потому, невзирая на все его злоупотребления, он ныне точно в крайней бедности и обременен долгами, кои непрестанно поступают на него по взысканию.

2-е. О состоянии Казанской гимназии в учебном и нравственном порядке

Гимназия Казанская столько обесславилась своим неустройством, что жители Казани детей своих отдают предпочтительно в довольно посредственный частный пансион Лейтера, платя за каждого по 700 руб. в год, но в гимназию их не помещают. Некоторые отдали на пансион к г. Яковкину, но для того только, чтобы он своим влиянием помог им получить звание студентов. Впрочем, как учебная часть сего заведения, так и нравственная в самом дурном положении. Закон Божий в таком пренебрежении, что, между прочим, один из 16-летних учеников гимназии не умел прочесть мне Символ Веры до конца.

Я надеюсь, что сделанными мною распоряжениями на месте, о коих имел я честь донести выше сего и которые подробно изъяснил в последнем предложении моем университетскому Совету, поставлена преграда распоряжению замеченного мною зла; а в третьей части сего отчета буду я иметь честь представить коренные направления Казанской гимназии.

Отделение 2-е

Положение разных учебных пособий, институтов и заведений при Казанском университете

1-е. О библиотеках

Библиотека университета заслуживает внимания, она состоит из 17 500 томов. Две библиотеки – князя Потемкина и доктора Франка – составляют главнейшее ее основание. В ней есть многие важные редкие и дорогие издания по богословской и медицинской части. Собрание творений довольно обильно, но ни для одной части нет полного. Вся библиотека расположена весьма неправильно, не по роду наук, но по алфавитному порядку авторов. Есть части словесности, по коим нет ни одной книги. По неполноте сей и недополнению ее новейшими по разным частям творениями библиотека сия представляет хотя довольно обширное, но весьма недостаточное и случайное собрание книг, которое требовало бы больших издержек, ежели бы нужно было привести его в надлежащее состояние. По сей причине предложения мои о сей библиотеке буду я иметь честь представить в своем месте, при заключении отчета.

2-е. О Кабинете естественной истории

Кабинет естественной истории при университете получил начало от нескольких шуфов¹⁷ и чучел, взятых из Казанской гимназии, и до 1817 года распространялся мало-помалу присылаемыми в него шуфами и костями редких животных. В 1817 году приобрели они большое количество шуфов и окаменелостей и сверх того для него куплены у профессора Броннера: 1-е, собрание рако-

вин, заключающее все ряды, Линнеем описанные в числе 1630, и 2-е, собрание минералов, до 2811 штук простирающееся. Сие последнее приобретение заслуживает некоторое внимание, но, будучи сделано случайно и не в надлежащей системе, так, как и все сборы сего Кабинета, не представляет нужной в сих собраниях целости, ибо большая часть его отделения неполна, а в иных классах число пород столь малочисленно, что при преподавании не можно показать естественной их связи и переход одной в другую. Сверх того, многие чучелы, которых только 37 пород, испорчены молью, а кости редких животных не описаны. По сим причинам Кабинет сей не может быть иначе почтен, как некоторым началом заведения сего рода и по близости университета к Сибири и тем способом, кои имеет он сделать полное собрание ископаемых сего края, может некогда послужить основанием к оному.

3-е. О Ботаническом саде

Ботанический сад и две заведенные в оном теплицы столь маловажны, что не стоят издержек, на них ежегодно употребляемых. Гораздо было бы полезнее, ежели бы прекрасное место, по почве самой земли и по климату, для ботанического саду не способное, обращено было в гулянье для воспитанников.

4-е. О физическом кабинете

Физический кабинет, будучи равным образом составлен с 1808 года, случайно и оставаясь с недополнением в порядке, представляет неполное собрание орудий. Недостаток гидравлических, аэростатических, оптических орудий и особенно моделей механических препятствует полному преподаванию опытной физики.

5-е. О химической лаборатории

Химическая лаборатория, с 1806 г. учрежденная, была также дополняема погодно. Недостатки (так в тексте. – *А. М.*) ее состоят:

1-е: в электрической машине с прибором.

2-е: в хорошем гальваническом снаряде.

3-е: в воздушном насосе.

4-е: в фарфоровых, серебряных и платинных сосудах и многих других приборах для точных химических опытов.

Составляемая же, по недостатку в университетской библиотеке химических книг, особенная, при лаборатории, весьма малозначительна (так в тексте. – *А. М.*).

6-е. Об Анатомическом театре

Ничто не может быть постыднее для публичного ученого заведения, как то, что при Казанском университете называется Анатомическим театром. Он есть изба довольно неопрятная, с русской печью, в которой стоит на столе ящик с инструментами и недалеко небольшой шкаф с набранными, как бы по случаю, человеческими, разных частей костями, из коих некоторые объедены крысами. Один полный скелет <...> петуха и двух уток.

Причиною того, что нет остовов человеческих тел мужского и женского, сказано мне медико-хирургом, что 3 мужских тела, 2 женских, один медведь и лошадь размачиваются уже три года в особенном доме, который куплен для сего за городом.

Собрание нужных для театра вещей достойно сего заведения, равно как и представленный мне список

хирургических операций, в котором хотя и поставлены некоторые важные, но без означения, что те, над коими они деланы, умерли, как то действительно было, прочие же весьма приличны хирургическому заведению при университете, а именно: 1-е, поставление врачебных свеч; 2-е, выдергивание ресниц; 3-е, вырезание обвислости верхнего века; 4-е, изъятие занозы из века; и 5-е, извлечение конца веретена из ляжки мальчика.

Я соединил сии замечания об Анатомическом театре и Хирургическом институте потому, что сей последний существует только по имени, но действительно оба сии заведения по недостатку знающего профессора анатомии и медико-хирурга, которые бы положили им хотя бы начало, доселе к стыду только университета существуют.

7-е. Об университетской обсерватории

Из астрономических институтов, на обсерватории университета находящихся, Бердов круг, Доллондова труба¹⁸ с микрометром, Траутонов секстант¹⁹ и Астрономические часы весьма хороши и могут быть с пользой употреблены на всякой обсерватории; прочие же орудия не заслуживают никакого внимания, были куплены довольно дорого и бесполезно, ибо между иными есть некоторые до 2 тыс. руб. стоившие, и как куплены потому только, что попечитель Румовский делал некогда помощью их свои наблюдения в Сибири.

Об Институтах

1. Об Институте клинικο-терапевтическом

Они заведены на весьма малом размере; но содержатся в порядке и большой опрятности под надзором

доктора Фукса. Я нашел студента Отсолига, за оным надзирающего, весьма хорошо знающим свою должность, а эконома больницы в совершенном порядке. Я осматривал белье больных, хранящееся в шкапах у него в комнате поставленных, нашел его в довольном количестве, совершенной чистоте и самом приличном расположении. Старый служитель сей заслуживает награждения.

Второй Институт хирургический, как я показал выше, не существует.

Института повивального искусства также нет, хотя как тот, так и другой положены.

2. Об Институте педагогическом

В противность устава и существенной пользы учебного округа Казанского университета Институт педагогический существует при нем только именем, и весьма странным образом. Те самые студенты, кои живут в университете, окончив якобы академический курс наук, числом два, под именем кандидатов почитаются Педагогическим институтом. Преподавателями сего мнимого института считаются два магистра. Ни книг, ни других пособий, ни преподаваний в институте, и даже комнаты для оного нет. Есть одно действительно существующее в сем вообразительном заведении: прибавка к жалованью профессора, именуемого директором, и целый почти особенный дом для его помещения.

О комитетах

Два рода комитетов, из установленных при Казанском университете, заслуживают внимания Вашего Сиятельства, по замечаниям мною сделанным, 1-е, комитеты по разным предметам при университете, с от-

крытия его бывшие, и 2-е, Комитет для экзамена гражданских чиновников.

1-е. О комитетах по разным предметам при университете

Из числа 36 комитетов, с 1806 г. бывших, два или три заслуживают внимания и занимались полезным делом, прочие же: 1-е, одобряли денежные отчеты разных годов, без всякого внимания к сохранению университетских сумм и прекращению противозаконного их употребления, 2-е, представляли обширные статьи предполагаемым зданиям, для описанного мною выше Анатомического театра, 3-е, изыскивали надежнейшие средства для тушения пожаров в университетских зданиях вместо осмотра разошедшихся труб и брошенных багров, которые принужден я был шесть лет после сего комитета чинить и приводить в порядок, 4-е, закрывали жалобы и доносы еще в 1815 г. на директора гимназии, от учителей оной бывшие, принуждая за оные выговор.

В сем состояли упражнения университетских комитетов от 1806 по 1819 г.

2-е. О Комитете экзаменационном

Комитет сей составлен был из известного уже профессора Яковкина, из профессора Бартельса, не знающего по-русски, и профессора Врангеля, зятя г. Яковкина.

Я рассматривал некоторые дела сего Комитета, ибо общее в городе на него нареkanie поставило мне сие в обязанность, и нашел, что многие из экзаменов произведены в противность установлениям не в самом Комитете и, следовательно, не в положенное число его заседаний, а на дому у каждого из профессоров, ибо и

свидетельства их, отдельно выданные и на коих основан впоследствии аттестат университета, сшиты вместе и составляют некоторые так называемые дела об экзаменах, без выписки из журналов, коих и быть не могло по сему производству.

Примерный в сем роде самый злоупотребительный экзамен сделан титулярному советнику Яшерову, который лично по Симбирской губернии за человека неученого мне известен, делает на экзамене ошибки против русской грамматики, и именно в правописании, и получает аттестат в знании красноречия, разрешает задачи алгебры, совсем ему неизвестной, а на вопросы о правах и политической экономии дает ответы, совершенно смысла не заключающие и доказывающие, что он не умел даже пересказать того, что ему и сих ответов сказывали. Злоупотребление сего экзамена известно даже в публике казанской, но между тем г. Яшеров получил аттестат и по оному чин 8-го класса. Подобных сему экзаменов, из 16-ти комитетом произведенных, большая половина.

Видя сие позорное нарушение закона, под предлогом уволенного от управления гимназии и экзаменационного комитета профессора Яковкина, предписал я проректору университета, при выезде из Казани, приостановить выбор нового председателя сего Комитета, дабы тем прекратить сии злоупотребительные экзамены до разрешения судьбы самого университета.

Виновными в оных нашел я:

Профессора Яковкина и зятя его Врангеля, и как уже выше сего изъяснил о первом свое мнение, то о последнем имею честь представить, что не почитаю его для службы благонадежным и полагал бы уволить от оной, третьего же члена, профессора Бартельса, человека, по учености его заслуживающего уважение, не могу признать совершенно виновным, ибо он не знает

по-русски, и вероятно, не вмешиваясь в злоупотребления Комитета, ограничивался экзаменом своей только части, математики.

Отзыв сей слышал я и от всех его товарищей.

О Типографиях

1-е. О Русской типографии

Типография сия в таком же положении, как и большая часть заведений сего университета. С 1808 по 1815 г. получила она, сперва на обзаведение, а потом на содержание свое, из казны 14 тыс. руб. Всего издержано ею 45 666 руб., и она с готовым помещением и отоплением, которое также стоит за все время по крайней мере 10 тыс. руб., не могла содержать себя, задолжала в хозяйственную сумму университета около 10 тыс. руб. Пришла в совершенный упадок, печатает ныне весьма дурно и медленно, и с начала своего учреждения за 55 тыс. руб., коих стоит, напечатала 77 разных мелких, и в том числе не более девяти довольно полезных сочинений, а несколько и вредных, по духу деизма, в котором они написаны.

2-е. О Азиатской типографии

Типография сия гораздо в лучшем положении, нежели Русская, по состоянию ее принадлежностей и штату, но не приносит того дохода, который приносить должна, по злоупотреблениям, в управлении ее допущенным. Она может быть поставлена на самую лучшую ногу. Может приносить доход правительству печатанием нужных для магометан книг и вместе, будучи орудием библейского общества и не ограничиваясь тиснением Алкорана, может служить к распространению Евангелия на татарском

языке. Новое устройство ее можно будет поручить благонадежному директору Казанской гимназии, при которой и можно ее на прежнем основании оставить.

От меня приказано окончить прием сей типографии от бывшего Фактора, выслав его из ее дому, адъюнкту Юнакову, оную принимающему, поручено составить подробное обозрение с предположениями к новому устройству.

Заклячая сим отчет мой об университете и всех его принадлежностях, честь имею представить у сего краткую выписку из истории оногo, по моему требованию составленную, с некоторыми на нее замечаниями.

Часть III

Отделение I

Заключение

Так как все сведения о разных частях управления Казанского университета, как имел я честь изложить в двух предшествовавших частях сего отчета, основаны на документах, по требованию моему от университета мне представленных, подписал я подписями его начальства и разных чиновников утвержденных и кои у меня хранятся, то, по достоверности их, можно безошибочно вывести из настоящего моего представления следующие замечания: 1-е, университет по самому его составу не выполнил и не может выполнить тех обязанностей, кои возложены его уставом.

2-е, он несет только наименование университета и, по принятым формам, представляет некоторый вид сего рода заведений, но на самом деле никогда не существовал, не только не приносит той пользы, какую

можно бы ожидать от благоустроенной гимназии, но даже и причиняет общественный вред полуученостию образуемых им воспитанников и учителей для обширнейшего округа, особенно же противным религии их духом деизма и злоупотреблением его, обширных прав своих, по разным частям управления.

3-е, уже семь лет стоит сей вредный университет от 134 до 247 тыс. руб. в год, между тем как две знатнейшие наши Духовные Академии – Петербургская и Московская, образующие столько отличных христианских учителей, едва и половину сей суммы, сколько мне известно, стоят, а в том же городе, где находится университет, несравненно лучшая его семинария получает на свое содержание не более 15 тыс. руб.

4-е, Гимназия Казанская, по злоупотребительному хозяйственному ее управлению, по недостаточному образованию к выбору ее учреждений и по духу, которым заражена она от университета, представляет заведение в самом дурном положении.

5-е, Управление обширного округа Казанского университета, объемлющее 15 губерний, должно быть в самом дурном положении, судя по тому, что об университете доказано.

Отделение 2-е

Общее мнение мое по сему делу

На благосклонную доверенность, с которою Ваше Сиятельство предписать мне изволили представить Вам вместе с донесением о всех подробностях осмотра мое мнение об исправлении Казанского университета, ежели исправить его можно, или, в противном случае, о замене его другим родом учебного управления; я иначе отвечать

не могу, как по совести и крайнему моему разумению, и потому полагаю понеже нет никакой возможности исправить такое сословие, где из двадцати человек едва треть благонадежных выбрать можно.

1-е. Казанский университет, пользовавшийся всеми правами и преимуществами, присвоенными и свято со стороны правительства сохраненными, нарушивший со своей стороны коренные обязанности свои и тем, в продолжение нескольких лет, раздравший грамоту, ему дарованную условно (ибо утвержден совокупно с нею и устав, обязанности его определяющий), злоупотребивший суммой 2 млн руб., причинивший очевидный вред не токмо от себя непосредственно, но и в обширном округе, по непреложной справедливости и по всей строгости прав подлежит уничтожению.

2-е. Уничтожение сие может быть двух родов а) в виде приостановления Университета и б) в виде публичного его разрушения.

Я бы предпочел последнее по следующим причинам.

Ежели приостановить его, под видом недостатка профессоров или подобным, то нет сомнения, что истинное намерение его уничтожения не скроется, ученые всей Европы, столь ожесточенные обличением вредных последствий мнимого их просвещения, будут клеветать на правительство, приписывая единому действию власти то, что сделано по самой строгой справедливости, а ежели будет заявлено публично, что университет (который, впрочем, в ряду государственных установлений по самому его уставу не более значит, как коллегия) нарушил свои обязанности, что можно доказать статьями самого его устава; злоупотребил правами, ему дарованными, и не принес ожидаемой от него в продолжение 14 лет пользы, что все может быть доказано математически, тогда пусть все возможные университеты судят приговор сей.

Все честное и благомыслящее из современников и потомства будет на стороне правительства.

Акт об уничтожении Казанского университета тем естественнее покажется ныне, что без всякого сомнения все правительства обратят особенное внимание на общую систему их учебного просвещения, которое, сбросив скромное покрывало философии, стоит уже посреди Европы с поднятым кинжалом.

3-е. За сим можно бы было разместить приличным образом то малое число людей достойных из чиновников Казанского университета, которым, с предположением о их употреблении представляется у сего особенная записка. Они тем более заслуживают покровительства Вашего Сиятельства, что посреди общего неурейства в нем не участвовали и, сколько было возможно, противились злоупотреблениям и были полезны.

4-е. Пять домов университета и три, гимназии принадлежащие, могли бы быть осмотрены нарочно посланным отсюда архитектором и приведены в наилучший порядок из хозяйственной суммы университета, 109 430 руб. составляющей.

5-е. Вместо университета можно бы было, в главном из его зданий, *поместить* гимназию, которая, сохраняя, как то было до университета, название Императорской гимназии, получила бы новое обширнейшее и лучшее образование. При гимназии нужно бы тогда было устроить отделение для образования учителей, из казенных воспитанников, и пансион для благородного юношества, которое бы только жило в особенном доме и на особом положении и училось бы в гимназии.

Меня уверяли в Казани, что если бы правительство устроило такой пансион, то дворяне всей губернии охотно стали бы платить за каждого воспитанника по тысяче рублей.

6-е. Как гимназию, так и пансион поручить надежному и благочестивому чиновнику, который бы жил в самом доме гимназии.

7-е. Преподавание Закона Божия, то есть той части Священной Истории, богословия догматического и нравственного и археологии, которая нужна каждому человеку, какого бы состояния он ни был, поручить по выбору Преосвященного, кому-либо из отличнейших духовных особ.

Я имею причину надеяться, что сам ректор Казанской семинарии²⁰ примет на себя сию обязанность.

8-е. К управлению гимназии присоединить можно центральное Татарское училище, которое бы управляло прочими и образовало для них учителей, но вместе, будучи под влиянием христианского управления без малейшего вида стеснения совести магометан, подавало бы способ, с нужною осторожностью, действовать к неприемному и постепенному их отклонению от Алкорана.

Училище сие ничего бы не стоило правительству, ибо профессор Казанского университета Кондырев, человек отлично деятельный и усердный, сказывал мне, что, будучи в Оренбурге, склонил он весьма удачно муфтия обнародовать всем подведомственным ему магометанам о пожертвовании на сей предмет²¹. Благодарность за сие письмо, от г[осподина] м[инистра] нар[одного] пр[освещения] через профессора Кондырева к муфтию посланное, довершит сие дело наилучшим образом.

9-е. Сверх того из суммы, на университет ежегодно ассигнованной, можно основать в Казани важное и для тамошнего края, и для армии заведение – большой Медико-хирургический институт, со всеми к оному принадлежностями, как то: Анатомическим театром, клиническими Медицинского и Хирургического больницами и скотоврачебным отделением.

Казанский Преосвященный²² уверил меня, что из всей Епархии своей может он на первый случай дать ежедневно 100 учеников, а так как полный курс медицинских наук занимал бы четыре года, то по истечении оных институт мог бы давать правительству ежегодно около ста лекарей, а со временем более. Ежели предположения сии будут одобрены, то я могу представить образование сего института; ибо все нужные к тому материалы мною собраны.

10. Разные учебные пособия университета могут быть употреблены следующим образом.

Из библиотек университета можно будет библиотеку Франка отдать Медицинскому институту; из оставшейся выбрать достаточную для гимназии, а редкие издания взять сюда.

Из кабинета физического можно с нужными дополнениями составить хороший <кабинет> для Медицинского института, равно как и из лаборатории и кабинета естественной истории.

Из обсерватории лучшие орудия можно взять сюда.

11. Для управления Медицинским институтом можно определить директором профессора Фукса, который ныне в Казани находится.

12. Все сии заведения, равно как и управление округом, поручить попечителю, с особенною инструкцией. Таким образом, вместо одного университета и расстроенной гимназии правительство без малейшей прибавки к настоящим издержкам получит:

1. Благоустроенную гимназию, которая будет снабжать округ свой учителями.

2. Пансион для благородного юношества.

3. Татарскую гимназию и

4. Медицинский институт, который давал бы, через 4 года от сего, ежегодно сто лекарей армии, снабжать бу-

дет весь тамошний край скотоврачами, столь необходимыми для его обширного скотоводства.

Ежели предложения сии удостоятся утверждения, то неукоснительно может быть представлено полное их раскрытие, состоящее в принадлежащих к оному образованиях.

Сим закончу я отчет, который был обязан дать по делу, на меня возложенному.

Недостатки одного прошу я Ваше Сиятельство отнести к неупражнению моему доселе по части народного просвещения, все же то, что может принести некоторую пользу, по всей справедливости, отдано на счет тех чиновников, коих деятельною помощью и отличным усердием в самое короткое время я мог собрать все нужные материалы, за 14 лет по всем частям университетского управления, по всем его заведениям и по Казанской гимназии. Представляя у сего список сим достойным чиновникам, я покорнейше испрашиваю заслуженных ими наград.

Подписал: Член Главного правления училищ²³

М. Магницкий.

ИНСТРУКЦИЯ ДИРЕКТОРУ КАЗАНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Директор университета есть доверенный гражданский чиновник, которому правительство поручает хозяйственное и политическое управление университета, в качестве Председателя правления, и лично важную часть нравственного образования воспитанников. От сего проистекают три главных рода его обязанностей: 1) обязанности по части хозяйственного управления;

2) обязанности по полиции университета и его заведений и 3) обязанности по нравственному образованию университетских воспитанников.

1. Об обязанностях Директора Университета по хозяйственному его управлению

1. Все чиновники, в хозяйственном управлении университета употребленные, состоят в непосредственном начальстве директора. 2. Они определяются, увольняются и награждаются по его представлению. 3. Все имущество университета, движимое и недвижимое, состоит в заведовании и на ответственности директора. 4. Само по себе разумеется, что суммы университетские, независимо от сего, хранятся и употребляются на общем основании, кроме исключительных случаев, в уставе определенных. Посему директор обязан наблюдать: а) чтобы здания университета не приходили в упадок и заблаговременно были поддерживаемы нужными починками; б) чтобы сметы на постройки и починки разного рода были всегда точные и умеренные; в) чтобы постройки по утвержденным сметам производились самым хозяйственным образом; г) чтобы все нужные заготовления разных для университета съестных и других припасов были благовременны, за умеренные цены и хорошей доброты; д) чтобы хранение припасов было обеспечено от расхищения и потери. 5. Для большей удобства в сохранении университетских сумм ему дозволяется: а) не ограничиваясь одним обыкновенным порядком торгов, которые в губернских городах, по тесноте круга промышленности, большею частью закрывают законными формами монополию одного или двух лиц, в случае возвышения подрядов от стачки подрядчиков, представлять о производстве построек и починок хозяйственным об-

разом; б) в случае дороговизны подрядов на поставку съестных и других для университета припасов представлять о закупке оных комиссионерским образом, отвествуя как в том, так и в другом случае за лица, ими употребляемые; в) по сему справочные цены не будут принимаемы в поверку высоты или понижения университетских закупок, но цены торговые, о коих начальство университета будет иметь всегда достоверные местные сведения. 6. Директор обязан сокращать все излишние расходы и иметь право представлять о сем попечителю, в какой бы части их ни заметил. 7. В рассуждение снабжения столом студентов обязан он сохранить те выгоды, кои в частном хозяйстве известны от содержания многих лиц вместе, не руководствуясь обманчивым расчетом потребностей на каждое лицо порознь там, где содержатся многие. 8. В рассуждение важного предмета отопления зданий университета имеет он сделать соображение, не выгоднее ли будет производить рубку дров, по отходу местного лесного начальства, на счет университета и, буде найдет сие удобным, представить попечителю. 9. Для сокращения неумеренного расхода дров имеет он: а) назначить на каждую казенную квартиру число сажень по числу печей и законному на них окладу; б) для хранения сих назначенных по квартирам дров построить сараи с отгородками и нумером для каждой квартиры; в) строжайше запретить женам инвалидов и прочим женщинам, в университете живущим, мыть чужое белье и печь на продажу хлебы казенными дровами, положив на каждое семейство нужное количество для отопления. Сими и подобными сбережениями должны непременно сократиться на важную сумму издержки университета, из всякой меры в последние годы вышедшие. 10. Директор немедленно по вступлении в должность обязан представлять общее обозрение всем излишним расходам, кои

сократить следует. 11. Все хозяйственные меры, настоящею инструкцією предписываемые, предложит директор правлению, для приведения в неперменное исполнение и по Казанской гимназии.

II. Об обязанности директора по полиции университета

1. Директор университета есть непосредственный начальник университетской полиции. 2. Инспектор студентов и его помощники, надзиратели, эзекутор и команда, ему подведомственная, состоят в его начальстве. 3. Он наблюдает посредством лиц, ему подведомственных: а) за порядком, повсеместною чистотою и свежестью воздуха в зданиях университета, классах факультетов и гимназии, столовых, дортуарах, коридорах и пр.; б) за безопасностью от пожара и совершенною исправностью пожарных инструментов и команды; в) принимает немедленно меры к отвращению всего к тому противополо. 4. Ему поручается составить, на основании предложения члена Главного правления училищ, действительного статского советника Магницкого, университету от 16 марта 1819 года № 2, образование того внутреннего надзора, который бы, начинаясь от входа в университет, окружал непрестанно учеников и студентов. Для сего нужно: а) чтобы учрежден был особый привратник, как то бывает во всех публичных заведениях; б) чтобы в гимназии из учителей, а в университете из студентов, составлено было дежурство; в) чтобы каждый вечер дежурные доносили своим инспекторам, а инспекторы директору о всех происшествиях дня. 5. Имея столь достаточные средства надзора, директор, по части полицейского управления, отвечает вообще за наружное и внутреннее благоустройство университета. По сему предмет ответ-

ственности его в сем отношении будет: 1. Охранение всех зданий университетских от пожара. 2. Сохранение их в целости. 3. Повсеместная их чистота. 4. Благовидность, порядок и доброе поведение университетской инвалидной команды и разного рода служителей. 5. Порядок классов в рассуждении прихода и выхода преподавателей и благочиния студентов. 6. Порядок и благоустройство больниц и всех прочих университетских заведений.

III. Об обязанностях директора университета по нравственному образованию воспитанников

1. Цель правительства в образовании студентов состоит в воспитании верных сынов Православной Церкви, верных подданных Государю, добрых и полезных граждан Отечеству. Следовательно, нравственному воспитанию предлежит объять и возделать волю воспитанников, их совесть, нравы и наружное обращение. 2. Душа воспитания и первая добродетель гражданина есть покорность: посему послушание есть важнейшая добродетель юности. В молодости только, упражнением покорности, получает воля ту мягкость, которая на всю жизнь остается и для благосостояния общественного столь необходима. Посему обязанность директора есть непременно наблюдать, чтобы уроки религии о любви и покорности были исполняемы на самом деле, чтобы воспитанники университета постоянно видели вокруг себя примеры строжайшего чинопочитания со стороны учителей и надзирателей и чтобы малейшее нарушение одного всегда было наказываемо, невзирая на звание лиц. 3. Но так как одна религия связывает обязанности с волею и, досыгая в совесть, покоряет страсти, смиряет строптивость самолюбия, и между тем как законы внешнего порядка предписывают покоряться властям, заставляет исполнять сие

не из одного страха, но и из любви, то директор обязан главнейше наблюдать, под строжайшею личною ответственностью и всеми способами власти ему даруемой, чтобы воспитанникам университета внушено было почтение и любовь к Святому Евангельскому Учению. Для сего обязан он наблюдать: а) чтобы дух вольнодумства ни открыто, ни скрытно не мог ослаблять учения Церкви в преподавании наук философских, исторических или литературы. Директор обязан иметь достовернейшие сведения о духе университетских преподавателей, часто присутствовать на их лекциях, по временам рассматривать тетради студентов, наблюдать, чтобы не прошло что-нибудь вредное в цензуре, и блюсти внимательно, чтобы все чиновники университета, каждый по вероисповеданию своему (разумея христианские), исполнял свои обязанности в рассуждении обычного посещения храмов и употребления таинств; б) чтобы ни под каким видом не были распространяемы в университете вредные либо соблазнительные чтения или беседы; в) чтобы студенты ежедневно отправляли в положенное время должные молитвы все вместе и в присутствии инспектора; чтобы в дни воскресные и важнейших праздников ходили они с инспектором к Божественной литургии и занимались между забав и отдохновения каким-либо полезным и приличным празднику чтением, хотя один час, без принуждения; г) чтобы мало-помалу инспектор приучал их к делам милосердия небольшими, по состоянию каждого, милостынями, посещением больных товарищей в праздничные дни и тому подобного; д) чтобы студенты, отличающиеся христианскими добродетелями, были предпочитаемы всем прочим. Начальство университета приемлет их под особенное покровительство по службе и доставит им все возможные по оной преимущества; е) впрочем, какие бы успехи ни оказывали воспитанники

в науках, медали, отличившимся назначаемые, не могут быть даны, ежели директор университета не одобрит их поведения. 4. За сим директор обратит особенное внимание на предупреждение всех тех пороков, коим подвергается юношество в публичном воспитании, где вредные навыки детства, сила страстей и дурных примеров сильно действуют на воображение и столь гибельные производят последствия. Выбор честных и богобоязненных надзирателей, которые бы жили и беспрестанно находились в комнатах студентов, недопуск к ним посторонних посетителей и гостей, надзор за увольнением их к людям надежным, сообщение с полициею для узнания поведения их вне университета, запрещение вредных чтений и разговоров суть способы к ограждению нравственной их чистоты, кои предоставляются директору под личную ответственность за доброе поведение и нравы университетских воспитанников. 5. Директор обязан принять все возможные средства, чтоб студенты не были праздны, чтоб живость страстей их отвлекалась от порочных наклонностей устремлением ее на благородное соревнование в просвещении. Сие вспомогательное средство во всех благоустроенных заведениях почиталось одним из надежнейших к ограждению добрых нравов. 6. Согласно с сим намерением в правилах, для студентов издаваемых, не токмо учреждаются награды медалями, но и выборы старших для начальства в комнатах, за столом и проч. 7. Обеспечив всеми возможными средствами чистоту нравственную, директор обязан стараться, чтобы нравы воспитанников были вместе кротки и любезны в общежительстве. Для сего должен он наобласти, чтобы не были терпимы между ними ни ложь, ни злословие, ни распри и споры, ни слова порицательные и грубые. 8. Директор должен внушить инспектору, надзирателям и всем преподавателям университета, чтобы они наблюдали, дабы

доброе и благородное обращение студентов украшало их благонравие, чтобы они во всяком положении были скромны и учтивы, чтобы сама наружность и выражения их были приятны и благоприличны. Сия часть воспитания, столь несправедливо и часто пренебрегаемая, есть одна из существенных, ибо всегда бывает последствием добрых чувств. 9. Само собою разумеется, что все сказанное о нравственности студентов относится в строжайшем и обширнейшем смысле ко всем наставникам и преподавателям их: что требуется от воспитанников, то предполагается в воспитателях. Надзор директора на всех их равно по сему предмету простирается. 10. Директор по части нравственной, лично ему поручаемой, доносит лично попечителю для разрешения или представления министру. 11. Для удобнейшего достижения предполагаемой цели в важной обязанности директора предоставляется ему, при вступлении ныне в должность, сделать общий осмотр в нравственном отношении всему университету и представить последствия усмотрений своих попечителю. Ежели бы заметил он в управлении, ему вверяемом, людей с сей стороны неблагонадежных, равно как и студентов, то может представить о их удалении. 12. После нравственности студентов обязан директор пеших об охранении телесного их здоровья. Чистота комнат, постелей и воздуха в спальнях и аудиториях, чистота белья, одежды и стола, выбор простой, здоровой и свежей пищи, устройство на свободном при университете месте такого сада, в котором бы летом была просторная и приятная прогулка, а зимою место для игры и движения на чистом воздухе, возлагаются на личное попечение и ответственность директора. 13. Директор университета предложит правлению проект инструкции директорам гимназий, в отношении к управлениям хозяйственному, полицейскому и нравственному, на точном основании

сей инструкции составленный, с теми переменами, кои найдутся необходимыми, по меньшему кругу действия сих чиновников. Правление же по рассмотрении сего проекта представит его попечителю для испрошения через него утверждения оному через министра.

Относительно к учебному образованию студентов

1. О цели университета

Правительство, установляя университеты, имеет целью составить из соединения людей, изученных главнейшим человеческим наукам, такие сословия, кои бы: а) прилежно упражняясь в науках, дополнили оные, помощью сношений со всею ученою Европою, новыми открытиями и, по мере собственных дарований, распространяли их пределы; б) старались помощью собственного и других стран опыта усовершенствовать методы преподавания простотою оных; в) издавали полезные книги; г) образовали ученых людей, добрых учителей, просвещенных военных и гражданских чиновников; д) управляли просвещением вверенного округа и распространяли оное.

2. Но всего важнее для правительства, чтобы воспитание его народа стояло на твердом основании христианской религии, чтобы вредный дух времени, всеразрушающий дух вольнодумства не проникнул в те священные убежища, где воспитанием настоящего юношества обеспечить должно счастье будущих поколений. Следовательно, университет никогда не должен терять из вида, что самое существование его почитается нужным единственно на сем условии. 3. Посему ректор, как довереннейший из ученых чиновников, под личную ответственность блюсти должен: а) чтобы преподаватели университета раз-

ных званий имели добрую нравственность и приличное всякому христианину благочестие; б) чтобы дух преподавания их не был противен вышеозначенной цели; в) чтобы общественное их поведение было во всем прилично важному их званию; г) чтобы они убеждены были, что призваны не для продажи собственных познаний за известную меру корысти, но что правительство, облакая их почтенными званиями, кои с толиким трудом в других родах службы приобретаются, желает, чтобы они видели в себе людей, работающих во славу Божию, для спасения вверенных им душ, для пользы Отечества и просвещения, для славы их сословия и для собственной чести. О малейшем устраниении от сих правил имеет ректор, во избежание личной ответственности, доносить своему начальству. 4. Справедливость в выборах, строгость экзаменов и беспристрастие в решении дел, от большинства голосов зависящем, будут для правительства несомненными знаками доброго состояния университетского Совета. 5. Если бы ректор университета заметил в Совете дух партий, несогласия или пристрастия, он обязан немедленно донести о сем начальству, которое примет нужные в сем случае меры. 6. Нарушение святости экзаменов или обряда, для них постановленного, будет предаваемо суду в законном порядке.

II. О предметах учения вообще

1. Учением собственно, в видах правительства, называется приобретение познаний, для жизни общества нужных. 2. Посему в преподавании всех наук в университете должен быть один дух Святого Евангелия, как показано будет ниже в статьях о каждом факультете в особенности: ибо один он есть начало всех частных и гражданских добродетелей, которые во всяком другом духе суть токмо

притворства гордости и своекорыстия. 3. Крайне опасно было бы для университета, если бы студенты, изученные закону Божию в классе одного, слышали в других преступные внушения вольнодумства, скрывающегося ныне под столь разнообразными видами. 4. Посему главная обязанность ректора есть предупреждать сей важный вред всеми способами: ибо он лично в том перед правительством ответствен и потому имеет полное право: 1) вразумить всех преподавателей в смысл сего постановления; 2) строго напomenуть уклоняющимся от исполнения одного, приватно и по необходимости публично, об их обязанности и, наконец, 3) в случае непослушания запретить преподавание и представить о их отрешении с нужными доказательствами виновности.

III. О предметах учения в Факультете нравственно-философских наук

I. Об отделении наук богословских. 1. Университет обязан принять нужные меры, чтобы студенты, поступающие из Казанской и других гимназий, непременно имели все нужные приуготовительные сведения к классу богословия, а именно: а) первоначальные сведения в законе Божием; б) Священную Историю. 2. Профессор богословия, соединяя в одну две положенные в университете кафедры, обязан будет открыть курс свой продолжением Истории Библейской и Церковной, во всем нужном для гражданского воспитания пространстве, руководствуясь книгами, для С.-Петербургской Духовной академии изданными. 3. При начале своего курса он представит на утверждение местного своего Духовного начальства конспект предметам одного и внесет его в Совет университета к всеобщему сведению. *II. Об отделении наук философских.* Постепенность преподавания философских наук

есть следующая: 1. Профессор изъяснит своим слушателям, что первая наука в порядке естественном есть та, которая возделывает рассудок, приучая его к правильным действиям; что самые науки нравственные, поколику зависят они от разума, а не от веры сверхъестественной, стоят на сем основании. Он преподает логику – ту науку, которую Сократ называл *повиванием разума*: ибо она, по словам сего философа, содействует только человеку к произведению того, что в нем есть, и не научает его ничему, но развивает только то, что в нем самом находится. По сему понятию логика не может быть обширна, ибо она есть более самое упражнение наших способностей, нежели наука. Следовательно, начала ее как вспомогательные средства для правильного действия наших способностей должны быть малочисленны, кратки и ясны: ибо начальные истины оставшегося в нас естественного света немногочисленны и просты, равно как и заключения, из них извлекаемые, легки и удобны. Вместе с сим даст он нужное понятие о выражениях и словах, в философии употребляемых, то есть преподаст философскую терминологию. 2. От нее поступит он к историческому раскрытию систем славнейших философов, указывая на жизнь их в том намерении, чтобы слушатели, при самом изложении учений разума, привыкали видеть разницу между мудростью земною и небесною. 3. Для избежания же того смешения идей, которое столь часто замечается в воспитании, от несоображения в совокупности разных философских систем, профессор обязан привести их к одному началу и показать, что условная истина, служащая предметом умозрительной философии, могла заменять истину христианства до пришествия Спасителя мира, ныне же в воспитании допускается, как полезное токмо упражнение разума, для изощрения сил его к принятию прочих наук человеческих, на философских

началах основанных. 4. По сим заключениям профессор искать будет основательнейшего философского учения в Платоне и славнейших его последователях. Указав, по руководству известной речи Боссюэта¹, как сей славный философ древности правильным действием простого разума, в сумраке света естественного видел уже действительность человеческого падения и необходимость его искупления. 5. С крайнего предела сей высочайшей философии легко указать ему будет, что там, где чистейший разум человеческий, удивление многих веков, изнемогает и падает, начинается заря веры, и таким образом, по невозможности соединить мудрование человеческое с премудростью Божиею, по крайней мере не будет отвергаема первым последняя, и исчезнет то соблазнительное и доброму смыслу противное заключение, которое в школьном учении иногда допускаемо бывало, что одно и то же предложение может быть справедливо в понятиях философских и ложно в понятиях христианских. Слушатели удостоверятся, что все то, что не согласно с разумом Священного Писания, есть заблуждение и ложь и без всякой пощады должно быть отвергаемо; что те только теории философские основательны и справедливы, кои могут быть соглашаемы с учением Евангельским: ибо истина едина, а бесчисленны заблуждения. 6. Посему профессор всегда должен иметь в памяти и на устах следующие слова о философии того Святого Учителя языков, который, сам будучи изучен мудрости человеческой, поправил ее в буйстве креста: «...блюдитесь, да никто же вас будет прельщая философиєю и тщетною лестию, по преданию человеческому, по стихиям мира, а не во Христе» (Кол 2 : 8.). Аще ли кто инако учит и не приступает к здоровым словесем Господа нашего Иисуса Христа и учению, еже по благоверию, разгордесе, ничтоже ведый, но недугуяй о стяжаниях и словопрениях лжеименного

разума (1 Тим 6 : 3, 4 и 20). От них же бывает зависть, рвение, хулы, непщевания лукава, беседы злые растленных человеков умом и лишенных истины, неищущих приобретение быти благочестие: отступай от таковых. О Тимофее предание сохрани, уклоняясь скверных суесловий и прекословий лжеименного разума: о нем же нецыи хвалящееся о вере погресиша (1 Тим 6 : 20). Дух же явственне глаголет, яко в последние времена отступят нецыи от веры, внемлющее духовом лестчим и учение бесовским (1 Тим 4 : 1). Будет бо время, егда здравого учения не послушают, но по своих похотех изберут себе учителя, чешими слухом; и от истины слух отвратят, и к баснем уклонятся (2 Тим 4 : 3)». Златыми буквами слова сии да начертаются над кафедрою философии.

IV. Об отделении политических наук

1. Общий предмет кафедры прав не есть изучение совершенных юрисконсультов, коих образовать обязан особенно профессор оной, по отличнейшим способностям и собственному воспитанников предназначению к сей цели, но преподавание всех тех познаний, кои каждый благовоспитанный человек иметь должен и каждый гражданин приобрести обязан, для сохранения в обществе своей чести, имущества, и дабы не преступить закона по неведению. 2. Посему профессор прав, соединяя три раздельные доселе кафедры, предметы оных расположит по времени академического курса в следующем порядке: а) о правах естественном, политическом и народном, понятия общие, с указанием истории сей науки, ее главных разделений и лучших авторов, об оной писавших; б) о правах знатнейших народов древних, кратко, новейших подробнее, но в виде историческом; в) о законодательстве Российском, исторически, подробно и с присовокупле-

нием общего обозрения законов гражданских и уголовных и изъяснением порядка нашего судопроизводства. В предмет сей кафедры должно войти: понятие о настоящем правительстве нашего Отечества, части, из коих политическое тело его составлено, названия и обязанности сословий и лиц управляющих, порядок действия в нем власти законодательной, судной и правительственной во всех ее видах и подразделениях. Курс сего отделения заключен быть может практическим упражнением политического права в рассмотрении представительных правительств Америки, Англии, Франции, Финляндии и Польши. Благоразумное преподавание политического права покажет, что правление монархическое есть древнейшее и установлено самим Богом; что священная власть монархов в законном наследии и в тех пределах, кои возрасту и духу каждого народа свойственны, нисходит от Бога, и законодательство, в сем порядке устанавливаемое, есть выражение воли Вышнего. Почему один из древних христианских мудрецов, почтение и покорность государям принадлежащие, называет *Религиею второго Величества*. Нравственность сей науки должна быть чиста, почему преподаватель обязан с отвращением указать на правила Макиавеля и Гоба². Он должен изъяснить, что цель гражданства не есть пожертвовать счастьем всех одному или возвысить токмо один класс на счет всех прочих; но что, согласно с мыслями Платона и Аристотеля, предмет оного есть сделать людей, в обществе живущих, сколько можно счастливее, доставя каждому личную безопасность, спокойное обладание имуществом, здравие, свободу мысли, прямоту сердца и справедливость; что для получения сих благ необходимы взаимные жертвы. Потом, восходя выше Платона и Аристотеля, преподаватель покажет источник сих начал в Моисее, Давиде, Соломоне, в Пророках и Апостолах или, лучше, в самом

верховном законодателе нашем и сею священной печатью запечатлеет истину своих уроков.

V. О факультете физико-математическом

1. Профессор теоретической и опытной физики обязан, во все прохождение курса своего, указать на премудрость Божию и ограниченность наших чувств и орудий для познания непрестанно окружающих нас чудес. 2. Профессор естественной истории покажет, что обширное царство природы, как ни представляется оно, премудро и в своем целом для нас непостижимо, есть только слабый отпечаток того высшего порядка, которому, после кратковременной жизни, мы предопределены. 3. Профессор астроном-наблюдатель укажет на тверди небесной пламенными буквами начертанную премудрость Творца и дивные законы тел небесных, откровенные роду человеческому в отдаленнейшей древности.

VI. О факультете врачебных наук

1. Профессоры сего факультета должны принять все возможные меры, дабы отвратить то ослепление, которому многие из знатнейших медиков подверглись, от удивления превосходству органов и законов животного тела нашего, впадая в гибельный материализм именно от того, что наиболее премудрость Творца открывает. Студенты должны быть предостережены насчет сего ужасного заблуждения указанием тех знатнейших авторов, кои ему не подвержены. Им должно внушено быть, что Святое Писание нераздельно полагает искусство врачевания с благочестием, что вольнодумствующий врач никогда не выйдет из предела физических явлений; что искусство врачевания, без духа христианской любви и

милосердия, есть ремесло, само по себе, особливо, когда отправляется для одной корысти, столь же низкое, сколь высока и почтенна медицина, на пользу человечества обращаема и высшим светом озаренная.

VII. О факультете словесных наук

1. **О словесности.** а) *о Российском языке.* Профессор Российской словесности должен, сколько можно менее, останавливаться на мертвых правилах риторики, но обязан более научать упражнением. Красоты языка славянского и критический разбор священных писателей должны быть главным занятием. Величайшие образцы всех благороднейших родов истинного красноречия покажет он в Библии и докажет сравнением с нею лучших авторов древних, ее над всеми ими превосходство. Особенно же стараться будет утвердить учащихся в практическом и основательном познании языка славянского. Он покажет им исторически известнейшие произведения наши в прозе и даст приметить, что ежели они еще малочисленны, то сие происходит от той степени образования, на которой мы стоим, и что все народы прежде успевали в поэзии, а потом уже в прозе. Он стараться будет образовать своих слушателей не в одном схоластическом красноречии, но во всех родах оного, от самого высокого до самого обыкновенного в разговоре. Ибо истинное красноречие состоит в том, чтобы во всех положениях жизни владеть словом на убеждение других в добре и истине. И потому, упражняя своих слушателей в сочинениях на письме, он будет также задавать им известнейшие предметы из Отечественной или Священной Истории, для сочинения и произнесения в классе без всякого приготовления. Таким же образом будет он задавать словесные переводы из лучших прозаических авторов с древних языков. Из книг

Священных покажет он, как проста истинная высота и удалена от всякого школьного риторства. Сим способом приучит он своих слушателей к той прозе, которая столь редка, по чистоте, силе и простоте своей, и утвердит их в том понятии, что высокопарность не есть высота и противна доброму вкусу. Преподав общие правила поэзии кратко и изъяснив гармонию и красоту языка нашего, не всех своих слушателей должен он стараться образовать стихотворцами, но тех только, кои отличное окажут к тому расположение: ибо для словесности выгоднее, чтобы не было поэтов, нежели чтоб были принужденные и дурные. Он разберет образцовые творения Ломоносова, Державина, Богдановича и Хемницера³ и укажет превосходство их над прочими в подражании древнему вкусу, покажет также и легкий род современных стихотворцев, превосходных выработанностью языка, но не сравнившихся еще с первыми в выборе предметов и изяществе вкуса. Он предостережет особенно своих слушателей от увлечения в новизны модного слога, и потому все то, что введено в язык произволом и смелостию, отвергнет, как неклассическое и недостойное подражания.

б) *о древних языках*. Профессор древних языков не обязан изучить оным своих слушателей до такого совершенства, чтобы они могли сочинять трудные ораторские речи или стихи. Главный предмет его должен состоять в том, чтоб, дав им правильное понятие о красоте и обработанности сих языков, открыть способ читать авторов и иметь сообщение с ученым светом. Показывая красоты языческих писателей, обязан он в то же время показать и превосходства тех Святых мужей, коих вольнодумство века нашего, невзирая на отличный гений их, исключило из образцовых потому только, что они христиане и святые, как, например: Иоанна Златоуста, Григория Назианзина, святых Васи-

лия и Афанасия⁴. Он обязан, показывая нужную часть археологии для разбора древних языческих авторов, преподавать гораздо обширнее древности христианские, кои для чтения писаний святых мужей необходимы.

с) *о языках восточных*. В сем классе полагаются языки арабский и персидский. Профессор сего класса обязан дать своим слушателям основательное понятие об истории литературы сих народов, объяв кратко столетия, в которые она возникала, и изложив пространнее веки десятый и одиннадцатый, в кои была она в наибольшем цвете. Он изъяснит в то же время, что ученость их была двух родов: одна заимствованная от греков, другая собственная. Он не имеет нужды вдаваться излишне во все, что собственно принадлежит к их религии, к преданиям Магомета и первых учеников его, к баснословию святых их мужей, к их молитвам, очищениям, постам, к их схоластической Богословии и разным учениям их сект, происшедших от разномыслия о свойствах Божиих, о предопределении, суде и родословии их лжепророка. Не нужно равномерно ему входить во все то, что писано об Алкоране, в отношении его к судопроизводству. Он покажет в истории их, из древнейших стихотворцев заимствуемой, те баснословные предания, на коих она основана. Он покажет в поэзии их, сколько она поверхностна и как отличается одним блеском мыслей и смелостию выражений. Он откроет, что причина, почему арабская поэзия не имеет той трогательности, которая происходит от подражания природе, заключается в их всегдашнем презрении к подражательным искусствам, живописи и ваянию, от которых имели они отвращение, по ненависти к идолопоклонству. Он изъяснит, что книги с сирийского и греческого на арабский переведены христианами, в Сирии и Египте тогда жившими, что красноречие, несвойственное правлениям магометанским, никогда не

процветало у арабов. Все сие представит профессор с тем намерением, чтобы открыть слушателям своим, что в арабской мудрости нет ничего особенного, что она почерпнута от греков и есть не что иное, как философия Аристотеля, пламенным их воображением искаженная. Он вообще ограничится преподаванием языков арабского и персидского в том единственном отношении, в котором они по торговым и политическим связям для России могут быть полезны.

д) *об истории*. В преподавании истории не должен профессор вдаваться в излишние подробности баснословия отдаленнейших времен, всегда ложного и бесполезного. Все, что в преподавании о сем предмете может быть допущено, есть только применение к истинной истории, из которой все заимствовано. После Истории Священной займется он чтением древнейшей всех прочих – Геродота и в писателях греческих и римских, до Рождества Спасителя писавших, покажет, что древнее основания Рима нет ничего положительно достоверного. От Рождества Христова займет он слушателей своими преимущественно древностями христианскими, и дабы показать, что христиане имели все добродетели язычников в несравненно высочайшей степени и многие совершенно им неизвестные. Он изъяснит по достовернейшим источникам мудрость и твердость мучеников, терпение и ангельскую чистоту отшельников и, наконец, покажет, что были истинные христиане и святые посреди дел государственных, на престоле царей, в их советах и полках. Он покажет, что первые веки христианства наиболее обиловали великими и святыми мужами, что нет примера ни в одной из языческих историй временам гонения на христиан, где противоположить можно каждому языческому герою полки героев христианских разного пола и возраста. Посему изъяснит он подробно нравы хри-

стиан первых веков и образ их жизни. Он покажет, что все то, что в языческой истории называется величию и добродетелью, есть токмо высочайшая степень гордости человеческой и ничто пред величию христианским. За сим поступая к упадку и разрушению Римской империи, покажет он, как тщетны и ничтожны пред Богом величие империй и их могущество. Он укажет, как дикие народы, орудие руки Божией, наказали гордый Рим за неистовство и ужасы, им содеянные. Покажет веки тьмы и варварства, после коих христиане восстановили науки и просвещение, спасенные в их скромных убежищах. Пройдя кратко историю новейших времен, заключит профессор курс всеобщей философским взглядом на важнейшие ее эпохи, по руководству известной истории Боссюэта и духа истории Фернанда. Профессор истории Российской преподаст ее во всей нужной подробности. Он покажет, что Отечество наше в истинном просвещении упредило многие современные Государства, и докажет сие распоряжениями по части учебной и духовной Владимира Мономаха, показав в то же время положение других европейских государств в сем отношении.

Он распространится о славе, которою Отечество наше обязано Августейшему дому Романовых, о добродетелях и патриотизме его родоначальника и достопримечательных происшествиях настоящего царствования.

Заключение

Таким образом, университет, устремив все науки к единой цели и связав их единым духом, во всеобщности непротиворечащих познаний, будет почтенным сословием истинного образования, и, подав пример полезнейшего учебного заведения, приобретет отличное покровительство правительства, благодарность Оте-

чества, уважение иноземных народов и славу в Истории. Руководствуясь отныне общими правилами, в сей инструкции предложенными, для каждого отделения разных факультетов, составит университет подробное руководство и представит через попечителя на утверждение министра. Равным образом, на точном основании сей инструкции, составит он наставления директорам гимназий по части учебного образования, с теми ограничениями, кои по кругу их действий нужны.

Наконец, для удобства всегдашнего удостоверения, что университет идет успешно по правилам, ему данным, Совет ежемесячно требовать будет от каждого профессора отчета в преподанных им сведениях, с представлением отличнейших студентов, для соображения при годовых испытаниях. Из сих частных отчетов Совет будет ежемесячно представлять, на том основании, попечителю общий отчет по всем факультетам, с своими замечаниями о его предположениях в рассуждении успешного преподавания наук и с означением отличнейших профессоров трудолюбием и успехом преподавания. Из сих отчетов попечитель в конце года представлять будет общий отчет министру с примечаниями.

**ЗАКЛЮЧЕНИЕ О ВТОРОМ МНЕНИИ
г. ПОПЧИТЕЛЯ ДЕРПТСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА, КНЯЗЯ ЛИВЕНА¹,
В РАССУЖДЕНИИ ЗАПРЕЩЕННЫХ
КНИГ, ДЕЙСТВИТЕЛЬНОГО СТАТСКОГО
СОВЕТНИКА МАГНИЦКОГО**

При чтении в Главном правлении училищ второго мнения г. Дерптского попечителя о запрещенных кни-

гах я не изъяснил моих мыслей о сей бумаге потому только, что на основании общих узаконений полагал, что она в дело принята не будет; ибо 1) заключает выражение на такое решение правления, которое перерешено самим правлением, без Высочайшего повеления, уже быть не может, и 2) наполнена такими укоризненными и неумеренными выражениями, кои в публичных бумагах запрещены.

Но, видя из журнала, ныне присланного к подписанию, что бумага сия, в виде акта, внесена в оный слово в слово, я почитаю, что мнение сие г. попечителя Дерптского университета во многих местах ошибочно и во все неуместно.

Ошибочно оно в следующем: 1. на 15-м листе журнала Главного правления сказано, что «сочинитель мнения долгом поставляет, прежде нежели положено по оному предмету окончательное решение, представить свое рассуждение». Но рассуждение сие подано не прежде, а после окончательного решения, когда Главное правление училищ не могло уже делать на собственное определение нового определения. 2. На обороте листа 18-го сказано: «Отнятие сего права (т. е. выписывание запрещенных книг) значит не что иное, как объявить, что не хотят иметь иностранных профессоров; но что бы были тогда университеты наши? Тело без души, здания, так как профессоры в оных, имеющие одно только имя и проч.

Можно ли, вопрошаю я каждого русского, можно ли в молчании слушать сию, столь чужеземную и неосновательную, укоризну? Признаюсь, что мне не можно; ибо я знаю:

1. Что в университете Казанском, конечно, не последнем по наукам и особенно доброму духу его, из 32 членов Совета русских только 2.

2. Что выгнанные в разные времена из наших университетов за нечестивые и возмутительные начала профессора: Шаде, Раупах и Герман² – немцы, а Куницын и Галич² – путешественники, образовавшиеся в Германии и немцами же обученные.

3. Что отличнейшие профессора наши: Соловьев, Чижев, Мудров, Щеглов, Зябловский, Сандунов, Мухин, Двигубский, Стойкович и Симонов³ – не немцы. Сверх сего академии наши и другие места наполнены русскими учеными отличнейших дарований и просвещения.

4. Что если есть ученые места, коими как бы наследственно завладели одни немцы, то это не потому, чтобы не было гораздо достойнейших их русских.

Итак, ежели бы действительно все иноземцы оставили наши университеты, то мы пожелали бы им счастливого пути и никогда бы не подумали, что университеты наши, в отсутствие их, тело без души; ибо имеем множество ученых и профессоров, гораздо почтеннее тех, кои, выгнаны будучи из отечества своего голодом, а иногда и полицией, привозят к нам часто разврат мыслей и всегда ненависть к благословенной стране нашей; призревшей и питающей их.

На 19-м листе нахожу я две примечательные черты: 1) что сочинитель мнения утверждает, что профессора наших университетов, «имеющие одно только сие имя, не соответствуя своей цели, слишком дорого стоят государству за то, что они доставить могут».

Но, во-первых, по какому праву произнес г. попечитель Дерптского университета сей оскорбительный и неосновательный приговор о русских профессорах, коих, вероятно, мало знает?

А, во-вторых, какое есть приличие, в публичной бумаге члену Главного правления училищ, осудить одною

чертою пера выбор и утверждение профессоров, министру законами предоставленные?

Я прошу его также припомнить, что в его собственном университете русские профессора: Кайсаров и Воейков⁴, бывшие, конечно, не хуже всех немцев, заслуживали от него некоторой пощады.

Мнение попечителя Дерптского университета неуместно: 1) потому, что не дозволено законами порицать официально целое сословие, русских ученых и осуждать выбор и утверждение начальства; не дозволено и самим приличием так злословить, при русских членах Главного правления училищ, их соотечественников; 2) потому что сатирический тон мнения и ничего не доказывающая, но слишком длинная шутка об употреблении вилок и ножей, в суждении о деле, по Высочайшему повелению на рассмотрение наше предложенном, не у места; 3) потому что рассортирование членов Главного правления «на неопытных, несведущих, на боязливых, на смотрящих на все в черном виде» (собственные слова сочинителя), по слепой ревности или по злему намерению, есть оскорбление всего Главного правления училищ, председательствуемого г. министром и коего каждый член, по званию своему, равен сочинителю сей бумаги, а все в совокупности выше его.

Законы наши, именуя подобные бумаги тем названием, которого они заслуживают, подвергают сочинителей оных строгому взысканию.

По сим кратким только примечаниям на мнение г. попечителя Дерптского университета, в силу законов, запрещающих подобные бумаги, я полагаю, что она не только не может быть вложена в журнале Главного правления училищ, но и должна быть ему возвращена, а самое обстоятельство сие по важности своей должно быть доведено до Высочайшего ведения, ибо иначе кто поста-

вит предел подобным неприличиям, чем они окончатся и что бы вышло, ежели бы два, или три, члена Главного правления училищ равным образом забылись?

МНЕНИЕ О НАУКЕ ЕСТЕСТВЕННОГО ПРАВА, 1823

1.

Оставаясь при моем мнении против общего заключения Главного правления училищ в рассуждении необходимости приостановить во всех наших университетах преподавание естественного права, доколе рассмотрятся требуемые от них тетради оногo и составится наука сия не на правилах разрушительных, но согласно с учением Евангельским, я почитаю себя обязанным объявить причины, к сему упорству в моем мнении меня принуждающие. Оне суть следующие:

1. Наука естественного права, без которой обходился Древний Рим, будучи королевством, республикой и империей и оставивший нам не только образцы совершеннейших юрисконсультов, но и совершеннейшего гражданского законоположения; без которой обходилась Франция 800 лет; без которой обходятся и донныне все университеты Англии и Италии и славятся отличнейшими юристами; наука естественного права, сия метафизика прав и приделка к народному, публичному и положительному праву есть изобретение неверия новейших времен Северной Германии.

2. Она всегда была опасна; но когда Кант¹ посадил в претор² так называемый им чистый разум, который

вопросил истину Божию: что есть истина? и вышел вон; тогда наука естественного права сделалась умозрительною и полною системой всего того, что мы видели в революции Французской на самом деле; опаснейшим подменом Евангельского Откровения: не опровергает его, но проходит в молчании, начинается с предположения, что его никогда не было; исторгает из руки Божией начальное звено золотой цепи законодательства и бросает его в хаос своих лжемудрований и, наконец, опровергнув алтарь Христов, наносит святотатственные удары престолу царей, властям и таинству супружеского союза; подпиливает в основании сии три столпа, на коих лежит свод общественного здания.

Сия опасность науки естественного права доказана во вчерашнем незабвенном в истории нашей заседании Главного училищ правления:

а) христианскими, сильными и как свет ясными мнениями многих гг. членов правления;

б) рассмотрением и осуждением разрушительной системы профессора Куницына и самого лица его;

с) единогласным положением правления о переделании науки естественного права по новому плану и, наконец,

д) сильнейшее, речью г-на ректора здешнего университета, который с известным его благочестием, с обширным просвещением, с красноречием мужа ученого, свободно излагая, при общем молчании, в продолжение нескольких часов систему того естественного права, которое, по мнению его, может преподаваться безвредно, никак не мог уладить сей науки с верой христианской и должен был признаться, что:

а) она не предполагает Откровения; ибо преподается в началах целому человеческому роду общих, то есть христианину, брамину и идолопоклоннику;

б) она не предполагает падения;

с) она не предполагает власти царской от Бога, но почитает ее вверенною одному лицу для безопасности общественной;

д) она полагает брак договором.

Я осмеливаюсь спросить: и с сей лучшей стороны может ли быть сия наука безвредною? Можно ли согласить ее с наставлением, ученому комитету данным, в коем именно сии начала запрещаются? Можно ли опасаться приостановить повсеместно ее преподавание, когда без всякого опасения утвердить можно, что не в одном из наших университетов не выбран, из ста и более классических ее авторов, ни Мартини, ни Бурмалаки, сочинители, ежели не совершенно христианские, то по крайней мере упоминающие о Евангелии и из которых первый по именному повелению императора исключительно допускается в австрийских университетах?

Должно ли опасаться, что университеты наши не могут обойтись без сей науки, положим, год, когда жили без нее и обходились Древний Рим 500, а Франция 800 лет?

Наконец признаюсь, что я трепещу перед всяким систематическим неверием философии, сколько по непобедимому внутреннему к нему отвращению, столько и особенно потому, что в истории XVII и XVIII столетий ясно и кровавыми литерами читаю, что сначала поколебалась и исчезла вера, потом взволновались мнения, изменился образ мыслей только переменою и подменом слов, и от сего неприметного и как бы литературного подкопа алтарь Христов и тысячелетний трон древних государей взорваны; кровавая шапка свободы оскверняет главу помазанника Божия и вскоре повергает ее на плаху. Вот ход того, что называли тогда только *философия* и *литература* и что называется уже ныне *либерализм*.

**ГОСПОДИНУ МИНИСТРУ ДУХОВНЫХ ДЕЛ
И НАРОДНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ
[О КНИГЕ «НАЧАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ
ЛОГИКИ» И. И. ДАВЫДОВА],
1823**

Господину министру духовных дел
и народного просвещения

Вследствие дозволения, данного мне Вашим Сиятельством в Главном правлении училищ при суждении о программе профессора Давыдова¹ честь имею представить у сего примечания на книгу, изданную им под названием «Логика», классическую, в Московском университете².

Замечания сии заключают вкратце весь смысл разрушительной нынешней философии, от Канта до Стефенса³, которого имя еще никому у нас неизвестно, кроме фанатических его адептов и малого числа их противников, между тем как он есть опаснейший довершитель Шеллинговой философии⁴, которой вся адская тайна в подносимых мною примечаниях открыта и обнаружена.

Вместе с сим имею честь представить выписку из недавно приобретенной мной книги о тайном учении иллюминатов, у сего же подносимой для удостоверения в точности извлечений. На выписке сей отмечены те статьи, коими представление сие подкрепляется⁵.

Сообразив представляемые примечания с сею выпискою, Ваше Сиятельство, несомненно, удостоверить-ся изволите из отмеченных в ней мест, что нынешняя философия есть не что иное, как настоящий иллюмина-

тизм, обязанный новому только своему имени тем, что христианские правительства у себя публичное преподавание его дозволяют и даже платят жалованье распространителям оного.

Посвятив пять лет на неусыпное изучение сего предмета и на бесполезный вопль против неизбежной и близкой опасности, которую Церковь Господня и правление отечественное угрожаются, от открытого распространения в народном воспитании разрушительных иллюминатских начал, в последний раз еще решился я, представя неоспоримое сему доказательство, умолять Ваше Сиятельство всем, что есть свято, решительно поразить сие страшное чудовище, спокойно подрывающее у нас алтари и трон открытым проповеданием начал во всех университетах наших и во всех тех высших училищах, где установлена философия и политические кафедры; ибо доселе в одном Казанском университете данные ему инструкции во всей строгости исполнены и философия преподается в виде обличительном.

Прошло уже то время (т. е. три года тому назад), когда рассматривали мы учения сии как вредные только теории вольнодумствующих профессоров; с тех пор бунтующие войска опрокинули уже несколько тронов⁶, а ныне три государства разрушительные начала сии проповедают, и одно из них – глава сего адского союза, противопоставленного врагом *союзу священному* – посреди своего парламента объявило торжественно, что оно признает, *что власть державная получает свое начало от народа*⁷. Ежели справедливо устрасил нас в свое время сей нечестивый догмат Марата⁸ в пр. Кунице⁹; то неужели не страшен он в устах Каннинга¹⁰, по слову которого могут двинуться многочисленные войска и на всех морях владычествующие флоты Англии на подкрепление сего правила?

Итак, врагу Божию три года только нужно было, чтоб довести дело свое от кафедры Куницына до потрясений Неаполя, Турина, Мадрита, Лиссабона и до сей торжественной исповеди английского парламента; от одной строки профессора до 200 штыков и ста линейных кораблей, до обливаемых кровью государств.

Собранные у меня акты Австрии, Пруссии и Франции с 1819 г. обличают разрушительные начала народного воспитания, ставят ему твердые преграды и доказывают, что все помянутые государства положительность и близость сей опасности почувствовали и ее уже отвратили; мы ли одни останемся в бездействии; мы ли, на которых злоба врага Божия и его клеветов по множеству причин устремлена с наибольшим остервенением; мы ли, на которых более 20 уже лет направлены все действия иллюминатов, коими руководствованы учреждения наших университетов, присланы в них толпы нечестивых профессоров, устроен план посылки лучших из русских кандидатов в чужие края для систематического их развращения; наводнено книгопечатание наше всеми нечестиями; сделано положение, по которому все, в старом благочестии и верности царям воспитанное, отрезано от всякого повышения и надежды по службе и заменено людьми нового разрушительного воспитания; мы ли, наконец, которых одна война отечественная спасла от тех ужасных потрясений, кои в иллюминатском на нас плане уже теперь бы были без нее приведены в исполнение? Мы останемся в бездействии и будем спокойно допускать, чтобы те бедствия, кои Господь, в милосердии своем, столь чудесно отвратил от нас, опять свершились!

Глубоко убежден будучи в сих истинах, горестных для сердца преданного к вере отцов и царям отечественным, готов будучи запечатлеть моею кровью, я почел

себя обязанным, как член Главного правления училищ, как верный сын Церкви, как ненарушимо присягнувший моему государю подданный, как русский, оберегающий для потомства своего доброе имя в отечественной истории, как христианин, долженствующий предстать некогда на страшное судилище Божие, я почел себя обязанным, устранив все соображения, все ухищрения приличий, сказать почтенному начальнику моему истину самоважнейшую, по моему мнению. Я истребил за собою мост, по которому мог бы отойти некогда к другому образу мыслей, не оставил никакой середины между двумя для себя крайностями: или мышлю право – прямоту мою примут в уважение, или я мышлю ложно – меня избавят от всякого участия в таких делах, где принужден бы я был действовать противно моей совести и где мой ложный образ мыслей будет только препинать успешный ход противоположных распоряжений.

Господь свидетель моих побуждений, да будет посредником в сем великом деле!

9 мая 1823.

**СОБСТВЕННОРУЧНОЕ
ВСЕПОДДАННЕЙШЕЕ ПИСЬМО
ДЕЙСТВИТЕЛЬНОГО СТАТСКОГО
СОВЕТНИКА МАГНИЦКОГО,
С ПОДНЕСЕНИЕМ ЗАПИСКИ
О НАРОДНОМ ВОСПИТАНИИ**

Государь всемилостивейший!

Простите великодушно смелость, с которою снова обременяю внимание **Вашего Величества** подносиною у сего запискою о *народном воспитании*: сей плод мое-

го усердия к Церкви и **Царю**, в обыкновенном служебном порядке не вмещающийся, куда понесу, **Государь**, ежели не к ногам вашим?

С глубочайшим благоговением есмь,
Всемилоостивейший Государь,
Вашего Императорского Величества
Вернейший и преданнейший подданный
Михаил Магницкий.

Краткий опыт о народном воспитании

От самой глубокой древности до наших дней одна из всемирных истин есть та, *что доброе народное воспитание необходимо; ибо на нем только могут стоять твердо установления общественные; ибо оно одно обеспечивает благо поколений настоящего и будущих.* Отчего же, при всеобщей уверенности в сей непреложной истине, ни в одном из христианских государств не сделано полной системы народного воспитания? Каким образом могло случиться, что, между тем как везде составлены, с великим вниманием и трудом, системы политики, финансов, торговли, военного управления, путей сообщения и проч., забыта система народного образования, на которой стоит и утверждается все прочее? Каким образом сия самоважнейшая часть управления как бы брошена везде на произвол исполнителей и ежели получила некоторое устройство, то как бы случайно и от обстоятельств, и потому представляет собрание положений, разнообразных по цели и духу их? Почему доселе одни люди злонамеренные и именно: французская Директория, которой Талейран¹ представил план народного воспитания; Наполеон, который обнял его во всей обширности неистового смысла своего; Вейсгаупт², который положил его главною целью для действий своего

тайного общества, — одни занялись составлением полной системы народного образования?

Разительные вопросы сии разрешаются для меня единственно следующим:

Князь тьмы века сего производит большую часть влияний своих на мир и миродержителей гражданских через общее мнение, которое есть как бы труба, коею он, как в древности оракулы, произносит свои заключения, суды и приговоры, сеет лжи и клеветы, распространяет нелепые предсказания и нечестивые понятия. У большей части народов, и в том числе у нас, гул сей совершенно вопреки истине, почитается гласом Божиим (*глас народа — глас Божий*). В конституциях, сем неистовом порождении бунта народного, главным их основанием положена *свобода книгопечатания* или, что одно и то же, беспрепятственное волнение и *необузданность мнения общественного*, то есть труба для глаголов князя тьмы, как можно более широкая, громкая и всегда отверстая; а как он знает, что доброе воспитание народное, улучшая сердце и образ мыслей падшего человека, составить может и общее мнение доброе, то есть из трубы, для него нужной, может сделать проток благодати не только на поколение настоящее, но и на будущее; то он, отвлекая всеми способами внимание правительств и людей благонамеренных от сего важного предмета, указывает его одним своим чадам и последователям, *как рычаг, которым можно потрясти весь мир гражданский*.

Акты разных государств Европы, обнаружив в одно и то же время на разных ее концах совершенно одинакие начала нечестия и буйства в университетах и училищах, открывают достаточно сей план врага Божия; ибо единомыслие разрушительных учений в Мадриде, Турине, Париже, Вене, Берлине и Петербурге не может быть слу-

чайным. Оно представляет правильный, обширный и давно втайне укоренившийся план и заговор.

В 1809 г. вышла в Берлине книга Стефенса³, которую я недавно получил, последователя известного Шеллинга. Сей систематический и глубокий враг Божий ясно говорит, что университеты могут образовать общее мнение и быть центрами, из которых могло бы оно свободно распространяться, а правительства обязаны, как он думает, не мешаться в сие дело, руководствуясь философскою терпимостью.

Пользуясь всеми сими указаниями врагов всякого общественного порядка, из них же можно, как кажется, почерпнуть и противуядие, как то делается в медицине, когда кровью бешеной собаки исцеляется ее укушение.

Итак, оставим на ее месте истину, всеми народами признанную, что *нужно необходимо народное воспитание, согласное с верою и правительством государства*, и пойдем от нее далее.

Кто может согласие сие обеспечить, ежели не правительство? Следовательно, будет истина ближайшая, *правительство должно само управлять воспитанием народным*.

Но каким образом может оно в обширной империи все нужное для разных классов народа, по разным степеням воспитания, само видеть и лично, так сказать, устроить? Полагая министра всегда согласным в видах и совершенно направленным к цели государя, каким образом равно согласить и направить всех попечителей, всех ректоров, всех преподавателей, иначе же каждый из них, действуя, может быть, и добросовестно, но ошибаясь, может противодействовать правительству. Итак мы пришли к ближайшей истине третьей.

Необходимо должно для твердости и всеобщего единообразия в народном воспитании, чтобы состав-

лен был полный и систематический план оному, на ясных и твердых началах.

Но ежели план сей народного воспитания будет обнимать одни университеты и училища, министерством просвещения заведываемые, будет ли то план народного воспитания? Нет, ежели бы в сей части управления и был установлен сей план; то через 20 лет мало будет пользы, ежели воспитание духовное и военное остались бы на других началах. Мы видим сие из ежедневных опытов, ибо разномыслие чиновников *в главных нравственных понятиях*, в истинах святых и основных, вместо единообразного действия, производит между ними такое враждебное расположение, которое со временем, весьма пагубные последствия иметь может.

Итак, истинною четвертою будет: *план народного воспитания должен объять все классы, государство составляющие.*

Но возразят мне: как сие исполнить? План, для Франции сделанный, не годится для Пруссии, план прусский не годится нам, на каких же началах именно должно составить план воспитания для России?

Из сего вопроса родится истина пятая: *для каждого государства, и следовательно для России, нужен особенный план народного воспитания.*

Но в чем же должен он состоять, чем отличаться от прочих государств, и не труднее ли определить главные его начала у нас, чем у других народов?

Напротив, в России основное начало народного воспитания совершенно положительно не представляет ничего ни мечтательного, ни произвольного. Оно есть *Православие*, то есть одна вера истинная, в которой слово Божие не только сохранено во всей чистоте непрерывною иерархией Апостольскою; но и засвидетельствовано, *подписано* кровью мучеников всех веков прошедших и даже

ежедневных* ; исполнено жизнью Святых Отец и объяснено их вдохновением и откровениями, им бывшими. Верный сын Церкви Православной, единой истинной невесты Христовой, знает, что *всякая власть есть от Бога*, и посему почитает он всех владык земных, Нерона и Калигулу⁴; но истинных помазанников, *Христом* Божиим, не может признавать никого, кроме помазанного на царство *Церковью Православною*. Итак, мы одни, по слову Оригена⁵, исповедуем обе религии: и *первого* и *второго величества*. У нас одних корона самодержавия лежит на алтаре Божиим, *неприкосновенная для рук черни*, но приемлется, в таинственном священнодействии, из рук Церкви. Над нею крест, над державою крест, над скиптром крест. Тут нет ничего человеческого. Нашего Государя мы открыто во всяком училище называем и должны называть *помазанником Божиим*, и все знают и веруют, что это правда. Пусть скажут сие в училищах Пруссии, Нидерландах, Англии о их государях, там рассмеются.

В рассуждении обеих религий *первого* и *второго величества* мы можем неоспоримо сказать: так веровали Апостолы наши, так исповедали мученики наши, так понимали наши Златоусты, Василии, Макарии и пр.

Итак, нет ничего проще, истиннее и вместе многочисленнее, как те начала, на которых мы должны утвердить народное воспитание наше.

Истина шестая: *русское народное воспитание должно стоять на двух началах: образование верных сынов Церкви Православной и верных подданных самодержавному помазаннику Божию*.

И архиерей, и царевич, и полководец, и министр, на сих только началах воспитанные, будут истинно русскими.

* В Греции напечатан Мартиролог; со времени порабощения ее в последние 50 лет до восстания греков было 300 мучеников; а ныне и каждый день бывают многие. Недавно три отрока 12 лет, выдержав мученичество, привезены в Одессу.

Но и тут возразят ученики Вейсгаупта, разных степеней, как делать такие уновления? Не опасно ли раздражить общее мнение подобными в настоящем его положении потрясениями? Что скажет *дух времени*?

Духу времени сие не понравится, но если б вы знали, кто этот дух времени, которому вы служите, то старались бы не делать ему угодного. Впрочем, все сие, у нас *не новость и не потрясение*. Не новость, ибо девять веков тому назад так думал, так поступал, так написал Равноапостольный, так думали, поступали, до *Лефортов и Биронов*⁶, преемники Владимира. Не потрясение, ибо истреблять то, что приготовлено на потрясение Православия и империи, а с ними, может быть, и всего гражданского мира, не значит делать потрясения.

Неоспоримо то, что национальность нашего народного воспитания состоит единственно в двух словах: *Православие и самодержавие*. Дух мира знает сие. *Более ста уже лет нападает он на первое**, а с тем вместе подрывает и второе. Народное воспитание может снова укрепить сии два священные столпа, на которых стоит империя, о которые единственно сокрушился бич Божий⁸, недавно поражавший Отечество наше, ибо они, хотя еще не колебались, но уже ослаблены. Сии два святые чувства одни движут целые миллионы усердных подданных помазанника Божия и против врагов его во время опасности и вслед за ним, когда, как благотворное солнце, обтекает он обширную свою империю, сопутствуемый восторгами *благоговения* народного, ибо любить может народ и Наполеона, но благоговеть только к помазаннику истинному.

Сие-то сокровище многоценное стараются и прямо и косвенно истреблять в самом его корне – в воспитании народном! И мы смотрим на сие равнодушно.

* Пусть заглянут в акты Синода и тайной канцелярии от начала XVIII столетия до конца его и, между прочим, в дела о Феофилакте, епископе Тверском, и члене Синода Арсении⁷.

Итак, *Православие и благоговение к помазаннику Божию* должны быть основанием русского народного воспитания; но как привести сие в исполнение? Нет ничего легче. Университету Казанскому правило сие уже дано в инструкциях, *Высочайше утвержденных*⁹, которые и исполняются. Ежели сие признано полезным в 16 губерниях сего округа, почему не сделать того же и в прочих? Ежели найдено будет полезным во всем гражданском воспитании, почему же не ввести и в духовное, и в военное, и особливо в воспитание царское. Но как сделать сие, легко было дать инструкции, но как они исполняются в Казани? Там установлен сильный нравственный надзор, основанный на изучении и практическом исполнении *веры Православной*; там все науки очищены от того, что составляло из них *заговор на Бога и царей*. Там в богословии, в обличительной философии, в правах и в истории все преподается согласно с Православием, все противное ему отвергается. Так, например, в прочих учебных местах открыто проповедуется в естественном праве, что цари царствуют *по согласию народов*, по договору (*contrat social*); в Казани возмутительная ложь сия отвергнута. Проповедуют в географии, что наука сия рассматривает землю *в том виде, как вышла она из рук Творца*; сие богохульное *отвержение грехопадения* в Казани места не имеет. Проповедуют в истории, что мир существует несколько сот тысяч лет; в Казани следуют хронологии книг священных. В истории отечественной, следуя истории государства Российского, некоторые помазанники Божии поносятся именами *тиранов и злодеев*; в Казани цари добрые и злые почитаются наградой или наказанием народов, преподаются исторические дела их, но лица, одному Богу подсудимые, уважаются. Пусть через лицо доверенное осмотрят сие, и когда удостоверятся, что правила, мною предлагаемые, не мечта, не си-

стема, но весьма удобоисполнительны, тогда легко будет составить из лиц духовных, воинских и гражданских такой комитет, который бы сделал полный план русскому народному воспитанию для всех состояний империи, с нужными исключениями и ограничениями.

Можно быть уверену, что дело сие, как оно издали и по вкорененным предубеждениям ни кажется трудным, с усердием исполнителей и особливо с благословением Божиим, кончится менее, нежели в один год. Но не должно забывать при сем случае, что общество состоит из двух полов и что тот, который почитается слабейшим и часто в узаконениях бывает оставлен без внимания, есть во многих отношениях самый важный. Супруга и мать имеют влияние на благочестие семейства. Ежели они будут воспитаны в другом духе, то нельзя ожидать плода и от воспитания мужчин. Нежность супруги и матери равно сильные миссионеры благочестия и нечестия!

Посему в общий план народного воспитания должно войти необходимо и женское.

Но прежде, нежели можно приступить к изложению общей системы народного воспитания, необходимо нужно бросить внимательный взгляд: 1) на историю его у нас и 2) на настоящее его положение, ибо из сих только двух источников можно почерпнуть надежно будущие предположения.

История нашего народного воспитания открыт: 1) что оно вначале было точно основано на Православии и вверено духовенству; 2) что оно потом отделено от Церкви и мало-помалу начало удаляться от Православия; 3) что за сим первым отступлением вселился в него дух философизма английского и французского; 4) что за ним последовал разврат мыслей и начал разрушительных, философии германской, масонства, своеверия и весь легион сих духов нечистых.

Быстрый взгляд на настоящее положение народного нашего воспитания откроет:

1) Что в духовном воспитании разрушительная философия Канта, закрытая тонкостями схоластического богословия и угодливостию некоторой *особенной и произвольной духовности*, удалила чистое учение Православия из *самого его святилища* до такой уже степени, что даже на публичных экзаменах ни о Православии, ни о ересь, его раздиравших, не почитается нужным и говорить. И будущие святители православные так воспитываются в присутствии безмолвных святителей настоящих; ибо *епархиальные архиереи* с намерением *устранены от воспитания духовного*, которое вверено и впредь всегда должно вверяться одним людям, в *Кантовых началах* воспитанным.

Статья сия, кроме сей краткой черты, требует особенного раскрытия, которое здесь было бы неуместно.

2) В воспитании подрастающего *царевича*, что большая часть лучших учителей, которые могут быть употреблены при нем, сами заражены опаснейшими началами неверия и идей возмутительных. Нет книги, по которой бы безопасно можно было учить его истории всеобщей и Российской. Нет курса прав, который бы можно было преподавать царевичу Российскому в истинном его смысле. Нет истории систем философских, которая бы не развратила мыслей. Боссюэт и Фенелон¹⁰ там, где был уже и Ролен¹¹, для воспитания вверенных им принцев, написали особые сочинения.

3) В воспитании военном всего нужнее утвердить Православие; ибо солдат есть первый защитник самодержавия, а самодержавие *вне Православия* есть одно насилие. Но Православие в воспитании военном должно быть утверждено, *без дальних полемических состязаний*, как можно ранее, проще и более практически. Так, например,

у нас в старые годы на знаменах батальонов и, ежели не ошибаюсь, рот были изображения святых. Каждый батальон и рота сему Ангелу Хранителю своему служили молебствие с водосвятием, ежегодно и выступая в поход. Вот одно из установлений военного практического Православия, от войск Византийских до Дмитрия Донского и от него до нас дошедшее.

4) Воспитание гражданское и народное у нас в самом гибельном положении: разрушительное учение естественного права *требуется законом*. Родители, воспитавшие дома и в благочестии детей своих, должны, при вступлении их в службу, развращать сею наукою. Я знаю здесь двух отцов, кои со слезами были принуждены сие делать. Философия самая возмутительная преподается в пяти округах. Все науки, отравленные ею, *составляют заговор против Бога и царей*, и сие публичное развращение называется воспитанием!

Тесные пределы сей краткой записки не дозволили распространиться о каждой статье оной, сколько бы того важность предмета ни требовала. Ежели она будет достойна внимания, тогда легко дать ей нужное раскрытие; а ежели же нет, то для лепты усердия, брошенной в сокровищницу Церкви, царя и Отечества, чекан довольно выбит.

Сердце царево в руце Божией.

МЫСЛИ О НЕКОТОРЫХ МИЛОСТЯХ ВСЕМ СОСТОЯНИЯМ

От времен Петра Великого до наших все государи чувствовали, что с потерей доброй народной нравственности усиливается у нас лихоимство, страдает

народ, безмолвствуют законы. Каждый предпринимал меры, более или менее строгие против сей опасной и, может быть, смертной болезни, но все бесполезно. Петр казнит лихоимство, но друг его Меншиков грабит. Александр дает Указ Сенату о изыскании мер для прекращения лихоимства, но Сенат держит сей указ с лишком 20 лет без всякого даже приказного исполнения, и один обер-прокурор Казадаев¹ вздумал, кажется, в 1823 г. спросить, почему оставлен сей Указ; но и тут не знаю, что вышло; а известно только то, что повсеместный грабеж продолжается и страдание народа дошло уже до своего *тахитум*. По местным сведениям, от самого народа собранным, достоверно, что он вместо 13 рублей казенной подати платит 35 рублей. Следовательно, только при сборании каждого 13-го миллиона с податного состояния грабится 22 миллиона. Что это *тахитум* страдания, то это доказывается тем, что на противоположных концах России говорит народ одно и то же. Известно, что терпеть сего нельзя. Но дело не в том; а как прекратить? Задача политическая, от Петра до АЛЕКСАНДРА нерешенная, несмотря на желание всех государей решить ее. И действительно, поставят виселицы, но между тем как вешают, кругом крадут. Замечено даже, что чем казни ужаснее, тем более преступлений. Пошлют в губернии сенаторов, откроют, обличат, воров удалят и предадут суду, переменят чиновников целой губернии, даже до 800, как были примеры, и опять грабят еще хуже. Следовательно, все меры строгости бесполезны; ибо цели не достигают. Отчего же сие и в чем загадка?

Все дело в том, 1-е, что в Петербурге худо знают Россию и, 2-е, что метут лестницу снизу. Надобно прежде всего спросить, кто грабит народ, то есть крестьянина казенного; ибо помещичий защищен? Его грабит земская полиция, избираемая из дворянства. Отчего

так? Неужели дворянство наше так уже оподлено, что и избрать из него порядочных людей не можно? Напротив, все порядочные люди удалились, сколько возможно, от выборов и даже из губернских городов и живут в своих деревнях; ибо места выборные унижены, оподлены, и порядочному человеку ни одного из них принять нельзя. При ИМПЕРАТРИЦЕ ЕКАТЕРИНЕ ВСЕ ЖЕЛАЛИ избирательных голосов; ныне просят и почти покупают черные шары. Так выворотились дворянские выборы наизнанку, то есть что прежде было бесчестием, то ныне сделалось честью. Так исказилось важное сие установление. Выборные места остались самому мелкому и нищему дворянству и даже людям, недавно в дворянство вышедшим, которые и грабят как можно больше и скорее, дабы в свое трехлетие составить себе и кусок хлеба, и сумму на покупку оправдания, ежели попадут себе подобным под суд. Вот в каких руках народ! Как же помочь ему? Не трудно, но коренное средство поправления выборов требует обширных соображений; а здесь идет речь о таком только способе, который бы, по случаю коронации, мог обрадовать дворянство и принудить знатнейшее из него занять места земской полиции, прекратить грабеж народа, доколе средства казенные поставят ему прочную преграду. Способ сей состоит в том, чтобы повсеместно произвести новые выборы, сказав, что всякий дворянин, прослуживший два трехлетия по выбору дворянства в земском или уездном суде, может получать чины асессора и статского советника без экзамена, как то сделано для известных мест. Дворянство чрезвычайно сему обрадуется, и лучшие, то есть богатейшие и воспитаннейшие дворяне, выедут из деревень своих и пойдут охотно в уездные и земские суды, и не только губернский грабеж, наверное, приостановится; но губернато-

ры в злоупотреблениях обуздаются; а народ скоро почувствует облегчение.

Что касается до того, что мести снизу лестницу бесполезно, а надобно начать сверху, то это изъяснить весьма легко. Места в гражданские присутствия в гражданские уголовные палаты покупаются.

В губерниях известно, что место председателя стоит 5, а советника 3 тыс. руб. Канцелярии Сената штрафуют денежными пенями и разными притязаниями те места, кои не хотят быть с ними в связи. В министерствах то же. Как же несчастному подьячему, который пробился до председательского или советничьего места и не имеет ни веры, ни чести, и заплатил дорого за него, сперва не выбирать своих денег; а потом не купить дома, не дать приданого дочери и проч.? Итак, причина того, что правосудие у нас продается, вверх. Есть особые средства там открыть и прекратить сие; но теперь идет только дело о тех милостях к коронации, кои бы вместе и радовали, и злоупотребления останавливали.

Дворянству нужны только чины без экзамена; да, впрочем, и экзамены во многих местах уже вышли предметом торговли, то и немудрено уступить их. Крестьянину нужно, чтобы его не грабили, что точно и будет, когда хорошее дворянство займет места земской полиции и суда.

Купечество и мещанство ничем не могут быть обрadowаны, как отменой гильдейского положения, которое чрезвычайно сие состояние и даже крестьянское обременяет. Доход, от него получаемый, не стоит вопля, им производимого. Белому духовенству можно также оказать большую милость, отделив от огромного капитала духовных училищ 3 или 4 миллиона для вдов и сирот священно- и церковнослужителей, которые остаются, по смерти отцов их, в совершенно гибельном по-

ложении. Еще бы лучше было дать на сие какую-либо сумму, ежели возможно, из кабинета.

Многие монастыри, и особливо женские, нуждаются в небольшом куске земли для огорода или сенокосов; ибо Министерство финансов земли их так обрезаю, что часто около стен девичьих монастырей принадлежат они крестьянам. В Синоде верно есть просьбы о их нуждах. Их часто удовлетворить можно совершенною безделицею, например, 20 десятинами или и менее, а действие сей милости и на монастыри, и на народ будет велико.

ЗАПИСКА О ПЬЯНСТВЕ СЕМИНАРИСТОВ

<...> Между ею (Петербургской Духовной семинарией. — А. М.) и кабаком, называемым *на рожке*, непрестанные сношения. Ученики старшие, которые имеют способ выходить из монастыря днем, ходят в него под именем господских людей, а младшие употребляют-ся для добывания из него вина, в запас старших и для своего употребления, по ночам следующим образом: из здания семинарии есть окно в обширный подвал, который, идя под домом митрополита¹, выходит в сад, к тому месту, где лежат дрова; семинаристы, выставив железную решетку, к окну подвала только для вида ими приставленную, проходят сим подземным путем в числе десяти и двадцати человек, нужных для проноса посуды и проставления караулов, в сад и, с дров перелезая стену, идут ночью в кабак; куда впускаются заднюю дверь, пьют, закупают запас вина для товарищей и приносят его в семинарию тем же путем. Отсутствие

всякого надзора так совершенно, что как сии происшествия, несколько уже лет продолжающиеся, так и дележ принесенного вина из больших суповых чаш разливыми ложками доселе неизвестен начальству семинарии, ибо оно ограничивается телесными наказаниями пьяных и отвращением всякой о сем огласки.

Легко представить, каковы должны быть последствия непрестанного пьянства взрослых семинаристов и спаивания ими малолетних. Сии последние, предаваясь сему пороку, часто с 11 лет, крепостию столь не свойственного самой слабости их органов напитка, растрачивают навсегда телесные и душевные силы свои, впадают между собою в самые гнусные и даже противоестественные нечистоты, и, наконец, те из них, кои не успеют совершенно погубить себя или по крайней мере своих способностей, переводятся со всеми вкусами и навыками разврата в Духовную академию!

Оттуда худшие, не по нравственности; а по способностям и знанию, поступают – в священники! – а лучшие, тоже по быстроте ума и сведениям, по большей части по наряду или по соблазну почестями и отличиями, – в монахи, и часто – прямо в архимандриты!

Чего ожидать? – не должно ли удивляться, ежели из ста человек десять выйдут хороши? Достоверно то, что семинария и епархия Петербургские точно в сем положении; но почему же заключать иначе и о прочих; а ежели все они или хотя большая часть их таковы; то каким образом из общего и коренного преобразования, вычерпать, по капле, вред, столь обильными источниками, на все классы общества, на армии, на флоты, непрестанно проливаемый?

Правительство может начать обнаружение сего зла или приступит к сему делу поимкою семинаристов на самом преступлении. Они сами расскажут все прочее.

Говорят, что ректор семинарии² человек хороший, но слабый, ожидающий в своем звании очередного епископства и, по ложному понятию, почитающий себя обязанным не оглашать беспорядков, попущенных Комиссиею Духовных училищ.

Инспектор семинарии³, как уверяют, человек усердный к истинному благу духовного воспитания и готовый открывать все неустройства, ежели его осторожно спросят; ибо, иначе, он связан бездействием начальства.

Приметить надобно, что при сем грубом, развратном и вместе с тем невежественном воспитании семинаристов, наполняющих Духовную академию, в учебном уставе сей последней роскошно поименована вся премудрость учености, преподаваемая учителями, в сем же вкусе образованными, без нужных учебных пособий и без библиотеки; ибо та, которая составляет академическую, верно, не идет далее конца XVII столетия <...> разврат и нечестие того времени обильно вмещает.

От сего развратные юноши, не исправляясь в академии, где надзор за нравственностью не лучше, теряют в ней и последнюю надежду к исправлению: страх Божий, который еще хранился в сердцах их; и в сем состоянии выступают на поприще самого святого служения.

Комиссия Духовных училищ, семинарии и академии сего ведомства в самом составе и образовании их несут семя сего зла и требуют *внимательного и беспристрастного к их побудительным причинам* рассмотрення людьми, глубоко предмет сей познавшими.

Из дел публичных видно, какое внимание обращает правительство на охранение нравственности народной примером наград, добрых дел и строгостей наказания при соблазнительных поступках духовенства – благотворная мера сия принесла, без сомнения, свой плод; ибо благочестие и добрая жизнь лиц духовных нигде не

служит так непосредственно основанием добродетели народной, как у нас, *по свидетельству самой Религии нашей*, и посему нигде разврат духовенства не может быть так вреден и для Церкви, и для Государства.

Но для прочного истребления его и на будущее время непременно нужно знать, чтоб исторгнуть самый корень зла сего.

Нечаянный случай на днях открыл мне его, сменив все мои дотоле гадания достоверностью положительной причины, от коей духовенство наше заражается тем грубым развратом, который служит от людей, смешивающих Церковь с недостойными ее служителями, ей нареканием, а усердным сынам ее постоянным предметом сердечного сокрушения.

Случай сей состоит в скорбной доверенности неизвестного отца, которого единственный сын почти вчера сделался жертвою духовного воспитания.

Начало зла суть наши семинарии, и особенно Петербургская. Она есть гнездо самого грубого разврата и гнуснейших пороков⁴.

МНЕНИЕ РУССКОГО ДВОРЯНИНА О ГРАЖДАНСКОМ УЛОЖЕНИИ ДЛЯ РОССИИ

*Всеподданнейшее письмо
Михаила Магницкого*

5 августа 1823 г.

Быв некогда употреблен Вашим Величеством по Департаменту законов в Государственном совете и изучая внимательно сей части управления, дотоле совершенно мне чуждой, всегда я был поражаем безуспешностью ее

у нас, через столько различных царствований, от царя Алексея Михайловича и после, так великих способов ободрения и пожертвования, на нее употребленных. Но как глядел я тогда на сей предмет *с ложной точки зрения*, то и не мог видеть настоящей сему причины. Поставлен будучи впоследствии *в положение противоположное* и продолжая мои разыскания в течение многих лет, ныне пришел я к таким историческим указаниям, кои кажутся мне заслуживающими внимания Вашего Величества.

Если я ошибаюсь, государь, то обычный мне порыв усердия удостоите покрыть обычную милостью.

Мнение русского дворянина о гражданском уложении для России

Гражданского уложения неможно выдумать. Оно должно непременно быть списано с уложения римского, кодекса Юстинианова¹ и следовавших ему законоположений или с новейших уложений, которые с него же списаны с некоторыми только переменами, коих местные обычаи государств требовали. Так точно поступили: Пруссия, Бавария, Франция, а наконец, поступаем и мы. Но сей легкий способ законодательствовать имеет для нас важные неудобства, ибо:

1) Законодательство западной Римской империи ограничивалось Феодосиевым уложением², которое Аларик³, завладев Римом, утвердил своим *Бреварием*⁴, доколе Юстиниан, освободив Италию, дал ей свое законодательство, но заметить надобно, что вместе с Юстинианом прекратилось и владычество восточных императоров на Западе, возникла политическая власть епископов римских. Западная Европа отрезалась совершенно от Востока, так что папы почитали уже, наконец, за стыд покоряться постановлениям восточных импе-

раторов и позднейшее их законодательство совершенно отвергли. В гражданских делах руководствовались они бревиариями и уложением Юстиниана, а в духовных — собственными декретами, и с тех пор из сего соединения права гражданского с правом каноническим римским составилось то римское правоведение, которое перешло с титулом императора римского в Германию, а оттуда к нам. Из сих-то заимствованных и чуждых нам прав составила у нас наука правоведения, совершенно бесполезная, ибо никакого приложения к нашему законодательству из нее сделать невозможно.

2) Там, где кончается право римское, то есть Юстинианово, начинается право византийское, усовершенствовавшееся после его смерти в продолжение девяти столетий, соединенное с правом каноническим греческой церкви, совершенно очищенное от всех языческих примесей; то право византийское, которое и ученые наши, и новейшие законодатели отвергали так, как будто бы оно никогда не существовало. Между тем как оно одно есть истинное наследие наше после Греческой империи, как то ниже показано будет.

3) От сей-то единственно причины первая часть проектируемого у нас уложения — *о лицах* — никогда в настоящем виде законоположением для России быть не может, ибо каким образом, например, утвердить права лиц, несогласные с отечественным правлением нашим, не потрясая его рано или поздно. Каким образом определить дозволение, воспрещение и расторжение браков по праву языческому, западному или по кодексам: баварскому, прусскому либо Наполеонову?

Все сии важные неудобства произошли от той простой погрешности, которая столь часто в делах встречается, что дело нашего законодательства *начали не сначала* и именно забыли, как сам Юстиниан присту-

пал к своему кодексу. Он составил комиссию, которой поручено было собрать все законы римские, от времен республики до него изданные, воедино. На совершение труда сего назначено было десять лет. Он окончен в три года. Причина сей поспешности неизвестна, но вред очевиден; ибо кодекс Юстинианов издан первый раз в 529 г. и снова издан в 534 г. (сохранился только последний). За кодексом изданы дигесты и институты в 533 г., а через несколько лет новеллы⁵. Можно судить о несовершенстве всех сих законоположений, потому а) что кодекс состоял из двадцати томов и б) что тотчас требовал поправок и дополнений; но несмотря на сие, ежели бы у нас только следовали порядку его издания, то мы бы имели общее историческое обозрение нашего отечественного законодательства, которое бы открыло нам:

1) Что греческие императоры: Василий Македонянин и Лев Премудрый⁶ в новом уложении, *Василиконах*⁷, отбросив все противоречащие Православию Юстиниановы законы, дополнили их новыми.

2) Что в то же почти время патриарх Фотий⁸ издал книгу греческого права канонического Номоканона.

3) Что последний византийский законодатель, Константин Порфирородный⁹, довершив законодательство отца и деда, издал Василикон и Номоканон¹⁰, исправив их и как бы приуговоря к передаче нам, ибо он же усыновил себе духовно и Ольгу¹¹, как бы передав России в лице ее сокровище Православия и законодательства восточного.

4) Что с введением к нам греческого вероисповедания введено и греческое церковное правление, и три века у нас укоренялось, дабы долженствовавшие потом последовать века изуверского рабства не могли его исторгнуть.

5) Что бракосочетанием Иоанна III¹² с Софией, дочерью Фомы Палеолога¹³, последняя отрасль греческих императоров пересажена на престол российский.

6) Что самый герб Восточной империи ознаменовал сродство двух империй и наследие одной после другой.

7) Что самое наименование царя, государями нашими принятое, перешло к нам оттуда же.

8) Что сие обновление падшей Греческой империи в России совершенно сходно с восстановлением Западной империи в королевстве франконском и империи германской.

9) Что законы византийские, в случае недостатка отечественных, у нас их заменяли, при Иоанне III <...>.

10) Что законы сии служили источником Уложения царя Алексея Михайловича¹⁴, ибо в нем сказано: «*Которыя статьи написаны в правилах Св. Апостол и Св. Отец и в градских (гражданских) законах греческих Царей*».

Обозрев, таким образом, сколько можно быстрее, сию златую цепь нашего отечественного законодательства и доведя ее от императоров восточных до царя Алексея Михайловича, да позволено будет спросить: кто отбросил ее? Почему так ее прервали, что и следа ее ни в законодательстве, ни в правоведении нашем не осталось? Какой злой дух перенес нас от сего православно-го законодательства к уложению того, который сказал: *La loi doit etre athée?* (Napoleon)¹⁵. Оставляя затруднительные на сие ответы более меня сведущим в ходе наших дел, я возьму только смелость сделать несколько гадательных по сему заключений:

1) Не входило ли в систему неверия отвести нас от законодательства отцов наших, непрестанно освящаемого верою и Божественными Писаниями, дабы, не отвергая прямо, сгладить неприметно ту печать самодержавия, которая все древние наши законы знаменует?

Первая часть уложения о правах личных не есть ли уже семя конституции, ибо ограничивает право державной власти, права помещиков, родителей и ведет к вопросу о разграничении классов, дабы, таким образом, наконец сложность прав личных произвела права сословий, то есть чтобы из права гражданского возникло право политическое? Иначе как изъяснить то, что всякое воспоминание о законах византийских и отечественных в то же время изглажено и в государственных сословиях, и на кафедрах университетов наших?

2) Не можно ли бы было еще исправить важный вред сей таким образом, чтоб комиссия законов единственно занималась, по данному ей плану, систематическим сбором всех существующих у нас законов, между тем как особенный комитет занялся бы историческим обозрением права византийского, всего нашего законодательства, в добром духе?

3) Собрав сии драгоценные памятники отечественной древности и уверясь опытом, что в праве византийском и в нашем собственном законодательстве есть все для уложения нашего нужное; но все согласное с Православием, все приличное самодержавной власти, обычаям и духу народа нашего свойственное, та самая рука, которая подписала Священный Союз¹⁶, не могла ли бы воссоздать труд Владимира, Иоанна и Алексея Михайловича, издав уложение истинно русское, на древних законах наших, на духе нашего вероисповедания и на праве каноническом греко-российской Церкви утвержденное?

4) Не полезно ли бы было для отдаленных, может быть, но тем не менее верных политических соображений, опять – свести сие сродство наше с империей Греческой и тем воскресить действительные наши права на ее наследие.

МНЕНИЯ О ЦЕНЗУРЕ ВООБЩЕ И НАЧАЛАХ, НА КОТОРЫХ ПРЕДПОЛАГАЕТ ЦЕНЗУРНЫЙ КОМИТЕТ СОСТАВИТЬ ДЛЯ ОНОЙ УСТАВ

Отделение первое

Краткое общее обозрение происхождения и устройства цензурных установлений в Европе

Европейская цензура есть установление подражательное цензорам Древнего Рима, которых учреждение, доказывая недостаточность религии и философии языческой и, так сказать, дополняя их, было одно из самых нравственных законоположений римских.

Цензоры, установленные вначале для собирания податей, вышли наконец, по общей к ним доверенности, блюстителями публичной нравственности и как бы народной совестью.

Древние авторы, греческие и римские, приписывают установлению их продолжительную славу Рима, которую относят они к добродетелям его граждан.

Писатели новейшие, изъяснившие причину возвышения и упадка народа римского, соглашаются в том, что сохранение гражданских добродетелей распространило его славу, а потеря их была причиною его падения.

Цицерон сказал, что первый трибун, нарушивший права цензоров, разорил республику.

Цель установления цензоров была исправление преступлений, гражданским правосудием не достигаемых.

Само собою разумеется, что в христианском обществе установление сие не могло быть нужно. Первые века христианства торжественно сие доказывают.

Но когда вера ослабла, когда наконец сделалась она, в массе европейских народов, лицах и сословиях, ими управляющих, некоторым только званием, тогда старались заменить и ее, и цензоров римских так называемую *честью* и даже обществом, исключительно честь сию ограждавшим (рыцари). Но и от него вскоре остались только некоторые права и наименования, то есть дворянство и ордены кавалерские.

Между тем люди, управлявшие народами, видели, что разврат сердца и мысли, не насыщаясь собственными порочными удовольствиями, находит наслаждение в распространении своего круга и в заразе не только современников, но и будущих поколений (а признано же всеми и даже теми, кои отвергали Учение Евангельское, что государства на одной только нравственности могут стоять надежно), то и старались из развалин Рима воскресить цензоров, переодев их прилично новейшему образу правлений и просвещения.

Установлены цензоры для удержания вредных вере, законной власти и нравственности книг.

Во Франции важное учреждение сие было поручено главному надзору канцлера, и духовная цензура отделена была от гражданской и предоставлена епископам и докторам богословия.

В Испании принадлежала она инквизиции и находилась под верховным, в важных случаях, управлением самого короля.

В Англии в 1644 г., парламент запретил печатание книг без цензуры, но возражение на сию меру славного Мильтона¹ и особливо опыт, что после учреждения ее стали наиболее печатать запрещенных и вредных книг, о чем и сами цензоры представляли парламенту, было причиною их отмены.

В Голландии и Швейцарии оставалась свобода книгопечатания неприкосновенною, и все безбожные книги

восемнадцатого столетия, запрещаемые во Франции, печатались в сих двух государствах. В Швейцарии, однако же, был пример запрещения известной книги Руссо «Lettres écrites de la montagne»², а в Голландии осуждение ее в 1765 г. произвело большие волнения и штатами уничтожено.

В Дании до 1770 г. существовала цензура, а в сем году, при известном министре Струензе, самовластно управлявшем молодым государем, дозволено свободное книгопечатание.

Заметить надобно, что в Англии и Дании свобода книгопечатания гораздо строже цензуры, ибо подвергает сочинителя уголовному суду, и когда, например, кто напечатает что-либо оскорбительное против короля, его судят в оскорблении величества и, следовательно, подвергают смерти. В других же случаях заключают на несколько лет в темницу или большою денежною пеней лишают имения.

В областях папских, испанских и австрийских цензура всегда окружена была мраком и жестокостью суеверия. В первых двух костры инквизиции сожигали и книги, и авторов.

Во Франции установления цензурные были самые благоразумные, как по умеренности их правил, так и по выбору людей.

Таково было в Европе положение цензурных постановлений до революции.

Отделение второе

Краткое историческое обозрение цензуры в России

По установлении у нас цензуры в 1783 г. предоставлена она была управе благочиния и состояла под оною

до 1796 г., когда поступила в ведение правительствующего Сената.

В главных пунктах границ была она вверена пограничным начальствам. Духовная принадлежала Св. Синоду и епархиальным архиереям.

В 1797 г. учреждены цензуры в Петербурге, Москве и Риге из трех особ: духовной, гражданской и ученой. Наконец, в 1802 г. манифестом об учреждении министерств возложена цензура на Министерство народного просвещения.

Таким образом, сначала она составляла у нас маловажное занятие полиции; потом, с усилившеюся во Франции революцией, введена в другую крайность, то есть из управы благочиния перешла в Сенат; потом усилена в своем действии и, наконец, при правильной классификации предметов управления, поставлена на своем месте.

Министерство народного просвещения разделило право цензуры между подчиненными ему университетами. Учреждены комитеты цензурные, духовная цензура отделена от гражданской, и ученым обществам, правительством утвержденным, равно как и казенным местам, дозволено иметь собственную цензуру. Но через четыре года усмотрено на опыте неудобство сего постановления, и в 1804 г. все книги разных начальств подчинены цензуре университетов.

При новом разделении министерств, в 1810 г., и высочайшим указом 1819 г. положительно подтверждено и истолковано исключительное право Министерства просвещения на цензуру. Между тем по представленному в Государственный совет управляющим тогда Министерством полиции, неизвестно по какому поводу, проекту для цензуры возникли разные мнения, по-

сторонние в деле цензуры, решительно основанном на манифестах и высочайших указах, но примечательные потому, что кончились заявлением недостатка существующего для цензуры устава. Министр духовных дел и народного просвещения отвергнул сие замечание, без всяких доводов приведенное, и доказал неудобства представленных, как бы в речи только о сем деле, мнений о преобразовании всей цензуры.

На сем остановились общие у нас распоряжения по сему предмету, когда Главное училищ правление, замечая из разных встретившихся случаев необходимость дополнять распоряжения устава о цензуре частными предписаниями, почло нужным, *сообразуясь с опасным движением умов в Европе*, обозреть предмет цензуры во всей его обширности и *сделать* для него *установления, сообразнейшие* прежних с *обстоятельствами и временем*.

Отделение третье

О перевороте в образе мыслей Европы, открывшемся в последние годы, когда внешние волнения оной утихли

Третья глава наполнена рассуждениями о том, что тот дух, который скрывался у Вольтера и Руссо под скромным плащом филантропии, у Робеспьера под шапкою свободы, у Бонапарта под трехцветным пером консула и, наконец, под короною императора, есть тот самый дух, который ныне, с трактатами философии и хартиями конституций в руке, поставил престол свой на Западе и хочет быть равен Богу (Ис 14 : ст. 13 и 14).

Отделение четвертое

О главных началах, на коих, по мнению комитета, ныне цензура в России может быть учреждена

По вышеизложенным убедительным и важным причинам комитет мнением полагает:

1. По силе высочайшего манифеста 1810 г. и указа 1819 г. сосредоточить все части рассеянной ныне цензуры в Министерстве духовных дел и народного просвещения, дабы единообразие начал и духа руководствовали рассмотрением всех книг, изданием всех учреждений по сей части и выбором людей, без коих наилучшие постановления были бы недействительны.

2. Навсегда разграничить ясно и положительно цензуру Министерства духовных дел и народного просвещения от положенного при Министерстве полиции, его учреждением, комитета для исправления дел по цензурным установлениям, то есть отделить действие цензуры нравственное и ученое от действия вспомогательного и наружного полиции, которое состоит единственно: а) в надзоре за непечатанием и непродажею книг без цензуры; б) в просмотре афиш и другого рода публичных объявлений.

Заметить надобно, что до Бонапарта никто не слыхал, чтобы полиция участвовала в цензуре, и поручение сей обязанности министру Фуше³ было только последствие того страха, который всегда преследовал сего похитителя, ибо, повелевая половиною вселенной, он трепетал перед пером госпожи Сталь⁴ и других подобных ей писателей.

3. В обеих столицах, в Риге и Вильне, учредить цензурные комитеты, независимые от университетов.

4. Цензуру Медико-хирургической академии в нравственном ее отношении соединить с общею, ибо в настоящее время, когда науки математические и даже география несут часто на себе отпечаток неверия, могут ли не подлежать строжайшему надзору творения медицинские, в коих рассуждения о действиях души на органы телесные и о возбуждении в теле различных страстей подают обильные способы к утверждению материализма самым косвенным и тонким образом. Посему медицинские книги, рассмотрев в отношении нравственном, отсылать в цензуру академии Медико-хирургической.

5. Комитеты цензурные, независимые от университетов, в двух столицах составить из одной духовной особы, четырех русских и двух иностранных цензоров; а в Риге и Вильне – из трех тамошних чиновников Министерства просвещения и одной духовной особы.

6. По присвояемой ныне важности цензуре, комитеты оной составить из лиц, по званию их и по личной доверенности министра значительных.

7. Отвергая прежнее понятие, по которому места цензоров почитались как бы добавочными к другим занятиям, избрать чиновников, единственно или, по крайней мере, главнейшее сему важному делу себя посвятившим, и потому, обеспечив их достаточным содержанием, дать им все нужные способы к легкому и безостановочному отправлению их обязанностей.

8. Составить такой устав для цензуры, который бы обнимал *все извороты и уловки настоящего духа времени*, сколько сие возможно. Невозможное же к точному определению предоставить на благоразумие и совесть доверенных лиц, цензуру составляющих, обеспечиваясь, однако же, сею личною доверенностию сколько можно менее, ибо люди переменяются, а уставы остаются.

9. Главными началами устава для цензуры принять:

а) всякое сочинение, в котором прямо или косвенно отвергается, ослабляется или представляется сомнительным учение Откровения, отвергать и запрещать без пощады;

б) всякое сочинение, не только возмутительное против властей предержащих, но ослабляющее, в каком-либо отношении, должное к ним почтение, запрещать;

с) всякое сочинение, заключающее в себе какой-либо дух сектаторства или смешивающее чистое учение веры Евангельской с древними подложными учениями, либо с так называемою естественною магией, кабалистикой и масонством – запрещать;

д) запрещать равным образом все те сочинения, в коих своеволие разума человеческого усиливается изъяснить и доказать философски недоступные для него святыя таинства веры.

10. Запрещение всего противного добрым нравам, благопристойности и светским приличиям, чести народной и личной само собою за предшествующими статьями следует.

11. Но как чем более, с одной стороны, власть и действие цензуры распространяются, тем более, с другой, нужно оградить переводчиков и сочинителей от всякого произвольного к ним притязания, а самую цензуру от нареканий, то поставить правилом:

а) цензура не может положить запрещения на представленную ей рукопись иначе, как актом комитета; в акте сем должно быть указано на статью устава, в силу которой запрещение сделано, и выписка из сего акта должны быть выдана тому, чья книга запрещается, а запрещенная рукопись должна оставаться при деле.

б) ежели бы сочинитель и переводчик запрещенной книги находил, что цензура поступила несогласно с

указанною статьею устава, то он может принести жалобу министру духовных дел и народного просвещения, который наряжает одного из постоянно определенных к тому, по его назначению, членов ученого комитета для рассмотрения оной.

Сей назначенный от министра член председательствует в сих случаях в комитете цензуры, рассматривает в общем собрании все дело, по коему возникла жалоба, отбирает нужные объяснения и выписку из журнала сего чрезвычайного заседания представляет с своим мнением министру, который, по усмотрению, или решит дело сие лично, или вносит его в Главное правление училищ. Как мера сия на московскую, рижскую и виленскую цензуры простираться не может, то просьбы сочинителей на цензуры сии, к министру поступающие, представить на рассмотрение петербургскому цензурному комитету в порядке вышеизложенной апелляции.

Мера сия для предупреждения всякого самоуправства цензуры столь необходима, что самый король испанский положил, что, в случаях несправедливого запрещения книги инквизициею, принимает и рассматривает жалобы на нее он сам.

Сии только меры в совокупности почитает комитет достаточными для принятия их в основание для цензурного устава, сообразно с духом настоящего времени.

ПРОЕКТ СЕКРЕТНОЙ ИНСТРУКЦИИ ЦЕНЗУРНОМУ КОМИТЕТУ

Невозможность выразить краткими положениями и слогом закона все подробности, для руководства цензурного комитета нужные, привела к мысли дать ему осо-

бенную, к собственному его сведению принадлежащую, инструкцию. Удостоена будучи Высочайшего утверждения, инструкция сия имеет силу закона. Но для введения в оную почитается нужным открыть начало, служившее основанием новому уставу о цензуре.

Дух времени, очевидно и во многих государствах Европы, открыто уже стремится на разрушение всякого гражданского порядка.

С сегдамагонадесять¹ века явно восстал он в Европе на Бога учениями материализма, потом адскими поруганиями над святою Библиею и, наконец, отвержением Искупителя и личным на него остервенением. Тогда явились первые разрушительные начала теорий права естественного. За ними последовало во Франции низвержение алтарей Христовых и законных властей. Ныне, когда внешние волнения утихли, системы неверия, дотоле Англию и Францию только обтекавшие, со всею хитростию духа злобы явились под новою личиною в Германии.

Без открытого уже опровержения Библии, в молчании об Искупителе, под именем чистого разума, в совершеннейших против прежнего системах наук философских, естественных, исторических и в произведениях изящнейшей словесности разливается ныне яд опаснейшего всех прежних времен неверия. Подобно новому Пилату, разум человеческий, со всею правильностью умозрительных форм своих, осуждает и предаёт на пропятие Богочеловека.

Таково ныне состояние общественного мнения в Европе.

Очевидно, что ни одно христианское правительство не может в подобных обстоятельствах не токмо для собственной безопасности, но и для настоящего и будущего блага своих подданных оставаться бездейственным.

Между мерами, противоборствующими сей господствующей в Европе заразе, цензурные установления суть одна из важнейших.

По сей причине и на сих началах составлен и издан ныне устав для цензурного комитета.

Цель сего важного законоположения облекает цензоров высоким званием стражей, охраняющих веру Христову, нравы отечественные и самый язык наш, не оскверненный еще ни богохулениями, ни разрушительными воплями против власти царской, ни нечистотами разврата и сладострастия от язвы, повсеместно уже и особенно в Германии свирепствующей.

Да проникнутся цензоры всею важностию сего служения их Царству Божию во времена самые опасные и тяжкие и, приступая с благословением Господним к исполнению своего долга, да действуют они по прямому разумению и по чистой совести, верою освящаемыми.

В намерении облегчить для них исполнение устава преподаются им здесь следующие руководства на разные статьи его:

1. В § 16 постановлены правила для рассмотрения книг врачебных в нравственном их отношении. Под сим разумеется отвержение не токмо явного безбожия или материализма, но и всякого ухищрения неверия, старающегося ниспровергнуть или представить сомнительным духовный сан человека, внутреннюю его свободу и высшее предопределение к будущей жизни.

2. § 24 (предоставляющий цензуре рассмотрение литографированных и вырезных изображений на бумаге, дереве, меди, камне, рисунков, эстампов и т. п.) имеет в предмете объять всякого рода изображения, коими неверие стремится заменить для себя повсеместно стесненную свободу тиснения. Таковы суть богохульные изображения Пресвятые Троицы, недавно появившиеся

во Франции в честь Бонапарте, священные предметы на табакерках и прозрачных экранах для подсвечников и каминов и т. п.

3. Возбраняются все творения, заключающие в себе учения каких-либо тайных обществ, уставом благочиния у нас запрещенных, кои под разными вымышленными образами к Библии и Учению Евангельскому примешивают свои предания и эмблемы христианской Церкви, не токмо чуждые, но и противные.

Равному запрещению подлежат все сочинения, в которых для привлечения к сим обществам доверия ложно утверждается о происхождении или существовании их от самой якобы глубокой древности. К сему разряду принадлежат все сочинения магические, астрологические, кабалистические, книги гадательные и прочие. При запрещении сего рода книг цензор может объявлять сочинителям и издателям их словесно, что, по особо данным комитету правилам, они пропускаемы быть не могут.

4. К § 9 (осуждающему книги, порицающие правительство и администрацию) отнести можно сочинения, в которых хотя бы и не заключалось явной хулы на настоящий образ нашего правительства, но подразумевалась бы она в излишних похвалах каким-либо конституциям, силою народа и войск у законных государей исторгнутыми.

(Подлежат запрещению книги, порицающие особы отечественных государей, в Бозе почивающих.) Само собою разумеется, что пристойного о сих предметах рассуждения, по прошествии такого времени, которое вводит уже их в отдаление историческое, воспрещать не следует.

5. В число книг, упоминаемых в § 30 (запрещающем сочинения, противные добрым нравам), отнести

можно большую часть переводимых романов и сладострастных стихотворений, кои начинают наводнять литературу. К запрещению их часто можно найти предлог в неисправности самого слога и тому подобном.

6. Хотя особое будет сделано распоряжение в рассуждение того, что все политические ведомости почерпали сообщаемые ими заграничные известия из одного официального источника; но комитету и за сею мерою надлежит должно, чтобы ничто, противное уставу в нравственном отношении, появиться в публичных листах не могло. Таков, например, процесс английской королевы. Краткое о нем известие могло быть напечатано, но подробности и слова ее обвинителей, из почтения к высоте ее сана, из уважения даже к ее полу и к добрым нравам, должны были бы, по правилам ныне изданного устава, пройдены в молчании.

7. Извещение министра (по § 59) о сочинителе опасной книги должно было быть учиняемо немедленно и тайно, дабы до сообщения оного министру внутренних дел не мог он укрыться от полиции и закона. Посему каждый цензор, не ожидая в сих случаях заседания комитета, остановленную рукопись со своими примечаниями обязан представить министру духовных дел и народного просвещения. В первом заседании комитета должен он объявить сие собранию, которое до разрешения и хранит дело в тайне.

В сем состоят частные руководства и указания, кои на сей раз почтены для комитета нужными. По времени и обстоятельствам они будут дополняемы и переменяемы.

Господь да укрепит и просветит членов оного на важное их служение, которое да пройдут они безответственно пред правосудием человеческим и Божиим.

**ОТНОШЕНИЕ ПОПЕЧИТЕЛЯ
КАЗАНСКОГО УЧЕБНОГО ОКРУГА
К МИТРОПОЛИТУ НОВГОРОДСКОМУ,
С.-ПЕТЕРБУРГСКОМУ, ЭСТЛЯНДСКОМУ
И ФИНЛЯНДСКОМУ¹**

от 24 мая 1824 г.

Ваше Высокопреосвященство изволите, я думаю, припомнить, что в заседаниях Библейского комитета два раза была речь о богохульном выражении, поставленном в Персидском переводе Нового Завета, которого не смею и произнести. В первый раз просил я, чтобы важное дело сие было основательно исследовано, а во второй – чтобы все оставшиеся экземпляры сего перевода были сожжены.

Первое мнение мое оставлено без внимания; не знаю, той же ли участи подвержено и второе; но знаю то, что чем более воспоминаю страшное дело сие, тем сильнее тревожит меня совесть следующими рассуждениями:

1. Закрывающей в себе богохульное выражение персидский перевод распространен в Персии и официально поднесен шаху. Как уверить теперь персиян, что в подлиннике выражения сего нет, а в переводе ошибка?

2. Ежели в предложении на персидский язык, один из классических восточных, могло проскользнуть, по ошибке, богохульство, то чего не может быть в тех торопливых переводах на многие языки диких, у коих нет еще и письмен?

3. После сего величайшего на земле несчастья для Библейского общества, можно ли еще думать, чтобы на деле его было Божье благословение?

4. Каждый член Общества не будет ли отвечать пред Богом за все дела его, участвуя в них и деньгами, и согласием?

По всем сим неоспоримым, по чувству моему, уважениям обличающей меня совести готовился я просить увольнения меня от Библейского общества, но удержан был тем только, что надеялся видеть скорое его падение от других причин.

Ныне правление Императорского Казанского университета, представляя мне о раздаче книг Св. Писания ученикам в награду за успехи, упоминает и о Евангелии на персидском языке, из чего вижу я, что книга сия не только не уничтожена, но еще и распространяется Библейскими отделениями.

Почитая сей случай вызовом меня, согласно с чувством совести моей, на то действие, от которого одно благоприличие доселе меня удерживало, приемлю я смелость покорнейше просить Ваше Высокопреосвященство принять торжественное отречение мое от всех богопротивных, по моему разумению, действий Библейского общества и благоволить исходатайствовать мне совершенное от оногo увольнение.

ПИСЬМО А. А. АРАКЧЕЕВУ

12 февраля (1824 ?).

Милостивый государь, граф Алексей Андреевич!

На вопрос Вашего Сиятельства о лучшем катехизисе для военных училищ имел я честь сказать вам, милостивый государь, что у нас есть древняя и истинно догматическая книга: Православное исповедание веры¹

которая вытеснена из употребления новыми катехизисами, двенадцатью, кажется, один другого худшими по удалению их от веры отцов наших, от Православия, на котором стоит Россия.

Ныне доставил я представляемое у сего рассуждение о сей книге, официально произнесенное в Невской академии в 1804 г. Оно очень редко, по истощению издания. Из него Ваше Сиятельство усмотреть можете, что книга «Православное исповедание» есть истинно догматическая; ибо утверждена всеми восточными патриархами и издана одним из них. И так важна, что в важных случаях и самые римские католики на нее ссылались. Но когда изволите прочесть рассуждение о ней, то верно представится вопрос: какая была нужда издавать новые катехизисы, имея столь полный и так торжественно и надежно утвержденный?

Она переведена с греческого и переведена на славянский, издана на славянском языке в конце XVII столетия, именно тогда, когда у нас дух реформы и даже кальвинизма предшествовал духу неверия. Потому и книгу сию, чистое золото Православия, вытеснили скоро богословия Феофана², сильного врага Церкви. Потом все катехизисы выходили по духу времени и теперь дошли мы уже до того, что каждый законоучитель учит как хочет, а книга «Православное учение» лежит кучами в синодальной лавке.

Извините Ваше Сиятельство, что отнимаю время ваше сими богословскими рассуждениями потому только, что на доверенность вашу, милостивый государь, почитаю себя обязанным отвечать совершенною искренностью, которая к тому месту, где Бог нас поставил, не всегда и доходит, а потому и имеет свою цену.

Записка о кантонистах заслужит, может быть, также внимание Вашего Сиятельства.

С истинным высокопочитанием и душевною преданностью есмь, милостивый государь, Вашего Сиятельства всепокорнейший слуга.

Михаил Магницкий.

О СПОСОБЕ, КОТОРЫМ ГЕРМАНСКАЯ ФИЛОСОФИЯ ЗАРАЗИЛА ВСЕ НАУКИ, И ДАЖЕ ТЕ, КОТОРЫЕ НИКАКОЙ СВЯЗИ ПРЕЖДЕ С НЕЮ НЕ ИМЕЛИ

В особой записке о философии изъяснено, каким образом, не нападая прямо на религию, подрывает она ее, подменивая полной системой новых идей, совершенно ей противоположных и очаровательных для гордого разума и свободы страстей. За сим остается показать, каким образом неверие века сего отравляло своим ядом все науки и сделало из познаний, для общества полезных, совершенный *заговор противу Бога и Царей*. Можно сказать, что в наше время дух злобы бросил свое оружие обыкновенное: *хулы и открытое нападение на религию и власть Царскую*.

Он роется втайне под самые основания сих двух столпов, на которых лежит весь свод здания общественного, подрывает корень древа, развращая умы посредством воспитания, и заразил уже все науки ядом: *неверия и безначалия*. Новейшая философия по системе Шеллинга и его последователей, людей отличнейших дарований, представляет столь искусный подмен Евангельского Учения, что неопытная юность, увлекаемая воображением и гордостью, с восторгом сбрасывает золотые узы религии, исторгается из священного мрака ее таинств, бежит к ложному свету разума, находит

свободу страстей, ненаказанность порока, довольство чувственных наслаждений и фанатически сей выгодный и спокойный образ мыслей, сие *опьянение души* принимает. Когда же таким образом божественное учение Спасителя о *непрестанном самоотвержении* подменено учением о *непрестанном самоуслаждении*, тогда заимствованная из Евангелия нравственность, под именем *философии нравственной*, подкрашивает сей гроб повапленный. Мерзость нечестия прикрывается покровом Святыни и даже тексты из Евангелия в уроки сей науки вставляются. За сим развращенный ум и сердце, свергнув с себя власть Царя Небесного, находят в Праве Естественном, которое составляет часть философии нравственной, полное учение к презрению власти державной и родительской, ибо первая *есть или похищение сильного, или звание, по договору с народом полученное*, а вторая *последствие брака, который есть договор двух полов для того, чтобы воспитать неопытную юность, с которою вместе прекращается*. По сем установлении начинается преподавание *Истории*, по модному германскому названию, *прагматической*, то есть рассуждающей, а не просто события повествующей. Лжеименная история сия уверяет, приводя свидетельство историков или лживых, каков греческий *Ктезий*¹, или несуществовавших, каков Бероз², и уверяет, что откровение ветхозаветное есть список с древних преданий египтян, у которых учился Моисей, а новозаветное тоже есть список с книг индейских браминов³. Таким образом, ученик и историей утверждается в своей философии. Сверх того бунты представляются ему последствием угнетения народов налогами и самовластием. Пороки государей выставляются в чертах сильных и выражениях дерзких. Бунт Лютера⁴ против власти духовной иерархии представляется переходом

от фанатизма к свободе совести и ума и к успехам просвещения. Фридерик II и Иосиф⁵ выставляются людьми великими и пр. Науки математические, особливо высшие, механика и астрономия, обращая все мироздание в некоторую махину, разными силами по вечным законам движущуюся, твердят об одном *небесном механизме* и законы его исчисляют. Науки естественные, преходя молчанием все то, что относится к славе и премудрости Творца, и особенно то, что повреждение падшего творения доказывает, ищут показать, что потоп не было, что мир всегда был таков, как ныне, что он существует несколько сот тысяч лет, и притом ищут таких только открытий, которые бы служили к скорейшему обогащению или к удобности и умножению чувственных наслаждений. Обольстив сим заговором неверия легковверный и пылкий разум юности и затмив его полною системою ложных общих понятий, посягает лжепросвещение и на приложение их к правительству отечественному. В науках юридико-политических, то есть в правах, в экономии политической и статистике, выставляет оно преимущество и премудрость законодательства Республики Римской, показывает упадок его во времена императоров восточных, невежество тех веков, когда мы оттуда законы наши заимствовали, самопроизвольность, смесь и недостатки законов наших в настоящем их виде, преимущества Кодекса Наполеона, превозносит похвалами свободу политическую, свободу торговли и промышленности; изъясняет вредные последствия рабства, неудобностью преимуществ разным классам присвоенных, и даже именуется технически духовенство и всех государственных чиновников классом *непроизводящим*.

Науки словесные, в том же духе направленные, особливо в древних языках, отстраняя писания свя-

щенных риторов, как то Златоуста, Назианзина, распаляют молодое воображение ораторами языческими и республиканскими.

Таков вред настоящего просвещения!

Около 50 тыс. детей ему предано на жертву. Что будет, когда грозное поколение сие созреет? Через десять лет оно готово, а через двадцать, хотя десятая часть его, в военной и гражданской службе может уже занять важные места, между тем как другие десятки тысяч в двадцать лет заступят место его в тех же училищах.

В представленной здесь картине нет никакого преувеличения, ибо она списана только с тетрадей и печатных книг профессоров, которые читал сочинитель сей записки и по большей части наименовать может и с здешних публичных экзаменов, на коих он несколько раз сидел в многочисленном собрании свидетелей и нередко возражал, дабы возбудить внимание.

ОКОНЧАТЕЛЬНОЕ ДОПОЛНЕНИЕ К ЗАПИСКАМ О ТАЙНЫХ ОБЩЕСТВАХ

Повсеместное гражданское закрытие тайных обществ¹ не имело ожидаемого от сей меры последствия по двум причинам:

1-я. Можно запретить публичное изъяснение образа мыслей, на бумаге и на словах; но запретить соединение в сем образе мыслей помощью личных тайных сообщений нет никакой возможности, а оно-то и есть цель тайных обществ, и публичность их была всегда только личина для того нужная, чтобы отвратить внимание общества и правительств от цели истинной. Итак, что же произвело запрещение?

Разрушило личину, прекратило пустые собрания, отсекло членов бесполезных, усилило осторожность и тайну орденских начальников и заставило их, вероятно, распространять свое учение косвенно и в других формах. Труд им дан новый, но зато и важная представлена выгода – их почитают несуществующими!

Точно так как не можно уничтожить готового подкопа, заткнув его, а надобно сделать контрмину, нельзя и обществ тайных уничтожить ничем кроме других обществ, кои бы их в течение некоторого времени поглотили. Обществами сими разумею я Церковь и воспитание, о коих сказано будет в конце записки.

2-я причина *бесполезности запрещения тайных обществ* есть существование посреди общества европейского такого тайного общества, которое даже так и не называется, но несет имя *Церкви*, а между тем ужаснейший враг всех Церквей и особенно двух католических² и всех правительств и особенно самодержавных. Общество сие суть *методисты*³.

Цель его, публично объявленная, Манифестом одного из величайших их фанатиков, *есть ниспровержение властей духовных и гражданских во всем мире*. Способы достижения сей страшной цели тем ужаснее, что они покрыты формами так называемого *чистого христианства, терпимости, благотворительных учреждений*. Помощью сих средств люди самые добросердечные и благонамеренные делаются их орудиями.

Общество сие, состоявшее в 1817 году, по напечатанным его актам, из 500 т[ысяч] человек, объемлет уже все части света. Иностраннных миссионеров его считается до 2 т[ысяч] человек. Оно располагает большими суммами, имеет сильных покровителей и действует обыкновенно через людей знатных и особенно через женщин.

Присяга его сильнее иллюминатской⁴, ибо состоит в том, что принимаемый клянется и тогда *содействовать его видам, когда переменит свой образ мыслей на его счет* – неслыханная присяга!

Оно рассчитывает на два класса: низший состоит из друзей (amis), а высший из искреннейших (intimes).

Известные здесь агенты его, будучи деятельнейшими членами Библейских обществ, ведут весьма удобно переписку свою с отдаленнейшими местами, не навлекая на себя подозрения, но часто ездят в Англию, вероятно, с самоважнейшими сообщениями. Бумаги их могли бы открыть много важного. Впрочем, так как они враги англиканской Церкви и английской Монархии; то лучшие сведения против них можно получить от духовенства и посольства английского. Езуиты⁵ также не теряют их из вида. Все лютеране и протестантство, от Церквей своих отставшие, составляют подпору методистов. Баадер⁶, Линдель⁷, Госнер⁸ их союзники. Нилл⁹ начальник их здесь, по духовной части. Есть, по несчастию, у них союзники и из русских.

Рассеяние сей шайки, сего духовного якобинства важнее закрытия наружных масонских лож.

Впрочем, коренное средство к истреблению и тайных обществ, и методизма есть одно: возвысить, утвердить, приблизить к Державной власти Православную Церковь, непрестанно боримую; ограничить терпимость, ее гонящую, определением должной ее меры, обуздать духовное якобинство разных расколов лютеранства, возвышением пред ними католицизма, к нам ближайшего и по духу своему, для самодержавия безвредного¹⁰; и принять общие меры, для истребления из всех частей народного воспитания всех духов нечистых неверия, либеральности, своеверия и методизма.

7 апреля [1824 г.].

О ЗЛЫХ ДЕЙСТВИЯХ ТАЙНЫХ ОБЩЕСТВ, ВЫДУМАВШИХ БИБЛЕЙСКОЕ ОБЩЕСТВО В ЕВРОПЕ И НЕУСЫПНО ЧЕРЕЗ ОНОЕ ВСЕ К СВОЕЙ ЦЕЛИ НАПРАВЛЯЮЩИХ

Библейское общество в системе у методистов-иллюминатов (ибо есть методисты простые и методисты-иллюминаты) есть то же, что масонские ложи в системе иллюминатства Вейсгаупта, то есть низшая степень, в которую принимаются без разбора всякого рода лица, дабы потом избирать из них орудия двух родов: 1-е, людей с отличными способностями; 2-е, слепых фанатиков.

Все главные методисты-иллюминаты, как и президент их в Англии лорд Теймут, суть члены Библейского общества.

В России произошли уже от сего общества следующие последствия.

1. Преобладавшее Министерство духовных дел устремило все выгоды честолюбия на пропаганду сего общества и его начало.

2. Начальники областей и губерний, равно как все почтовое начальство, уверены были, что они исполняют дело самое угодное правительству. Сверх сей уловки употреблялись скрытно многие другие средства, и именно: *Воззвание* о содействии Библейскому обществу в отсутствие Его Императорского Величества, из России в нескольких тысячах экземплярах разосланное.

3. В отсутствие же Государя были посланы славный методист¹ Патерсон² и помощник Попова³ Серов⁴ для истребования на местах во всех губерниях строгого отчета медленности действий библейских обществ. Они объеха-

ли многие губернии, и когда в С.-Петербурге услышали, что Его Величество возвращается из Тропау или Лейбаха⁵ (не помню), то Патерсону велено проехать к границе Персии в виде путешествия, а Серову, не доделав своего поручения, скорее возвращаться. Вся переписка о сем должна быть в канцелярии Библейского общества.

Вред, Библейским обществом России причиненный, состоит в следующем:

1. Раскольники обрадовались Библейскому обществу, что учредилось, и будто под предлогом крестьянских сотовариществ (как то видно из многих печатных отчетов Библейского общества) уже со смелостью открыли свои секты, собрания и скопища раскольнические и учению своему дали ход, презирая Св. Церкви, собираются явно в избах для своих толков, что прежде тайно у них было. Библейское общество с ними переписывалось. Письма их [оно] хвалило и печатало, называя благочестивыми крестьянами тех, которые опаснее самих духоборцев.

2. Библейское общество и поспешно и дурно перевело Новый Завет, и с такою, между прочим, ошибкой, что стихи псалмов, в Евангелии приводимые, переведены иначе, как те же самые стихи в Псалтири. И сие неудивительно, ибо перевод сих книг священных, который прежде со страхом и трепетом совершали мужи святые (Кирилл и Мефодий), был брошен несколькими студентами академии, с приказанием сделать оный как можно скорее⁶.

3. Когда главные вводители Библейского общества, яко комиссионеры тайных обществ, увидели, что дозволено им священный церковный язык, один неоскверненный общественным употреблением, заменить общенародным, на который ныне Священное Писание переводится, тогда испросили они дозволение, отняв сла-

вянский текст, издать весь Новый Завет на одном русском языке. Сей поступок слишком смел, важен и на будущее время опасен, страшное негодование во всех классах людей произошло от того.

Прежде расколы от перемены и поправки книг старых сделались, которые рукописями были перепорчены, а ныне книги священные, никакой нужды не имевшие по чистоте и правильности своей, более или менее искажены; и вместо священного языка на площадной дурной переложены: то чего ж можно ожидать впредь от библейских обществ, когда и старым расколам, и вновь хотящим быть дверь явно растворена.

Важность перевода состоит в том: 1) тогда уже переводился священником Павским Ветхий Завет с еврейского, который один он знает, так искаженный, что должен был непременно показать славянский текст совсем обезображенным, уронить уважение и к св. прелагателям его и в Церкви произвесть, вероятно, новые разодрания с расколами и приближать наш перевод к лютеранскому.

Примечание. Внимательное рассмотрение сих переводов докажет истину моих обличений.

2) Под ложным и тщетным предлогом всеобщего требования (которого не было), издать Пятикнижие Моисеево на русском языке отдельно от пророческих книг Ветхого Завета и сделать тем ересь молоканов (субботников)⁷ и обращение в иудейство; ибо простой народ, видя книгу, заключающую закон Божий, и не зная ничего далее, легко мог бы ею прельститься по неведению. Иначе, какая причина так спешить изданием сего отрывка Библии, отпечатать его в нескольких тысячах экземплярах, кои, вероятно, в библейской типографии уже готовы (во многих тысячах).

Библейская печать служит надежнейшим покровом для пересылки денег и переписок методистов и

разъездов членов Библейского общества, закрытием для путешествия и личных сношений их агентов во все концы в России, в Константинополь, Германию и Швецию, что также можно видеть из бумаг библейской канцелярии.

4) В четвертом пункте говорится о богохульстве, допущенном будто бы в персидском переводе Евангелия. «Хуление сие двукратно публично повторено при 60 человеках секретарем Общества, с изъяснением, что перевод сей распространен в Персии, поднесен Шаху английским послом». Ежели на сем языке восточном выделанном могли произойти подобные ужасы, то чего нет в тех 30-ти или более диких наречиях, у коих нет ни письмян, ни выражений не только для предметов духовных, но ниже для самых обыкновенных в жизни: как то стул, шляпа и проч. По неимению письмян на сих языках, употреблены русские и от того переводы сии вышли столь соблазнительны, что, читая несколько листов в библейском комитете, члены оногo, кроме тех, которые готовы были плакать, смеялись над чтением мордовских и чувашских евангелий. Не проще ли было обучить дикарей сих славянской грамоте, ежели бы Библейское общество не имело *других вредных целей?*

5) Для римских католиков сделан Обществом подлог весьма коварный. Под видом итальянской библии продавался перевод Лютеровой библии на сей язык.

Таковые действия Библейского общества на память и без всякой возможности видеть его бумаги, в продолжение нескольких лет собранные. Они капля в море перед теми, кои иметь можно, поручив рассмотрение бумаг сих надежному комитету.

Истребить опасное и злое действие тайных обществ через Библейское общество представляется одно средство.

Вначале учреждено было Библейское общество единственно для раздачи Св. Писания иноверцам, в России обитающим: то весьма легко и справедливо обратит его к сему началу, предложив вместе с сим на собранные с русских деньги печатать для раздачи даром и дешевой продажи православное исповедание и церковные книги. Англичане поймут сию перемену и сами от Общества отступят, иноверцы иностранные и русские последуют за ними: собственность Общества останется той самой Церкви, которую разрушить стремились тайные общества через Библейское общество.

Содрогается вся душа моя, провидя, какой вред Церкви и государству готовится в России от тайных обществ через Библейское общество.

Блюдите да никто же не иде вас прельстить под видом Библейского общества.

Блажен муж, иже не иде на совет нечестивых методистов и на пути грешных, прикрывающихся Библией, не ста и на сидалищи губителей, посланных от тайных обществ, в Библейском обществе не седеет: но в законе Господни поучится день и ночь, яко же через 1824 от Р. Х. учит св. Церковь Православная.

[СОН В ГРУЗИНЕ]¹

I.

Милостивый государь, граф Алексей Андреевич!

Принося усерднейшую благодарность Вашему Сиятельству за милостивый прием и приятнейшее угощение в очаровательном Грузине, я почитаю долгом возвратить вам, милостивый государь, что я увез оттуда:

это сон, который я там видел. Он принадлежит Вашему Сиятельству.

Царское Село.

М. Магницкий.

4 августа 1825 г. (Графу А. А. Аракчееву.)

II.

Сон в Грузии с 26 на 27 июля 1825 г.

26 июля ввечеру, после самого приятного угощения в том месте, где десять лет тому назад разрешилась участь моего семейства², я почувствовал такое смешение разных ощущений, что не мог сам себе изъяснить положения души моей, — и заснул.

Вижу во сне, что сижу в библиотеке занимаемого мною дома на диване и смотрю на стеклянную дверь; к ней подходит почтенного вида древний старец с длинной седой бородой, спокойным и светлым лицом, в русском голубом кафтане без кушака. Отворяет дверь, три раза перекрестясь по-старинному, молится на образ Божьей Матери и, поклоняясь мне в пояс, подходит, садится со мною на диване и говорит тихим, но приятным голосом: «Не прогневайся, любезный о Христе, брат, что я без позволения пришел к тебе. Я нездешний, а житель мира духовного; с тобою же знаком коротко, хотя ты меня и не знаешь. Вчера, поутру, когда показывали тебе воздвигнутый мне земным благодетелем моим памятник³, ты подумал про себя: помяни его, Господи, во царствии Твоем».

«Нам очень полезно, а потому и крайне приятно таковое молитвенное о нас возглашение сердец. Вот мое с тобою знакомство, и вот почему я отпущен к тебе на все

время сна твоего с тем, чтобы пояснить тебе много такого, чего бы сам ты никогда не разгадал. Слушай хорошенько: я дух грузинского старожилы, известного на земле под именем Исаака Константинова. Я жил по-вашему долго, от Петра до Александра первых, или лучше сказать единственных; довольно насмотрелся на величия земные, на славу, почести, богатство и их пепельность (здесь сохранены собственные слова духа), видел падение и смерть всего великого и с здешним именем достался новому его владельцу; он призрел, успокоил и даже до того утешал мою древность, что, когда почти выжив из ума, просил у него, как малое дитя игрушек, например: позволения давать мне во всех его отчинах по моему требованию подводу с колокольчиком, он не посрамил лепетания малодушествующего старца ниже улыбкою, выслушал бред мой, как дело, и желание мое исполнил. Сие тонкое благодеяние любви христианской и почтение к сединам столетнего старца записано там, где все дела наши до смертного часа записываются (прочти Четьи Минеи⁴ марта 26, житие Василия Нового), а в сердце у меня осталось навеки. Я люблю его и, как услышишь из речей моих, короче теперь знаком с ним, чем был на земле. Пойдем гулять со мной по Грузину, со мною не соскучишься, перенесемся нечувствительно куда нужно». За сим словом очутились мы посреди церкви соборной⁵. «Вот великолепный храм Божий, нельзя сказать, чтобы палаты хозяина были его богаче: он исполнен сокровищ. Все чистейшие чувства сердца человеческого заключены в нем, как в достойном их хранилище: почтение, любовь и молитва к величеству небесному, почтение, любовь и благодарность к величеству земному. Но взгляни на правовечный памятник благодарности царю почившему»⁶.

«У подножия памятника заготовлен гроб верного слуги царского⁷. Он помнит смерть, он знает, что память

ея есть надежнейшее средство противу крушений гордости и честолюбия, а простая надгробная надпись показывает, что <...> слава, почести и титула земные останутся по Сю сторону гроба, знает, что между тем как густая пыль могильная покрывает раззолоченные гербы, коими тщетная гордость повапливает мертвенность развалившуюся, дух покойного вельможи, по ту сторону гроба не граф и не князь уже, а бедный и смиренный грешник, раб Божий, равно как и дух нищего в ужасе и трепете ожидает или вечного помилования, ради Христа и живой добрыми делами оправданной веры, или вечного осуждения. Схимники готовят себе гробы; но царедворцы обыкновенно и мысль об них удалить стараются, ибо тщеславие и чувственность в самом отвращении от мира духовного носят в себе зародыш вечного осуждения. Вблизи от церкви символы сил воинственных. Мысль высокая и истинная! Церковь, не охраняемая силою, обуревается врагами; сила, не защищающая церковь, без ея молитв и благословения само собою сокрушается. Самые цари святы и неприкосновенны по повелению Царя царствующих».

«Вот памятник Андрея Первозванного!⁸ Он первозванный и первый воззвал Россию к христианству на горах Киевских. Он благословляет весь сию, на берегах Днепра предрек славу Киева; на берегах Волхова предрекает он, может быть, будущую участь Грузина. Как бы в тумане вижу отсюда то, чего ты видеть не можешь... Несколько златоглавых церквей, ряды домов каменных, большую торговую площадь, кипящую народом и множество разных кораблей, вижу... но и этого тебе знать еще не должно».

«Развалины Меншикова⁹ – красноречивейший памятник пред глазами вельможи, им самим поставленный – мысль смелая и прекрасная. Башня крепка и вы-

сока была. Она пала, разрушена, и мох растет на самом верху ея, и пресмыкавшиеся у ея подножия смело ползают по ней. Зловещий ворон безбоязненно вьет гнездо в ея трещине. Бюст Меншикова во всем великолепии его придворной одежды стоит в погребу башни в темноте, внизу. Кто, придя сюда, не вспомнит славы падения, ссылки сего временщика? Кто не вспомнит, как недовольный им офицер (недостойный сего имени и, как Герострат, в истории живущий) в Березове плюнул ему в то лицо, на которое прежде взглянуть не осмеливался; наш Меншиков смиренный и тем высший прежнего своего величия, отерся и перекрестился».

«Трогательный памятник родителям здешнего хозяина напоминает так известное глубокое почтение и нежность к матери».

«Зеленый обелиск печального дерева скрывает внутри себя изображение царя почившего¹⁰: все сказано, и невольный вздох взят у прохожего».

«Беседка Меллисино¹¹ есть красноречивейшая история добродетельного мудреца, умевшего в бескровном и бедном юноше открыть, воспитать и образовать будущего Сюллия. Но вместе с тем она есть история сердца благодарного, в продолжение многих лет, от самой юности до ныне свидетельствующего ту память благодарности, благодеяний ему оказанных, которая так редка в свете. Выйдя из беседки, невольно любишь воспитателя и считаешь воспитанника».

«Видишь, подходя к большому дому, некоторый свет из этих окон. Это отблеск царственной славы, жившего здесь державного гостя¹². Вместо успокоения переносит он с собой сюда иногда дела Камчатки и Лиссабона, Америки и Швеции, Торнео¹³ и Персии. Через полвека, когда сей гигант славы и могущества отдалится на расстояние историческое, его увидят.

Вы слишком малы, он слишком велик: стоя близко, всего обозреть невозможно».

«Здесь живет хозяин дома, ты видел гроб его в церкви, видел прекрасную статую Веры¹⁴ в саду, видел святые иконы во всех комнатах, и есть в тех, где живет он, укромное место, в котором, оставив за порогом суетность земной славы и заботы дел государственных, предстоит он в тишине Царю царей и каждый вечер дает ему отчет в делах протекшего дня¹⁵: как дух, я это знаю точно».

«Эти благоустроенные деревни особенно примечательны тем, что они были колыбелью одного из крупнейших памятников царствования Александра: военных поселений. Великое сие учреждение и хвалят, и осуждают у вас по-земному. В мире духовном мы видим вещи иначе. Часто величайшие люди приводят в действие величайшие предприятия, не видя сами истинной их цели, хотя имеют в виду цель весьма добрую и полезную: в них достигается цель учредителя, но она побочная, она несоразмерна с обширностью громады. Истинная цель откроется детям, может быть внукам, и тогда узнают, что первая мысль всего учреждения была вдохновение, совершенно согласное с великою судьбою христианского мира. Так отчасти видели мы в одно время чрезвычайные заботы об усовершенствовании у нас артиллерии, и кто мог тогда подумать, что это было нужно для Лейпцигской битвы и батарей Монмартра¹⁶? Посланник французского консула¹⁷, близко смотревший тогда на сие учреждение, думал ли, что приготовленные пушки определены разгромить еще только возникающее величие его владыки, когда достигнет он до самой вершины земных величий? А что бы сделали вы без пушек в такой войне, где вся тактика на них была основана? Не могу тебе сказать более, а скажу только: заметь одну вещь, всякое большое учреждение, которому в основании по-

ложена вера православная, будет независимо от дел человеческих и намерений, не только прочно, но и иметь великое влияние на судьбу Церкви Христовой и царств земных. Имея уши слышать да слышит!».

Шесть часов било, сказал человек, меня разбудивший; я встал и пошел гулять по саду, стараясь припомнить, сколько мог, так досадно прерванный сон.

КРАТКАЯ РЕЧЬ К ИМПЕРАТОРСКОМУ КАЗАНСКОМУ УНИВЕРСИТЕТУ, ПРОИЗНЕСЕННАЯ 15 СЕНТЯБРЯ 1825 г.

Господа члены университета!

Законоучители, блюстители христианской нравственности и благолепия, преподаватели высших познаний во всех родах наук и словесности!

Проведя с лишком три недели в ежедневных, самых строгих испытаниях студентов и воспитанников гимназии, почти по десяти часов каждый день продолжавшихся, вникая, по жительству моему в самом университете, во все подробности оного я могу сказать, без преувеличения, что осмотрел университет внимательно, изучил самый внутренний ход его учебного, нравственного и полицейского управления; знаю не только лица, в разных частях сего управления, но и каждого студента; в чем и ссылаюсь на вас самих. Могу сказать, что видел университет — и университет единственных по достоинству по отличным способностям, по высоким познаниям лиц, почтенное сословие его составляющих, единственный по доброму духу преподавателей, по личной и всему городу, пред которым смело говорю

сие, известной их нравственности и благоповедению, скромности, образованности и отличным успехам во всех полезных знаниях студентов. Здесь родители и родственники их, я на них ссылаюсь; здесь начальство губернии, я им свидетельствуюсь.

Из числа 91 студента, по самом строгом исследовании, найдено достойных золотой медали, положенной за отличные во всех классах успехи, украшающиеся основательным познанием Закона Божия и Христианскою нравственностью, <...> почти равно достойных семь. Сего дня прочтены публично имена их. Найдено сверх того во всех отношениях хороших и весьма хороших студентов 22, итого 29. Какой похвалы красноречивейшей Вам всем, Милостивые Государи, желать и ожидать от меня можно? Вы сами себе ее сделали. В то самое время, как повсеместно видели мы благотворные заботы Государя Благочестивейшего и верных исполнителей священной Его воли об искоренении тех пагубных лжеучений, которые, как проток подземный, устремлялись подрвать Святые Олтари Бога отцев наших; в то самое время, говорю, университет Казанский, за златою оградой Высочайше данных ему Инструкций, чужд повсеместной заразы, верен общей матери нашей Церкви Православной, питает юность, пылающую живую верою, чистым медом ее небесного учения.

Два дни тому, на сем самом месте, Святильник Православия, которым благословил Господь град Ваш, как новый Златоуст, окруженный толпящимися к нему воспитанниками университета, вопрошал их о догматах веры, строго испытывал в убеждении о святости Церкви Православной, благоговении к их ответам, утешался их успехами, благословлял сих юношей и детей благочестивых.

В то самое время, как лжеименная философия, отравляя все науки и даже словесность и самые искусства

тлетворным своим ядом, беснует умы на Бога и Царей, в университете нашем самый яд сей претворяется в целительное средство против буйной гордости разума. Воспитанники ваши, путеводимые благочестивым Нестором вашего сословия, твердо изучили все возражения на нелепые положения естественного права и с улыбкою презрения к возмутительным его бредням изощряют природное свое остроумие на счет славнейших его Апостолов.

Вместо тех буйных мечтаний некоторых германцев, кои возникли с своевољством Лютеровой реформы и так лживо называются ныне философією, мечтаний, в углу Северной Германии распространенных такими людьми, коих и имен на другом краю Европы никто не знает; вместо сих мечтаний принята у вас та здравая, истинная, беззатейная философия, которая прямит и изощряет умы, с которою жили счастливо Отцы наши, верили Богу и Царям, в которой воспитаны и образовались отличнейшие мужи нашего Отечества, Светила нашей Церкви.

В преподавании истории всеобщей был я обрадован тем, чего всегда желал, не предвидя возможности исполнения, чего даже не смел и надеяться. Известная речь Боссюэта, бессмертный памятник сего христианского гения, удивление потомства, представляя общий взгляд ума необыкновенного, взирающего с неба на судьбы, движение и падение царств земных, была дана в руководство Преподавателю всеобщей истории, но что он сделал с нею? Он из простого очерчения Боссюэтова сделал картину всемирных происшествий, осветив ее тем незаходимым светом, вне которого всякое просвещение человеческое тьма густая. Он исполнил в преподавании своем то, что в Высочайше утвержденной Инструкции ректору нашего университета предписано; он смелою рукою свергнул те идолы языческого величия, пред коими весь ученый мир, преклоняя колена, стоит уже две тысячи лет. В жи-

тиях Святых Церкви Православной показал он те высокие примеры всех добродетелей, пред коими меркнет и исчезает, как тень, слава Брутов и Лукреций¹. Он сорвал венцы с гордого чела героев языческой древности и почтительно положил их на окровавленном прахе Колизея², к стопам Святых мученических ликов.

В примерах словесности греческой отраднo было слышать святые имена Златоуста, Григория, Кирилла, Афанасия и Макария наряду с Демосфеном³. Отличные и быстрые в сем предмете успехи были как бы последствие благословения сих святителей чужеземными учителями греческой словесности оставленных и презренных.

Роднясь с эллинскою, словесность отечественная преподана совершенно согласно с нашими инструкциями. Студенты, коих свежая и счастливая память обогащена отборнейшими сокровищами священного и гражданского красноречия, сочиняли и произносили, без приготовления, на самом экзамене, речи на разные предметы, им заданные, и слог речей сих, всегда правильный и чистый, был прилично украшаем и силен.

Класс поэзии, обыкновенно так суетный и бесполезный, приносит здесь не только большую учебную, но и нравственную пользу. Изящный вкус студентов, доказанный строгою и тонкою критикой образцовых стихотворений древних и новых, образован на поэзии священной, коей все роды находят и показывают они, с удивительною точностию, в Библии.

Историю Российскую знают они основательно и в направлении, согласном с духом Церкви и чувствами верноподданных к Царям Отечественным.

В словесности латинской, французской и немецкой успехи равно блистательны и быстры. Но удивительные оказались кандидаты словесности восточной в самое краткое время. Неожиданно прибывшие на испытание

природные знатоки языков арабского и персидского задавали письменно и диктовали им места из разных авторов и остались совершенно довольными, как переводом, так и произношением их, столь трудным для европейца. Они удивлены были знанием одного из студентов, рассказавшего им труднейшие эпохи из истории восточной литературы, биографию их примечательнейших авторов и весь ход магометанского законоучения.

В науках математических, физике, химии и минералогии преподаны все новейшие сих наук открытия и усовершеншения так, что те из студентов сих кафедр, кои были внимательны, ничего нового в университете Парижском не могли бы услышать.

Один из преподавателей сих кафедр, во всех частях управления отлично и долговременно университету служивший, несмотря на разнородные озабочения его начальством, слишком уверенным в его неутомимости, преподавал обширнейшие части прикладной математики с обычною ему ясностию и основательностию, другой объял всю чистую математику, от геометрии до астрономии, предмет обширнейший, и только его дарованию, только обширности познаний его соразмерный.

Отделение медицинское делает отличную честь университету, как образованием многих хороших врачей, так и особенно добрым духом тех частей сей науки, коими завладела уже вредная философия нашего века.

Но где я возьму слов и особливо времени, чтобы рассказать подробно все, что видел я в здешнем университете хорошего, отличного и поистине великих похвал достойного?

Пройду мимо великолепного здания, трудами вашими воздвигнутого, с благородным сбережением важных сумм, вам вверенных и с изящным вкусом отделанного. Миную великолепный Храм ваш, особливим тщанием

и пожертвованиями вашими украшенный, где в священном мраке, церкви первых веков напоминающем, и единым всевидящим оком освещенном, воспитанники ваши возносят усердную молитву, поют священные песни, прислуживают священнослужителям, слышат Слово жизни, всю прелестью духовного красноречия ваших пастырей облеченное. Прейду в молчании внутреннюю чистоту, опрятность и благоустройство ваших зданий, не брошу взора на богатые и трудами вашими приведенное в порядок обширное книгохранилище, богатые собрания ископаемых, из разных стран присланные и свезенные, кабинеты естественные, физических орудий, медалей восточных и римских, собрания редкостей, но как умолчу, что один из вас обвез славу заведения, его воспитавшего, кругом Света, сделал ему честь благородным поведением своим, образованностью, обширными познаниями, умножил число членов ваших отличнейшими учеными, установил сношения университета вашего с славнейшими Академиями Европы?⁴ Как умолчу, что вся честь столь слабо описанного мною благоустройства Казанского университета принадлежит вообще каждому из вас, и в особенности двум лицам, в самом университете начальствующим, и я с радостью сердечною вам и им отдаю оную торжественно.

Насилюя так продолжительно внимание ваше и не раз уже, вероятно оскорбив скромность вашу, одно только извинение имею принести вам – день, в который с вами беседую.

Обстоятельства, от нас независящие, привели торжество наше к сему всерадостному и, смело скажу, всемирному празднику через целую цепь торжеств и праздников. Два дни тому назад, в день обновления храма, освещен великолепный Храм университета в честь воздвижения Честнаго Животворящего Креста Господня.

Божие знамение сие победы мудрости небесной над мудрованием человеческим, сияет на крове университета и водружено в самой его середине. Вчера мы праздновали сие водворение в доме нашем Божественного Нашего гостя. Сегодня только, еще не совсем готовы вчера, все поспело, поспело к сему священному и всерадостному дню, который празднуют с нами в сию самую минуту пятьдесят благоденствующих народов, подданных Царя благодетелейшего, от залива Финского до Кяхты, от счастливых берегов Крыма до льдов Торнео. Сегодня минули золотые двадцать четыре года тому, как посреди древнего Собора Успенского, на том самом месте, где стоял первый Царь Русский, благоговейная десница Первосвященника помазала на Царство нашего Давида⁵. Сего дня двадцать четыре золотые года тому назад, Ему помазуемому, ниспослали в избранную душу Его, воссели на величественное и вместе кроткое чело Чело Его те благодатные добродетели, кои просят во всех чертах, раздаются во всех словах, красуются во всех делах Его; те благодатные добродетели, кои счастливят миллионы разноплеменных подданных Его, и к торжественной колеснице побед Его в странах чуждых и враждебных привязали и владели за ним не бледных пленников и Царей уничиженных, как в триумфах древних победителей Вселенной; но Его смиренными сраженными, плененными Его кротостью, златою цепью благодарности прикованные народы, доселе счастия нашего Ему подданства завидующие! Сего дня Ему помазуемому, при таинственном веянии духа помазания, на освященную главу Его нисходило благословение и утверждение Божие на те высокие судьбы, коих смиренным исполнителем видели мы Его, когда Он отодвинул от Престольного града Своего пределы той долговечной соперницы нашей⁶, пред коей трепетали некогда грады наши, свивались иногда знамена Петра Великого, бес-

покоилась звуком оружия бранного столица Екатерины; когда Он привел в трепет гордое гнездилище врага сего, повелев орлам своим перенести громы их через ледяные Альпы, зимою его ограждавшие; когда населенное, богатое, крепкое бойницами своими и прежде для нас грозное Княжество⁷ поставил Он между обоюдными пределами двух врагов, навек им примиренных и уже под знаменами Его недавно вместе сражавшихся; когда, обойдя тыл гордого Перса, из храбрых и враждебных Его полчищ соделал Он свою передовую дружину, ограду Своего Царства; когда миллионы дикарей, над главою империи Его висящих, в ущелиях неприступных гор, обуздал Он, ступив на седые вершины Кавказа и оглушив его незнакомыми ему доселе громами твердынь, на них явившихся; когда, от развалин первопрестольной столицы своей прогнав западного Атиллу⁸, явился он на Монмартре и вскоре преклонил державные колена свои пред Богом Сил, окруженный покорною Ему Европою, на том самом месте, где пролита святотатственною рукою кровь того Бурбона⁹, коего трон, после тридцатилетних смятений, суждено было Ему на развалинах уродственной Империи бича народов восстановить.

Но что предпринял я говорить? Куда завело меня необдуманное чувство верноподданнической преданности к общему нашему и личному моему благотворителю? Какое перо нужно, чтобы описать, сколько времени потребно, чтобы исчислить хотя часть великих дел Его? Каким образом осмелился я прикоснуться к сей знатной странице всемирных бытописаний, к сему сокровищу отдаленнейшего потомства, к сей ученой хартии стольких будущих Царей?

Он обтекает ныне, как благотворное светило для отдаленнейшего края обширной Империи Своей, в которой солнце, не выходя из нее, как бы собственное Его,

встает и заходит; Он шествует теперь, как светило сие, горящ верою, блистателен славой, греющ милосердием. Он осчастливит, может быть, Своим посещением страны, с нами сопредельные. О! да услышит Господь желания здешнего знаменитого, усердного к царям града и наши; да вложит в сердце Царя, в руце Его хранимое, мысль ниспослать луч славы Всепресветлейшего присутствия Своего в заведение наше, да принесем Ему все единую, достойную благодати Его жертву любви и усердия к исполнению священных Его велений!..

ПИСЬМА ИМПЕРАТОРУ НИКОЛАЮ I ОБ ИЛЛЮМИНАТАХ

I.

Ревель, 3 февраля 1831 г.

Государь Всемилоостивейший!

С пламеннейшим усердием, с совершенною откровенностью и полною надеждою на снисходительность Вашего Императорского Высочества спешу исполнить объявленную мне высочайшую волю, поднося у сего первую записку об иллюминатском заговоре, потрясающем Европу.

Предмет порученного мне дела так глубок, обширен и сложен, что без пособий (ибо библиотеку свою давно уже я продал) весьма трудно было не только изложить, но даже и свести все мои о нем сведения потому, что я оставил было уже их в совершенном забвении и, даже самый заговор сей видя, так сказать, стороною, не имел даже и средства наблюдать за ним так пристально, как прежде, ибо ни новых книг приобретать, ниже всех ведомостей читать не было мне возможности.

Не могу и не желаю укрыть от Вашего Величества недостатков сей работы, но, изъясняя причины их, ищущу только исходатайствовать снисхождение ваше.

Записка сия есть не что иное, как введение к тому, что, по представлении окончания ее с следующей почтою, во второй записке должен буду я говорить о России. С глубочайшим благоговением есмь, Всемилоостивейший Государь, вашего Императорского Величества вернейший и преданнейший подданный Михаил Магницкий.

Обличение всемирного заговора против алтарей и тронов публичными событиями и юридическими актами

Незадолго пред тем, как 22 июня 1784 года открыто в Мюнхене общество иллюминатов, учрежденное Вейсгауптом, издано сочинение профессора Бабо под названием: «Ueber Freimaurer erste Warnung»¹. Оно первое обнаружилось предмет адептов сего поистине адского союза. Вслед за сим граф Тёринг напал на него еще с большею силою. Иллюминаты защищались деятельно и апологиями, и обычными своими коварствами.

В начале 1785 года Вейсгаупт лишен места профессора прав в Ингольштадском университете² как ослушник повеления о закрытии запрещенных обществ. Но тайна его собственного все еще оставалась необнаруженной. 30 марта 1785 года объявлено, от имени курфюрста, священнику Козанде и аббату Ренеру (оставившим общество иллюминатов, по отвращению к ужасным его началам, еще в 1783 году) предстать пред суд для объявления, под присягою, всего, что видели они в оставленном обществе противного нравам и религии (ибо и правительство не знало еще тогда, что общество сие имеет цель политическую, или, по крайней

мере, думало еще, что возмутители против державства небесного могут оставить неприкосновенным земное). Козанде и Ренер дали самые основательные и подробные показания.

Невзирая, однако же, ни на формальность юридического допроса, ниже на верность открытий, в показаниях сих заключающихся, иллюминаты успели было заглушить сие дело разгласкою, что общество их разрушено, а открытый заговор не удался и оставлен. Но тогда сам Царь Небесный, самым чудным и видимым образом, вступился в сие для спасения своих помазанников: исключенный из Ингольштадского университета, Вейсгаупт удалился в Регенсбург и вместо оставления своего заговора занялся им с новою деятельностью. Свободный от занятий публичных и раздраженный местной помехой его козням, он занялся единственно предметом своего общества и старанием распространить его действие рассылаемыми в разные места адептами для разрушения не только алтарей и тронов, но и всех правительств, какого бы рода они ни были, и даже самых оснований всякого гражданства и образованности (что совершенно обличено подлинными актами его заговора, кои будут указаны мною в своем месте). В числе деятельнейших его адептов был богоотступный священник Ланц. Он собирався везти заговор Вейсгаупта, со всеми обрядами его таинств, в Шлезию³; но в то время, как, выйдя с ними за город, Вейсгаупт давал ему последние наставления изустно, вдруг сделалась гроза, гром ударил в Ланца и убил его подле Вейсгаупта. (Сами иллюминаты признались в истине сего происшествия <...>). Ужаснувшийся Вейсгаупт бежал; полиция, поднявшая труп убитого, нашла на нем все самые тайные бумаги иллюминатов и представила их в Мюнхен. Тогда началось следствие и допросы всем оставшимся в Ингольштаде привержен-

цам сего заговорщика. Фишер, бывший главным судьей и бургомистром сего города, и библиотекарь Дрекиль посланы в ссылку. Барон Фрауенберг и пятнадцать учеников иллюминатских выгнаны из университета. Перехвачено и представлено курфюрсту письмо Вейсгаупта к Фишеру, в котором сей нераскаянный злодей, ободряя своих сотоварищей, замышлял новые козни, и тогда только наряжена секретная комиссия для подробнейшего исследования сего дела. Показания, заключающиеся в акте, всеми допрашиваемыми прочтенном и ими подписанным, 10 сентября 1785 года, обнаружили главнейшие следующие правила ордена:

1. Иллюминат, желающий достигнуть высших степеней, должен быть совершенно свободен от всякой религии.

2. Готовность на самоубийство есть необходимая добродетель для иллюмината.

3. Цель оправдывает средство, ибо благо ордена извиняет клеветы, убийства, клятвопреступление, измену, возмущения и, словом, все то, что предрассудки именovali преступлением.

4. Начальникам ордена должно повиноваться более, нежели всем другим властям. Для исполнения их повелений обязан иллюминат жертвовать честью, именем и жизнью. Правители земные суть похитители власти и никакой не имеют над иллюминатами, как людьми совершенно свободными.

5. Иллюминаты должны стараться завладеть всеми правительственными местами, помещая на них своих adeptов.

6. Цель ордена есть освобождение народов от государей, дворянства и духовенства.

Приметить надобно, что сии показания не заключают еще всей тайны высших степеней и только двум из самых низших открывались; между тем как их девять и

все известны, равно как и полный кодекс ордена и руководство для преемника Вейсгаупта. (Подлинные акты, кои укажутся ниже.)

7. Любовь к Отечеству несовместна с предметами необъятной обширности, составляющими цель ордена; должно пылать усердием к сей цели.

Но цель сия предоставлена к сведению одних самых высших степеней.

В числе вопросов новоприемлемым были следующие:

Есть ли способ и какой именно ввести однообразное правление в одинакие нравы во всей Европе? Нужна ли для сего христианская религия? Нужны ли бунты? Кого бы из орденских братьев выбрали вы для исполнения важного предприятия? Согласны ли вы предоставить ордену право жизни и смерти, право меча, *jus gladii*?

Узнав сии начатки иллюминатства в первых его степенях, тайный советник Утшнейдер, священник Диллис, профессор Грюнбергер, священники: Козанде, Ренер и Цапвер его оставили и дали вышеприведенные показания, во всей строгости следственного порядка отобранные баварским правительством, утвердив их своим единогласием и присягою.

«Мы слышали, – продолжали они, – от бывших братьев наших, что общество их распространено уже во всем мире под именем масонства; что оно посекает уже везде раздоры между отцами и детьми, между царями и подданными и даже между самыми искренними друзьями. Мы удостоверились на опыте, что оно отравило уже все баварское юношество нечестием, развратом нравов и духом неповиновения властям и родителям.

«Мы не утрастились угрозы иллюминатов, состоявшей в том, что никакая власть на земле не может спасти изменившего их тайне от ужаснейшей мести, но на самом деле вскоре испытали их преследование

немедленно по оставлении нами ордена, ибо они повсюду нас клеветали самым наглым образом, расстроили все дела наши, сделали ненавистными и подозрительными нашим начальникам и даже пытались взвести на нас подозрение в смертоубийстве».

Невзирая на важность сих показаний, правительство слабо действовало против иллюминатов, ограничив отставками и изгнанием за границу подозрительнейших из них и даже не лишив некоторых получаемых ими пенсионов.

Иллюминаты же, с своей стороны, злоупотребляя сию самую снисходительность, наполняли всю Германию своими жалобами и воплями на деспотизм, притеснение и несправедливость правительства и успели было не только обратить следствие уголовное в литературную распрю, но наглостью своих апологий едва не заставили всю Германию усомниться в благоразумии и справедливости баварского курфюрста⁴. Тогда настало время прибегнуть к мерам решительным, и, наконец, 11 октября 1786 года, схвачены баварской полицией бумаги двух главных агентов Вейсгаупта: Цвака и барона Басуса, из которых первый жил беспечно в имении своем Ландсгут, а последний в замке Зандердорф. Плодом сей меры было приобретение переписки, речей, проектов, статуты, кои, по справедливости, могут почестся полным архивом всего иллюминатского заговора, который баварское правительство напечатало под названием: «Подлинных актов ордена и секты иллюминатов».

Как в обличении сем заговор Вейсгаупта представляется столь чудовищным, что едва можно поверить, чтобы злодейство человеческое могло достигнуть до столь сатанинской степени, то в заглавии двух томов сего издания помещено официальное приглашение всех тех, кои бы в достоверности сих обнаруженных улик усо-

мнились, рассмотреть подлинные акты в государственном архиве курфюрста, от коего приказано было никому из желающих не возбранять сей поверки.

Сами заговорщики до такой степени лишены были сим средством всякого способа к возражению, что ограничились одною жалобою на нарушение домашних тайн, а между тем имели еще наглость оправдываться, представляя акты свои более предположениями к счастью человечества, нежели уликами заговора действительного против религии и общества. Ни один, однако же, из них не осмелился сказать, чтобы напечатанные акты были ложны или поддельны, и даже, напротив, те из них, которые старались оправдаться, Цвак, Басус и Книге, сами утвердили их подлинность.

Баварское правительство не ограничилось обнародованием сих адских актов, но, открыв заговор всемирный, против всех алтарей, всех тронов, всех государств, оно послало ко всем европейским дворам по экземпляру напечатанного ими обличения.

Каким образом в прочих европейских государствах, на всех языках, для всех начальств, для всех воспитателей и отцов семейств не изданы с тех пор акты сии? Каким образом не напечатаны они для внушения всем подрастающим поколениям народов, что они должны остерегаться обмана сих богоотступных заговорщиков, противодействовать им и обнаруживать их, где только ни встретят на поприще гражданского бытия своего? Сколько заговоров предупредить, сколько обманов рассеять, сколько по неведению погибших спасти могло бы подобное оглашение тех тайн, к коим, по большей части, особливо в молодости, влечет одно любопытство? Для тайного общества ничто не может быть губительнее как обнародование тайн его с нужными осторожностями и указаниями.

Но вместо того правительства, иные по равнодушию к заговору, как им казалось, местному, другие по ослеплению самими иллюминатами, ими уже овладевшими, оставили дело сие без внимания; иллюминаты же, зная опасность всякого оглашения их тайн, выкупили и истребили, сколько было можно, книгу сию. И таким образом, опять дело о них затихло и в самой Германии, где Фридрих II скончался за два месяца до издания сего их обличения, которого, как уверяют сами иллюминаты (№ 12. «Weltkunde gazette de Tubingue»), он был первым возбудителем при дворе баварском.

Император Иосиф II не был еще тогда вразумлен в опасность тайных обществ, его окружавших, ибо тоже пред кончиною только своей начал было против них действовать.

Прочими германскими правительствами владели уже тогда рассеявшиеся по всей Германии иллюминаты. Один князь – епископ Регенсбургский действовал согласно с баварским курфюрстом.

В подлинных актах иллюминатского заговора найдены, между прочим: на лоскутках бумаги, в цифрах, которых открыт ключ, написанные рецепты aqua Toffana, ужаснейшего из ядов, равно как и тех, коими можно вытравлять младенцев из утробы матерей и отравить воздух в комнате; собрание 30 печатей разных государей, министров и банкиров, равно как и тайный состав для подделания всех тех печатей, в коих, по обстоятельствам, может орден иметь нужду; описание замка, одним адептам известного, и такого ящика для хранения их актов, который должен вспыхнуть и разорваться, как скоро рука профана до него дотронется. Тут же находилось тайное примечание, чтобы все иллюминаты учились писать обеими руками, и собственноручная рукопись Вейсгаупта, самая драгоценная для ордена, под названием: «Besser als

Норус». Она содержала все возможные богохульства атеизма (подлинные акты, том I, отд. 18, 19 и 21).

Вейсгаупт, которого голове назначена была в то время в Баварии цена, бежал в Готу⁵, где он нашел приют и покровительство, ибо царствовавший там князь был его адептом, назначил ему пенсию, и когда впоследствии удостоверился, что иллюминаты не иначе допускают государей в свое общество, как открывая им тайны подложные, то и тогда пенсион сего, даже до 1800 года, не отменил (Вейсгаупт умер только в конце прошлого года в самой глубокой старости⁶).

Карл-Август, герцог Веймарский, был также его адептом и равным образом открыл обман и только оставил орден.

Герой мюнхенский, принц Фердинанд Брауншвейгский, принадлежавший к обществу Шведенборга⁷ и мартинистов⁸, занимал в ордене иллюминатов место их первосвященника и умер в сем звании.

Князь Нейвидский был усерднейшим адептом Вейсгаупта, коего последователи наполняли двор сего несчастного государя, когда еще не знал он, что сей адский союз изгонит сына его из его владений и заставит прибегнуть к имперскому сейму⁹ с просьбою об освобождении княжества его от сих злодеев, покровительствованных его отцом и дядею, и об исторжении из рук их детей его, которых воспитанием они насильственно завладели. Дело сие публично производилось на имперском сейме в 1794 году, что доказывает, что иллюминаты и тогда еще были довольно сильны.

Принц сей, изгнанный ими из владений отца, лишенный жены и детей, процесс свой выиграл, но примечательно то, что сие обстоятельство опять не открыло глаз прочим правительствам, коим не могло быть неизвестно, через министров их, живших тогда в Регенсбурге.

Здесь заметить также надобно, что в жалобе принца Нейвидского германскому сейму в числе выгнавших его иллюминатов упоминается веймарский майор Шварц¹⁰, который вскоре после того был в России при фельдмаршале князе Репнине¹¹, известном покровителе бывших у нас иллюминатов, под названием мартинистов, ибо открытое тогда правительством общество Новикова¹² в Москве, к которому принадлежал и князь Репнин, почитало сего Шварца своим патриархом.

Сие водворение германских иллюминатов у нас и соединение в московском обществе Новикова с шведенборгистами, коих таинства привез в Петербург из Швеции Елагин¹³, находившийся в 1764 году при императрице Екатерине, показывает, что с давних времен противобщественный заговор иллюминатов бросил и в России свой корень, который едва ли уничтожен совершенно истреблением московской ложи, ибо, не позже как 15 лет тому назад магистры лож петербургских ездили посвящаться в Вологодскую губернию, где жил тогда Поздеев¹⁴, главный адепт Новикова, укрывшийся от бывшего преследования. Живя тогда в Вологде, я знал сие достоверно.

В то время как обличено было общество иллюминатов в адском его замысле, простиралось оно, как из подлинных актов его видно, по всей Германии и от Голштейна до Венеции, от Лифляндии до Страсбурга и нигде ни преследуемо, ни тревожимо не было.

Бегство Вейсгаупта из Мюнхена, как Магометово, составило эгиру¹⁵ его общества, которое повсеместно скрыло свои действия, и адепты его начали уверять, что оно истреблено и более не существует. Но когда жизнь Цимермана, сочинения Робизона и Барюеля¹⁶ обличили снова существование его под видом масонства, то иллюминаты усиливались уверить («Немецкий Меркурий», статья Бёттингера № 11, с. 267, и «Monthly Maga-

zine», № 27, января 1798 года), что люди, преследующие иллюминатство, суть мечтатели, сражающиеся с тенью, «ибо оно давно уже брошено и забыто, и что с 1790 года и не думают о нем в масонских ложах Германии». Но на сие сильно возразили противники иллюминатства (Eudemonia (т.е. добрый дух), том VI, № 2), ссылаясь на обличения Цимермана, Гофмана и Штарка и доказывая, как то действительно и было, что в то время иллюминатство, прикрытое формами масонства, наисильнее действовало.

Оно получило тогда новых начальников и приняло новый вид под именем: «Союза германского». Книге, Николаи и Боде, распространив мысль, что масонством овладели иезуиты и под именем начальников невидимых ведут его к своей цели, заставили всех масонов, бросив прежние ложи, войти в масонство иллюминатское.

Современно с нечестивым парижским скопищем, известным под именем Club d'Holbach¹⁷, составилось в северной Европе общество для очищения протестантизма, и оба сии вертепа, служа низшею степенью иллюминатства, распространяли деизм, под именем религии естественной. Вот почему наука права естественного так дорога иллюминатам, так искусно и тщательно введена в курсы университетов и даже в государственное постановление об экзаменах, и вот почему преследует орден с таким ожесточением всех противников своих, осмелившихся обличить ее в началах возмутительных.

Первый из немецких авторов, заговорщик под личиною богослова, был Землер, профессор богословия в Галльском университете. За ним следовал Телер, профессор в Гельмшедте, и многие другие, доколе берлинский книгопродавец Николаи сделался начальником сего союза. Он был один из древних адептов Вейсгаупта. Продавец всякого рода нечестия, занялся он издани-

ем «Всемирной германской библиотеки». Сотрудником его в сем деле был славный жид Мендельсон, Бистер, королевский библиотекарь, и Гедике, советник берлинской консистории. Целью издания его было искоренение лютеранизма и кальвинизма, и лучшим для сего способом признано завладеть всеми отраслями литературы и всех их отравить ядом иллюминатства. Главными адептами сего заговора были известнейшие авторы, почтмейстеры, издатели газет, журналисты и книгопродавцы, а под видом литературных обществ и кабинетов чтения установлены собрания членов.

В Веймаре иллюминат Боде начал издавать «Всемирную литературную газету», а в Зальцбурге – адепт Гюбнер.

Примечание. Ныне газета «Ausland» издается сим же обществом (т. е. иллюминатов) и составляет полный курс практического иллюминатства для публики.

Цели всех изданий тогдашних иллюминатов состояли в том, чтобы опровергать и осмеивать все сочинения, клонящиеся к защите христианских догматов или распространяющие мысли о повиновении государям и их законам. Уловка иллюминатов, и до ныне их сообщниками постоянно употребляемая, ибо всегда имела успех, состояла в том, чтобы всех друзей алтарей и тронов выдавать за иезуитов, а образ мыслей их называть фанатизмом. Пасторы лютеранские и самые кальвинисты не избегали сего названия, как скоро упоминали о необходимости положительных догматов своей Церкви. Известный проповедник Штарк, советник протестантской консистории в Дармштадте, подвергся сей участи, равно как и славный Цимерман, который провозглашен журналистами секты невеждою, пресмыкающемся в суеверии, и врагом просвещения!

Адепты Вейсгаупта везде и всегда следовали его наставлению: «Клеветайте в общем мнении всех известных

какими-либо достоинствами людей, которых не можете приобрести нашему обществу».

Таким образом, заговорщики берлинские, иенские, веймарские, готские, эрфуртские, брауншвейгские и шлезвигские овладели всеми трубами германской литературы – один или два журнала остались вне их влияния.

Но сие ободрило наглость заговорщиков, которая и возбудила внимание прусского правительства. Король Фридрих-Вильгельм¹⁸ издал по сему случаю известное постановление о религии (*Edit de Religion*), но в то же время появилось сочинение Бардта, в котором закон сей и законодатель подверглись самым дерзким насмешкам и сильным возражениям. Тогда прусское правительство велело взять и Бардта, и бумаги его. Заговор германского союза опять открыт и опять остался недоследованным, ибо Бардт, выдержанный несколько времени в тюрьме, освобожден, а общество продолжало распространяться и действовать в своем смысле и успело завладеть германскими университетами, в коих первыми укоренителями иллюминатства были профессора Фридерик Крамер, Эллерс и Копе (*avertissemens de Hoffman. Section 16, 17 et 18*).

Кавалер Борн, славный своего времени химик, был полномочным от Вейсгаупта учредителем иллюминатства в Вене.

Через 12 лет после учреждения сего ордена обнял уже он всю Германию, Голландию, Венгрию и Италию. Один из адептов его признается, что он один учредил более ста клубов своих заговорщиков, под видом ученых обществ и масонских лож, в Италии, Швейцарии и Венгрии.

В 1782 году Вейсгаупт предположил распространить заговор свой во Франции, но со всеми осторожностями, коих требовало, по его мнению, легкомыслие сего народа, столь удобно восплаяемого, ибо из под-

линых его актов видно, что общество его, стремясь произвести всемирный мятеж одним разом, опасалось преждевременных мятежей, кои могут возбудить внимание и бдительность правительств, которые должно держать в усыплении. Вейсгаупт имел уже нескольких адептов во Франции: известного Дидриха (Эльзасского Робеспьера) и Мирабо¹⁹, который во время путешествия своего в Берлин введен в высшие таинства иллюминатов (*avis impontanat de Hoffmann, t. 2. section 7*). Возвратясь во Францию, Мирабо учредил там иллюминатство, под именем Филалетов. Первым членом его был несчастно славный аббат де-Перигор (Талейран); но как Мирабо не довольно еще был опытен в иллюминатстве, то прибыл в Париж сам начальник оногo, Боде. Он нашел Францию готовою к принятию его таинств, ибо равенство и свобода, проповеданные школами Вольтера и Руссо, служили начальными степенями приуготовления к атеизму и анархии. Французское иллюминатство приняло следующий вид: масонство, со всеми его представлениями, осталось низшею степенью, вместившею всю чернь заговора; за ним следовали степени философические (*grades philosophiques*), под коими разумелись: Рыцари солнца, Розенкрейцеры и Рыцари Кадош. Учрежден иллюминатский сенат, под председательством принца крови, герцога Орлеанского. В 1787 году 182 города во Франции имели уже свои ложи. Из той же книги (*Tableau alphabetique de la correspondance des loges du grand orient de France*), из которой взяты сии сведения, видно, что французскому великому магистру подчинены тогда были ложи савойские, брабантские, кельнские, лютихская; в Германии — Спа и леопольдская, варшавская, петербургская, московская, портсмутская, виргинская, гренадская и всех французских колоний.

Так распространил Филипп Орлеанский²⁰ пределы иллюминатства.

В Эрменонвиле известный S-t Germain²¹ основал общество теософов, которое было не что иное, как то же иллюминатство, с величайшим развратом соединенное, ибо в него принимались и женщины.

Во всех обществах французского иллюминатства, по подражанию Вейсгаупту, были черный и красный, или кровавый, списки. В первый вносились имена членов подозреваемых, а во второй тех, кои осуждались на смерть за предательство или оставление ордена. Калиостро²², мартинисты, шведенборгисты и всех наименований масоны соединились пред открытием французской революции с иллюминатами. Лафает²³, ученик Сиеса²⁴, был уже тогда членом французского иллюминатства.

С сего времени, то есть с 1787 года, все сии соединенные скопища заговора приняли тот политический вид, под которым вскоре должны были опрокинуть алтари и трон Франции. В ложах начали говорить, что показывается заря того прекрасного дня, в который тайна масонства, дотоле недоступная, делается собственностью каждого свободного человека.

В высших степенях стали требовать ненависти ко всем религиям и ко всем царям вообще, а в нижние масонства начали принимать всю чернь парижских предместий. В деревнях учредились ложи, в которых проповедовались крестьянам: права человека, равенство и свобода. Герцог Орлеанский стал принимать в свою ложу солдат королевской гвардии в таком множестве, что офицеры вынуждены были выйти. Учредились клубы, коих политические заключения поступали на рассмотрение Великого Востока²⁵ и рассылались в провинции. Герцог Орлеанский, Мирабо, Сиес, Савалет и Кондорсет²⁶ управляли сим заговором.

Не позже как в 1788 году в предписаниях великого парижского Востока угрожаются уже магистры лож провинциальных, ежели повелений его не исполнять, аква тофаною²⁷ и кинжалом.

Но в день общего мятежа, 14 июля 1789 года, при всеобщем вопле «равенство и свобода» заговорщики оставляют ложи, волнуются в Париже, с топорами, ружьями и пиками, Бастилия разбита. Курьеры, отвезшие сию новость в провинции, привозят оттуда известия, что все города и деревни возмутились при всеобщем восклицании: равенство, свобода! Все масоны перешли из своих вертепов в кварталы, в ратуши, в революционные комитеты и составили, так названное ими, народное собрание. Выпущены убийцы и грабители, сожжены заставы, пылают замки, висят трупы на фонарях, носятся головы на пиках. Король осажден во дворце, телохранители его перерезаны, едва спаслась королева, и наследник Генриха IV и Людовика XIV²⁸ посреди столицы своей взят в плен иллюминатами.

Все ложи парижские, по голосу Мирабо, собраны в храме того Бога, на которого ополчились, и храм сей назван клубом якобинцев. С тех пор все разных наименований заговорщики противу Бога и царей, масоны разных степеней, Розенкрейцеры, Рыцари Солнца, ученики Вольтера и Руссо, Темплиеры, последователи Шведенборга, Сен-Мартеня и Вейсгаупта соединились под именем якобинцев и единодушно и открыто принялись за все ужасы революции.

Великий Восток парижский послал ко всем европейским ложам манифест, подписанный герцогом Орлеанским, в котором масоны всех стран приглашались к соединению для поддержания революции и распространения ее повсеместно всеми возможными средствами (avis important d'Hoffman, ч. 1, sec. 19).

При начале революционной войны ложа Маинцкая сдала сию неприступную крепость адепту Кюстину. Нидерланды, таким же образом, преданы Дюмуре²⁹, который при занятии Голландии вместо вооруженных защитников отечества находил повсюду сотоварищей заговора. Нимеген, Утрехт, Вилемстадт, Бреда, Горкум, Бергопзом, Амстердам сданы предательски заговорщиками. Легкие завоевания Бонапарта в Италии имели ту же причину, ибо успехи войск французских везде были уже подготовлены тайным обществом.

В доказательство всемирности иллюминатского заговора должно припомнить, что убийца короля шведского Густава III, **Аккерстрём**, был членом **парижского клуба**, в котором воздвигнут ему, тогда же, памятник.

Некто Женет, бывший в Петербурге агентом версальского двора, остался после революции в России полномочным агентом якобинцев, в сотовариществе с Босси, секретарем сардинского посольства. Он выгнан за границу при восшествии на престол императора Павла I. Лесепс, живший у нас более 20 лет и бывший губернатором Москвы в нашествие Наполеона, был также членом французского иллюминатства.

В Польшу было послано множество миссионеров якобинства. Кабон, революционный казначей в Париже, заявил в публичной речи, что тогда было отправлено (денег) более 60 миллионов в Варшаву. Столь большая издержка в такое время, когда Франция сама нуждалась в деньгах, изъясняется тем, что возмущение Польши потому всегда казалось для якобинцев важным, что помощью его удерживаются в бездействии три сильнейших государства, коих соединения они наиболее опасались. Точно то же, что и ныне, 30 лет позже, ими сделано³⁰. Такова сила и неизменяемость в правилах тайных обществ.

Тогда же, но уже поздно, увидел император Иосиф II, что не только он сам окружен иллюминатами (в числе которых был и друг его, князь Лихтенштейн), но что и все его выборы людей, коих почитал он самыми верными, были до такой степени ими руководимы, что они успели составить свою империю в его империи. Раздраженный сим открытием, он решился разрушить сей ков³¹ философизма, которым был дотоле совершенно ослеплен, но преждевременная смерть ему в том воспрепятствовала.

Наследник его, Леопольд, желая узнать всю обширность огласившегося в империи его заговора, обратился к известному Гофману, который вместе с бернским Цимерманом составлял для сего государя весьма важную записку о способе остановить успехи революции («Lettre de Hoffmann dans l'Eudemonia», ч. VI, № 2).

В 1792 году в Вене и Берлине открыты готовые к приведению в действие заговоры. Участвовавшие в них преданы казни.

Наполеон был великий враг и гонитель иллюминатов; но между тем как он вооружил их против себя в Германии, называя идеологами и расстреляв книгопродавца Пальма, одного из главнейших их адептов, в самой Франции боялся и берег их, под именем якобинцев.

Будучи в Дрездене и видя поголовное вооружение Германии под именем ландстурма³², он говорил (*Mémoires de Fin*), **что страшится сей милиции более союзных армий**, ибо знал, что древний иллюминат Штейн³³ воздвигает на него сии полчища и что таким образом к ополчениям политическим присоединяется сей опасный для него и обширнейший германский заговор так названных им идеологов; и, действительно, адепт Штейн, двигая Тугенбунд³⁴ и буршеншафты университетов³⁵, весьма много содействовал успехам союзников, кои принуждены были не только войти с ним в перегово-

ры, как с лицом политическим, ибо он мог воздвигнуть Германию за них и против них, но и обещали ему такие уступки на счет государственных постановлений, которых потом выполнить или не могли, или почли опасным, как то и было действительно. Тогда Тугенбунд, или под сим новым именем те же иллюминаты, начал действовать против союзников. Частные в разных местах посягательства и местные бунты в Италии ознаменовали их деятельность. Со стороны правительств приняты меры строгости; учреждена в Майнце комиссия для разыскания и истребления тайных обществ, но, вероятно, составлена будучи частию из их же адептов, она не имела ожидаемого успеха, а иллюминаты, сделав, между тем, неудачные попытки к мятежам в разных местах, сосредоточили все свои действия в Англии и во Франции, где свободные конституции, прикрывая деятельность их личиною законных прений и свободы книгопечатания, давали к сему удобнеее средство. Они за несколько лет до революции французской прошлого года начали опять те же разглашения, которыми начинали первую революцию, при Людовике XV³⁶, что иезуиты³⁷ овладели правительством, что роялисты³⁸ делают поджигательство и, невзирая на нелепость сей древней своей тактики, успели из всех легковых составить общее мнение в своем смысле, почти во всей Европе, тем удобнее, что слухи сии утвердились на духе древних духовных распрей, а иллюминаты, пользуясь сим, произвели замышленное ими возмущение в Париже.

Те же самые лица, кои были членами Вейсгауптовой ложи, Лафайэт, Талейран, Лафит, и ныне, почти через полвека, управляют рулем европейского мятежа, но уже со всею осмотрительностью заматерелого злодейства, ибо не действуют насильственно, а тайно и систематически. Между тем как Франция обезопасила

себя союзом с Англиею, который основан единственно на цели тайного общества, овладевшего правительствами сих государств (ибо в политических отношениях между двумя подобными соперниками по природе, по географическому и торговому положению никак он невозможен), она возмутила Бельгию, многие страны Германии и Польшу, сделалась высшею ложею мятежей европейских, чего и ораторы ее, и именно Лафайэт, нимало не скрывают.

Возникающая партия в камерах шведских против царствующей династии и союза с Россиею есть явный признак действия иллюминатов и с сей стороны, ибо они видят с ненавистью Россию, сего противоборца, страшного силою физическою, духом его истинной и несокрушимой религии, преданностью к его самодержцам, искреннею, сердечною, святою, потому что она основана на вере, на чувстве, на тысячелетнем предании любви народной.

II.

Ревель, 7 февраля 1831 г.

Государь Всемиловитейший.

Имея честь поднести у сего окончание первой записки моей, почитаю непременною долгом дополнить ее следующим:

Как вторая записка, которая в течение будущей недели Вашему Императорскому Величеству представится, состоять будет из исторического изложения вреда и водворения иллюминатства, во всех многообразных его видах, в России, сколько то возможно на память, без исторических и деловых пособий, то и представляется нужным для того, чтобы вашему величеству удобнее было обозреть сей важный предмет, во всей его обшир-

ности, со всеми его ветвями и в надлежащей связи, припомнить предварительно те дела, кои для сего необходимы, ибо приискать их, по давности, будет вероятно довольно трудно. Они суть:

1. Подлинные акты иллюминатов, напечатанные баварским правительством, доставленные к нашему двору в 1786-м или 87-м году. Они должны находиться в коллегии иностранных дел; но ежели не были бы они отысканы, то могут быть найдены в Берлине, ибо Фридрих II был первым возбудителем сего дела. В случае же медленности сих отдаленных сношений и желанія вашего императорского величества иметь из них выписку, я могу ее составить из частных сочинений, в коих она была напечатана.

Хотя просмотрение всех тех дел, о которых в записках моих упоминаться будет, необходимо для общего свода происшествий, о коих идет речь, но важнее всего прочесть подлинные акты иллюминатов, ибо, 1-е, они сами указывают, как против них действовать надобно, и, 2-е, они так вводят в смысл обыкновенного их языка пред царями, который с тех пор и донныне нисколько не изменился, что Ваше Величество, имея сей ключ, тотчас его узнавать будет и в речах, и в книгах, и в самом направлении дел, ежели бы в высшем правительстве встретилось лицо, к обществу сему прямо или косвенно принадлежащее.

2. Дело об уничтожении ложи Новикова, или так названных мартинистов, в царствование императрицы Екатерины II и, ежели есть какой-нибудь след по бывшей тайной канцелярии, дело об освобождении Костюшки³⁹ и Новикова из крепостей Петербургской и Шлиссельбургской при восшествии на престол государя Павла I, равно как и то, которое относится к изгнанию профессора Мельмана, тоже при императрице Ека-

терине II, из Московского университета⁴⁰. Оно должно находиться в архиве тайной канцелярии.

Все бумаги Новикова, по приказанию императрицы, московским генерал-губернатором князем Прозоровским, через чиновника Олсуфьева (который уже умер) захваченные в подмосковной [деревеньке], где жил тогда Новиков, находились, в царствование императора Павла I и даже довольно долго при покойном государе, в запечатанном ящике, под зеркальным столом в той комнате, где в Зимнем дворце прежде собирался Государственный совет, до перевода его в так называемый Шепелевский. Многие из значущих людей сие знают; но, дабы не возбудить внимания на занятие Вашего Величества сим предметом, кажется, можно достоверно осведомиться о сем ящике от камер-фурьера Бабкина, которому, сколько припомню, поручено было устройство комнат, для перевода совета на новое место, в 1810 году.

3. Дело о высылке, при императоре Павле I, за границу некоего Женета и других якобинцев.

4. Переписка швейцарского Лагарпа⁴¹, ежели сохранилась, с государем Александром Павловичем при восшествии его на престол, ибо я знаю, что сей швейцарский иллюминат часто именовал в письмах своих тех из единомышленников его в России, коих он советовал употреблять с доверенностью.

5. Дело, в царствование его производившиеся, о некоем Грабянке⁴², кажется, в канцелярии тайного советника Новосильцова⁴³ и о коем должны знать тит. сов. Дружинин и Вронченко, и которое, впрочем, должно быть известно и бывшему тогда военным губернатором графу П. А. Толстому, ибо сей Грабянка был взят под стражу в Петербурге и умер под арестом полиции.

6. Из дел при закрытии масонских лож в Петербурге нужны бумаги, ежели есть, двух опаснейших: Элизена

и Лабзина⁴⁴; а ежели бы можно, в отношении к последнему, то нужно бы отыскать запрещение «Сионского Вестника»⁴⁵, им издаваемого, и последнее об нем производившееся дело, при высылке его в Симбирск, где он и умер. Первое о нем дело производилось, кажется, у тайн. сов. Новосильцова, а последнее не знаю где.

7. В бумагах бывшего тогда ст.-секр. Новосильцова, у которого был правителем канцелярии Дружинин и доверенным чиновником Вронченко, весьма бы нужно видеть: а) дело об учреждении Харьковского университета и особенно бумаги Каразина⁴⁶, о коем говорено будет после, и б) проект конституции для России, сочиненный кн. Чарторижским⁴⁷, который должен теперь находиться в делах канцелярии государственного секретаря вместе с теми весьма важными бумагами Сперанского⁴⁸, кои служили введением, для одного государя, к проекту конституции для России, коего первая (исполнительная) часть, учреждением нового Государственного совета и министерств, приведена в действо. Вторая (судная) читана мною в Государственном совете и одобрена, а третья (законодательная и касающаяся до освобождения крестьян, *code agraire*⁴⁹), прочтенная уже государем, не внесена в совет по причине приближения военных обстоятельств 1812 года.

В бумагах сих важны разные проекты конституции для России и особенно один, написанный рукою князя Чарторижского, равно как и то введение к сей обширной и важной работе, которое писал Сперанский, возвратясь из Эрфурта, где он был с государем и откуда, кажется, привез разные иноземные впечатления. Все сии бумаги, опечатанные при высылке Сперанского из Петербурга в 1812 году под предлогом принадлежности их к предмету комиссии законов, каким-то образом добыты Александром Тургеневым⁵⁰, который мне сам сие сказывал, и поступили уже не знаю куда.

8. Дело об открытии тайного общества в Виленском университете, к которому, верно, прикосновен бывший тогда член сего университета профессор Лелевель⁵¹, о коем также неизлишне приискать в журнале, «Северный архив» называемом, статью, довольно обширную, по случаю критики, сим Лелевелем изданной на польском языке на историю Карамзина. Особенного же уважения заслуживает та часть сего дела, где идет речь о посягательстве на жизнь государя цесаревича учениками, сколько помнится, Кейданского училища⁵², ибо в сем деле сливается, так сказать, мятеж Царства Польского с расположениями умов и замыслами иллюминатства в Литве.

Дело сие, по донесению государя цесаревича, производилось и кончилось в собственной канцелярии его величества, у графа Аракчеева.

Рассмотрение сего дела кажется мне особенно важным по настоящим обстоятельствам Польши, независимо от связи его с моими записками.

Обнимая порученное мне дело, по избытку усердия к исполнению воли Вашего Величества, может быть, на слишком обширном размере, я стараюсь только не умолчать чего-либо нужного, ибо все лишнее или бесполезное легко может быть отброшено, но у меня на совести не останется, по крайней мере, упрека, чтобы я скрыл что-либо иначе, как по забвению или маловажности самого обстоятельства.

С глубочайшим благоговением есмь, всемилостивейший государь, вашего императорского величества вернейший и преданнейший подданный Михаил Магницкий.

Окончание первой записки

Общество иллюминатов, действительно, более или менее обнимает уже всю Европу. Оно состоит теперь из

начальников невидимых, под коими стоят немногие главнейшие адепты, а под сими последними все прочие степени – от меньшего иллюминатства до гиерофанта⁵³. Здесь примыкают к нему все тайные общества, под разными их именами и видами, имея начальниками иллюминатов. Это составляет часть заговорщиков, так сказать, управляющую, а управляемая, или народ иллюминатский, состоит: 1) из всех людей нечестивых и развратных, которые, не видя цели бытию своему, для рассеяния каких-то мрачных чувств, желают перемен и потрясений; 2) из всех людей, сбитых полупросвещением с пути религии и желающих свободно предаваться страстям своим; 3) из всех расколов разных христианских исповеданий, ибо и они не что иное, как возмутители против положительных своих церквей; 4) из всех обманываемых, под видом разных мистических учений, ибо и они не терпят власти духовной, а следовательно, и гражданскую сносят только из страха или выгоды и мечтают о переворотах в общественном порядке под другими только формами, содействуя, таким образом, незаведомо, но тем же иллюминатам, ибо колеблют порядок существующий потрясением тех нравственных, положительных законов, без коих ни одно общество христианское твердо стоять не может.

Вот почему самые честные и добродушные люди могут быть слепым и несчастным орудием иллюминатов.

Вот почему при обследовании злодейских происшествий, ими возбуждаемых, взрыва в улице Никез для убийства Наполеона, посягательства на жизнь его во французском театре, заговора против него Жоржа Кадудала⁵⁴, предприятия на Шёнбрунском параде, убийства Коцебу⁵⁵ и герцога Беррийского, происшествия 14 декабря 1825 г., заговора в Варшаве следованного – никогда юридический порядок не мог открыть нити происшествия, которая бы привела к главным его виновникам,

и всегда дела сии оканчивались наказанием нескольких, пойманных на самом преступлении низких злодеев.

Дела сего рода, по тайным проискам главных иллюминатов, обыкновенно подпадают разбору сословий, в кои успевают они поместить своих адептов, или поручаются людям, в сем предмете не довольно сведущим; и вместо самоважнейшего старания о том, чтобы дойти до источника происшествия и вырвать самый корень зла, благовидно запутываются такою сложностью допросов и форм, что наконец главным предметом делается вопрос: как выйти из сего лабиринта? Следовательно, успех иллюминатов обнадежен особенно тем, что заговорщики сии действуют по твердому, вековому плану и совершенно систематически, а против них выступают урывками и без плана. Как иначе изъяснить, что и в Вене, и в Италии, и в Берлине, и в Майнце, и в России более уже полувека самоважнейшее для всех религий, для всех правительств, для всех народов дело, коего нить непрестанно попадает в руки повсеместно, остается неисследованным, оканчиваясь только местною расправою или подписками об оставлении такого общества, в котором не только нарушение данной подписки, но и клятвопреступление и презрение всех обязанностей общественных и семейственных и самой жизни есть основной догмат.

Как изъяснить сие иначе, как не тем, что обыкновенный юридический порядок не достигает в глубину сего дела потому, что оно вне его сферы или что и сия часть общественного управления занята уже ежели не везде еще иллюминатами, то, по крайней мере, их приверженцами и доброжелателями, подобно как политика Англии и Франции, из которой уже выделали они низшую ступень или орудие своего общества.

Прочитав акты таинств и инструкций их, весьма очевидно, как сие делается.

Иллюминатство, существуя так давно, имело все время усилиться, образовав в своем смысле то грозное общественное мнение, которое направляется по его произволу. Литература, все науки, все искусства обращены уже к его цели с самым адским ухищрением, ибо от первоначальных книг детства до курсов высших наук классическое иллюминатство так искусно привито, что, с одной стороны, только самому опытному и изошренному наблюдению приметно, и с другой – понятно (в том, что для иллюминатов нужно) умам самым простым. Они составили целое свое особенное наречие, которое, выражая с совершенною точностью их понятия, выставляет такую другую сторону, которая, как фальшивая монета, обманывает своею наружностью неопытность людей благонамеренных, а по сему единогласному признанию ее за настоящую лицами уважительными, те, которые ясно видят подлог, не смеют идти против общего мнения, через трубу которою иллюминаты провозгласили бы их тотчас невеждами, людьми беспокойными, фанатиками, инквизиторами и наконец иезуитами. Например, аксиома общепринятая – должно соображать постановления и законы с духом времени, весьма кажется невинною, а между тем вмещает она в себя проходное слово иллюминатов, равно как и выражения: должно распространять царство разума, покровительствовать свободе совести, истреблять и осмеивать фанатизм, иметь либеральный образ мыслей и пр.

Слова сии, под наружностью выражений, всем известных, имея обоюдное значение, составляют род всемирного языка, который и употребляют иллюминаты для того, чтобы безопасно говорить между собою с одного края света до другого, и дабы народы европейские, прислушавшись к нему, неумышленно затверживали и

повторяли их догматы, составляя таким образом, механически, так сказать, общее мнение в их смысле.

Но и сим, столь сильным и успешным средством они не ограничились; зная, что одни сословия хранят надежно и передают из века в век дух и учение, из европейских университетов составили они себе настоящие твердыни. Университет Баварский есть в сем роде самое ужасное и образцовое произведение, ибо, родившись там и, как в первой части сей записки доказано, никогда, коренным образом, не истребленное иллюминатство так глубоко пустило свои корни, что король лет шесть или семь тому назад собрал в этот университет все, что было славнейшего из иллюминатов целой Германии. Между тем как в то же время, под предлогом совещания о наблюдениях над магнетическою силою и гальванизмом, ежегодно собираются из всей Европы, в каком-либо месте Германии, все натуралисты. Что съезды сии суть не что иное, как конгрессы иллюминатов, на которых неучаствующих в сем обществе забавляют разными естественными открытиями и наблюдениями, закрывая присутствием их совещания другого рода, то сие кажется утвердительным из того: 1) что они учреждены вне сферы больших государств, и даже последний был в Гамбурге, где нет ни особенно известных ученых, ни славной академии, и, следовательно, город сей был для того только для съезда сего выбран, что полиция гамбургского магистрата менее опасна для иллюминатов; 2) что о последствиях сих съездов совершенно ничего не публикуют вопреки болтливой хвастливости ученых.

Сверх того, в Германии выходит газета («Ausland»), систематически иллюминатская, и издается очевидно большим и весьма умным обществом, ибо появляется ежедневно, пишется прекрасным языком и вмещает от-

борнейшие предметы из политики, истории и прочих наук, вырабатываемые весьма тщательно.

Таково положение иллюминатства германского и французского, сколько то может быть видно наблюдателю не только частному, но и во всех отношениях стесненному малым горизонтом.

Но к иллюминатству принадлежит еще и другая его отрасль, которую видеть необходимо нужно для последующего, во второй записке, раскрытия отношений ее к России. Оно есть а[н]глийское, духовное иллюминатство, составившее обширнейший заговор из разных более или менее нелепых расколов англиканской церкви и особенно методистов, кои, при начале своего установления, сами себя называли иллюминатами. (*Diction des Sectes par Gregoire*).

Подробное раскрытие сей пропаганды духовного иллюминатства здесь мною отлагается не по недостатку способов и самых неоспоримых доказательств, но для сбережения времени, и потому только, что в записке о действии всех сего рода обществ на Россию говорено в ней будет.

Связь сего общества с иллюминатством доказывалась двумя обстоятельствами: 1) соединением с ним масонов высших степеней и 2) единообразием, под различными формами, обоюдной цели и ожиданий их. Иллюминаты — враги всех положительных христианских исповеданий и методисты тоже. Иллюминаты ожидают всемирного преобразования, в котором начнется блаженство человечества, и методисты тоже; по древнему расколу, называемому *les millenaires*⁵⁶, ожидают они, что Спаситель скоро придет, все Церкви уничтожатся, останется одна истинная, из избранных, то есть из методистов, и тогда начнется тысячелетнее Царство Божие на земле.

Духовные сии иллюминаты, чрезвычайно усилясь в Англии, заморских ее владениях и в Америке, приуготавливают поле действию политических иллюминатов, колебля церкви реформатские и сглаживая такими называемые деления (*ce sont des niveleurs*). Теперь, содействуя мятежам Англии, они повели в парламенте открытое нападение на церковь англиканскую, точно так как во Франции нападают иллюминаты на католическую под именем иезуитов и конгрегации⁵⁷.

Впрочем, в Лондоне и другого рода иллюминаты не теряли времени, ибо посреди сей столицы недавно учредился университет, в котором статутами его исключено христианское учение под тем предлогом, чтобы оно не препятствовало людям всех исповеданий, жидам, идолопоклонникам, обожателям огня и далай-ламы учиться наукам, независимо от их вер.

Краткое и по поспешности сей работы слишком поверхностное обозрение положения всемирного заговора довольно показывает, как опасность велика, стража прозорлива и защита должна быть правильно расположена для ограждения одной той империи, которой, по великой судьбе своей на земле, предопределено, вероятно, быть несокрушимым оплотом, у подножия коего бурный поток сей должен исчезнуть.

Торопливое и незрелое возмущение Польши при самом начале великого мятежа, который должен, по видимому, снова объять Европу, есть явный признак, до какой степени всеразрушительный союз иллюминатов страшится того, который, возведен будучи за руку чудесным Промыслом Божиим на высочайший престол в мире, обращает на себя взоры и надежды всего человечества, истинный рыцарь Креста, свыше ополченный на поражение сей стоглавой гидры.

III.

Ревель, 14 февраля 1831 г.

**О водворении иллюминатства
под разными его видами в России**

Для удобнейшего обозрения иллюминатства в России оно разделится в записке сей на четыре главные его у нас рода. Я буду говорить о каждом отдельно, сколько можно, в исторической его постепенности. Иллюминатство в России можно разделить на четыре рода: 1-е. Политическое. 2-е. Духовное. 3-е. Академическое и 4-е. Народное.

1) Об иллюминатстве политическом

Иллюминатство политическое вошло к нам, сколько мне известно, следующими путями:

1. В шестидесятых годах привез или получил его бывший при императрице Екатерине II Елагин из Швеции и, как говорят, учредил первую ложу в Петербурге, ибо до сего покровительство энциклопедистов составляло иллюминатство того времени, и главные оного адепты, Гримм⁵⁸, живший в Париже и переписывавшийся с императрицей, князь Голицын⁵⁹, бывший там послом ее, и граф И. И. Шувалов⁶⁰ были единственными, сколько мне известно, укоренителями его в России, поколику то возможно было ободрениями патриарха сих иллюминатов, Вольтера, вызовом и приглашением Даламберта⁶¹ для воспитания великого князя наследника и пр.

Примечание: при начале записок моих же коснулся я сего периода; он оставляет древнюю, так сказать, историю иллюминатства и по отдалению сего времени более занимателен, нежели нужен; но, чтоб показать степень

преобладания у нас энциклопедистов и соблазнительную наглость их, я расскажу происшествие, которое в предании дошло до нас.

Даламберт, выходя из кабинета императрицы, встретил, при множестве свидетелей, иеромонаха Платона⁶², бывшего после московским митрополитом, а тогда законоучителем государя наследника и проповедником двора, и, желая привести его в замешательство, внезапно спросил: «Существует ли Бог?» Платон, по счастью, не смешавшийся, отвечал на латинском языке из псалтыри: «Рече безумен, в сердце своем, несть Бог!» и пошел далее.

Это представляет образчик духа времени.

Обращаюсь к моему предмету.

В то время служил в гвардии сержантом бедный, но очень умный и особенно хорошо писавший и велеречивый Новиков. Он вступил в масонство, неизвестно мне, в Швеции ли или в ложе Елагина, ибо мои о нем сведения идут не далее, как когда сделался он известен прекраснейшим сатирическим сочинением, которое издавал, под именем «Живописца», и, приехав в Москву, завел типографию, купил огромный дом и учредил общество, под названием картинистов, от учения St. Martin, иллюмината французского, которого сочинение привез из Парижа Плещеев⁶³ (книгу «Des erreurs et la verite»). Я учился тогда в Московском университете и знал только, через отца, что секта сия весьма сильна богатством и соединением в ней многих знатных лиц (князей Трубецких, Юрия и Николая Никитичей, Ив. Владимировича Лопухина⁶⁴, о котором часто будет упоминаемо, князя Гавриила Петровича Гагарина⁶⁵ и пр.). Между тем сии московские иллюминаты в течение нескольких лет, в которые не было обращено на них никакого другого внимания, кроме литературных насмешек (ибо императрица сочинила сама на них пьесу для эрмитажного театра),

учили на свои счета многих бедных студентов Московского университета, посылали их на своем иждивении в чужие края, выставляли большую благотворительность, раздавая тулупы отправляемым партиям рекрут и пр., и таким образом старались приобрести любовь народную. Куратором университета был поставлен ими Херасков⁶⁶, их сочлен. Многие профессора вступили в их общество и два славнейшие того времени, Страхов⁶⁷ и Чеботарев⁶⁸; первый видел всю Москву на своих лекциях физики, а последний воспитывал на дому всех студентов, коих общество особо ему поручало (из них остались теперь, сколько мне известно, два, то есть Корнеев, директор горного корпуса⁶⁹, и Лубяновский⁷⁰, бывший пензенским губернатором. Первый – известен в бытность уже его харьковским попечителем, на месте дяди, переводом иллюминатской книги: «Христианская философия», а второй – такую же, «Тоска по отчизне», сочинением Штиллинга⁷¹, в которой есть многие намеки в виде иллюминатских надежд, довольно ясные, и на Россию и именно, сколько припомню, на Тобольск).

Посреди сих успехов общества начальник его, с главными адептами, схвачены правительством, бумаги взяты, огромнейшая типография, которая уже несколько лет наводняла Россию иллюминатскими книгами, дом и библиотека мартинистов опечатаны, и начались допросы и обследование; но как все дело сие поручено было московскому генерал-губернатору князю Прозоровскому⁷², который имел в себе одно то достоинство, что донес императрице об опасности распространяющегося общества, а впрочем, ничего не мог понимать в его учении, то розыскание сие и кончилось только тем, что Новиков отправлен, под конвоем, с важнейшими его бумагами в Петербург, а оттуда в Шлиссельбургскую крепость, где и пробыл до воцарения императора Павла I, а сообщни-

ки его, знатнейшие по их фамилии или званиям, получили повеление жить в деревнях своих; важнейшие же, по иллюминатской значительности, пользуясь неведением допрашивавших (как сами они после рассказывали и именно И. В. Лопухин, о коем впоследствии говорено будет), так осторожно и коварно отвечали, что не оставили ни малейшего следа для притязания к свободе их лиц. В числе спасшихся от сего кораблекрушения значительнейшие, и коих опять увидим на сцене иллюминатства, были: Лопухин, Поздеев, Лабзин. Между тем союзники московских мартинистов рассевали слухи в своем смысле. Из них главнейший был тот примечательный Плещеев (муж статс-дамы), который, будучи учителем государя наследника и потом доверенным при нем лицом, успел, как уверяли, расположить его высочество к некоторому соболезнаванию о жестокой участи такого общества, которое, (якобы) друг Церкви и законности, потерпело гонение от преобладающих в правительстве вольтерьянцев и энциклопедистов. И сие то, вероятно, было поводом к освобождению Новикова и к употреблению, впоследствии, Лопухина в доверенной должности.

Женатый на сестре сего Плещеева, Кошелев⁷³, который скоро предстанет в роли весьма значительной, был, по сей связи, тоже мартинистом; но, человек без дарований, неприятной наружности, оглашенный смешным дипломатом, по странному слогу депеш его из Копенгагена, где был посланником, он почитался более фанатиком, нежели важным адептом логи.

Дело мартинистов затихло, но не уничтожилось их общество.

При князе Репнине оставался иллюминат Шварц, упомянутый в первой моей записке, и, вероятно, распространял учение сие в своем кругу. Один из оставшихся от того времени репнинских мартинистов, генерал Инзов⁷⁴,

управляет, кажется, ныне чем-то в Бессарабии и был постоянно покровительствуем методистами, и давал, в свое время, убежище Линделю, когда его гнали в Одессе (как показано будет во второй статье сей записки). Другой, Лубяновский, бывший при Репнине молодым офицером (Ф. И. Энгель служил при сем генерале с Инзовым и Лубяновским). Третий – князь Г. П. Гагарин, жил в своей деревне, близ Москвы и написал иллюминатскую книгу, сколько помнится: «Прогулки или вечера в селе Знаменском», которая после была напечатана. Четвертый – Лопухин, готовил иллюминатские сочинения и в числе их одно: «Изильсофос, или Духовный рыцарь», заключающее самоважнейшее учение русского иллюминатства, и до такой степени дерзкое, что нигде не можно было его напечатать в самое благоприятное для секты сей время, и оно тиснуто в типографии какой-то ложи. Оно у меня было, но я отдал его одной из значащих особ при покойном государе для представления его величеству и не знаю, что с ним сделано. Пятый – Лабзин, готовясь сделаться начальником секты при первом удобном случае, занимался приготовлением важнейших рукописей – как говорили, из ложи Новикова им похищенных, для их преподавания и печати, как увидим впоследствии. Шестой – Поздеев, жил отшельником в своей деревне; но все они сохраняли прежнюю связь возможными в их положении сношениями. Плещеев, сколько мне известно, оставался при государе наследнике.

В сем положении нашего иллюминатства последовала кончина императрицы.

Новиков освобожден после, как уверяют, свидания и продолжительного разговора с императором; но, отягченный последствиями строгого заключения и летами, он поехал жить в свою деревню, сделавшуюся Меккою наших иллюминатов, кои разделяли и носили, как свя-

тыню, бороду, отросшую у него в крепости. Плещеев сделался лицом случайным и значительным. Лопухин назван статс-секретарем. Князь Гагарин – президентом коммерц-коллегии. Освобожден Костюшко, которому, как говорят, объявил сие сам император, вошедший в темницу крепости и щедро его обогативший с тем, чтобы он, на честное слово, ехал в Америку.

Это было первое действие влияния иллюминатов. Второе – состояло в том, чтобы на новой монете не было изображения царского.

Обстоятельство, о котором много важного говорить, но не писать можно.

Преобладание иллюминатов не было, впрочем, ни весьма значительно, ни долговременно, и они только, можно сказать, тогда воскресли, но не могли или не успели произвести ничего, в своем смысле, систематического. Лопухин вскоре уволен, а Плещеев умер, действительно или политически, не знаю, ибо вообще его время весьма мало мне знакомо, потому что во все царствование императора Павла I я находился при посольствах в Вене и Париже.

При воцарении покойного государя идеи самого преувеличенного либерализма дали свободу иллюминатам, разных родов, вступить на широкое поприще интриг и происков, как личных, так и сектаторских. Молодой, неопытный и прекраснейших свойств сердца государь, пламенно желающий счастья не только своей империи, но и всему человечеству, так жаждал достигнуть скорее до сей великой цели, что не только открыл совершенно свободный к себе доступ всем лицам, которые бы ему содействовать в том пожелали, всем дарованиям, кои бы могли указать кратчайший путь к сей священной его цели, к сей, если смею так выразиться, ангельской мечте души необыкновенной, но издал о сем указ

и назначил человека, которому поручен доклад по сему предмету (Новосильцова). Кругом сего великодушного молодого царя составилось, совершенно в духе его, молодое, неопытное, либеральное министерство. Явились, в Москве – Каразин, а в Петербурге – бесчисленное множество иллюминатов и несколько искренних либералов. (В числе коих, то есть последних, через три года после воцарения Александра, и Магницкий, возвратившийся из Парижа с проектом конституции и запиской о легком способе ввести ее.) Государь всех допускал к себе, всех выслушивал, многих обнимал в восхищении, а Магницкому, между прочим, приказал сказать, через генерал-адъютанта Уварова⁷⁵, что его не забудет, и, действительно, через семь лет сдержал слово, назначив его статс-секретарем и, при первом ему представлении, удивил, его и всех предстоявших, сказав Оленину⁷⁶ и Энгелю, тогдашним его сотоварищам: «Хоть в первый раз его вижу, но и мысли его и руку знаю, как свои».

В числе примечательнейших проектеров сего времени, с коим государю угодно было наиболее сблизиться, был Паррот⁷⁷ (академик) и потом Каразин. Первый – старинный член майнцкого иллюминатского клуба и одно из действующих лиц французской революции, войдя в кабинет императора под модной тогда личиной либерала, долго имел самое сильное и опасное влияние. Он, как говорят, был, между прочим, крепкой опорой одного из важнейших и самых известных безбожностью своих сочинений и умом, вроде Вольтера, иллюмината генерала Клингера, который, начальствуя впоследствии над кадетским корпусом и Дерптским университетом, в то же время ужасал своими богохулениями Германию, в коей печатал и распространял свои сочинения. Весьма вероятно, что Паррот, после швейцарского Лагарпа, был важнейшим из адептов того времени, из Франции

к нам присланных. Потом он был ректором Дерптского университета. Второй – Каразин, малороссиянин, хорошо учившийся, знающий, красноречивый, но более всего гордый и пламенный, переговорив с императором о всех политических материях, в самом либеральном смысле, достав из ничего и без всякой определительной службы чины и кресты, образовал на родине своей, в Харькове, университет и кончил тем, что, перессорясь со всеми, и особенно с Новосильцовым, в большой силе тогда бывшим, обратился к иллюминатству академическому, пристав к бывшему министру просвещения графу Завадовскому⁷⁸ и соединясь с подобным ему, но холодным и расчетливым иллюминатом Мартыновым, который был тогда директором департамента просвещения, а ныне правителем дел совета о военных училищах и членом многих других ученых мест.

В порядке политическом Каразин скоро потерял значение и, войдя в толпу тех недовольных крикунов, которые, заявляя образ мыслей, противный правительству, хотят главнейше дать чувствовать, что самый важный его проступок состоит в том, что оно их оценить не умело, женился, стал жить в деревне и, выезжая оттуда по временам в Петербург, в нетерпеливости чем-нибудь напомнить о себе, то подавал проекты в советы разным правительственным лицам, которых двери наконец для него закрылись, то, занимая экономическое общество⁷⁹ разными предположениями об усовершеннии сельского хозяйства; и таким образом, я в числе прочих потерял было совершенно из вида сие докучливое и, как мне казалось, пустое и безопасное лицо. Как вдруг, вскоре после происшествия, в Семеновском полку бывшего⁸⁰, т. е., сколько припомню, на другой же день, через одно лицо, весьма благонамеренно и, по месту своему тогда, не могшее не знать всех происшествий достоверно,

узнал я, что рано поутру, после семеновского смятения, найдены у ворот разных гвардейских казарм подброшенные возмутительные тетради, в коих говорилось о конституции; что многие из них подняты полицией, а прочие, вероятно, взяты уже в казармы и тем более кажутся опасными, что нашедшие их молчат. Узнав от лица, со мной говорившего, что по обыкновенному его начальству принято сие важное донесение равнодушно и может остаться ненаблюдаемым, я ему советовал взять на свою ответственность и тотчас рассказать графу Кочубею⁸¹, который, несмотря на то что я уже был с ним в холодном положении, казался мне из всех, составлявших тогда управляющий, в отсутствие государя, комитет ближайшим к приличному внушению нужных мер. Совет мой, кажется, принят и исполнен с успехом, ибо, увидясь с тем же лицом, по возвращении уже государя в Петербург, узнал я, что делу сему не только дан был ход, но, по всем соображениям, особливо же по почерку возмутительных бумаг, пало подозрение на Каразина и что государь, не решаясь по одному, хотя и весьма сильному, подозрению приступить к какой-либо решительной против него мере, встретив его на прогулке, спросил, как бы в удивлении, зачем он в Петербурге, и, узнав, что живет для тяжбы о 30 000 рублях, прислал ему сии деньги из собственных своих и приказал ехать домой.

Увлеченный вперед речью о Каразине, для полного очерка политического бытия его, я обращаюсь к связи иллюминатских происшествий.

По либеральным проектам Новосильцов был первое лицо из всего министерства и потому был он главным начальником комиссии законов, где тогда важнейшей работой было сочинение такой первой главы к первой части гражданского уложения, которая бы служила началом конституции, вмести в общие права лиц поста-

новление об императорской фамилии, кои бы ограничили самодержавие. Известный Розенкамф⁸² был, по счастью, тупым орудием сих затей.

Неподвижность сих конституционных предприятий происходила особенно от того, что либеральное министерство наше не знало ни России, ни самой науки о представительных правительствах систематически и, только путаясь в смешанных о сем предмете понятиях, отрывочно из чтения, наслышки и путешествий заимствованных, обмануло надежды императора, и, видя, что и в том охота к установлениям сего рода охлаждается от того, что правление, чем более он входил в него, представлялось ему практикой, а не теорией, как оно и есть действительно, и озабочивало его занятиями гораздо существеннейшими, нежели мечтательные умозрения, то министерство, говоря, начало и само мало-помалу обращаться к частным целям и выгодам личным. Вскоре остался один тон либерализма, но самое дело упало, и связь между лицами, составлявшими министерство, ослабла и расторглась. Внешние обстоятельства, неудачи и опасности совершенно уронили систему политических мечтаний. Между тем, однако же, иллюминаты не потеряли времени, столь благоприятного для преуспевания в их видах: Лопухин издал свои сочинения о внутренней церкви и проч., Лабзин напечатал похищенную, как говорили в ложе Новикова, рукопись: «Пастырское послание», составляющую один из самоважнейших иллюминатских манифестов о причинах приостановления их обществ, об ожиданиях и тайном их действии. Сверх того начал он издавать «Сионский Вестник», журнал совершенно иллюминатский. Новосильцов был причиной запрещения сей опасной книги, но через несколько лет, и именно по возвращении государя из Парижа, продолжение сего издания дозволено, и тот же Лабзин получил

вторую степень Владимира за распространение благочестивых сочинений. Это относится, впрочем, к статье духовного иллюминатства, здесь же поставлено только для разительнейшего сближения сих противоположных обстоятельств одного и того же лица.

Не помню точно в котором году, но, кажется, около 1807 года, явилось на горизонте петербургского иллюминатства новое светило: Грабянко (граф), поляк, член авиньонского общества пророков⁸³. В весьма короткое время сделал он великие успехи через m-me d'Atigny, жившую в доме Марии Антоновны Нарышкиной⁸⁴. Он познакомился с сей последней и в комнатах Озерова⁸⁵, гофмаршала государя цесаревича, в Мраморном дворце, открыл ложу, в которую ездили: Нарышкина, m-me d'Atigny, Озеров с женою, Сперанский, служивший директором Министерства внутренних дел, Лубяновский, бывший секретарем при графе Кочубее, и многие другие, которых имена можно видеть в бумагах Грабянки.

Как собрания сии открывались молитвою «Отче наш», ограничивались изъяснением Евангелия, не довольствуя пытливости некоторых слушателей, простиравших виды свои далее, то два из них, мне известные, Сперанский и Лубяновский, дошли до особенных свиданий с Грабянкою, у него на дому; но в то самое время, как они наиболее с ним сблизились, полиция взяла его под стражу, и в захваченных у него бумагах найдены не только список всех членов, но и дневник, в который записывал он с подробностью все разговоры бывших у него посетителей.

Смерть Грабянки под стражей кончила существование его общества в Петербурге прежде, нежели успел он дойти до распространения высших степеней, ибо в Авиньоне состояли они в том, что от молитвенных упражнений избраннейшие переводились в школу пророков, в

которой каждый обязан был развивать в себе дар предвидения, наблюдая за снами, вдохновениями и видениями, кои иметь может. Сии наблюдения записывались каждым членом, в виде журнала, представлялись обществу и, изъясняясь в его смысле начальниками, вносились в общую книгу сего нелепого прорицалища.

Около, сколько помню теперь, 1810 года приехал в Петербург, вызванный Сперанским, неизвестно кем ему указанный, славнейший иллюминат, католический монах, содействовавший Иосифу II в предприятиях его против Церкви, бежавший из Австрии, оставивший духовное звание и веру свою и сделавшийся преобразователем масонства в Пруссии – Феслер⁸⁶, человек с отличным умом, дарованиями и глубоким знанием наук философских, языков: латинского, греческого и еврейского, обративший все сии способы на систематическое опровержение Св. Писания для замены учения веры иллюминатским. И сей человек выписан, с большими издержками, для преподавания еврейского языка и обучения его в критическом разборе книг библейских – и где же? – в Петербургской Духовной академии!

Как действия его там принадлежат к иллюминатству духовному, то и будут представлены в своем месте.

Он вступил в самые короткие сношения с Сперанским, которого кабинет сделался ложей, ибо Феслер обещал преподавать ему все высшие степени, без дальнейших обрядов, за письменным его столом и даже дать, впоследствии, такой перстень, который будет служить талисманом для расположения всеми иллюминатами Германии и действительно дал нечто на то похожее. Все сие было, вероятно, обычный обман иллюминатов, кои ищут, как показано в первой записке моей, обольстив значащих в правительстве людей разными обманами, поддельных нарочно для них таинств, управлять ими в

видах своего общества. Но как Сперанский тогда ничего не знал о сем, а, при пытливости обширного ума, все знать хотел, то он не только совершенно попал в сети сего коварного иллюмината, да и, говоря о нем с восхищением, как о великом человеке, Магницкому, бывшему в дружеских с ним отношениях, до того пленил сего последнего, что уговорил его вступить в ложу, Феслером открытую, под названием «Полярной звезды» в саду комиссии законов. Ложа сия, председательствуемая в тот день Сперанским, состояла из Феслера, Дерябина, Пезаровиуса, Злобина⁸⁷, Гогеншильда⁸⁸ и Розенкампа. Протоколы сей ложи должны были поступить в руки правительства, при закрытии масонских лож, и, впрочем, Магницкий, в то время как от всех отбирали подписки о масонстве, показал о сей ложе, к которой он принадлежал, объявив письменно, что оставил ее в 1811 году по опасным ее началам, именовав и установителя ее, но не прочих членов, ибо сего не требовали.

Магницкий, недовольствуясь сим принятием, присутствовал на многих беседах Феслера с Сперанским в кабинете Сперанского, а о тех, на которых быть не мог, сей последний ему рассказывал. Таким образом, выслушал он от него: теорию сотворения мира, теорию молитвы, веры, видений и пр., словом, все те обморочивания, коими древний иллюминатский обаятель сей искал приобрести двух пылких и, по положению их, значащих молодых людей. Прошло довольно времени в удивлении ему, ибо, действительно, не можно лучше злоупотреблять ума обширного и вместе тонкого, красноречия разительного и самых глубоких познаний в древностях, выворотив все сие наизнанку, самым коварным образом, для своей цели. Дошло дело до систематического и уже прямого опровержения христианства. Магницкий, хотя и весьма ненабожный тогда, почувствовал

какое-то непреодолимое отвращение от богохульств сего лжеучителя, особенно когда он начал представлять Спасителя сыном Эсеянина⁸⁹, обманывавшим народ, для утверждения своего учения. «Как же вознесся Он при пятистах очевидных свидетелях?» – возразил Магницкий. «Как все сии свидетели, до одного, умерли в пытках, утверждая сию истину?» – «Это очень просто, – отвечал Феслер. – Он стоял на горе и мог уйти за камень». Сей безрассудный ответ так поразил Магницкого, что он объявил Сперанскому, что с сей минуты оставляет общество, презирает его, Феслера, и сим кончилось его иллюминатское поприще.

За сим вскоре последовало изгнание Феслера из Духовной академии, как во второй статье сей записки подробно будет рассказано; но Сперанский, обязанный по многим причинам и опасениям куда-нибудь пристроить сего изгнанника, который им выписан, определил его, для жалованья, в комиссию законов и потом поместил к одному из собратий ложи, свояку своему, К. С. Злобину, в саратовскую деревню, где он, сколько мне известно, завел училища и жил, доколе сделался в судьбе его новый благоприятный переворот, о коем будет говорено в своем месте.

Есть немецкая книга, у нас запрещенная, доктора Линднера, в которой заключается вся история Феслера.

Между сим временем и тем, в которое, по возвращении государя из Парижа, в 1814 году, последовал наисильнейший прилив иллюминатства в Россию, учредились многие масонские ложи в Петербурге, Москве и далее в губерниях. Начальники двух из петербургских, граф Виельгорский⁹⁰ и Ланской⁹¹, неоднократно ездили в Вологду, равно как и некто Римский-Корсаков, к указанному мною Поздееву, старинному адепту Новикова, за наставлениями. Я упоминаю о сем для того, чтобы

показать, как живучи общества сего рода и как невидимая для правительств их нить верно сохраняется и скоро связывается со всеми возникающими того же рода учреждениями. Жеребцов⁹², женатый на княжне Лопухиной, ввел, кажется, в ложу Пушкина. Не позже как в 1817 году масонство усилилось и сделалось так смелым, что, в бытность мою симбирским губернатором, тамошний помещик, князь Баратаев, открыто просил у меня дозволения открыть ложу в губернском городе. Тщетно уговаривал я его отложить предприятие по причине соблазна, который произведет в народе заказ гробов и приискание черепов, кои не могут укрыться от людей его; он настоял до того и так нагло, утверждая, что в Москве граф Тормасов⁹³ по особенному высочайшему рескрипту масонству покровительствует, что я должен был сказать ему, что хотя бы это была и правда, но я не могу принимать от него высочайших повелений, а доколе не получу их в установленном порядке, должен руководствоваться общими узаконениями, которые тайные общества возбраняют, и потому, запрещая ему открывать ложу, прошу подать мне просьбу, им принесенную, для представлений моему начальству на письме. Когда же заявил он себя письменно мастером масонского стула⁹⁴ и просил об открытии ложи, то я отвечал, что, для обстоятельного донесения о сем г-ну правящему Министерством полиции, я прошу его доставить мне: 1-е, список членов его ложи, 2-е, статуты и, 3-е, катехизис оной. Он отвечал, что исполнить сего не может, а я, достав все от него требуемое через полицию, представил графу Вязьмитинову⁹⁵ с примечаниями на вредное учение сей ложи. Дело сие должно находиться в архиве особенной канцелярии Министерства полиции. Представление мое осталось без ответа. Я выбыл из должности – ложа Баратаева⁹⁶ открыта, распространена по

всей губернии и до того усилилась, что начальник ее, отставной, кажется, гусарский поручик, дошел в короткое время до избрания его целым дворянством губернии, мимо старых и заслуженных людей, в губернские предводители. В Казани была также открыта ложа под председательством старого масона Романовского⁹⁷, друга Лабзина и того Попова (что ныне тайный советник), о котором в последующих статьях сей записки много и подробно говорить будет. В числе петербургских лож ни одной не было не подверженной, более или менее, влиянию иллюминатов, но опаснейшие были: Элизена, Вейса и Лабзина, который, оставаясь от ложи Новикова и имея связи с германскими иллюминатами (Штиллингом, которого сочинение «Теория духов»⁹⁸ он перевел, а толкование на Апокалипсис под именем «Победной повести» перевел и напечатал), восстанавливал, так сказать, в своем лице иллюминатство, полуистребленное в царствование Екатерины II.

Некоторые из важных лиц духовных здесь не именуются, потому что были в связи с Лабзиным неформально, ибо он освобождал их от приемов и посещения обрядовых собраний; следовательно, неуместно было бы простираť предмет записки сей до связей, противных дружбы и приятельских отношений, входящих уже некоторым родом догадки, которой я стараюсь избегать, держась, сколько можно, за события, ежели не всегда публичные, то, по крайней мере, положительные.

В известной связи с обществом Лабзина была в сие время Александра Петровна Хвостова, женщина, прежде довольно свободной нравственности, но им обращенная к набожности, столько, по характеру сего рода обращений, учением Лабзина проникнутая, что писала и печатала письма к жене его, несущие печать самого возмущенного воображения сектаторки⁹⁹.

Не знаю, жива ли она? Но один из учеников ее остался теперь, некто Прянишников¹⁰⁰, которого, женив на своей воспитаннице, она благодетельствовала и вывела по службе с помощью своих покровителей до места довольно значительного, которое он теперь занимает.

Такого же рода творение иллюминатов служащий ныне в звании камергера Ковальков¹⁰¹, воспитанник последних лет И. В. Лопухина. Он сделался известен как некоторого рода иллюминатский святой, ибо, жив в доме Лопухина, в Москве, и углубляясь, под его руководством, в тайны иллюминатства, особенно же в мистическое учение m-me Guyon*, он имел какие-то чудесные явления, которые видел я, им самим нарисованные, в одном из знатных кабинетов в золотой раме. По приезде его после сих происшествий в Петербург он поступил под покровительство Плещеевой¹⁰³, которая поместила его в службу, ввела в значительные связи и содержала у себя в доме, женила на своей воспитаннице, сопричтя его, так сказать, к своему семейству.

Лица сии упоминаются в сем месте, потому что учителя их играли значительные роли в иллюминатстве политическом.

Одним из известных тогда иллюминатов был Рябинин¹⁰⁴, брат умершего действ. стат. сов. Рябина, числившийся по коллегии иностранных дел.

В другом роде не знаю, жив ли был престарелый отставной профессор Петербургского университета Ря-

* На котором оканчивают свое поприще все состарившиеся иллюминаты, кои, видев неудачу своих предприятий, а иногда и устрашась приближающейся смерти, не могут, по вековой их ненависти к положительной церкви, вдруг к ней обратиться, но ищут развлечь, так сказать, тоску совести своей какой-нибудь религией, вроде христианской, и тем охотнее вдаются в учение m-me Guyon¹⁰², что оно, не обязывая их ни к каким постановлениям власти духовной, тешит пытливый их разум призраками мистических мечтаний и дает гордости их скорую надежду сделаться из отступников от Бога вдруг святыми, удостоясь чудесных откровений, видений и пр.

занов, трудившийся над открытием квадратуры круга, опровергавший законы Кеплера¹⁰⁵ и, притом не сумасшедший, особенно занимавшийся всеми таинственными науками. Ученик его Никольский, упражняющийся также в сем последнем предмете и бывший с ним в сношении, служит теперь профессором математики в Казанском университете.

Незадолго пред войной 1812 года выходит на зрелище сперва придворной и, наконец, духовной интриги новое лицо, которое впоследствии будет играть весьма важную роль и иметь гибельное влияние на дела правительства – Кошелев, упомянутый мной в первой записке. Маловажное обстоятельство вывело его из толпы суетливых, но неделовых искателей: Сперанский, бывший в 1808 или 1809 г. в Киеве для свидания с дочерью, которая там воспитывалась, познакомился с женой сего Кошелева, урожденной Плещеевой, женщиной весьма добродетельной и почтенной, немолодых уже лет. Возвратясь в Петербург, он продолжал сие знакомство, которое обратилось в приязнь к тому времени, как Кошелева умерла. В сем скорбном для мужа ее обстоятельстве Сперанский еще ближе с ним сдружился, и когда в 1810 году открыт новый Государственный совет, то Кошелев, по сей связи и давнишнему, в чужих краях, знакомству с графом Кочубеем, сделан членом одного, к удивлению всех, службу его знавших. Тут он начал деятельно интриговать, ища, с одной стороны, поддерживать связь свою с случайным тогда государственным секретарем, а с другой – стараясь как через него, так и через иные дороги, войти в кабинет императора и быть как-нибудь употребленным в политике того времени, ибо чем менее был способен в дипломатической службе, тем более искал снова вступить в нее.

Наконец, не знаю подлинно, через кого и при каком случае, но государю доложено, что он, по долговременной

бытности в Вене, хорошо знает австрийский двор и может советами своими по обстоятельствам быть полезным.

С тех пор Кошелев получил желанный к императору доступ и имел его, докладывая по венским депешам, ему сообщаемым, а может быть, и по особенной переписке с Веною, которая была ему дозволена. Сие введение к его действиям было нужно, как из последующего видно будет.

В канцелярии министра внутренних дел Козодавлева¹⁰⁶ служил в то время чиновник, до чина 4-го класса дошедший из низкого звания, без известности в делах и без всякой способности, кроме самого терпеливого искательства, – Попов. Прикрывая сею незначительностью обширный и выгодный для себя по службе план большой деятельности, учился он в свободное от занятий время языкам английскому и немецкому и выучил их в таком совершенстве, что говорить и писать мог равно хорошо на обоих, и никто не мог заметить той отдаленной цели его, которой достижение составит предмет рассказа о нем во второй части сей записки.

2) Об иллюминатстве духовном

Для ненарушимости порядка материй сей статьи должен я досказать предварительно первую часть повествования о Феслере, принадлежащую по роду своему к сей статье, а по времени – к годам предшествовавшим. Оно состоит в следующем: в первой статье рассказано его прибытие, цель его и упражнения в политическом иллюминатстве; здесь предлежит речь о действиях его в Невской Духовной академии¹⁰⁷. После самого странного конспекта предполагаемых им преподаваний, которого, как признавались мне самому члены комиссии духовных училищ, никто из них не понял, конспект сей утвержден. Иллюминат взошел на кафедру одной

из важнейших духовных академий в империи. Он истощил на первых шагах все прелести ума и красноречия для пленения своих слушателей и, по мере надежды на свои подпоры и на оплошность академического надзора, раскрывал от часу яснее цель и смысл иллюминатского учения. Восхищение студентов возбудило внимание духовного начальства. Оно обращено на тетради их, где, конечно, не было еще и половины того, что говорил профессор, но то, что нашли уже в них, прочтено и, действительно, было достаточным для улики его в иллюминатстве. Феофилакт¹⁰⁸, член комиссии духовных училищ, выступил на единоборство с сим опасным лжеучителем. Бывшему тогда обер-прокурору Синода, князю Голицыну, принадлежит честь покровительства Феофилакта, обличение и изгнание Феслера из Невской академии. Но единомышленники изгнанного иллюмината не оставили Феофилакта ненаказанным: по доносу, что он принял посвящение книги Ансильона¹⁰⁹, в которой якобы нашлось местами вольнодумство, он послан в Грузию, где и умер.

Теперь, оставляя Феслера в изгнании, до возвращения его странным случаем, который будет рассказан в своем месте, я приступаю к изложению главнейшей эпохи успехов духовного иллюминатства.

В государствах самодержавных счастье каждого зависит от царствующего лица, все внимание обращено на старание разгадать образ мыслей и чувств государя, дабы, сообразуясь с ними, прежде других упредить в угождении распределителю всех благ земных. И личная выгода, прельщаемая всеми возможными корыстями обещания, весьма в сем случае тонка и прозорлива.

Так было с покойным государем при возвращении его из чужих краев, по низложении Наполеона. Все акты прошедшей кампании несли на себе отпечаток

того глубокого чувства набожности, которую получил он от частого обращения к Богу в превратностях счастья, в благодарности к нему за чудесное избавление от бед, в изученной на опыте твердой на него надежде. Акт Священного Союза торжественно обнаружил сии его чувства. До возвращения его величества было уже гласно, что союзные монархи имели сношение с главой тугендбунда, Штейном; что известный духовной необычностью крестьянин Мюллер имел с ними примечательное свидание в Пруссии; что наш государь виделся с главным мистиком Штиллингом (Лабзин возвестил некоторые подробности сего свидания, издав на русском сочинение об оном самого Штиллинга). Сего было довольно, чтобы все внимание обратилось на предметы духовные. Наряду с набожностью искренней и лицемерием, оку человеческому не проникаемым, и все секты основали на ней самые счастливые для себя надежды. В числе сих последних методисты, иезуиты англиканского исповедания, неизвестно мне через кого, ввели в особенную доверенность к государю Кошелева, который против всякого чаяния открыл тогда характер самый предприимчивый, соединенный с духом преобладания, тем более опасным, что он оградился устранением от себя всякой ответственности и всякого даже почетного или значительного наименования. Явилось образование соединенного Министерства духовных дел и просвещения¹¹⁰, таким пером написанное, которого никто из действующих в сем случае лиц не имел. Министр, сими двумя важными частями управляющий, отправляя каждый день в дом Кошелева важнейшие дела и докладывая государю не иначе, как в его присутствии, выходил не что иное как некоторый род директора над директорами обоих министерств; между тем Синод совершенно связывался в действиях, учредителем его,

Петром Великим, присвоенных ему, ибо вместо прокурора его министр духовных дел облакался, по уставу, властью генерал-прокурора; а высшее над самим сим министром лицо получало права обширнейшие в некоторых отношениях и самых прежде бывших патриархов. Тургенев, известный своим вольнодумством, сделан директором духовного департамента, а Попов, ничему не учившийся, кроме языков, нужных ему для чтения методистских книг, не имевший понятия о науках – получил в свое управление департамент просвещения.

Сие распределение главнейших лиц соединенных министерств доказывает уже постороннее влияние, искавшее превратного хода или запутанности дел, для каких-либо своих видов; ибо нет вероятности, чтобы все сие вышло случайно.

Многие искатели окружили Кошелева. Ежедневные были, между прочим: Галахов¹¹¹, Попов, Ястребцов, военный министр Татищев¹¹², женатый на племяннице Кошелева. Знатнейшие члены Синода, приезжающие архиереи и даже все монахи и игумены, в Петербург на чем-либо прибывшие, являлись к нему на поклонение. И из сих посещений выходили разные повествования, одни других страннее.

Тогда методисты, устроив у нас или приметя сие положение наших духовных дел, устремили действие свое на Россию: явился славнейший из них Пинкертон, бывший некогда гувернером в доме княгини С. С. Мещерской, которая по приверженности своей к методизму и связи с Кошелевым, начинала играть важную роль. Сей тонкий проницательный агент методистов успел учредить в России Библейское общество, весьма полезное в землях протестантского исповедания, которое по догмату реформы отвергает всякое предание, представляя св. книги на суд каждого читателя, но не согласное с нашим ве-

роисповеданием, которое, не воспрещая никому читать книг библейских, требует, чтоб мы не предпочитали собственных умствований изъяснению тех светил Церкви, которых именует она отцами и после коих наследовали мы полное на все объяснение. Все лица, к каким бы они тайным обществам ни принадлежали, соединялись за одним столом Библейского общества. Методисты явно господствовали. Они выслали Патерсона, Гендерсона, и употребили давнишнего в России их агента, купца Венинга. Первый, казначей общества, забыв самое бескорыстие пропаганды, взял себе квартиру, занявшую лучший этаж дома Библейского общества, которому оставлены, затем, две маленькие комнаты внизу. Он выписал из Англии типографщика и переплетчика и начал разные спекуляции из огромных сумм «библейских», кои слепое усердие к делу, по наружности благому, вместе с фанатизмом секты и пронырством искательств понесли в казну его. Один английский переплетчик общества получал 60 000 руб. за свою работу ежегодно. Начались два действия пропаганды:

Первое, внутреннее, местным архиереям и начальникам губерний и мест воспитания поставлено в обязанность и отличие по службе распространение отделений общества в городах, и даже в уездах, в деревнях и школах.

Примечание. Пример гонения за противное был со мною, во время служения моего губернатором в Симбирске: городничий одного из уездных городов донес, что отставной майор Иванов (масон, покровительствуемый Лабзиным), получив через Лабзина разрешение на открытие Библейского общества в городе, где жил он, снесся с местным протоиереем и, взяв с духовенством соборные хоругви и иконы, в сопровождении многочисленного народа, сделал процессию из церкви в дом свой. Находя подобные процессии по распоряжению частных

людей не только противными полицейским уставам, но во многих отношениях и опасными, я сделал должный выговор городничему, с предписанием, чтоб впредь сего не было. Государь изволил быть тогда в Москве. Вдруг приезжает ко мне курьер со строжайшим выговором за противодействие мое распространению библейских обществ и с предписанием покровительствовать им.

Второе, внешнее: Попов, избранный секретарем русского Библейского общества, имея уже обширную переписку с Англией и Германией и переводя переписку Пинкертонa с целым миром, начал занимать собрания сего общества тем предметом, который под предлогом распространения св. книг и истинную цель его составлял, и был, однако же, явно противоположен утвержденным у нас его правилам. В них сказано, что русское Библейское общество будет печатать Библию без всяких толкований, что уже было несогласно с правилом нашей Церкви, не отвергающей толкования св. отцов и соборов; но сие для того только в видах методистской пропаганды было постановлено, чтобы, устранив изъяснение законной власти духовной, заменить его изъяснениями секты. И вот каким образом сие выполнялось: сперва начали читать в собраниях выписки из писем со всех концов света, лондонским Библейским обществом получаемых, об успехах раздачи книг священных; потом выписки сии стали подробнее, с примерами чудесного действия от чтения слова Божия на внезапное обращение неверующих лиц и, наконец, целых обществ идолопоклонников. Таким образом, сделан нечувствительный переход от раздачи Библии к учению лондонского общества методистских миссионеров. Выписки сии отчасу делались подробнее и откровеннее, и наконец, читавший их обыкновенно Попов, предавшись всему жару сектаторства, начал, под

их видом, читать весьма продолжительные проповеди в сем смысле и в таком восторге, что иногда принужден был отирать слезы. Письма некоего фон Эсса, отпадшего от католической Церкви священника, волновавшего сим средством умы в Германии и перегоняемого в разные места правительствами, составили главный предмет восхищений общества. Наконец, захотели видеть успехи пропаганды и в России. Стали получать или подделывать подобные чудесности в письмах простых крестьян к Библейскому обществу (не объявляя, что то были духоборцы, то есть русские квакеры), и в них поведствовались происшествия чрезвычайные. Методистское общество ассигновало важные суммы на поддержание российского библейского, дабы не замедлило оно своих успехов по недостатку денег. Попову воздвигнут памятник в зале лондонского Библейского общества помещением его портрета, в числе лиц покровительствующих сему делу. Под предлогом болезни он сам, сопровождаемый Патерсоном, ездил в Лондон и в тамошнем Библейском обществе, при 4 000 человек, говорил на английском языке речь, в которой объявил торжественно, что все наше духовенство сделалось уже библейским, что на сем языке значит: стремящимся к реформе, методистами предполагаемой. Возвратясь, он в отчете путешествия своего так ясно изложил преимущество духовности английской перед нашей, что митрополит Серафим¹¹³, чтение сие слышавший, наконец, возразил, что печатать сего не можно.

Приехали в Россию английские миссионеры, и в числе их славный проповедник Нилл (Knill), имевший целью отвлечение петербургских англичан от англиканской церкви. Он открыл свои собрания близ нее, в доме Сарептского общества¹¹⁴, и начал, в назначенные дни, проповедовать при необычайном стечении англи-

чан, немцев и русских, в числе коих была и княгиня Мещерская, учредительница Библийского общества в Москве и издательница переводов методистских книжек, о коих будет говорено ниже.

Для отвлечения католиков от их церкви выписан Линдель, пламеннейший методист, под одеждой католического священника. Он учредил насильственным образом, в самой католической церкви, свои дни для открытого проповедования против догматов католицизма. Церковь в сии дни наполнялась одними методистами всех наций. Духовенство католическое, долго и тщетно жаловалось на сие насильственное водворение у самых алтарей его, раскольника, стремившегося их низвергнуть. Угрозы изгнания, по примеру иезуитов, заставили его прибегнуть к покровительству значительных лиц того же исповедания, и, наконец, с успехом, ибо пылкий и простерший слишком далеко самонадеянную свою дерзость Линдель определен в Одессу, в надежде, что там, вдали и не так гласно, пропаганда его учения пойдет успешнее; но, вместо того, встретив там итальянцев, столь же горячих к защите папы, как он к его ниспровержению, он возбудил совершенное смятение в церкви, где начали бросать в него яблоками, и сей шум, а особливо личная его опасность, заставили удалить его за границу.

Но на месте его, в Петербурге, явился Госнер¹¹⁵, гораздо образованнейший и, хотя не менее враждебный к своей Церкви, но коварнейший, наружно, более умеренный.

Немецкая лютеранская церковь равным образом не оставлена в покое. Приехал Беттигер, суперинтендант новороссийский, друг и единомышленник Линделя (тот самый, который после, украв казенную сумму, бежал в Саксонию, где года два тому назад по требовании нашего правительства пойман и посажен в тюрьму). Он в ре-

форматской церкви Св. Анны завладел большой залой и начал проповедовать методизм.

Таким образом, в одно и то же время все положительные вероисповедания испытали систематическое нападение методистов, то есть духовного иллюминатства, и можно ли представить, чтоб сие так вышло случайно?

Все духовные иерархи сих законных иностранных церквей протестовали против сего потрясения положительных их исповеданий, признанных и покровительствуемых правительством; но тщетно, ибо жалобы их устрашали высшие их начальства, поклонявшиеся случайности и, по сей причине, ничто не доходило до государя. Я могу о сем, ежели будет нужно, рассказать много удивительного.

Одно английское духовенство, поддерживаемое посольством сей нации, в ответ на опубликованный в английских газетах отчет об успехах миссионеров методистской пропаганды в Петербурге, отвечало весьма сильной и основательной статьей сей самой газеты, изъяснив, что безумно в успехах миссионерств, для идолопоклонников и диких учреждаемых, помещать Петербург и живущую в нем английскую факторию. Не знаю, кто писал статью сию, но она очень примечательна и была, кажется, написана менее для Лондона, чем для Петербурга, дабы сим средством довести сведение сие до государя; но, вероятно, никто не смел, по преобладавшему тогда духу, поместить ее в газетной для его величества выписке.

Все сии обстоятельства, ежели бы нужно было еще прояснить их, могут весьма сильно быть доказаны – и особливо подтверждены духовенствами всех упомянутых мною иностранных исповеданий, кои имели нужную выгоду замечать ход сего гонения.

То же общество завело тюремные, поставив в цели их, под благовидным предлогом, занятия нравственно-

стью заключенных, чтение и толкование им Евангелия членами общества и раздачу в тюрьмах тех назидательных книжек, которые издают методисты; их переводила на русский княгиня Мещерская¹¹⁶; а в книжках сих, самым заманчивым для простолюдинов образом, под видом чудесных повестей, толковали непрестанно один следующий догмат методизма: «К обращению и спасению самого ожесточенного грешника не нужна ни Церковь, ни ее таинства, а одно чудесное действие Божие», и сие подкреплялось разными примерами.

Пропаганда сия имела так положительно сию цель, что когда один из директоров тюремного общества предложил, в полном его собрании, о необходимости священников всех христианских исповеданий для духовной помощи заключенным; то один из членов Синода возразил ему публично: «А члены-то общества на что?» – «Я не знал, что они могут исповедовать», – отвечал директор, и после сего ответа предложение его принято.

Ланкастерские школы¹¹⁷ обращены также в механическое содействие методизму. По следующему случаю: Греч¹¹⁸, при заведении одной из сих школ в Петербурге, в виде спекуляции, для своей типографии, составил общество для распространения сих школ и особенно таблиц, им для того напечатанных по всей России, для деревень и войск, начиная с гвардейских до поселенных¹¹⁹ и армейских. При министерстве учрежден особенный комитет для содействия сему делу. Председатель сего комитета, заявленный враг иллюминатства¹²⁰, рассматривая таблицы Греча, заметил, что не только в складах, ничего по-видимому не могущих вмещать опасного, есть неприличное соединение слов, напр.: императрица-перепелица – патриарх-шут. Удивленный сей странностью, он обратил уже особенное внимание на таблицы чтений и нашел: сила солому ломит; воды

и царь не удержит; где сила, там закон ничто. Сие показалось ему ежели не злонамеренным, то, по крайней мере, небезопасным в школах для народа и солдата. Он представил сии усмотрения. Они одобрены и по высочайшему повелению приказано, запретив таблицы сии и отобрав их из всех школ военных и других, заменить приличнейшими; но тут замечанием сего противоборника методистов воспользовались методисты. Их собственные таблицы переведены и одобрены к повсеместному употреблению. Между тем как заметить надобно, что то, чего не допустила у себя церковь англиканская, допускалось у нас; ибо две есть методы взаимного обучения: Ланкастера (квакера¹²¹) и Беля (епископальной церкви). Первая имеет свои таблицы, которые состоят из мест, выбранных из Евангелия и приносивших к учению квакеров и методистов; а вторая – таблицы, согласные с догматическим учением не секты, а положительного англиканского исповедания.

Тщетно сей председатель комитета, столь грубо обманутый, кричал и писал, что ежели уже непременно нужно спешить с обучением народа нашего и солдата чтению (между тем как и читать еще мало для них безвредного), то возьмите один механизм ланкастерский и вставьте букварь и катехизис, в которых бы затверживались, по всей империи, в селах и полках, те святые догматы, которые посевают страх Божий, почтение и любовь к его помазанникам, покорность властям. Не только напрасны были вопли сии, но и обратили на него, хотя еще не явное гонение, но последнюю попытку к обращению сего несносного уже обличителя – в методисты!

Сам Попов приступил к сему миссионерству. После многих приветливостей и доверенных откровений он сказал ему, что есть одно благочестивое общество, вооружающееся повсюду против неверия, обуевающе-

го Европу (он не подозревал, что сей профан знал тогда совершенно хорошо методизм и связь его с иллюминатством), что общество сие истинных христиан есть методистское, что оно имеет разные степени друзей и искреннейших (*amis et intimes*), но, вероятно, о высших степенях каких-либо главных водителей он умолчал; что по особенному уважению к благочестию и отличным дарованиям значительных лиц можно быть принято прямо в высшую (будто бы) степень *des intimes*, но что сие не иначе возможно, как присягнув и в чем же? «в том, что и тогда, когда присягающий переменял бы свой образ мыслей насчет методистов, то не перестанет он, согласно с видами их общества, противно собственному убеждению, в исполнение своей присяги действовать»¹²². Скрыв удивление от сей фанатической и неслыханной присяги, его поразившей, обращаемый отвечал, что он никому по догматам веры своей, кроме законной власти и в случаях ею определяемых, присягать не может. Разговор кончился, но и кончилась терпимость методистов. Началось тайное преследование, которое ожидало только случая к совершенному погублению человека тем более опасного, что ему доверены уже некоторые тайны общества, которых он хранить не обязался.

Линдель возвещал, что за ним идет тот, кому недостоин он развязать сапога. Он выписан и прибыл. То был Госнер. Для проповеди его против папы и католицизма силой отворили для него двери обеих католических церквей, приходской и мальтийской, где я сам его слышал при величайшем стечении лютеран, методистов всех наций и в том числе русских. Сим не удовлетвоались: в доме графа Завадовского на казенный счет нанята для него огромная квартира за 4 000 руб. в год. Над кафедрой поставлена в ознаменование, что и сей апостол есть еще только предтеча, большая картина

Иоанна Крестителя, и около двух тысяч слушателей по подписке по 25 руб. с каждого (50 000 руб. в год) собраны для услышания таких проповедей, в которых под предлогом католических опровергались существенные догматы Церкви господствующей.

Наконец, лжеучитель сей, отчасу более предприимчивый, напечатал на немецком языке оное толкование на Евангелие, во многих местах противное христианскому учению, а в иных открыто опровергающее божественность Спасителя. Изъяснение его на Евангелие Св. Матфея, переведенное, сколько помню теперь, Бирюковым, служившим тогда в департаменте просвещения, и выправленное Поповым, на казенный счет напечатано, в очень большом количестве, вероятно, для рассылки по училищам, но в сие самое время обличено пред государем, по несчастью, такими людьми, которые, видя один отрывок сего обширного дела, всей связи его не обнимали, а изучить ее в порядке и с трудом не хотели, обращая таким образом дело Божие и государственное в некоторый род личности и интриги. Книга до появления ее из типографии остановлена и по высочайшему повелению сожжена. Госнер выслан за границу и после многих походов занимает теперь какое-то место в Берлине. Попов и Бирюков преданы суду Сената, обвинены, и дело о них, как и слышал тогда, поступило в Государственный совет.

Попов, сверх того вел обширную, на немецком языке, переписку со всеми духовными иллуминатами из славнейших в Германии, от Пестолоци¹²³ до Бадера¹²⁴, который особенно забавлял петербургских своих корреспондентов разными чудесностями магнетизма. Я видел, как, при отбытии Попова в Англию, перевозили для надежнейшего сохранения два шкафа сего, по-видимому, важного архива в такое место, где он казался безопасным.

Из сей переписки составлял он своеручные выписки, кои представлялись на дальнейшее усмотрение.

Мне показаны были две из них для устрашения силой сей партии. Я могу наименовать их, ежели будет нужно.

С великими предприятиями на правительство и лучшее общество Петербурга приехала отовсюду выгнанная m-me Krudner¹²⁵ – предшествуемая славой терпенных ею гонений за проповедование истины и особенно известностью статьи одной из немногих газет, в которой был напечатан справедливый или подложный разговор ее о принятом ею участии в заключении Священного Союза – ручались за успехи ее в России. И действительно, едва она явилась, как множество к ней поехало, особливо сектаторы всех родов. Она рассказывала посетителям довольно однообразно о высоких особах, у ней бывших, указывала, весьма гордо и напыщенно, те места, где стоя (якобы на коленях) они с ней молились. Говорила с жаром и красноречиво о наступлении дней последних и утверждала, что Наполеон есть антихрист, так настоятельно, что даже когда было объявлено о его смерти, она не хотела ей верить и говорила, что он бежал к туркам и от них, предводительствуя всей Азией, опять явится.

С ней жил зять ее Беркгейм и жена его, которая и теперь, с главной ее ученицей, княгиней Голицыной (сестрой княгини Мещерской, урожденной Всеволожской), в имении коей, в Крыму, умерла m-me Krudner, живут еще там, как слышал я, вместе. Беркгейм сей, тотчас определенный в службу, по рассказам сектаторов (последователей) m-me Krudner, был одним из примечательнейших примеров ее чудотворений, получив исцеление от смертной болезни ее молитвой.

Вера в нее была так сильна, что когда государь (неизвестно мне почему) приказал выслать ее из города,

то люди, к нему самые приближенные, не уstraшились выставить ее портреты в своих кабинетах и открыто ездить посещать ее в месте изгнания за городом. Никогда иначе не мог я изъяснить себе сего сектаторского фанатизма многих, самых добрых из них, как тем, что, не изучив основательно ни истории религии и Церкви своей, ни ее догматов и чувствуя в последней половине жизни нужду в пище духовной, обращались они с сей потребностью к первому из окружавших их обманщику, который, злоупотребляя неведением и доверенностью их, ловил их в сети своей секты, обольщал, между тем, гордость их легким переходом от жизни совершенно чувственной и порочной к высокой степени святости, ничего не расстраивая в привычках их. Много примечательных наблюдений имел я случай сделать в сем отношении потому только, что разные сектаторы, зная во мне человека им неприязненного, в течение семи лет трудились над зазывом меня в свои союзы, рассказывая многое как о себе, так и о других.

Сверх того Попова, о котором говорил я подробно, было еще два, того же имени, сектатора: брат его Григорий Попов, откуда-то им выписанный, и Гавриил Попов, приставленный им к Кошелеву и служивший опорой сему духовному и телесному слепцу в Царском Селе на его прогулках.

Время, о котором говорю я теперь, от 1815 до 1824 г., было самое блистательное в владычестве сектаторства. Все пути были им заграждены, все главнейшие места в министерствах духовном и просвещения заняты. Царство его так было твердо, что оно не уstraшилось открыто знаменовать свою силу грозными ударами гонения.

Некто Станевич¹²⁶ (теперь, кажется, где-то директором гимназии), служивший тогда в канцелярии статс-секретаря Кикина¹²⁷, издал книгу «Плач над гробом

младенца». Сочинение довольно ничтожное по весьма посредственному дарованию и тяжелому его слогу, но примечательное только по некоторым истинам в пользу Православия и сильным выходкам против духовных сект. Места сии немедленно примечены сектаторской полицией и указаны ею Кошелеву. Духовный цензор архимандрит Иннокентий¹²⁸ призван к высшему начальству для допроса: «По недосмотрению или намеренно он пропустил сию книгу?» Бедный инок сей (сочинитель лучшей истории нашей Церкви), чрезвычайно немогущий от примерно строгой жизни, слишком верующий и добродетельный, чтобы продать истину, которой святость в сии времена гонений для друзей ее наиболее дорога, отвечал не боязненно: «С намерением, ибо сам убежден в том же мнении». В тот же день Станевич схвачен полицией и послан в изгнание. Книга его из лавок и даже из частных домов, как самое опасное сочинение, отобрана и так истреблена под личным надзором Тургенева, что когда, по миновании сего времени, в 1824 году, Станевич вызван государем, вознагражден и опять определен в службу, а книгу его приказано на счет его величества напечатать, то в целом городе не могли найти ни одного экземпляра. Архимандрит Иннокентий наречен епископом в Оренбург для ссылки его туда и потом, по многим просьбам и в виде помилования, назначен в Пензу; но сраженный сими насилиями, занемог в Москве, нуждаясь в самых необходимых потребностях, коих бы и не имел без призрения графини Орловой¹²⁹. Доехав до Пензы и вследствие сей болезни скоро скончался, жертвой гонений такой секты, которая непрестанно проповедует терпимость. Не буду упоминать здесь ни о квакерах, заведших в Петербурге свои училища, ни о поселении их на Царскосельской дороге, под особливым покровительством и начальством тайного советника Джунковско-

го, давнишнего методиста, но должен говорить о самой вредной и нелепой сектаторке Татариновой¹³⁰. Ей позволено жить в тогдашнем Михайловском замке, дабы могла безопаснее от полиции распространять свое общество. Занятие его состояло в каком-то особенном роде магнетизма. Люди, к нему приготовленные, входили в собрание и с помощью быстрого кружения поодиночке, а иногда и вместе, до пены у рта и беспамятства, изнемогая в каком-то странном роде исступления, пророчествовали для знатных посетителей, вещи самые для них приятные, а для прочих – что случится. Славнейшим из сих вещунов был какой-то барабанщик. Кошелев с друзьями и племянницей (Татищевой), Галахов, Попов и один из племянников графа Милорадовича¹³¹, который чуть было не сошел с ума от углубления в гнусные тайны сего общества, в которое вовлечен он был усерднейшим помощником, и другом Татариновой, Пилецким, который был тогда секретарем тюремного общества. Отец Милорадовича, узнав о несчастном положении сына, прискакал из Малороссии (он зять графа Кочубея), хотел увезти его с собой, но, кажется, не успел в том, и сей молодой человек, ежели не ошибаюсь, вскоре умер. Священник Малов, весьма покровительствуемый тогда Кошелевым, был членом сего общества.

Старинный учитель Татариновой, какой-то престарелый скопец, живший где-то в предместьях Петербурга, почитался вначале патриархом сей секты. Попов и прочие почитатели его ездили принимать от него благословение, целовали руку и получали какие-то просвирки. У него были также собрания. Он назывался в обществе своем искупителем. Пели духовные песни, и какая-то женщина пророчествовала. Он поссорился с Татариновой и до того был гоним сей случайной сектаторкой, что, наконец, схвачен и отвезен в Соловецкий или другой мо-

настырь. (Дело сие весьма известно бывшему тогда обер-полицмейстеру Горголи.)

В то время как Феслер жил в своем саратовском изгнании, канцлер граф Румянцев¹³² случайно его там увидел. Возвратясь в Петербург и величая его пред государем великим и славным в Европе человеком, он успел склонить его величество на позволение ему приехать в Петербург. Таким образом, все прошлое забыто и он явился опять на зрелище публичной деятельности. Иллюминат его логи, бывший тогда директором Царско-сельского пансиона, Гогеншильд, ввел его в милость Кошелева, и в самое короткое время сей опасный сектатор определен суперинтендантом в Саратов над всеми тамошними колониями, над их 120 училищами и 10 губерниями. Он ввел там самовольно особенного рода обряды, состоящие из литургии его сочинения, напечатанной в Германии, которой в лютеранском исповедании совсем нет. Протестантское духовенство вверенных ему губерний много на сие роптало, но не смело жаловаться, зная связи его в высшем правительстве.

Он, кажется, сохраняет сношение свое с германскими иллюминатами через сына, который ежели не живет теперь, то недавно жил в Германии. Сим закрылось для меня зрелище духовного иллюминатства в течение пяти лет.

IV.

<3)> Об иллюминатстве академическом

21 февраля 1831 г. Ревель.

Предмет сей записки, для удобнейшего его обозрения нужно разделять на две статьи, из которых первая

займется «иллюминатством классическим», а вторая – «литературным».

I.

Об иллюминатстве классическом

Государь Петр Великий, обнимая обширным умом своим все части государственного управления, не упустил из виду и просвещения народного. Он переписывался о нем с Лейбницем¹³³ и, наконец, составил такой проект «Академии», из которого видна цель его: «поставить под направление правительства такое средоточие народного просвещения, которое распределяло его не иначе, как в смысле коренных законов его империи и единообразно, повсюду»; ибо предположенная им Академия, соединяя все предметы наук, должна была иметь при себе и университет. Кончина препятствовала ему привести сие предложение в действие. Екатерина I, хотя исполнила волю его учреждением Академии, но не совершенно по мысли Петра; ибо университет при ней не образован и установление сие, доставаясь в управление людям более случайным, нежели сведущим, принимало разные виды под именем «преобразований», доколе не только совершенно отошло от первой цели великого своего учредителя, но и раздробилось на четыре академии: «наук, медицины, художеств и словесности». Таким образом, разлучились «история от живописи, математика от механики и архитектуры, физика и химия от медицины, словесность от наук». Исчезло единство – цели, управления и средств. Одно и то же установление требовало всего вчетверо. Но по счастью, недеятельность наших Академий препятствовала принести им много вреда, хотя, как естественно, и принимали они все отпе-

чатки духа времени. «Медико-хирургическая», напротив, была в видах иллюминатской пропаганды орудием весьма деятельным, имел там некогда кандидата Казанского университета Сыромятника, который, живя в моей канцелярии, учился в ней хирургии; я видел, могу сказать, своими глазами, как сей самый добрый и благочестивый молодой человек, слыша в течение двух только лет один «чистый материализм» и, наконец, поступив на лекции иллюмината, самого известного печатными его сочинениями Веланского¹³⁴, сделался совершенно неверующим. Действительно, большая часть молодых врачей, из сего заведения в полки поступающих, так образованна и может нечувствительно разносить по армии начала весьма опасные, тем удобнее, что лекарь, имея самый короткий доступ к больному и страждущему, весьма скоро с ним сближается, не обращая на себя особенного надзора. Дух сей Академии знаменовался многими буйствами и, особенно, «самоубийствами», кои весьма тщательно, под предлогом белых горячек и сумасшествия, были от правительства скрываемы.

От Иосифа II был прислан агент для образования у нас школ «нормальных», коих самое название, как многие заметили, несет печать иллюминатства.

Но систематическое действие иллюминатов на народное наше просвещение началось собственно с самым началом текущего столетия, когда при первом образовании министерств учредилось «министерство просвещения». Оно [было] вверено графу Завадовскому, человеку, по совершенной его лени и беспечности самому способному быть орудием интриги. Известные в первой записке моей Мартынов и Каразин им овладели; первый, сделавшись директором его департамента, а последний – душой министерства, потому что сохранял еще славу некоторой случайности и неумоимо пи-

сал записки и проекты, которые беспечный и ленивый министр представлял охотно. Два соединенные сии иллюмината перевели уставы немецких университетов почти слово в слово и, приделав к ним «грамоты», ограждающие права их так незыблемо, как ничто еще у нас ограждаемо не было (дабы связать державную власть на случай перемены ее мысли), сделали то несвойственное с нашим природным правлением и внутренним устройством образование университетов, которое ныне существует, ибо:

1-е. Среди империи самодержавной состав их совершенно республиканский, на том правиле германских университетов, что все их члены «равны», а ректор только «первый между равными».

2-е. Молодым людям, в них обучающимся, даны чины, шпаги и права; к чему сии знаки заслуг без службы? Им предоставлена большая свобода и ненаказанность за проступки, ибо университет по своему уставу ничего не может сделать более, как удалить проступившегося.

Примечание. Сим часто пользуются университеты для недопущения до правительства всего, что у них происходит.

3-е. Университетам присвоен домашний суд? На что?

4-е. Они до того выгорожены из надзора полиции, что почитают себя каким-то особым царством, общему порядку не подчиненным.

5-е. Университетам предоставлена такая власть, какой никто в империи, кроме государя, не имеет: они выбирают ординарных профессоров, то есть могут жаловать из ничего в надворные советники.

6-е. Попечитель никакой определенной власти не имеет, а только, по уставу, есть род ходатая о их пользах.

Уставы университетов открыли широкую дверь иноземному иллюминатству. К нам приехали такие

люди, которых потом насилу выгнали, но уже с чинами и деньгами русскими (Шаде, Броннер, Раупах и пр.). Я, между прочими, нашел в Казанском университете в 1819 уже году профессора Броннера, который, быв иезуитом, обокрал монастырь, бежал из него, переменил религию и, будучи выписан к нам, сделан прямо ординарным профессором, то есть надворным советником, дворянином, имеющим право купить недвижимое имение. Я нашел всю его историю в книге, находившейся в библиотеке университета. По официально моему о сем предоставлении он выключен.

Я нашел известного цареубийцу Грегора¹³⁵, уже выключенного за то из камеры французских депутатов, почетным членом Казанского университета и в сношении с ним присылкой своих сочинений. Его тоже по моему предоставлению выключили. Но отобрать патента не решились.

Для центрального управления сими установлениями набрано подобное им Главное правление училищ.

Когда, по смерти графа Завадовского, вступил на его место старинный мартинист, граф Разумовский¹³⁶, выписанный из Москвы, то Мартынов продолжал управлять Министерством просвещения в прежнем смысле, тем удобнее что граф до чина действительного тайного советника не управлял ничем.

Но впоследствии министр духовных дел и народного просвещения немедленно, по вступлении в звание сие, был принужден удалить его.

При Разумовском вышел на сцену Уваров¹³⁷, зять его. Воспитанник французского аббата (Manguin), выучившийся писать по-немецки и возмечтавший быть славным литератором на сем языке, он вступил в сношения с древнейшим из иллюминатов, Гёте, который, обольщая его тщеславие, весьма успешно выделал из него одного

из самых горячих ходатаев за иллюминатов германских, коих при тесте своем, графе Разумовском, в звании попечителя петербургского и потом президента Академии, имел он все средства покровительствовать под обыкновенным именем «ученых и просвещения». Наши иллюминаты славили его во все свои трубы как мужа самого известного своей «ученостью».

Когда Министерство просвещения соединилось с духовным, то благонамеренность управляющего оным останавливалась – неведением: как приняться за истребление зла? – и останавливала все полезные действия. Не хотели уже классического вольнодумства, но, не зная, «что», собственно, составляет разные науки и «что» чуждо им и принято неверием, не смели действовать решительно. Мартынов отстранен от кормила народного просвещения, но первая ошибка: он сделан членом Главного правления училищ, вторая: на место его определен Попов, до того ничего не знающий в науках, что когда один из членов Главного правления училищ подал записку о необходимости обуздать иллюминатство под видом науки «права естественного» преподаваемое, то директор департамента просвещения на доверенном совещании министра дал мнение: «послать нарочного к Стурдзе¹³⁸», жившему тогда в своей деревне, спросить: правда ли, что философские науки можно удерживать от вредного их направления? По счастью, сей оракул просвещения одобрил и даже расхвалил мнение своего сочлена, дотоле совсем ему незнакомого – и что же вышло? Не стали ни противоречить ему, ни действовать в его смысле.

Весьма благоразумно вытеснили нескольких попечителей: Клингера, Кутузова¹³⁹ и Северина Потоцкого¹⁴⁰; но кем заместили? «методистами» и «мартинистами», кроме университета Московского, куда определен пле-

мянник Кошелева, князь Оболенский, человек совершенно безграмотный и которым так завладели иллюминаты, что никогда не отпускали его в Петербург без своего пристава, коим наичаще был известный, в сем смысле, своими печатными книгами профессор Давыдов¹⁴¹, и виленского князя Чарторижского, который оставался для хранения сего университета в том положении, которое заслуживало ему вместе «с Московским и Дерптским» в предположениях наших мятежников 1825 года «право на совершенную независимость», как то изъяснено в их напечатанных показаниях и верно недаром, ибо они могли наилучше знать дух сих заведений. «Виленский и Дерптский» университеты особенно важны потому, что, заменяя духовные академии своих исповеданий, образуют и духовенство¹⁴². Первый сделал уже важные в сем отношении успехи изгнанием из польских губерний иезуитов и приобретением влияния на низшие духовные училища. Духовенство польских губерний тяжело стелет под сим игом, а оно по духу своему надежнее правительства, чем сотоварищи Лелевеля.

Иллюминаты, весьма благоразумно ища ускорять свои успехи действиями сосредоточенными, держались и у нас сего верного правила и потому всегда старались заводить «педагогические институты», даже помощью совокупного образования «в одном духе» известного числа образователей, распространять свое учение на все учебные заведения империи одним разом. Намерение сие очевидно, между прочим, из того, что иначе какая была бы нужда делать большие издержки на особый педагогический институт, когда при каждом университете уставами он положен и потому «вместо одного» их должно быть у нас «шесть»?

Первый педагогический институт до преобразования его в Петербургский университет (т. е. до переме-

ны только его имени), цель свою выполнил, не только приготовив множество один другого хуже и развратнее по духу их преподавателей, но и послав отличнейших, по его «усмотрению», в университеты германские для «окончательного усовершенсия».

Когда его называли университетом, тогда Уваров, посылая молодых, им избранных людей для обучения (в угождение воцарившемуся тогда в министерстве духу) «ланкастерской» методе, велел, «по своим видам», захватить к известнейшему из современных иллюминатов, Песталоцию (о коем, ежели нужно, может быть доказано из собственных книг и писем его особенно). Молодые люди сии вместо изучения предмета их путешествия пробыли самовольно очень долго у Песталоция, и вдруг по возвращении их вместо педагогического института для взаимного обучения проявился в Петербурге – институт Песталоция. Министерство не прежде, как спустя довольно времени, подмен сей приметило и нарядило комиссию для осмотра сего заведения. Члены Главного правления училищ, Фус и Магницкий, для сего отряженные, нашли училище самое вредное и представили формальное в том обличение (акты Главн. правления учил.); но дело сие, по разным уважениям, затихло; институт, кажется, тогда уничтожен, лица его составлявшие: учителя Тимаев, Буссе и Ободовский, равно как и директор его Миддендорф, размещены по учебной части в Петербурге; но ныне, через десять лет или более, опять «в новом соединении снова составляют Главный педагогический институт». Каким образом это делается? Как изъяснить так сильное и успешное направление, через многие годы, через разные царствования и министерства, все к одной и той же цели, не предположив тут постороннего влияния?

Дух иллюминатства в разных его видах и формах заразил наши учебные заведения следующим образом:

1-е. Через возвратившихся из германских университетов наших профессоров, кои, заразясь его язвой сами, вывезли сверх того с собою тетради тамошних преподавателей, которые, переводя и списывая, начали издавать на русском и успели ввести в книги учебные (Куницын – право естественное, Галич – историю систем философских, Лодий – логику, Веланский – о животном магнетизме и пр.).

2-е. Через установленные сношения, по праву университетов, с германскими.

3-е. Через право каждого профессора ввозить и выписывать запрещенные книги.

Книги, самые вредные для веры и правительства, сим средством входят, в университетах читаются и, наконец, то наследованием их, то продажей прочитавших распространяются.

Дух иллюминатства распространен уже у нас на все науки. Я постараюсь указать каким образом, поколикую самая краткая речь мимоходом может сие дозволить (но я не уклоняюсь сим от обличения «схоластического» и самого «подробного» пред профессорами сих самых наук, ежели бы то было нужно).

«История» под именем «прагматической» (имя значительное и по правам его весьма важное), начиная с разных оподлений народа, избранного Богом, до именования злочестивейшего истребителя его Антиоха¹⁴³ – «великим», Ирода¹⁴⁴ – «великим», Иулиана¹⁴⁵ – мудрецом и мужем «добродетельным», представляет главнейшие события мира или в превратном виде, руководствуясь самыми ложными историками, каковы Санхониатон¹⁴⁶ и Берроз, или коварными намеками, потрясая косвенно все основания веры и гражданской нравственности,

воспаляет юные умы ложным представлением благоденствия древних республик, добродетелей их философов, величия их цареубийц и похитителей власти. И молодой человек принимает сию сказку иллюминатства за «историю» на всю жизнь, ибо переучиваться уже ни охоты, ни времени иметь не будет.

«Словесность» пользуется бесчисленными к тому способами ее: в выборе переводов, в задаче сочинений, в критическом разборе древних авторов и, особенно, в примечаниях на них германских классиков.

Самая «математика» так, по-видимому, положительная и сухая, в высшем ее отношении («Небесной механики» Лапласа) представляет одно из разительнейших для молодого воображения явлений: такое строение мира, которое по законам вечным не имеет ни начала, ни конца, ниже нужды в предположении Создателя, иначе как для первоначального и «однократного», так сказать, «толчка» для сообщения только «первого движения» сему вечному и совершенному «механизму»¹⁴⁷.

В «науках естественных, геогнозия¹⁴⁸ и геология», выбирая одну из двух систем, «вулканистов» или «нептунистов»¹⁴⁹, производят землю от огня или от воды по произволу профессора.

Приложение философии «Шеллинговой» к наукам естественным изъясняет, каким образом сочетание сил «гальванической и магнетической», образуясь «само собой» в разные «организмы», благоухает в розе, ревет во льве, летает в орле и — мыслит в человеке!

«Физика», в подкрепление небесному механизму Лапласа и Шеллингову происхождению видимых организмов, раскрывает законы сих двух сил, изъясняя весьма заманчиво все «подмеченное» натуралистами в рассуждении влияния их из полюсов (вот почему так часто и упорно к ним ездят), где они, как бы состав-

ляя концы земной оси, указывают, как миры с помощью их вертятся. Потому-то натуралисты нашего времени, бросив все упражнения положительные, собственно науку их составляющие, так пристально и повсеместно занимаются наблюдениями за протоколами «магнетизма» (речь Гумбольда¹⁵⁰ в нашей Академии и отчет его в Парижской) и за раскапыванием земли для открытия в окаменелостях допотопного мира доказательств, «что человека тогда не было» и что Земля гораздо древнее, нежели выходит то по бытописанию библейскому.

Примечание. Вот почему между другими причинами всемирные съезды натуралистов «в Гейдельберге и Гамбурге» ничего о последствиях своих занятий не объявляют и объявить не могут.

«Науки медицинские», полагая в основании своего материализма «физиологию Прохазки»¹⁵¹ (вероятно, варшавского или виленского профессора), переведенную Виланским, более или менее приближается к философии Шеллинга по мере глубокости познания в ней преподавателей, и все «соединенно» ведут к тому заключению, что организм человека так совершенен, что заключающееся в нем «начало жизненности» (*vis vitalis*) достаточно для полного его действия: «мышления и чувствительности».

«Науки собственно философские» сводят все сии бреды, ложные и пагубные, самого утонченного материализма, в полную теорию, где открыто уже заменяется самый Творец Вселенной «вечным эфиром», из коего все существующее посредством сочетания сего «вечного начала» с началом влажности сотворяется в различные организмы и в который опять все должно обратиться. Сие обоготворение природы, занятое из весьма древней истории «пантеизма», богохульно прикрыто (у Шеллинга) именами Св. Троицы, дабы удобнее подме-

нивало учение христианское в умах недалёковидных, точно так, как делает Вейсгаупт, который изложил все мерзости своей догматики, говорит в одной из высших степеней, что она согласна с учением Спасителя, который приходил «для освобождения человечества от рабства» и проповедовал «равенство».

Примечание. Профессоры, не везде смея преподавать сию философию открыто, поступают таким образом: 1-е. Они указывают ее, предпочтительно, в истории систем философских, распространяясь о ней более, чем о других, в виде догматическом. 2-е. Не помещая всего в тетради своего преподавания, дополняют важнейшее на словах. И 3-е, молодым людям, наиболее пылким и способным, некогда заменить их, указывают они в германских авторах самые источники своих систем и даже дают книги (по незапрещению никаких университетов), в коих система сей философии не только изъяснена в самой обстоятельной подробности, но и прилагается ко всем наукам и даже к теории изящных искусств.

Тогда после сей «философии нравственной» выучится студент видеть в себе не то падшее и преступное существо, которое искупил Спаситель, а совершеннейший организм, «в котором все хорошо».

Даже и самые страсти, кои, как ветры для корабля, для души нужны; а по догматам «права естественного» (Шмальца¹⁵², Куницына и пр.) узнает он, что человек «естественный» совершенно свободен, что господство над ним есть одно «злоупотребление права сильного», что дети должны только «временно повиноваться родителям, чтобы дать воспитать себя», что брак есть только соединение двух лиц разного пола «для произведения детей» — тогда «экономия, теория статистики» и науки финансовой покажут ему.

1-е. Что лица правительственные, духовенство, дворянство, армия – суть классы «не производящие» (трутни общества).

2-е. Что рабство весьма вредно, ибо препятствует успехам труда, промышленности и богатства народного.

3-е. Что личная выгода каждого из лиц, общество составляющих так смышлено, что правительству «как можно менее должно вмешиваться в дела ее», ограничиваясь только открытием ей удобных путей, сухопутных и водных, для свободного движения.

4-е. Что есть религии более или менее выгодные для умножения народонаселения (с указанием на вред от одного от монастырей).

Но, не смея обременять далее внимание августейшего моего читателя сими схоластическими рассуждениями в отношении «к науке прав» теоретического и положительного, я сокращу сию статью, поспешая к главной ее цели – заключению о студенте, выслушавшем полный университетский курс в сем смысле и принужденном вступить в юнкера или в училища подпрапорщиков. Что будет удивительного, ежели он, при первом случае, соединится с мятежниками и даже, что можно найти преступного (не говоря о несчастной необходимости карать для примера) в таких поступках молодого человека, кои не что иное, как самое логическое и правильное последствие начал, данных ему публичным воспитанием от его правительства? Ибо он не мог не знать, что наставники его, нося мундир его правительства, питая хлебом его свои семейства, получая от него права, знаки отличия доблестей гражданских, смели злоупотреблять его благодеяниями и, по невниманию или по невежеству ближайших к ним начальств, «всеми» учили его превратно.

При сем положении классического иллюминатства на что еще тайные общества, приемы, присяги, испыта-

ния? Содержимая на иждивении самого правительства ложась под именем просвещения образует в своем смысле от 20 до 30 000 ежегодно такого нового поколения, которое, через два или три года, готово действовать пером и шпагой, а в течение каждого десятилетия усиливает несколькимистами тысяч тот грозный и невидимый легион иллюминатов, которого члены, действуя в его видах и совокупно, и отдельно, и даже попадаясь правительству на самых злодеяниях, ничего открыть и показать не могут, ибо точно ни к какому тайному обществу не принадлежат и никаких особенных вождей не знают (такова, поистине, философская история нашего мятежа 1825 года). Каждый такой воспитанник, через десять или пятнадцать лет по выходе его из университета, может предводительствовать полком или иметь влияние на дела высших государственных мест и сословий.

Вот почему в указе 6 августа 1809 года для экзамена гражданских чиновников требуется условием *sine qua non* изучение «естественного права», ибо сим средством 1-е: преградилась тотчас дорога к дальнейшему повышению всем титулярным и коллежским советникам, в академическом заговоре не бывшим, а просто служившим своему государю по присяге и по наследственному чувству усердия преданности, ибо все они, как ныне через 20 только лет уже и вышло, нашлись подчиненными тем неопытным по службе юношам, которые вместо заслуг и труда приносят под видом и именем просвещения отвращение и ненависть к отечественной законности и преступные мечтания либерализма. И сие неприязненное правительству поколение ищет обложить его так, чтобы ни один голос, ему противный, не мог к нему проникнуть.

Много важного прехожу я здесь в молчании, дабы не выступить за предел сделанных мне вопросов.

Воинственный дух студентов и профессоров, который видели мы в самых последних происшествиях в Польше¹⁵³, перешел к ним из Германии, а там весьма естественно водворился с 1814-го и 15-го годов, когда университеты, как члены Тугендбунда, в виде политического сословия по приглашению правительств, прельщавших их защитой любезной им свободы, обещаниями «свободы» политической, подвиглись, по голосу невидимого дотоле начальника их Штейна, в громаде «ландштурма». Когда потом с воспоминанием, как видели они знамена и пушки непобедимых прежде наполеоновых легионов в руках своих героев, как товарищи их легли на поле чести; когда, говорю, с сими воспоминаниями возвратились они на скамьи и кафедры своих университетов и узнали, что надежды их обмануты, что кровь друзей и братьев их не только пролита «для них» бесполезно, но и за такую систему, которая по разуму и чувству всегда была для них ненавистной, — тогда составили они немедленно свой адский «союз царевбийц» (Wartbourg), стали петь неизвестно кем сочиненную кровавую песнь: *drei und dreizig oder mehr* (обрекавшую тридцать трех государей и министров Европы на убийство) и начали все прочие неистовства свои, начиная с Занда¹⁵⁴.

Таков ныне, действительно, дух сих заведений, приостановивших только злодеяния частные в надежде на общественные, при бунтах и мятежах народных, возбуждаемых главными начальниками иллюминатов.

Свободные и частные сношения с Германией, как перепиской, так и переездами разных лиц туда и оттуда, равно как и самое местное удаление Дерптского университета от всех центров полиции, призывают на него особенное внимание правительства, особливо, если положено, как я слышал, довершить в нем образование лучших

кандидатов прочих наших университетов. Сия мысль несет на себе знакомую печать.

В числе важнейших причин, способствующих укоренению опасных начал в наших учебных заведениях, есть недостаток общего за ними надзора людей, в сем предмете сведущих, ибо академическое иллюминатство так утончено и столь осторожно сокрыто под терминологией наук, что никакая полиция подстеречь его не может. Главное же правление училищ, хотя бы и было оно составлено из лиц неблагоприятствующих иллюминатству и во всех его уловках сведущих (чего бы я утвердить никак не взялся), то и тогда не может видеть всех дел просвещения в совокупности, а департамент министра, составленный из людей, не совсем в сем отношении надежных и с давнего времени в запутанности сего управления участвующих, ограничиваясь своего рода подъячеством, покровительствует места и лица, ему приятные, ведет своего рода интриги и не может иметь ни выгоды, ни цели обличать в заведениях, так давно ему подведомственных – самого себя. А за сим кто же может видеть весь ход и «направление» сей части управления, едва ли не самаважнейшей?

Духовные академии не могли ни избежать духа времени, ни принять его так открыто, как светские.

Иллюминаты духовные действовали, однако же, на них тем усиленнее, чем медленнее и осторожнее.

Мартинизм и масонство имели у них свой период. Время торжества духовного иллюминатства ознаменовалось первым преобразованием духовных академий. Но тогда введены только в них излишние науки, усилена философия и выпущены из духовного воспитания необходимые для него предметы: основательное изучение правил церковных, познание обрядового порядка и надзор за нравственностью учеников. Сие пригото-

вительное распоряжение имело свою цель и принесло ожидаемый плод. При воцарении методизма довершено сие дело: вышло новое преобразование духовных академий и училищ по системе так обдуманной и всеобъемлющей, что духовенство нового духа составило уже особую касту от того, к которому принадлежали наши древние Филареты, Гермогены и Сергии¹⁵⁵; касту, которая отличалась наименованиями, Церкви дотоле чуждыми: «докторов и магистров» и даже неся наружные знаки сих прозвищ, состоящие, между прочим, в крестах (магистров), кои в первый раз народ наш увидел на груди своих священников, «без изображения Распятого Спасителя»; касту, которой существование упрочено огромнейшим капиталом, коим обеспечиваются ее пенсии, сверх доходнейших мест, по праву ей предоставленных, преимущественно перед заслуженным и благочестивым священством прежнего духа.

Вместе с тем по мере, как усиливалось философствование нашего духовенства, ослаблялась положительность православного учения. Журнал невской академии («Христианское чтение») вмещает многие статьи из книг методистов и сектаторов с разными их чудесностями, без всякой закрышки в нем напечатанные, наряду с извлечениями из Златоуста, Василия Великого и пр.

В комиссии духовных училищ сидел тогда Галахов, ученик Татариновой, а духовный иллюминатор Ястребцов был правителем дел ее.

Давно гонимый за смелое обличение сего духовного образования, учитель невской академии, священник Кочетов¹⁵⁶, знает весь ход и ухищрения сего зла совершенно.

Однако же, как ни очевиден вред сей из теоретического его рассмотрения, но, чтобы постигнуть все его пространство, надобно видеть магистров духовных на-

ших академий, как мне то случилось, в сердце России, среди большого селения симбирских, нижегородских или воронежских крестьян. Смело можно сказать, что расколы усиливаются именно от того, что сие духовенство, совершенно иностранное народу, не удовлетворяет его духовной потребности во всей простоте и доступности истинной веры отцов его. Вожди раскольников сим пользуются, как то будет показано в IV записке, и вера народа получает кривое и опасное направление.

II.

Об иллюминатстве литературном

О книгах

Полный каталог книг русских, разобранный со вниманием, представляет весь поток иллюминатства, литературу нашу наводнившего от Вольтерова Кандида¹⁵⁷ до Мартына Задеки¹⁵⁸. В нем можно разделить погодно, как бы полосы различных периодов духа времени, много видных форм иллюминатства, искавшего действовать на разные состояния нашей Империи.

В актах министерства просвещения должно находиться представление казанского попечителя (1824 или 1825 года) с полной фальсификацией всех вредных и опасных русских книг.

О журналах

Надобно только прочесть классические рассуждения о сем предмете ораторов французской камеры, когда шло дело об установлении цензуры, чтобы проникнуться убеждением, что журналы и газеты успешнее всего

действуют на умы с помощью самых косвенных внушений простого сближения некоторых происшествий, приличной обстоятельствам исторической выписки, молчания о чем-нибудь, всех занимающем, руководят общественное мнение.

Мы видели в последнюю Французскую революцию силу газетчиков.

У нас дух их особенно приметен ныне по молчанию их о таких предметах, о коих, в настоящих обстоятельствах, им бы непременно говорить надобно; и действительно, какая материя может быть обильнее для дарования, для всех родов красноречия и поэзии, как не защита святого дела законности, особливо когда самые лица, о коих должна идти речь, по высоким их характерам, по великим, именно в сем деле, подвигам, предоставляют образцы столь изящные? Перед какой Медузой¹⁵⁹ окаменели наши авторы и журналисты? Каким трудом благороднейшим займутся они для пользы Отечества?

Негодование на них в сем случае приводит на мысль слово Наполеона о Сиесе: «Молчание этого человека есть заговор».

V.

<4)> Об иллюминатстве народном

28 апреля 1831 г. Ревель.

Неоднократно испытал я на себе, как после многолетнего и пристального изучения России на четырех, почти противоположных, концах ее обманчива и увлекательна в сем отношении «оптика петербургская». Наружное сходство всего, что там видишь, с тем, что привыкаешь думать, что «это Россия», и обман сей не прежде, как

в Москве рассеивается совершенно. Сравнение Петербурга с Россией так же справедливо, как сравнение гвардии с заштатной командой уездного города.

Но в замену сего недостатка, наружной образованности, добрый и верный Богу и царю народ наш отделен по счастью от Европы, как медной стеной, – верой, языком, климатом, пищей и всеми своими обычаями и привычками. Как не старались сделать его в иллюминатском смысле «европейским» – прошло более полувека, и сие не удалось. «Провидение как бы сберегает на что-то» сей новоизбранный свой Израиль, подобно древнему, невредимым, посреди отпадающих от него и мятущихся народов. Но, не осмеливаясь проникать в недоступные судьбы Божии, мы обязаны видеть предмет сей в его человеческих только отношениях: «политики благоустройства, и потому я приступаю к обозрению его, с одной сей точки зрения.

Добрый народ наш портят:

1) мелкое и вновь облагораживаемое чинами дворянство; 2) низких классов, отставные и выбрасываемые из служб военной и гражданской, чиновники; 3) расколы.

Мелкое и вновь облагораживаемое чинами дворянство, владея из 11 мил[лионов] крепостных крестьян, по крайней мере, половиной и держа при себе несоразмерное число дворовых людей, колебля его веру, по близкой к нему, в деревнях, жизни, примером своего неуважения к ее уставам и обрядам, то есть видя в сем отношении, как насмотрелись в высших состояниях, а дворовые люди, слепо ему подражая, доводят соблазн сей и до крестьян, «*en faisant devant eux les esprits forts*»¹⁶⁰.

Сверх того, все то, что дурного и возмутительно-го знает сей мелкий класс дворянства, понаслышке и из чтения довольно обильных для сего на нашем языке книг, рассказывает в обыкновенном разговоре за сто-

лом, при множестве обыкновенно стоящих тут слуг, по-русски и распространяет тем самые вредные понятия о религии и правительстве, весьма неумышленно и даже не заботясь о том, что проповедует таким образом против самого себя.

Между тем домашняя челядь сия, утесняемая дурным ее содержанием, и разными притязаниями к ней, и жестокостью, и самым гнусным развратом некоторых владельцев, ищет улучшить состояние свое хитростью, обманами, кражей и, совершенно теряя от того последнюю нравственность (что можно видеть из многих уголовных дел, как мне то случалось), составляет развратнейший класс, по крайней мере, «около двух миллионов».

Сей класс есть совершенная чума народа, ибо под именем управителей, дворецких, приказчиков и конторщиков управляет большими его массами.

Дворовые люди точно так, в малом виде, имеют свое влияние на деревни и волости, как двор на столицы.

Отставные грамотные офицеры, солдаты и приказные, часто из службы только с аттестатами выгнанные, волнуют умы крестьян, пишут им жалобы и просьбы и образуют из них, так называемых в некоторых губерниях, не знаю почему, «капитанов», а в других «мироедов», которые не только служат земской полицией для незаконных ее сборов, но и затевают, для удобнейшего обирания крестьян, непрестанно новые дела, собирают деньги на хождение за ними в Москве и в Петербурге и оттуда, по своим видам, пишут к ним самые нелепые известия. Этот класс держит простой народ в том заблуждении, «что до Бога высоко, а до царя далеко» и что правосудия никак найти нельзя иначе, «как за деньги».

Переходящие из сего класса отставных из одной губернии в другую очень вредны; ибо сверх обкрады-

вания народа, на счет которого они живут, могут они быть употреблены, как сильное орудие к его волнению, самыми нелепыми слухами. Я видел пример тому в 1824 г. Вдруг в нескольких из внутренних губерний пронесся слух от каких-то прохожих, что крестьяне вызываются «указом» к переселению «на реку Дарью», где стоит серебряный столб с надписью: «Вольность». Тысячи помещичьих крестьян из губерний Пензенской, Симбирской, Саратовской и прочих забрали жен и детей и, бросив все свое имущество, пошли к границам Бухарии¹⁶¹. Я видел своими глазами, объезжая Казанский учебный округ, сие неслыханное и шумное переселение, преследование ушедших военными командами и возвращение их большими толпами, изнуренными усталостью, голодом и стужей. Не знаю, было ли обращено должное внимание на источник сего «важного», по моему мнению, происшествия; но мне тогда по рассмотрению его на самых местах, по расспросам у разных губернаторов и по разговору с переселявшимися, показалось оно какой-то пробой народных волнений, в национальном вкусе испытанной, и по несчастью я не ошибся – оно предвещало бурю.

Происшествие сие показывает, каким образом иллюминатское общество, овладев высшими классами с помощью средств, в предшествовавших записках мной изложенных, может, не дожидаясь «систематического развращения» нашей народной массы, средствами самыми легкими и дешевыми двигать ее для занятия правительства и войск в нужную ему пору, например, во время рекрутского набора, когда он к спеху надобен, совсем «иными приемами», нежели мнутяся им другие народы. Слово «вольница» заменяет у нас «конституцию». Нелепая вера в разных самозванцев и даже Пугачева изъясняет удобство сих волнений.

В сем же смысле «расколы» заслуживают особенное внимание, ибо они:

1-е. Состоят из огромной массы крестьян, ведомых самыми из них бойкими и коварными в ненависти к господствующей Церкви и к правительству, с ней нераздельному и которого высокие особы наравне со всеми прочими «несторианцами» представляются в ее понятиях «слугами антихриста и погаными».

2-е. Враждебное Церкви и правительству сие царство, в империи образовавшееся (его полагают в 3 миллиона), имеет центральное свое управление и главных начальников в Екатеринбурге, в Перми, в Оренбурге и Сибири и действует распространением своих «скитов» (огромнейших и богатых монастырей) на такие губернии, где надзор наименее пристален, а подкуп удобнее. Имея огромные капиталы в своих руках, ибо завладело уже многими ветвями торговли, и особенно поставками и подрядами, в коих имеет случай лакомить чиновников правительства, оно держит постоянных агентов в Петербурге, кои в том месте, которому дела раскольниковы вверены, выхаживают общие в пользу постановления и отвращают все для них невыгодное. Из общих постановлений приведу несколько примеров.

1-е. Внезапное отделение дел раскольниковых из Синода к Министерству внутренних дел.

Сие распоряжение было весьма важным для раскольников, ибо министерство, предположив даже его и не подверженных их влияниям (за что я не поручусь), не может ни знать их учения, ни предупреждать всех уловок и поползновений их к распространению своих обществ, как знает и может то делать духовная власть. Сверх того министерство действует в их делах по различным мнениям и убеждению; а Синод по правилу постоянному, по долгу и званию.

Из сего произошел великий вред, ибо как скоро дела раскольничьи сделались чуждыми духовной «высшей» власти, то и власть епархиальная от них отстранилась; а они дерзость новых к себе обращений тем с большим успехом усилили, что мелкие местные полиции у них до такой степени на откуп, что не только надзора за ними нет, но и высшее правительство лишено всякого «положительного сведения» о сем опасном для него «народном иллюминатстве». И от того теперь все строжайшие его секретные предписания, в рассуждении не только обуздания расколов, но и сведения о числе и роде их, равно как о числе лиц их составляющих, приходя окончательно к низшим полицейским исполнителям, кои давно ими закуплены, или остаются без действия, или оканчиваются составлением самых поверхностных и часто лживых донесений, кои без сличения их со сведениями положительными духовных начальств, знающих поименно всех чуждающихся Церкви и врагов ее, остаются без проверки и потому составляют совершенно обманчивое основание для общих заключений верховной власти.

Между тем вспомнить надобно, что духовные заблуждения черни не могут не вводить ее и в самые грубые заблуждения политические. Нужно вспомнить бунты раскольников против Петра Великого, бунты запорожцев, Пугачева, выпущенного из тюрьмы казанской раскольниками и, наконец, в недавнем времени (1824 год) казака Котельникова¹⁶², который, «имея сто тысяч сектаторов», готовых на Дону поднять по слову его оружие, будучи в руках правительства, в кабинете графа Аракчеева, заставил замолчать митрополита, оспорив его коварством и пылкостью своего ума; умел обмануть своим лицемерием всех, говоривших с ним духовных, сыграл обращение к Церкви, так ловко перейдя через все строгие искусы духовной власти, что

награжден щедро от государя и, будучи послан обращать своих единомышленников, между тем как самыми умными и чувствительными письмами усыплял высшее правительство, распространял свою ересь, воспаляя от часа сильнее умы своей дружины, доколе снова не был взят и заключен в монастырь. Чего не может сделать и предпринять подобная голова? Чего не могли бы сделать с подобными средствами иллюминаты, ежели бы они их знали? Я потому привел в пример сего Котельникова, что был почти очевидным свидетелем всего о нем дела и что он, действительно, есть феномен, в сем роде классический, ибо, соединяя с умом необычайно быстрым глубокие познания, кои почерпнул он в одной из книг, нашими духовными иллюминатами изданных (Ястребцова), он прошел далее на сем учении, основал свою секту и, прельстив ею множество людей сверхдуховной весьма замысловатой теорией, осмелился угрожать высших правительственных и духовных лиц, его допрашивавших, «сверхъестественными своими силами» так решительно, что привел их, как меня уверяли, в трепет. В деле о нем все сии обстоятельства должны находиться. Оно, кажется, производилось в Собственной канцелярии его величества.

В царствование либеральных у нас идей, при начале текущего столетия, был послан сенатор Лопухин (Ив. Вл., описанный мной иллюминат) по какому-то делу духоворцев, которое должно находиться в Министерстве внутренних дел, и великие им оказал «по единомыслию» услуги.

Во время духовного у нас иллюминатства Попов был известным покровителем раскольников, и особливо духоворцев, русских квакеров.

Во времена сии много выходило тайных и публичных повелений, потворствующих расколам; но меня уве-

ряли, я сам не читал, что данный «на имя Бланжерона указ», едва ли не по Министерству духовных дел о раскольниках, есть самое примечательное в сем роде постановление. Здесь должно указать и то, которое запрещает духовному начальству преследовать беглых к раскольникам священников, кои после того открыто служат в церквях их, в самых местопребываниях архиереев той господствующей Церкви, которой алтари они бросили и священные обеты попрали.

Я укажу нынешнего тверского архиепископа Амвросия¹⁶³ как самого по уму знающего в сем деле; а по сердцу и правилам самого удаленного от всякого рода гонений за веру.

Обер-прокурор Синода, князь Мещерский¹⁶⁴, весьма хорошо знает сию часть и весь исторический ее ход, во времена мной указанные, ежели, устранив «дворские опасения»¹⁶⁵ природной робости, захочет или, лучше сказать, «решится» говорить искренно.

Раскольники наши сверх политической и неизбежной от них опасности обращают на себя внимание и потому, что скиты и монастыри их служат убежищем всем людям беспаспортным и даже беглым преступникам. Многие из богатейших их фабрикантов делают из заведений своих притон сего рода людям; а полиция, живущая у них на жалованьи, не только о сем не доносит, но даже предваряет их, когда то нужно, для осторожности.

Человек, большую услугу оказавший разным самым вредным их сектам, около Москвы, есть Витберг, бывший архитектором при сооружении большого храма на Воробьевых горах¹⁶⁶. Будучи давнишним масоном и как строитель здания совершенно «символического в смысле духовного иллюминатства», он был весьма сильно покровительствуем и потому, под видом особой для сего строения комиссии, действовал полномочно, особливо в

приискании тех недвижимых имений, кои должно было купить для сей церкви. Он, по просьбам и подкупам раскольников, скупал целые их волости и так явно для укрытия их от полиции губернской и даже некоторых уже присужденных наказаний по Уголовному суду, что дела, производившиеся о них в уголовной палате, были вопреки нашим законам отданы вместо Сената, куда поступить должныствовали, на заключение члена сей строительной комиссии, московского тогда архиепископа, и по мнению его вершились весьма снисходительно (я помню одно подобное дело по Владимирской губернии, прочие, ему подобные, можно найти в бумагах сей комиссии).

Евреи имеют также свои опасные ереси. Они так ужесточены и упорны против христианства потому особенно, что вместо чтения, как «в положительной их религии» требуется, подлинных книг Закона Божьего они никогда их не читают, и читать их не могут, ибо:

1. Классического еврейского языка не знают, точно так, как народ нынешней Греции не знает языка Илиады.

2. Древние их раввины толкованиями своими на всю Библию исказили смысл так ясных о Христе пророчеств ложными преданиями своих кабалистов и разными магическими толкованиями. Для ученых составили они два Талмуда: «Вавилонский» и «Иерусалимский». Новейшие раввины и нынешние учителя народа, пользуясь неизвестностью еврейского языка, издают под видом книг молитвенных разные возмутительные против народов и правительств христианских, особенно изъясняя, как меня уверял один знаток в сем языке, что «обманывать христиан и вредить им есть дело богоугодное».

Книги сии, вывозимые и выписываемые без «должного» рассмотрения из-за границы, наводняют те наши губернии, кои населены жидами, и потому образуют и у них иллюминатство особенного характера.

Лютеранская церковь Остзейских наших провинций¹⁶⁷ обуревается в сем отношении злом особенного рода: духовенство ее, образуемое по большей части в университетах германских, принуждено будучи скрывать свой истинный образ мыслей о христианстве, избегает сколько можно говорить о его смысле, против внутреннего убеждения и потому наполняет все свои проповеди такого рода «сухой и языческой» моралью, которая никак не может удовлетворять набожности людей, требующих духовной, «христианской» пищи. От того происходят два зла: 1) люди, ищущие только предлога или извинения чуждаться Церкви, совсем ее оставляют и 2) те, которые искренне негодуют на сие изменение «положительного их исповедания», идут искать духовности в молитвенных домах «гернгутеров», о коих ниже будет говорено подробнее. И сие не только происходит в церквях, где проповедуется на немецком языке, но даже и там, где собирается народ для слушания их на «эстском». Таким образом крестят, женят, приобщают и хоронят «по необходимости» в церквях положительного исповедания; а молятся, люди набожные, у своих раскольников (т. е. у гернгутеров).

«Гернгут» основан одним из известнейших иллиуминатов, графом Цинцендорфом. Он воспет и прославлен «истинной церковью» всеми духовными иллиуминатами Германии, из которых главнейший, Штиллинг, в своем изъяснении на апокалипсис («Победная повесть», перевод Лабзина) нашел в нем несомненное доказательство, что церковь сия есть именно та, в которой воцарится Господь, когда, по ожиданию германских и наших millenaries¹⁶⁸ придет Он царствовать на земли со всеми избранными. Общество сие постоянно сохраняло своих высших, невидимых вождей и свои степени. В молитвенных домах их, в губерниях немецких, делается сие

так: все собираются и садятся вместе; проповедник, постоянный или приезжий из Гернгута (ибо их апостолы постоянно объезжают церкви свои во всех странах Европы и наши колонии, и Остзейские губернии) проповедует на языке народном, потом объявляет, чтобы народ вышел, а те, которые хотят слышать проповедь немецкую (т. е. высшее общество из дворян и купечества), остались. Обе проповеди сии бывают обыкновенно хороши по их трогательности и простоте христианской, которая весьма старательно соблюдается в наружности и языке проповедника. Когда последняя кончится, все выходят — и народ, и amis¹⁶⁹, остаются одни intimes¹⁷⁰, то есть положительные гернгутеры обоих полов, и тогда начинается настоящая ложа, тайная, с затворенными дверями; что там говорится никому неизвестно, кроме членов присяжных. В России средоточия сего общества находятся во всех колониях, и особливо в Саратовских, Новороссийских и в Бесарабии; а в Петербурге главный центр в доме гернгутеров, где и английские методисты проповедовали тоже.

Лица, особенно важные, принимаются агентами гернгутеров на дому. Здесь и в Лифляндии¹⁷¹ секта сия весьма усиливается. Разные значащие люди из дворянства в нее уже вошли.

В здешних губерниях, особенно в народе, может она иметь следующую опасность: здесь дворянство другой нации, нежели народ, оба помнят, что одно — «завоеватель», а другой — «завоеванный»; ежели народ и по религии своей будет видеть в дворянстве общество, вере его ненавистное (как всякая «положительная церковь» для своего раскола), то при малейшем внешнем побуждении иллюминатов могут когда-либо произойти беспорядки, для коих в «нынешнее время» не бывает недостатка в предлоге.

Впрочем, Эстляндия, в которую из Новгородской еще республики ездили вопрошать волхвов, весьма обилует, как и некоторые из русских губерний (Архангельская, Симбирская, Казанская, Сибирские и пр.), тем родом обаятелей, которые известны под именем «ворожеев» и много делают в простом народе вреда своими лечениями, порчами и особливо «вытравливанием младенцев». Они имеют какое-то предание, передаваемое с большими осторожностями и состоящее в действительном познании весьма чудных свойств разных естественных произведений: трав, курений и пр., в ученом мире неизвестных. Сей класс народа, по чрезвычайной к нему вере простолюдинов, весьма может, при случае, быть сильным орудием секты, ибо и в иллюминатстве, и у Розенкрейцеров есть своя степень *de Mage*¹⁷², и Эккартсгаузен писал, переведенное на наш язык Лабзинным, магическое сочинение под названием «Ключ к тайнствам природы». Так замыкается, двумя крайними оконечностями сей черты, обширный круг иллюминатства в бесчисленных его видах, к одной и той же цели направленного.

VI.

3 марта 1831 г. Ревель.

Государь Всемиловейший!

Поднося у сего последнюю записку по делу, которое Вашему Императорскому Величеству угодно было поручить мне, и исполнив сим высочайшую волю, по лучшему моему разумению, по совести и присяге, священнойшим почитаю долгом принести вам, Государь Всемиловейший, самую сердечную, самую глубокую благодарность за случай, который вы мне даровать благоволили для доказательства беспредельной пре-

данности моей к особе Вашего Величества и ко всему августейшему вашему дому.

Истинно, государь, по первому велению Вашего Величества истребил я, нетрепетной рукой, за собой мост и с неограниченным самопреданием все тайные помышления и чувства сердца моего, судьбу мою и всего семейства моего вверил одному вам!

Я не имел, государь, жертвы великодушия вашего достойнейшей. С глубочайшим благоговением есмь, Всемиловитейший Государь, Вашего Императорского Величества вернейший и преданнейший подданный Михаил Магницкий.

Заключение

Заключение сие по числу главных предметов, в предшествовавших ему записках содержащихся, будет разделено, равным образом, на четыре степени: 1-я, об «иллюминатстве политическом», 2-я, о «духовном», 3-я, об «академическом» и, 4-я, о «народном».

I.

Об иллюминатстве политическом

Потеряв все способы наблюдения за ним в продолжение нескольких лет и особливо найдя неуместным сноситься в сие время письменно с людьми благонамеренными, кои могут ближе меня его видеть, я ничего новейшего о нем не знаю теперь, иначе как «по знакомым мне» отголоскам литературы и по молчанию ее о некоторых предметах — «исключительно». Отголоски и особенно появление некоторых на нашем языке книг (сочинения фон-Визина¹⁷³ и «Логика» Галича), ко-

торые, по весьма основательным уважениям, не смели появиться в течение шестнадцати лет, заставляют заключать, что цензура приняла новый характер, который или либо чем руководствуется, или попускается; всего же вероятнее кажется, что выбором людей, по сей части, управляет постороннее влияние.

Впрочем, не вдаваясь далее в сии гадательные суждения, можно идти к нужным заключениям от оснований положительных: акты парламентов и правительств, многие благонамеренные писатели и самые события политические неоспоримо доказывают, что иллюминатство во Франции и Англии превратило уже самые правительства сих государств в ложу, которая, разоблачая понемногу власть верховную и Церковь ежедневно, оттого только приняла сей медленный образ действия к их разрушению, что надеется «из-за них», так сказать, распространить его на всю Европу и действительно быстро и верно в том успевает, как мы то видим в течение полугода.

Из 180 миллионов европейцев, с их союзниками и владениями в Азии, до 342 миллионов простирающихся, около 100 миллионов на стороне законности. Талейран и Веллингтон¹⁷⁴ стоят у руля замышленного ими всемирного переворота, сего торжества иллюминатства под именем «представительных правительств», кои не что иное суть как учрежденная призраком закона непрестанная борьба страстей целой массы черни с державной властью, непрестанное поругание «сего второго величества Божия» – «узаконенный бунт».

Весьма естественно, что то государство, которое в числе сих 100 миллионов, едва ли «без исключения», совершенно надежных оборонителей законности заключает одно 45 миллионов, для коих благотворное самодержавие его царей утверждено на вере, на наследственной,

из рода в род, любви к такому царствующему дому, который, по славе всех род для России приобретенной, вышел для каждого русского «его отечеством» и без коего нет и не может быть «отдельного отечества»; естественно, говоря, что такое государство, страшный исполин нравственной его силой, святостью его начал, защитой Божьей в деле правом, должно в наше время обратить на себя все злоумышления воцарившегося бунта. Бунт сей, имея цель всемирную, не может иметь главным предметом злодеяний личных, кои нужны ему тогда только, когда общий переворот государства, в его смысле, созреет, и посему доселе полагать должно, что действия его на Россию могут быть только двух родов.

1-е, «политическое», то есть ослабление ее в силе союзов, занятие соседственными войнами, местными мятежами, ухищрениями для подрыва или искажения ее «кредитной системы», и

2-е, *Sa demoralisation Politique*¹⁷⁵. Для того и другого, кроме действий внешних, до моего предмета только побочно касающихся, нужно иллюминатам установить с ней сколько можно ближайшее сношение.

Сношение сие могут они иметь:

а) Через литературу, и особенно через книги в учебные места, невзирая на запрещение их, к выписке и вывозу дозволенные, и те, кои, сколько судить можно по удобству их приобретения в портах, «не иначе как по открытии навигации», должны провозиться шкиперами под видом их собственных.

Примечание. Открытие сего последнего особенно было бы важно для узнавания тех лиц, кои выписыванием сего ядовитого товара промышляют. Главный центр сей торговли должен быть в Риге. Говорят, что и в Петербурге возмутительные песни *Beranger*¹⁷⁶ покупать было можно, но только стереотипного издания, вероятно для

удобнейшей укладки при провозе, и за необъятно дорогую цену. В Риге же цена довольно умеренная доказывает, что провоз обилен.

б) Через разъезжающих под разными видами адептов и нарочных. Люди сего рода в Россию проезжать по большей части могут под именем приказчиков торговых домов, от коих и действительно, для закрытия себя, легко иметь им некоторые поручения на закупку наших произведений и проч., ибо ныне капиталы всей Европы приведены уже в руки жидов (четыре брата Ротшильды), и большая их масса в расположении самого важного иллюмината Лафита¹⁷⁷. Цель сих комиссионеров может состоять в разных сообщениях, кои могут они привозить адептам общества их в России и обратно отвозить словесно сообщаемые от них сведения; равно как и в собрании, о состоянии России вообще, положительных известий.

с) Через выезжающих к нам, без благонадежного ручательства наших миссий, иностранцев разного рода.

II.

Об иллюминатстве духовном

Мне кажется, поколику может сие быть видно издали, союз сего иллюминатства нанесенными ему ударами в 1824 году¹⁷⁸ до того ослаблен, что, не имея ни силы, ни способов к систематическому ныне действию, таится он в малочисленной связи нескольких лиц, кои не что иное, как косвенное влияние на дела, политическим значением некоторых из них, иметь могут.

Феслер прибыл в Петербург в мое отсутствие, и ежели имел какое участие в деле о «реформатских церквах», то, вероятно, «под рукой», и сие, ежели было, заслуживает «особенное внимание».

Не зная, впрочем, ничего о сем предмете, кроме весьма сбивчивых и неверных слухов, я не могу судить о нем. Посему и в предшествовавших моих записках указал я несколько совершенно знающих в сем предмете лиц; они суть: Тверской архиепископ Амвросий, князь Мещерский и священник Кочетов.

III.

Об иллюминатстве академическом

Не имея присовокупить ничего существенного о сем иллюминатстве, кроме некоторых подробностей, ко всему, что раскрыл я в предшествовавших моих записках, я почитаю нужным сказать здесь, что сие иллюминатство чрезвычайно усилилось; но как, при подробнейшем изъяснении сего заключения, не могу я избежать речи о предметах, лично до меня касающихся; то дабы ни мало не смешивать сего «частного», так сказать, предмета с «общим», я принужден, по самым частным побуждениям, отклонить раскрытие его до нового повеления, ежели бы почлось оно когда-либо нужным.

Университеты Виленский и Дерптский в сем усилении академического иллюминатства особенно сделали большие успехи.

Оно укрепилось в центре учебного управления уничтожением всякого противодействия и выгодным для него размещением людей.

В польских губерниях особенно, доколе тамошнее духовенство не освободится по всей учебной его части от опасного на него влияния Виленского университета, не может быть доброго духа в классе учащегося народа, и сей край, сопредельный с губерниями российскими, может быть весьма вредным для нас проводником.

Живя в такое время, когда не только крупные перемены, но и самые добрые уновления не безвредны, великая потребна осмотрительность для истребления сего важного зла, подъядающего корень империи, без потрясений, без преследования лиц, одним потреблением «ядовитости» наук и злоумышления; ибо действительно заблуждение людей более жалостно, нежели преступно; а науки, как прекраснейшие цветы в природе, издают животворный газ при сиянии солнца правды, и газ смертоносный – во тьме нечестия.

IV.

Об иллюминатстве народном

Сие последнее зло, по самому закону всякого не останавливаемого зла, весьма усилилось; но вообще в России ошибочно было бы думать, что зло самое древнее и укоренившееся также трудно истребить, как инде¹⁷⁹. Правительство наше, по счастью, так сильно, что не только его распоряжения, но и самый оборот его образа мыслей имеет величайшее влияние на общее мнение, и посему всегда может оно располагать столь огромной нравственной силой, как некоторое из других правительств не имеет; и все доброе и полезное у нас гораздо легче, нежели злое и вредное, тем более что ныне, в сие время всеобщего потрясения, перемен и колебаний, ничего не нужно, кроме противоположного им и, так сказать, отрицательного действия, одним систематическим охранением незыблемой «положительности» и «законности».

Я не могу окончить сей статьи, не отдав справедливости отличному духу нашего воинства. Сей цвет России, преданный Богу и Царю, не знающий ни нужд,

ни страха, как непреодолимый оплот, поражает ужасом мятежные народы и вождей их. Надобно было видеть, с каким духом готовился к выступлению отсюда Суворовский полк!¹⁸⁰ — с каким восторгом офицеры переписывали приказ, при сем случае изданный, носили на себе и читали своим знакомым! Кто взвесит сию нравственную силу нашего правительства? Каким образом исчислить, сколько тысяч заменить может один энтузиазм сей славной и доблестной дружины к Царю-Товарищу в боях и опасности, к Царю-Отцу и благодетелю жен и детей ее?

Наконец, можно сказать утвердительно, что все многолетнее зло, от иллюминатства к нам привитое, как ни кажется оно обширным по объему его, ничто пред волей правительства, как скоро оно его видит и захочет подвинуть все пружины нравственной силы 45 миллионов во всемогущей руке его для блага империи и всего человечества вмещенные.

ВЗГЛЯД НА МИРОЗДАНИЕ

НАУКИ

Дума 1

В творениях руку Твоею поучахся

(Пс 142: 5)

С лишком две тысячи лет тому назад в Греции жил человек, которому приходила на мысль подобная же Дума и который также рассказывал ее в простой поговорке своим соотечественникам. То был Эвдоксий, ученик и друг пифагорейца Архита Тарентского¹. Он вывез из Египта, где был введен в таинства тамошних жрецов, первое познание о движении планет. Из числа многих

его творений, до нас не дошедших, почти сто лет после него (270 л. до Р. Х.) Арат Сикилийский, по повелению Антигона, царя Македонии, преложил в стихи книгу Эвдоксия о течении тел небесных. Стихотворение сие переведено на латинский язык Цицероном, Овидием, Германиком, Авиеном². Апостол Павел упоминает о греческом его подлиннике в проповеди своей перед Ареопагом³. Первоначальную книгу Эвдоксия читали в Афинах за 369 лет до Р. Х.; то был род Уранографии (Небоописания), в которой, избежав не только вычислений, но и астрономической терминологии, рассказал он всю тогдашнюю астрономию таким простым и легким слогом, что не только люди светские, но даже и дамы афинские читали ее с удовольствием. Эвдоксий был Фонтенель⁴ тогдашнего Парижа (Афин). С тех пор, в течение двадцати веков, естественно все переменялось: астрономия уже не та, которую довольно легко было рассказать ученику Архита. Она шла исполинским шагом. Великий учитель Великого Александра, Аристотель, Эратосфен, Архимед, Гиппарх, последний астроном до Р. Х., Птоломей⁵, первый историк дорожественской астрономии, передали ее, со всеми своими усовершенствиями, арабиянам. Герой «Тысячи одной ночи», знаменитый Гарунз-аль-Рашид⁶, и сын его Альмамон обогатили астрономию бесчисленными сведениями и многим блистательнейшим звездам дали названия, от коих и нам остались: Вега, Альдебаран и Алиоф.

После 12 веков мрака и царства астрологии англичанин Голивуд, под переводным именем Сакробоско (священный лес), сочинил первый трактат о сфере (в 1225 году), который в продолжение 300 лет и оставался классическим.

Альфонс, король Кастильский, нареченный Мудрым, издал первые астрономические таблицы (в 1252 г.).

Реджио-Монтань в 1461 году в первый раз наблюдал комету.

В 1507 году явился человек, которого недоставало в продолжение 30 веков. Ему пришла вдохновенная мысль, что в делах Божиих все просто и не может быть сложности, и Коперник разгадал суточное движение земли около ее оси. Он сделал более: бросил сей повороченный им земной шар вокруг Солнца, наклонил эклиптику и легко изъяснил тем неравность дней и порядок времен года. Пошел далее: изучил движение Венеры, Меркурия, Марса, Юпитера и даже Сатурна. Употребив на поверку всех сих открытий 23 года, сочинил в 1530 году свое огромное творение «О течение тел небесных» и, прочитывая его нескольким друзьям, не издавал 12 лет. Будучи уже 70 лет, дозволил он ученику и другу своему Ретику напечатать сие творение, которого дожидались почти 37 столетий, и в самый тот день, как поднесли ему первый экземпляр его, – Коперник умер! (В 1543 г.)

В 1618 году, в глубокую полночь, выбегает на улицу человек и кричит: «Нашел! – Это вдохновенный Кеплер!» После долговременных трудов, вычислений и поверок он открыл, что между величиною планет, между путем, который они обтекают, и временем этого их движения есть общая всем им и постоянная соразмерность. И сие откровение, дарованное набожному его гению, основало те три закона, кои вписали имя Кеплера в пламенные строки тверди небесной.

Игра нескольких детей стеклами очков на прилавке оптика открыла другому, вековому же гению изобретение телескопа, и он создал человеку третий глаз. Увидев с помощью его на Солнце пятна и, судя по их перемежающемуся явлению, заключил он, что сей центр нашей сферы сам обращается около своей оси – Галилей

двинул Солнце! И в тот самый день, в который родился Невтон, он умер!

Эта смена великих гениев, имеющих всемирное влияние на судьбы человечества, особенно примечательна тем, что они отходят, как бы тотчас, как скоро выполнили заданный урок земного своего назначения.

Так было и с Коперником, и с Галилеем.

Между тем по мере как астрономия обогащалась бесчисленными открытиями, новыми, неслыханными орудиями, небывалыми дотоле гениями, вспомогательными средствами всех наук естественных, словом, всеми способами к возможному познанию не только видимого, но и невидимого мироздания, все сведения сии отчасу более удалялись от массы просвещенного общества. Около небольшого круга записных ученых тьма сгущалась; общество, даже и образованное, увидев, что не может понять в теперешней астрономии всего, вздумало, что можно не знать в ней и ничего. Таким образом, все сокровища науки, как золото скупого, запрятанное в сундуки, лежат напрасно и, составляя щегольство нескольких только лиц, остаются бесполезными для человечества. От чего же это? Оттого, что в прежние времена астрономы действительно загораживались своею, часто нарочно вымышленною, терминологией. Впоследствии же, когда по необъятному множеству доказанных астрономических истин нужно стало составить такое наречие, которое бы выражало одним техническим словом, всемирно принятым, совокупность многих истин математики, астрономический язык сделался еще недоступнее, но уже не злонамеренно, а поневоле. И важнейшая часть сей науки, не всем даже и знаменитым астрономам известная, — философия астрономии, по сему ни мало еще не раскрыта; между тем как она-то для каждого мыслящего христианина гораздо важнее

выкладок и наблюдений, и по свойству всякой истины, высшего разряда не только проста, но и совершенно доступна каждому, кто, при общих понятиях в математике, подчинит себя нескольким разговорам с знающим астрономом, для систематического свода основных начал уранографии в современной ее обширности.

Для читателя, которому встретится сия Дума, не нужно и сего труда. Она есть небольшое введение к нескольким астрономическим любопытностям, в коем все вычисления высшей математики приведены к одному всемирному знаменателю. Ему надобно только согласиться на то время, как он ее читает, на следующие четыре аксиомы, математически доказанные:

1. Все планеты нашей Солнечной системы суть такие небесные тела, коих относительная величина, порядок течения и расстояние от Земли и от Солнца известны.

2. За последнюю границу нашей Солнечной системы, то есть за Ураном, находится необъятное пространство — до звезд неподвижных.

3. Звезды неподвижные суть тела, собственным светом сияющие, то есть солнца, несравненно большие нашего.

4. Плеяды суть целые системы, а млечный путь — океан таких солнцев.

Все сие можно видеть в самый усиленный телескоп и доказано математически.

На условия сих четырех вселенских в ученом мире истин, взглянем теперь на нашу Солнечную систему, обозрим ее в некотором порядке и, придя к последнему ее светилу, перешагнем через черту его течения и пойдем далее.

Зная, что путь, описываемый Ураном (отдаленнейшею из наших планет), есть граница области нашего Солнца, мы знаем, что она включает один биллион

пятьсот двенадцать миллионов почтовых миль, вдоль и поперек, что составляет площадь, то есть плоское пространство нашего солнечного круга, в квинтиллион 796 квадриллионов и 256 триллионов квадратных миль! Страшно подумать, что эта обширность, как ни огромна она и здесь уже выражена, еще ничего не значит пред самую действительностью; ибо та сфера, в которой все планеты нашей системы, не плоская, и составляет как бы шаровидную пустоту, в которой все известные размеры ее выражаются уже не квинтиллионом квадратных, а октиллионом — миль кубических!!

Перешагнув через сии основные трудности уранографии, мы более их не встретим, ибо все прочее при математической достоверности требует только некоторого внимания.

Надобно знать, что эта огромная система нашего солнечного мира есть самый малый участок всего мироздания, то есть небольшое колесо во всемирной машине, которое и само движется очевидно и неоспоримо (сие доказано самыми верными наблюдениями — помощью звезд неподвижных), каким-то неведомым стремлением и куда-то.

Посему для планет, ближайших к нам, и само оно должно казаться созвездием; а для дальнейших только звездой и то 6-й, может быть, величины; ибо они, кроме нашего Солнца, ничего видеть не могут. И эта звезда, которая для нас есть наш солнечный мир, для них постоянно восходит и заходит.

За Ураном, то есть за границу нашего солнечного мира, начинается то пространство, которого не можно уже и выразить никакими доселе известными числами; а в нем пылают еще видимые для нас Сириус, Вега, Арктур, другие звезды первой величины, Регул, Альдебаран, и те недомыслимые страшилища на-

родов, кои, то в виде голов, с огненною гривой, то с бесконечно длинными хвостами, то в образе огненных мечей или серпов, обтекают весь свод небесный в разных направлениях неизъяснимыми путями и остаются доселе неразгаданными под названием комет. Но здесь, где самое смелое воображение тонет уже в необъятной обширности, здесь-то и начинается гораздо ужаснейшая – та, которая вмещает всю неисчислимость звезд неподвижных, сих недомыслимо огромных солнцев, около коих, по новейшим наблюдениям, вращаются, как планеты или спутники, солнцы, крупнейшие нашего! Один Гершель⁷ с помощью усиленного телескопа насчитал их в два часа с половиною, 50 тысяч. И кто бы подумал, что и тут еще не конец видимого мироздания! Далее светлеют плеяды, сии туманные, по их чрезмерному от нас удалению, блистания огромных мировых систем, – там Млечный путь – океан солнцев, бездонно глубокий – опоясывающий мироздание и разливающийся вокруг него на два рукава. Заключите же все сии бездны мировых систем, на кои мы теперь взглянули, в одну сферу вмещающего их пространства и, измерив безымянность этого объема, найдите зенит и надир его! Разрешите: по каким законам движутся, каким огнем несгораемо пылают, откуда заимствуют свет свой, какими жителями населены, на что существуют все сии искровидные, по их для нас виду, и необъятные, по громаде своей, планеты, звезды, кометы, солнцы, миры? Скажите как зовут их? Ибо Тот, *Который одет светом, яко ризою, Тот, Кто сотворил Ангелы Свои духи, и слуги Своя пламень огненный; Тот, Чья над небесы слава; Тот, Которого хвалят небеса небес и вода, яже превыше небес* (Псалм.), все их счел и назвал поименно!

Укажите на этих вселенских часах, для коих наша тысяча лет есть день вчерашний: который теперь час?

Угадайте: скоро ли означится ими и их час последний? Ибо все это зримое твояние имеет срочный век, и звезды спадут и небо свияется, как кожа!

Но как в делах Создателя нашего нет ничего ни лишнего, ни напрасного; то недаром же раскинуты и сии бездонные пропасти солнцев около нашего шара, недаром дозволено нам взглядеться в некоторые законы нашей Солнечной системы, недаром открыта уму нашему эта звездная бездонность, а сердцу это молитвенное приволье, для восторженного разлета веры и любви.

Осмелимся же взглянуть на все зримое мироздание с самой высокой обсерватории – с Голгофы! Дерзнем спросить то *Слово*, Которым *вся быша и без Него ничто же бысть, еже бысть* (Ин. 1: 3.); что говорит Оно? – Оно вещает нам: что небеса поведают Славу Божию! что день дни отрыгает глагол и ночь ночи возвещает разум и что это не речи и не слова и голоса их не слышно; а между тем во всю землю *изыде вещание их* и в концы вселенной *глаголы их*. – Какой же это язык и не можно ли вслушаться в него?

В Свящ. Книгах Небо названо *Престолом Божиим*, а земля – *подножием ног Его*. Там сказано, что Он в Солнце *положил селение Свое*, то есть как бы там явил видимое свое присутствие. В каком же солнце? Конечно, не в нашем, так малом пред прочими солнцами.

Иов говорит (9: 7): скажешь солнцу, – и не взойдет; звезды же печатает. Он же говорит, творит *Плеяды, Арктура* и сокровища южные, уразумел ли ты? *Союз Плеяд* (след., и Иов знал, что Плеяды суть *союз* – соединение многих светил), и ограждение Орионово отворил ли? (38: 31). Где новорожденный Царь Иудейский? Мы видели *звезду его на Востоке* и пришли Ему поклониться, говорили Волхвы, прибывшие в Иерусалим (Мф 2: 2.). И вот звезда, которую *видели они на Востоке*,

шла пред ними до тех пор, как остановились над тем местом, *где был* Младенец (там же, с. 9).

Мы видим из Свящ. Писания и из слов Церкви, что Бог живет в свете неприступном, который именуется то светом лица Его, то сиянием Его славы, то Солнцем, в котором основал Он селение Свое, средоточие, так сказать, Своего проявления, видимое присутствие невидимого. Почему же не принять и нам сего солнца за средоточие мироздания? Почему не думать, что из него единого, как Солнца Солнцев, исходит тот свет тихий, который в разнообразных видах невещественных сил движет, освещает, греет и живет все существующее, от Серафима до инфузории, от Урана до пылинки? Что все мироздание, вся эта бездонная синева, которая над нами, около нас и под нами, искрится мириадами солнцев, есть вселенский храм, достойный сего Бога нашего, где все бесчисленные обители общего Отца Небесного населены существами, бесчисленно разнообразными, но разумными и свободными и что на каждом из сих миров светится, верою, любовью и надеждой, имя Того, Кто, живя в средоточном солнце Своей славы, в сем святилище вселенского Своего храма, принес Себя в жертву за спасение всего мира, на земле, которая есть алтарь Его, столь же смиренный, как и Агнец, на нем закланный? В сем смысле только удостоимся мы, может быть, вслушаться и в голос той вселенской молитвы, того всемирного священнослужения, кои, без речей и слов, говорят ежедневно, и каждую ночь безголосным говором раздаются во все концы вселенной. Тогда только удостоимся, хотя в слабом гадании, представить себе, как рождество Спасителя было возвещено ангельским пением, как ясли Вифлеемские указаны шествием звезды восточной, как померкли все солнца и потряслись основания всего мира, когда Творец его изрек на кресте

Своем: *совершишася*, – как просияла земля и возрадовалось все мироздание, когда воскрес из гроба умерший Бог его, – как торжествовало оно, пело и славilo святое Его вознесение; – тогда только можно понять, как *небеса подлинно поведают славу Божию!* Но небошественный Апостол, восхищенный до *третьего только неба*, говорит, что того, что он и там видел, человеку невозможно уже выразить.

М. М.

Одесса 1843 года.

Раздел II

СТАТЬИ В ЖУРНАЛЕ «РАДУГА»

ПИСЬМО К ИЗДАТЕЛЮ¹

Почтенный издатель «Радуги»! С неописанной радостью получил я первую книжку Вашего журнала. «Радуга» Ваша, ежели она, как я понимаю, завет тишины после волнения умов, надежда безопасности после всемирного потопа превратных и возмутительных учений, «Радуга» освежила сладостнейшей надеждой сжатое скорбью сердце мое, как дождь благотворный освежает нашу степную землю. Живя уединенно в отдаленном приюте моем, беспристрастно наблюдаю я за ходом ума человеческого и того, что называется ныне просвещением, то есть за направлением наук и литературы по духу времени. Вижу, как цепь мудрости человеческой отвязывают от небесного звена ее и бросают на поправление языков; как дух неверия распространяет владычество свое на все науки и литературу; нравственная холера сия пробирается к нам, по широкому пути склонности нашей подражать всему иноземному, от покроя жилета до образа мыслей и чувств. Смотрю из-за кулис на сцену мира и вздыхаю! Вокруг раздается одно эхо, механически повторяющее бредни чужеземные, рабское им подражание, лепетание

бесталанное в их смысле, грубые списки с сочинений, по крайней мере, оригинальных. Куда обратиться? Кому сообщить некоторое непотакание духу времени, некоторые истины, утверждаемые умами независимыми от его тиранства? Инквизиция лжефилософии потерпит ли хоть одно возражение на всемирно господствующие догматы ее? Вот среди какого грустного раздумья явилась «Радуга» Ваша! Можете себе представить, как я ей обрадовался; как сей цветистый отблеск солнца истины очаровал взор мой. Благодарю и поздравляю Вас! Да благословит Бог предприятие и труд Ваш, смелый Партизан доброго просвещения. Пора, пора образумить людей благонамеренных, заводимых в гибельные заблуждения одной неопытностью, легкомыслием и чаще всего общим увлечением. Пора показать, что просвещение истинное, полезное обществу неразлучно со светом той самой веры, в тихих убежищах которой оно возникло, сбереглось и воспитано, что, по выражению Бэкона², одна религия есть аромат, предохраняющий науки от гниения. Подвизайтесь на благо Церкви и царей, и все люди благонамеренные, христиане искренние, друзья порядка, законности и полезного просвещения к Вам присоединятся добрыми желаниями и полезными трудами. Спешу упредить их приношением и моей лепты; ежели может Вам быть на что-нибудь пригоден отломок от философского мозаика степного отшельника.

Самая пагубная уловка духа времени состоит в избегании определений и подмене слов. Что есть философия? Может ли она значить одно и то же у язычников и христиан? Взглянем на сие: философия, любомудрие, разыскание истины возникли весьма естественным образом в уме тех гениев язычества, кои, познав безумие идолопоклонства и убедившись из природы в необходимости единого творца ее, искренно вдалились в система-

тическое обдумывание сей великой истины. Но как никакой ум падшего человека сам собою вполне постигнуть ее не может, и только во врожденной общей мысли о начале всего и виновник всего видимого и существующего отыскивает одно темное воспоминание как бы некоего первобытного познания; то и старались они открыть положительнейший след сей истины, выше себя, у народов древнейших; полагая, вероятно, что предание ее, от начала мира идущее, как-то и действительно, у них самих затерялось. Они ездили в Египет. Там жрецы в чудесных пирамидах своих, недоступной тайной и страшными испытаниями загородившиеся от фанатической толпы, кошкам и луку поклонявшейся, читали без великого сомнения книги Моисеевы, веровали в Бога единого и, может быть, разгадывали, из пророчества книг священных, обетование Мессии. Следы сего заключения очевидны в учении Пифагора и Платона. Поклонение Александра Великого первосвященнику Иерусалимскому, книга Сибилл, Лактанцием упоминаемая, известная пророчеством о Христе, одиннадцатая Эклога Вергилиева, все доказывает, что закон иудейский и даже смысл пророчеств о рождении Мессии, о происшествиях, с ним сопряженных, и о самом его времени, был всемирно известен. По Филону и Иосифу судить можно, что иудеи, задолго до смешения их с греками, были народ самый просвещенный, и причина сего легко разгадывается. Откуда греки заимствовали календарь? Невтон отдал справедливость иудеям в сем отношении. По примеру Даниила можно судить, как отличные мужи сего народа были уважены в Вавилоне, где, без сомнения, процветали науки. Славный раввин Маймонид говорит, что по окончании великого плена многие иудеи не хотели возвратиться в отечество и остались в Вавилоне,

где наслаждались они совершенной свободой и величайшим уважением, и что хранение всех тайных архивов в Эхбатане было поручено избраннейшим из них. Петр Кунеус в своей «Еврейской республике» рассказывает любопытный анекдот Аристотеля, который после разговора с одним иудеем, в Азии, утверждал, что все отличнейшие ученые греки кажутся ему пред ним некоторым родом варваров. Перевод книг священных на язык тогда всемирный и рассеяние иудеев во все страны света сделали всеобщим познание закона Моисеева, который служил введением к откровению христианскому. Иудеи, известные своей беспримерной верностью и отвагой, были употребляемы различными государями в их войсках. Александр предпочитал их всем другим воинам. Лаг поручил им важнейшие крепости Египта; а для защиты городов, им завоеванных в Ливии, он поселил в них иудеев. Один из наследовавших ему Птоломеев торжественно велел перевести священные их книги. Евергет, завоевав Сирию, ходил на поклонение в Иерусалим, принес многие жертвы и обогатил храм драгоценными дарами. Филометор и Клеопатра поручили двум мужам из сего народа управление царством и начальство над войском. Так исполнилось слово Товита к братьям его: «Исповедайтесь Ему, сынове Израилевы пред языки, зане той рассея нас в них». Двор императоров римских имел большое почтение к храму Иерусалимскому. Когда Кай Агриппа проехал Иудею, не поклонившись Богу Иудейскому, то прадед его Август весьма на него за то гневался, и здесь примечательно то, что ужасный голод, вскоре за сим свирепствовавший в Риме, был общим мнением приписан сему небрежению Агриппы, а вслед затем, как бы для исправления одного, Август, величайший и самый постоянный враг всех иноверцев, повелел ежедневно приносить на счет свой всеожожения на Иеру-

салимском жертвеннике. Ливия, супруга его, послала в храм великолепные дары. От двора императора распространилось уважение к религии иудейской во всех народах до такой степени, что прикосновение к Св. Книгам ее или к деньгам, в Иерусалим посылаемым, почиталось святотатством, подлежащим немедленному наказанию. Сеян, любимец Тиверия, ненавидя иудеев, пытался взвести на них подозрение в заговоре для верной их пагубы. Тиверий оставил извет сей без внимания, ибо, сказал он, с весьма тонкою принципиальностию: «Народ сей, по началам своим, никогда не поднимет руки на царя». Храм Иерусалимский был окружен портиком, в который допускались язычники и куда стекались они толпами молиться Богу неведомому, на Сионе поклоняемому. Никто не спрашивал их, как они веровали, и Евангелие, без удивления и укоризны, повествует, как приходили они в праздник Пасхи, на поклонение в Иерусалим. Когда же ум человеческий достаточно был приготовлен сим великолепным богослужением, тогда явилось христианство, немедленно сделалось известным и было благовестуемо в Риме, и сие изъясняет, почему Сенека проповедует догматы Моисеевы и Евангельские. Он мог читать все Св. Писание на греческом языке, и одна книга премудрости была достаточна к тому, чтоб открыть ему ограниченность философии языческой. Просим заметить сей ход двух откровений Божиих в действии его на знаменитейшие умы древности – от Вавилона до Рима – и почитаем себя вправе сделать идолу нашего века, разуму человеческому, следующее предложение: «Не рассудит ли он за благо поискать прав своих на мудрость неоткровенную, но им самим открытую, где-нибудь повыше общих наших с ним двух Божественных откровений; а покуда не сыщет исторических документов своей самостоятельности, мы просим не бить своей кормилицы!»

Итак, понятие о единстве истинного Бога, сверхврожденной о нем мысли, в преступных поколениях человечества искаженной в идолопоклонение, вторично обновлено в умах людей избранных через познание откровения Иудейского. Те из них, кои не приняв веры сего народа вполне, заимствовали из нее одно познание о единстве Божиим, составили себе особенную систему понятий о Боге, мире и человеке.

Сии системы получили в Греции название философий и действительно его заслуживали; ибо по мере обширности ума и чистоты сердца их изобретателей представляли они более или менее совершенные исповедания, более или менее удобные пути для перехода от язычества к христианству. Но сии светила мудрости человеческой, как огни блудящие, могли блистать только во мраке идолопоклонства; как же скоро самое солнце истины взошло; то свет их померк. И действительно, как ни велики были усилия ума для разгадывания некоторых сверхъестественных истин, сколь ни удивительны даже успехи в том некоторых, что значили они пред учением, самой мудростью, самим Богом возведенным? Немоощствование Сократов и Платонов что значит пред несколькими строками символа веры, каждому христианскому младенцу известного. Умерли оракулы, онемела мудрость человеческая. Сам Бог сказал не мудрым: «Шедше научите!» Чему и на что учить, ежели бы прежние учителя были хороши? Ежели бы мудрость языческая или даже иудейская была достаточна для окончательного воспитания человечества; то на что было бы Богу воплощаться, жить среди мира греховного, переносить все бедствия земной жизни, терпеть поругания, страдать и наконец вкусить жесточайшую смерть преступника? Мудрость языческая, столь удивительная и превосходная пред человеками, – безумие

пред Богом, она земна, бесовска, по слову великого учителя языков. И сие действительно всякому очевидно, ибо как скоро мудрость небесная восстала, едва слово жизни проглаголало; то мудрование человеческое, сбросив с себя прежнюю личину лицемерия, показало, кто и откуда оно! Вместо тихих бесед и прений в аллеях академий зажгло костры, поставило плахи, воздвигло кресты, выпустило львов! Но палачи, наконец, устали, дикие звери пресытились, костры погасли в реках крови мученической, оракул Аполлона (как утверждает Порфирий Euseb Праер. Evang³.) сказал: «Скорее можно будет вырезать на воде и летать с легкостью птицы, нежели заставить христианина переменить веру». Три кровавые века пыток и казней – аргумент *ad hoc*⁴ философии против мудрости небесной остался безуспешным; ибо еще при жизни мучителей более половины всемирной империи приняло уже Св. Крещение. Но философия языческая и тогда еще не отчаялась в победе, еще не оставила поля битвы. Те самые, которые из школы философов перешли в христианство, принесли в него формы умствования философского; а отцы Церкви первых веков, обращая учеников Аристотелевых, принуждены были говорить с ними их языком, и, таким образом, формы и даже сама терминология философская прокрались, так сказать, в Церковь христианскую; но не могли быть вредными, доколе из смеси догматов веры с предрассудками язычества, с навыками к мечтаниям философским не составились ереси, которые искали уронить, подменить учение Евангельское чудовищным смешением тьмы со светом под благовидным, но коварным предлогом соединения веры с философией (сия уловка своемыслия, и наш век обморачивающая, тоже не новая, она принадлежит к первым векам Церкви, и в особенности к веку Юлиана). Так перешла философия к народам христиан-

ским. Всегда враждебная положительному вероисповеданию и правительству, по характеру, нравам, роду правления разных стран, принимала она разные виды. Холодно-богохульная в Англии, затейливо-ругательная во Франции, грубо-чувственная в Италии, теософо-иллюминатская в Германии, она ничего не изобретала и не могла изобрести нового, но только постоянно облекала разные древние и самые грубые ереси новыми, более или менее затейливыми, смотря по веку, личинами. Сие легко может быть доказано параллельным сводом древних расколов со всеми главнейшими учениями так называемых философов, от Спинозы⁵ до Канта, Фихте, Шеллинга, Круга⁶ и Гегеля. Вот почему всегда был и будет бесполезен труд людей, искренне желающих примирить философию с религией, учение Божественное с расколом, тьму со светом. Алкоран⁷ гораздо ближе к христианству, нежели сии непримиримые с ним секты! (другой кусок мозаики представится после.)

Ваш усерднейший доброжелатель

М. Простодумов.

Помещик села Спасского, Саратовской губернии.

2-й ОТЛОМОК ОТ ФИЛОСОФСКОГО МОЗАИКА

<...> Две задачи философо-астрономические:

Задача 1-я

Отчего так давно привязывают особенную важность к ожидаемому возвращению Галлеевой кометы и вообще к 1835 году?

Задача 2-я

Верно ли возвращение Галлеевой кометы в 1835 году?

Ответ на 1-ю задачу

Уже около семидесяти лет германские мистики твердят разными обиняками о 1835 годе. Все их самозванные толкователи Апокалипсиса подтверждают какое-то важное ожидание к сему сроку. Суеверы сей секты часто твердят о том с особенным благоговением и, не пускаясь в наследование права своих пророков, ожидают в трепете! Но, во-первых, Тот, Кто сотворил время, сказал, что один Отец Небесный ведает времена и лета. Во-вторых, болезнь сих мистических прорицалищ получила свое начало и свирепствует в тех землях Германии, где можно всякому изъяснять Священное Писание по-своему. Там многие писатели и разные секты пустились в прорицания; особливо же о времени представления света. При каждом необычайном в мире происшествии, или шуме, видели они Антихриста и кончину века. Штиллинг очень сердился на то, что Наполеон, заявленный им Антихрист, и много, впрочем, по мнению сего мечтателя, на него похожий, оказался после взятия Парижа ненастоящим. Есть книжка, в которой ищет он легкую ошибку сию оправдать. О 1835 году пророчествовал, из первых, Бенгель¹; – пророчество его современно с такими нравственными и политическими происшествиями (с философиею XVIII столетия и началом революции), по коим легко ему было предвидеть большие перевероты в обществе европейском; особливо, ежели принадлежал он к тем людям, кои и помогали их приуготовлению. Сверх того, он легко мог предугадывать, что ежели система Невтонова о коме-

тах справедлива, то согласно с нею в 1835 году должна возвратиться комета Галлеева; что длинный хвост ее и близость к земле – на которой в то же время будет тогда, вероятно, какое-нибудь продолжение зачинавшихся уже в его дни потрясений – прославят его в умах мистической черни – Пророком. Притом возврат Галлеевой кометы, в умах суеверной толпы полуученых, торжественно должен утвердить великий догмат всей Невтоновой системы, узаконить всех чад центробежности, упрочить все мечтательные круговращения философских учений; и от Невтона до Гегеля всем гадателям и оракулам ученого мира служить твердою опорой. Вот отчего так важно, так повсеместно, так торжественно возвещается возвратная комета 1835 года! Но мы, пользуясь проповедуемою от господ ученых терпимостью, берем смелость не только ничему этому не верить; но даже и доказать математически – с сельской обсерватории нашей, – что все подобные гадания суть самая неверная гипотеза и что сие столь положительно возвещаемое событие, то есть возврат кометы, может к назначенному сроку не сбыться!

Ответ на 2-ю задачу

Не только возвращение; но даже самое существование так называемой Галлеевой кометы еще не достоверно.

<...> Астрономы нашего времени, как древние египетские жрецы, астрологи ал-Рашида, брамины Индии или маги персидские, не удостаивают даже и говорить с нами о своих исчислениях; а только с высоты обсерваторий бросают в народ таблицы их элементов. Но на сей раз довольно и того; ибо, по несчастью их, и из самых пяти элементов той кометы, о которой здесь идет речь, по таблицам Лаланда² и Пенгре³ ни один не сходен

совершенно с другим! А между некоторыми есть и значительная разница, что очень важно, ибо Кассини⁴ признается, что одна минута несходства может в сем роде исчислений ввести в самое грубое заблуждение. Вот в каких мы руках и как правдолюбивы мудрецы нашего века! Меня это не удивляет; я всегда был вольнодумцем в сфере ученого мира и никогда не верил его непогрешаемости. А потому и теперь с сельской своей обсерватории смело пускаюсь с ним в состязание.

«Как узнают путешественника, по дороге ли, которую он проезжает, или по виду его? Кажется нет сомнения, что по виду. Почему ж бы не так поступать и с кометами? Что мешает исчислять их пути и вместе сравнивать фигуры? Иначе разве по одной дороге не могут проехать десять совсем разных путников? Сверх того выгода сравнивать являющиеся кометы по их фигуре была бы особенно важна при наблюдении Галлеевой, ибо в то время как пять только возвратов ее замечены, но и тех эллипсис, как мы видели, не весьма точно исчислен, девять фигур весьма точно известны и вот они:

годы

400. Ужаснейшая из комет, которая с высоты неба почти касалась земли.

855. Маленькая, видна была в продолжение двадцати дней.

1006. Вчетверо большая Венеры, ужасная по рассыпаемому ею огню.

1380. Бесхвостая, видна была в течение трех месяцев.

1456. Большая, прекрасная, хвост в 60 градусов; являлась в полном блеске целый месяц.

1531. Красная, с хвостом в 15 градусов; видна была 27 дней.

1607. Бледная, величиною с Юпитера, хвост в 7 градусов; была видна в продолжение месяца.

1682. Маленькая, темная, хвост около 36 градусов, но бледный и тонкий.

1759. Хвост от 47 градусов уменьшается до 4; в течение четырех месяцев является три раза, с промежутками.

Спрашивается: есть ли тут какое сходство? Как может она, если б то была одна и та же планета, являться то большою, то малою, то темною, то красною, то бледною, то без хвоста, то с хвостом от 7, 15, 30 до 60 градусов? Как может быть похожа то на Венеру, то на Юпитер? Как может она являться то на несколько дней, то в продолжение нескольких месяцев? Разве прочие планеты так проказничают? Не гораздо ли проще и правильнее заключить, что девять разных комет шли по дороге, почти одинакой, нежели предполагать, что одна и та же комета являлась девять раз в столь различных видах?

И так на обсерватории села Спасского вольнопрактикующий астроном, как Лезгинец среди империи астрономической, делает первый набег свой таким заключением: возврат Галлеевой кометы доселе еще не доказан, и даже напротив, есть много весьма основательных причин (кои и приведены выше) думать, что одно желание утвердить систему Невтонову, как бы то ни было, вовлекло астрономов в ту ошибку, что они усиливались натянуть в пользу сей системы опыт, долженствовавший подтвердить ее, несколько торопливо и не совсем искренно; что посему комета Галлеева, с ее возвратами, принадлежит доселе к мечтам астрономическим; и пророчество о ней наших мудрецов может в 1835 году не сбыться, точно так же, как предсказание их предшественников не сбылось в 1789-м. Мы почитаем обязанностью в сем первом заседании сельской обсерватории нашей предупредить о том всех ожидателей кометы 1835 года и вообще любителей комет, для удо-

вольствия которых и представляем у сего самые схожие портреты шести из них, кои приняты были за возвратную Галлееву, с тем, чтобы они сами выбрали: под которою из сих фигур желают они, чтобы явилась ожидаемая ими в 1835 году комета, ежели паче всякого чаяния придет она? Ежели же не придет; то просим вспомнить, что мы вынули соломенную подпорку у Невтоновой кометной системы и отчасти у всех центробежностей физических, со всеми их тяготениями, стремящимися подавить Крин сельный⁵. <...> Много важных дел в мире начинается скромно и тихохонько. Желудь гниет в земле, по которой ступают лошади, бегают зайцы, наконец выходит зеленый стебелек, наравне с травою, и эта былинка – тот сенолиственный дуб, на котором поет соловей и орел отдыхает!

Село Спасское, января 17. 1832 года.

М. Простодумов.

ОСКОЛКИ ОТ ФИЛОСОФСКОГО МОЗАИКА

3. Строка в историю философских систем

Пукевиль¹, в своей известной Истории восстановления Греции (том 1, с. 60.) говорит, что в Турции дервиши, называемые бектаджи², проповедуют, что Бог есть все и все есть Бог; и что материя, не имея начала, не имеет и конца. Странное сближение заблуждений! Плиний³ говорит то же (Hist. Nat. lib. II. C. I), Шеллинг и многие другие германские философы под разными формами говорят то же. И так одинакое учение соединяет в со-

вершенном единомыслии древних Пантеистов, Плиния, Дервиша Бектаджи и Шеллинга.

М. Простодумов

3-й ОТЛОМОК ОТ ФИЛОСОФСКОГО МОЗАИКА. ОСОБЕННЫЙ ХАРАКТЕР ЕВРОПЕЙСКОГО ДУХА ВРЕМЕНИ

...В наше только время, и люди благонамеренные, вообразили, что между добром и злом, между заблуждением и истиною, между нечестием и верою можно будто бы найти какую-то средину и держаться ее. Сие мнение поколебало все начала, все правила, все законы положительные. От него все сделалось истинным и все ложным. Когда нужда в религии – за нее вступаются. Как скоро вопль ее врагов усилится – от нее отступаются, как бы стыдясь ее. Сие колеблет добрых; злые же, видя силу свою, удостоверяются в успехе их деятельности и простирают дерзость свою далее. Нечестие имеет свою религию – воссоединение с светоносцем, холодную, как гордость его, но фанатическую. Под именем наук обожает оно разум человеческий. Для него наука есть Бог мира; оно в него одного верует, на него одного надеется, его одного любит; по его догматам, мудрость и всемогущество сего Бога должны обновить лице земли и быстро вознести человека на такую степень совершенства и счастья, которой он не может и представить себе. Сия религия имеет свою полную систему, свои догматы, свои таинства, свои пророчества и даже свои чудеса (магнетизм). Она имеет свое богослужение, свое священство, своих миссионеров, и ее-то хотят поставить на развалине всех прочих Религий.

Два учения борются в мире. Они стремятся: одно – соединить людей; а другое – разлучить их. В одном все общее, власть, вера, обязанности, и каждый член гражданства, существуя единственно для него, содействует его благоустройству совершенным покорением разума, сердца и чувств своих, закону непреложному. В другом, напротив, все личное, и от того-то место обязанностей занято в нем одними выгодами; а власть – независимостью. В нем каждый, будучи владыкой своих разума, сердца и деяний, признает один только закон, собственную свою волю; одно только правило, свои желания; одну только узду, силу. И потому-то, как скоро где-либо наружная сила ослабнет, там немедленно возникает междоусобие, нападают на все существующее и общество подвергается разрушению.

Стараются усыпить внимание к сим происшествиям, говоря, что всегда были в мире мятежи и преступления. Правда, всегда были беспорядки между человеками; ибо всегда были заблуждения и страсти: вечная борьба зла с добром. Но прежде знали, что есть добро и зло, а теперь не знают; в том и другом равно сомневаются.

Прежде люди самые развратные привязывались к злу частному, которого плод прельщал их. Преступление было способом; но не целью. Убивали из мщения или из корысти, но не было убийств и гонений систематических. Убивая, не отвергали вечного закона: «Не убий». Разврат сердца редко заражал разум. Слова порока и добродетели имели одно, всемирное значение. Общественный капитал признанных истин, общепринятых прав, порядка общественного – лежал неприкосновенным; никто и не представлял себе, чтоб можно было его открыто разграбить. Те самые, кои потаскивали¹ его мелочам, считали общую его неприкосновенность священной. Война происходила на самой отдаленной гра-

нице общества или во мраке против некоторых отдельных лиц так, что обыкновенная исполнительная власть всегда имела довольно силы для защиты государственного спокойствия и личной безопасности.

Ныне все узы расторгнуты. Человек среди общества уединен, одичал; вера общественная исчезла; умы, сами себе оставленные, не знают, куда деться, и колеблются ветром тысячи противоположных направлений. От сего-то произошел всеобщий беспорядок, и какое-то страшное непостоянство в образе мысли и установлениях. Люди, как бы равно утомленные и заблуждениями, и истиною, равно отбросили и те, и другую. В сердцах поселилась какая-то неимоверная тоска, скука, отвращение от жизни и ненасытимая потребность разрушения. Чувство сие, отличительный характер нашего времени, обнаруживается в тысяче образов и во всех классах. Богатый и бедный, народ и вельможа – все как будто бы преследуемые грозным привидением того века, который они отвергнули, бегут от него и спешат броситься в неизвестную будущность! В настоящем отсвечивается еще что-то прошедшее – и сей мелькающий отблеск их пугает. Устрашенный ум перешагнул через все оплоты, опрокинул все преграды. Он ничего более не видит, кроме всеобщих переворотов, кроме всеобщего истребления, не заботясь даже и о том, чтобы заменить разрушаемое. Хочет новой религии, не зная какой; нового образования обществ, не зная какого; нового законодательства и новых нравов, не зная каких. И в сем-то хаосе буйства и бессмыслия утопает здравый смысл общественный.

Один Бог не оставлен независимым; он подчинен законам природы, исходящим из существа Его, столь же совершенным, как Он сам, столь же непреложным, как Он сам. В единстве бытия Его, деизм заключил его

в какое-то вечное уединение; а атеизм, скитаясь по сей беспредельной темнице, и совсем его не находит!

Каким же образом общественный человек может существовать в совершенном уединении? Духи и тела не имеют другой жизни, кроме той, которую приемлют под условием сообщать ее. От сей необходимо взаимной зависимости родится порядок, который стоит на двух основаниях: на власти и на повиновении. Но гордость не любит повиноваться и потому-то отвергает всякую власть. Нечестный говорит: «Буду сам себе царем». И потому верит одному себе, надеется на одного себя, любит одного себя и все относит к одному себе. Чем же различается он, в этом положении, от дикого? И что ж это значит иное, как не разрушение общества, которое состоит в вере к коренным истинам, по общему свидетельству о них, в любви к другим и в самоотвержении, от сей любви проистекающем? Общество значит связь, с которой пожертвование собою есть единственное начало порядка и единое средство к его охранению.

Из двух учений, коих основные начала мы здесь весьма кратко изложили, одно есть христианство, а другое — тот разнородный сбор частных мнений, который называется философией. Тот бурный поток своемыслия, который по скатам, более или менее крутым, ниспадает в пропасть атеизма.

Теперь покажем мы, как всякое мнение переходит из головы в сердце и рождает в нем сообразное с собою чувство. Возьмем в пример сей основной закон обществ: «Чти отца твоего и мать твою». Как скоро он принят; то из него проистекают почтение к родителям, к начальству, к самому Богу, а от правила: ты ничем никому, кроме одного себя не обязан, родится, напротив, одна исключительная любовь к себе, необузданное самолюбие и гордость. То же самое правило, которое мы приложили

теперь к сему отдельному закону, прилагается, с большею еще ясностью, к целому учению; ибо каждое учение истекает обыкновенно из одного общего начала; и потому в каждом учении есть и общее чувство, отвечающее его общему началу; и сие-то чувство, собственно, образует особенный характер каждого учения.

Господство Божие есть общее начало христианства; из него проистекает общая обязанность: свободного повиновения; во-первых, Богу и потом – властям, общественной и семейной, во имя Божие. Свободное же повиновение есть покорность любви, есть жертва; ибо нет любви без жертвы. Следовательно, общее чувство христианства есть любовь. И действительно, что видим мы в учениках Иисусовых и почему можно узнать их? Именно и единственно по беспредельной, всеобъемлющей любви, которая каждый день пред глазами нашими производит столько чудес самоотвержения! Любовь к Богу, любовь к Царю, любовь к ближнему, всегда готовая излиться в благотворениях, в услугах, в утешениях; любовь к самым врагам, которая не в том состоит, чтобы забывать обиды; ибо забвение не есть любовь; но в постоянной готовности прощать от всего сердца; любовь к благоустройству и с нею вместе отвращение от всякого своеволия; любовь к законам, охраняющим сие благоустройство; любовь к исполнителям сих законов. Словом, любовь в государстве, в семействах, ко всем человекам, образованным и диким, готовая умереть за их спасение. Любовь без исключения и пределов!

Все учения философские, будучи, напротив, отрицательны или, что одно и то же, разрушительны, имеют общим началом: господство человека; а как скоро человек признает себя Самовладыкою, то он тем самым есть уже бунтовщик против Бога и против всякой власти, от Бога установленной; бунтовщик же только не-

навидеть может, следовательно, общее чувство, философскими учениями рожаемое, есть ненависть. Да и кто в том усомнится, вспомнив царство философии под видом разных французских революций? Кто усомнится, взглянув на то, что делала она в течение последних сорока лет и еще недавно под глазами нашими вокруг нас? Какое остервенение самых зверских страстей; какое утончение злобы; какие неслыханные преступления! Что это иное, как не самая адская ненависть, со всеми ее ужасами? Ненависть к Богу; ибо хотела бы уничтожить не только Его религию, Его служение; но и самое имя Его. Ненависть к священной Иерархии, которую клеветает, гонит и казнит, по ненависти к Богу, везде, где может. Ненависть к царям, к дворянству, ко всем существующим установлениям. Ненависть ко всякой предрержащей власти; и, наконец, любовь к своеволию! Ненависть к законам, которые охраняют тишину, обуздывая страсти; Ненависть к исполнителям законов. Ненависть в государстве, в семействах. Ненависть всемирная, обнаруживающаяся в мятежах, в убийствах, в пламенном желании разрушения.

Какое учение исповедовало то чудовище нашего времени, которое поразило надежду Франции в лице герцога Беррийского²? То существо, коего вся душа слита была из одного преступления, которое заснуло, совершив свое злодеяние? Атеизм. Какое учение исповедовал Лелевель и ученики его? Деизм; то есть покрашенный атеизм, религию Лувеля!

Из противоположных чувств, сими двумя противоположными учениями (христианским и философским) рожаемых, происходят два рода жертв: пожертвование собою другим – жертва любви и пожертвование другими себе – жертва ненависти. Но ненависть имеет разные степени. Она не столь свирепа там, где остается еще некото-

рое предание, хотя и извращенное – о Божестве; ибо там имеет она еще и предел; ибо там она признает еще некоторые обязанности. Так язычество жертвовало частным человеком обществу; но в религии философской жертвуется целым обществом частному лицу.

Добровольное пожертвование всякого человека самим собою обществу находится в одной христианской религии; и сия жертва состоит из всего человека. Из пожертвования собственными его мнениями и личным образом мыслей; из пожертвования его склонностями и частными выгодами; из пожертвования самою его жизнью, в тех случаях, где польза общая того требует. Вот единое, прочное основание общества; и потому не может оно в Европе снова, незыблемо иначе восстановиться – как помощью религии. И потому-то ныне столь очевидно общее к ней стремление всех людей правилами добродетели и – благородными чувствами к благоустройству общественному еще привязанных.

4-й ОТЛОМОК ОТ ФИЛОСОФСКОГО МОЗАИКА*

Сего дня пора, однако же, приняться за что-нибудь поважнее астрономических моих прибауток. Мало ли предметов. Астрономы безотчетно заметили, что некоторые из звезд, кои почитали они неподвижными, начали уменьшаться и как бы уходить в какую-то глубь. Они увидели на небе какое-то темное пятно, которое один германский ученый премудро назвал угольным мешком. Они еще не знают, чем светит солнце? Отчего на нем бывают пятна? Каким образом случается, что ког-

* Сообщено издателю от Г. Простодумова и еще несколько любопытных отломков и осколков.

да пятна сии более и должны были уменьшать теплоту его, тогда именно бывало лето теплее? Не знают, на что и куда склоняется Эклиптика, точно так, как предвedomил их о том, за семьдесят лет, благочестивый наш Эйлер¹. Не знают... многого не знают, больше не знают, чем знают. Тем лучше для тебя – приступай смелее к открытиям. Ведь и другие делали их на счастье. Как знать? Может быть, ты-то все недостающее и откроешь, тогда соберут кучку из запасных звезд, произведут ее в созвездие, и его назовут чердаком села Спасского! Так рассуждал я, подходя к моей обсерватории, и с чувством какой-то благородной гордости мудреца, расширившего круг познаний человеческих, отлично послужившего царству разума, я отпер дверь.

...О, телескоп мой! Орудие будущего моего величия. Чудесная колесница, на которой быстрее и безопаснее Фаетона² могу я обтечь все необъятное мироздание. О новый ангельский глаз, задаток будущего всеведения человека. О Галилей! Тебе обязаны мы даром сего шестого чувства. Поставлю бюст твой, выше Кеплера и Невтона, и все открытия их и мои положу к его подножью... Что за восторг г. астроном? Что за поэзия? Ты забыл достоинство ремесла своего; от тебя не Пиндаровых дифирамбов, а точных наблюдений, верных выкладок ожидают. Как хочешь ты, чтобы в таком деле, где все основано на одном доверии, поверили тебе, когда в порывах пиитической³ фурии⁴ своей, еще только обтирая телескоп, ты уже занес такую гиль⁵? Подожди с апофеозом Галилею, и прежде всех прославлений, и его и тебя самого, вспомни, как попался человеку в руки телескоп – совсем нечаянно; и твой славный Галилей не изобрел его, а только приспособил к делу открытие совершенно случайное. Это, однако же, правда. В самом начале семнадцатого столетия известны уже были простые очки,

помогающие слабому зрению. Метий в Голландии, Янс и Лапре в Миддельбурге делали их. Дети одного из сих художников, играя стеклами, для очков заготовленными, поставили невзначай два стекла одно против другого в некотором расстоянии и заметили, что предметы кажутся сквозь них ближе. Об этом заговорили в виде любопытности, и слух дошел до Падуи, где жил тогда Галилей, человек с отличными дарованиями и знанием! Он, готовясь начально по состоянию своему в медики, стал учиться математике восемнадцати лет; и двадцати пяти занимал уже профессорскую кафедру сей науки в Пизском университете. Зависть лишила его сего места, и он перешел на такое же в Падую, которая зависела тогда от Венеции. Галилей воспользовался открытием детей, подвергнув его всем нужным опытам согласно с законами оптики. Сделал трубу из картона, вставил в один конец ее стекло, с одной стороны гладкое, а с другой выпуклое, обернув выпуклую сторону к наружу, и назвал стекло сие предметным (*objectif*), ибо оно есть ближайшее к рассматриваемому предмету. В другой конец своей трубки поставил он стекло с обеих сторон впалое и назвал его глазным (*oculaire*), ибо оно приставляется к глазу, и картонная трубка его стала увеличивать предметы в три краты. Галилей наделал других трубок, длиннее, шире, и дошел до увеличивающей предметы в тридцать три краты. Хотя это далеко еще было от труб ахроматических, но уже далеко и от игры детей стеклами. Он поднес новоизобретенный инструмент свой Сенату Венецианскому. Поставил его на ножку и взвел на небо. Какое зрелище поразило взор его! Луна в тридцать три краты большая той, которую видел он дотоле, вся покрыта пятнами, ямами, горами. Венера сняла покров свой, он увидел ее ущерб и прибыль. Юпитер явился не лучистой и угловатой звездочкой, но белесоватой ма-

ленькой Луной, совершенно круглой, с старинный серебряный рубль величиною и с несветлыми полосами. Четыре маленькие точки в равном от него расстоянии по горизонтальной линии порхали с левой на правую его сторону – это его спутники! Сатурн тоже представился Луною, но еще меньшею. У него две ручки (какие бывают у вазов), две светлые выпуклости, одна с правой, другая – с левой стороны. (Позднее увидели, что это кольцо.) Наконец, наставив трубку на звезды, он увидел, что хотя и кажутся они крупнее, но их открылось множество. Он насчитал их пятьдесят в голове Медузы⁶, где невооруженному глазу казалось только семь. Но как не взглянуть на Солнце? И как взглянуть на него, не ослепясь его сиянием? Он закоптил дымом глазное стекло своего телескопа и, умерив тем ослепительное блистание сего великого светила, мог свободно его рассматривать в виде красного шара; увидел в нем несколько пятен, на другой день новые, на третий – ни одного, и заключил, что солнце представляет ему разные свои стороны и, следовательно, обращается вокруг самого себя.

Так подумывал я, обтирая телескоп свой, но, дойдя до чистки предметного стекла, снял с него медный колпак и что же увидел? Оно все покрыто было самой мелкой и плотной паутиной, как кружевом. Что за странность? Что хочет сказать мне этот паук, два уже раза мешаясь в астрономические дела мои самым наглым образом, и все как будто яснее и ближе что-то мне указывая? Ну хорошо, гость незванный, давай разговаривать. Уж не из ученых ли ты? И по тонкому чутью своему не поглядываешь ли в мои поговорки слишком далеко вперед; и не хочешь ли, может быть, сказать мне, чтоб я замолчал и остерегся радужности стекол моих, не Фраунгоферских⁷? Молчишь, паук. Да что же ты выразить намерен? Ты существо доброе; я много знаю пре-

красных твоих поступков с людьми, бывшими в заключении, в бедах и несчастиях, когда ласкатели, и даже друзья, оставляли их; ты приходил к ним, знакомился с ними, развлекал грусть их. Стало, ты ничего дурного сказать мне не хочешь; а, верно, намекаешь что-нибудь доброе и полезное. Да что такое? Беда, что ты молчалив и употребляешь со мною какой-то символический язык, который трудно разгадывать.

Попытаюсь, однако же. Не хочешь ли ты сказать мне так: «Посмотри на мою паутину. Видишь, как тонка! Никакой фабрикант лучших Брюссельских и Алансонских ваших фабрик не умеет выдавать подобного кружева. Но что ты скажешь, когда (как я подслушал то и сам с удивлением в кабинете одного из славных ученых), когда узнаешь, что каждая ниточка этой паутины состоит из шестнадцати тысяч ниток! Я, правду сказать, сам не считал, но если это правда, то какова моя прядельная машина? Как же можешь ты не только с презрением, но даже и с некоторым на меня негодованием хотеть разрушить столь дивную работу? И на что же? Хоть бы уже для дела; а то единственно для того, чтобы поглазеть подалее в небе? Что ты там увидишь? Кольцо Сатурново? Но какая прибыль? И лучше тебя астрономы не знают, что оно такое! Перенося за тридевять земель свою земную мерочку, твердят они, что это замерзшая атмосфера, там, где, может быть, нет ни стужи, ни тепла, ни атмосферы. Курам смех! Не лучше ли тебе вместо астрономических наблюдений пуститься в микроскопические? Увидишь, как ссучена моя шестнадцатитысяченитная веревка. Увидишь, как из небольшого тела моего этими чудными нитями я постреливаю, скоро и метко. Как располагаю паутину свою так, что падение самой маленькой пылинки, или крыло чуть приметной мошки, приводит всю ее в немедленное сотрясение, до самого гнезда моего. Как

эта тленная и легкая сеть крепка своею слабостью и часто так крепко бывает привешена, что между тем, как буря рвет с домов ваших крышки, раздирает огромные паруса, ломит дубовые мачты, а мою паутину только что покачивает! Ты в микроскоп увидишь, какие чудесные и разнообразные законы управляют круговращением сока в растениях. Увидишь, что кровь животных составлена из живых шариков. Найдешь в сей жизненности ее загадку: *vis vitalis*⁸; изъяснение, почему запрещено есть кровь животных; почему кровь Авеля могла точно вопиять на братоубийцу; почему кровавые жертвы всемирно приносились и в законе Моисеевом установлены, и проч. Вот превосходство микроскопа над телескопом! Однако ж, ежели ты уже непременно решился не всматриваться в премудрость Божию дома, в себе самом и около себя, а упорно хочешь видеть ее вдалеке, так узнай же прежде ту область, в которую ты вступить осмеливаешься. Знай, что, предположив круг, обтекаемый Ураном около Солнца пределом нашей Солнечной системы, и прибавя к сему кругу пространство, отделяющее Уран от отдаленнейшего из его спутников, империя нашего Солнца заключает в себе более тысячи пятисот двенадцати миллионов французских почтовых миль в длину и поперек; что составит, говоря астрономически, поверхность: 1 796 256 квадратных миль.

Но как поверхность сия равна во все стороны; то и заключает она в себе пространство: 1 666 927 368 000 000 000 000 000 кубических миль.

Эту необъятность должно усотерить, ежели кометы признаются планетами; ибо их эллипсис вдвое и втрое далее круга Уранова.

Но в то время, как воображение твое содрогается уже, теряясь в сей страшной обширности Солнечной системы, представь себе, что ты только по сю сторо-

ну Урана! За ним еще пылают Сириус, Вега, Арктур, огромнейшие солнца, и несколько миллионов солнцев*. Но говоря даже несколько миллионов, не должно забыть, что лучший доселе телескоп так нам показывает; а может быть, их миллионы миллионов или лучше такой счет, который у нас иначе не может быть и назван, как бесчисленностью. Кто ограничит власть Божью? Сии зауранские солнца, вероятно, пылают тоже не напрасно, и вокруг них обращаются, без сомнения, столько же миллионов таких же планетных систем, как и наша. Итак, вот куда собрался ты проглянуть сквозь эту жалкую скважину, которую называешь своей трубою! Тысячи миллионов планетных систем с мириадами своих обитателей совершают в сем небеси небес путь свой для того только, чтобы поведать славу Божью! Что значат в сей недомыслимой бесконечности твои и всех других подсматривания, подслепым глазом крота обзирающие биллионный кружечек сей чудесной бездны красот, величия и славы! Ежели хочешь ты на горошенке своей быть действительно полезным, то послушайся меня (казалось мне, продолжал паук), оставь паутину мою в покое, закрой опять колпак, снятый тобою с трубы, и подойди к бюсту Невтона, который стоит на шкафе твоём против Кеплерова; изучи у подножия сего

* Ибо математически доказано, что неподвижные звезды суть солнца; и доказано так: по необъятному расстоянию своему от нашего Солнца звезды сии не могли бы, принимая от него свет, досылать его до нас. Сей свет так уже слаб, когда возвращается он к нам от Урана, что мы не можем видеть сей планеты иначе, как в телескоп; а Уран отстоит от Солнца только на 755 миллионов. Свет солнечный должен бы был совершить путь сей (755 миллионов миль) более миллиона раз для освещения ближайшей к солнцу звезды, и еще такой же путь при отражении на землю. Он был бы, следовательно, ослаблен в два миллиона раз против Урана; и потому стал бы в два миллиона раз невидимее невооруженному глазу; а мы видим сии звезды; видим, как не можем видеть Урана, то есть без телескопа. И потому, наверное, заключаем, что они, блистая собственным светом, суть солнца.

великого человека истинные его понятия о мироздании; узнай, что он не так думал о нем, как огласили то люди, последователями его себя ложно именующие. Открой сию истину современникам твоим; искупи память мужа благочестивого и подлинно славного от нечестивого нареkania в том, что будто бы он основал такую систему мира, которая движется слепыми механическими силами». То ли ты мне хотел сказать паук? Он молчит; а кто молчит, тот соглашается. Я закрыл трубу – пошел к Невтонову шкафу, рылся в книгах, читал, перечитывал, делал заметки и карандашом, и загибая листы, выписывал, переводил, и вот что составилось.

(До следующей книжки.)

ОСКОЛКИ ОТ ФИЛОСОФСКОГО МОЗАИКА

1. Из какого-то философа

Начало каждого духа состоит из двух свойств: познавать и любить. Предел его познания есть грань естества его. Существо бессмертное ничему не выучивается. Оно по природе своей знает все, что знать должно. Никакое существо не может любить зла по природе своей, ибо тогда должно бы было предположить, что Бог сотворил его злым, что невозможно. Итак, ежели человек подвержен невежеству и злу, то это иначе быть не могло, как вследствие какого-либо случайного повреждения; а повреждение сие не могло произойти ни от чего иного, как от преступления. Та потребность, та алчба познания, которая мучит человека, есть природное стремление существа его к первобытному состоя-

нию. Она указывает ему, чем он сделался. Его тянет к области света. Это его центробежность. Ни бобр, ни ласточка, ни пчела не хотят знать более своих предшественников. Все существа спокойно занимают свое место. Все пали, но не знают этого. Один человек чувствует, что он пал. И сие чувство есть в одно и то же время доказательство и величия, и злополучия его, высоких прав его и глубочайшего уничижения. В сем злополучии, которому он себя подвергнул сам, не наслаждается он даже и плачевным счастьем не знать его. Он должен непрестанно видеть его, и не может видеть иначе, как краснея. Унижаемый самым своим величием, при свете разума к ангелам его приближающего, должен он рассматривать мерзостнейшие свои склонности, унижающие его до бессмысленного животного. Он ищет в основании существа своего какой-либо неповрежденной части и не находит ее. Зло все отравило и весь человек – одна болячка! (Ніррокр.)¹

Воля его, подобно змее Тассовой* тащится сама за собою, стыдясь своего расслабления. Человек чувствует, что он смертно ранен – в волю. Не знает, чего хочет, чего не хочет, не хочет того, чего хочет и хотел бы хотеть! Он находит в себе что-то такое, что не он и что сильнее его. Мудрый противится и вопиет: кто мя избавит²? Безумец покоряется и именует подлость свою счастьем; но не может заглушить другой воли своей, хотя и потерявшей власть над ним, но неистребимой в ее основании; и угрызение пронзает сердце его, крича непрестанно: «Аще ли еже не хочешь, сие творить, хвалишь закон, яко добре»**. (То есть как бы так: делая то, чего не хочешь, ты доказываешь, что в тебе есть закон, влекущий тебя к добру.)

* E se depose he tira. Tasso, XV. 48.

** Там же. Стб. 16.

2. Кеплер

Гений не карабкается по лесенке силлогизмов³. Он идет свободно. Видно, что вдохновен. Кто выше Кеплера в астрономии? Сам Невтон есть только истолкователь сего великого человека, которого имя написано на небе. Но открытие совершенно независимо от всего прежде выученного. Истинное вдохновение. Если бы отдать на суд наших мудрецов его мистические соображения чисел и небесной гармонии, столь тесно связанные с благочестивыми идеями его, то они бы рассмеялись над мечтами бедного суевера и фанатика! По счастью, что, живя под его законами, они не читали его жизни, а то бы досталось ему! (Mairan dissertation sur la glace 1749. in 12. pref, p. 11.)⁴

3. Науки и Христианство

Приметили ли вы, что неверие ничего важного не открывало и не может открыть?

Скипетр науки когда отдан в руку Европы? Когда она держала уже в другой крест. Какие училища были первыми? Богословские. Попробуйте научить юношество вашим наукам без религии; пошлите к диким, вместо миссионеров, академиков и посмотрите, что выйдет! Прежде чем познаешь мир, познай себя. (Сенка. Ep. h. XV.)⁵

Всякое метафизическое положение, которое не выливается само собою из какого-либо христианского догмата, есть не что иное как преступный бред.

М. Простодумов.

ПИСЬМО К ИЗДАТЕЛЮ М.Г.А.И.¹

Изувечен будучи еще под Требией², на ординарцах у Суворова, засел я с костылями своим в здешнем городке и, забыв ученость и литературу, о которых мимоходом слыхивал в Кадетском корпусе, где я воспитан, ничего не читаю – уже лет тридцать, кроме Каноника, Евангелия и Псалтири, да у здешнего почтмейстера инвалида по почтовым дням. Тут давно встречал я Отто Карловича Б....., эстляндского дворянина, управлявшего одним большим имением близко отсюда. Добрый немец сей, за трубкой табаку и чашкою чаю, часто беседует с нами очень приятно и занимательно; ибо он человек образованный, хорошо учившийся и много путешествовавший с пользою. Но у него есть одна слабость, свой конек, как и у всякого человека; это его Эстляндия. Заговорите о чем вам угодно, например о Пекине, – он непременно привезет вас и оттуда в Ревель, Гансаль, Вейсенштейн³. А мы с почтмейстером не очень сильны в географии – и спасуем. Вот наш Отто Карлович проповедовал, что в одной его Эстляндии рай земной; что там только живут люди порядочные; там только отцы семейств, вместо чванства мотовством насчет заимодавцев, занимаются в деревнях своих улучшением разных отраслей сельского хозяйства для сбережения имуществ в приданое дочерям и содержание сыновей в службе царской. Там только жены не стыдятся хлопотать о всех подробностях домашнего быта, кормить, сами воспитывать и учить детей своих. Только там, по словам его... текут реки молоком и медом. Досадно нам бывает с почтмейстером, что несет он такую невероятную гиль⁴; а оспорить нечем потому только, что учены на медные денежки. Вот я, однако же, вспомнив старинную удадь, повел на

него вчера атаку наудачу. «Послушай-ка, почтеннейший Отто Карлович, славны твои бубны за горами, ну что за земля твоя Эстляндия; я, еще отправляясь в Италию, с Павловским гренадерским полком, слыхивал об ней, – такая же немчизна, как и Германия, в которой мы чуть было не перемерли с голоду оттого, что никто не понимал нас; говоришь, бывало, – кажется по-русски, – а они глядят, разинув рот». Чуть я вымолвил это, как добрый мой Отто, бросив трубку, покраснев как рак, подбежал ко мне. «Нет, Клим Федулович, этого уж я не стерплю, мы в Эстляндии настоящие русские; любим славное Отечество наше не меньше вас, преданы всею душою великим Самодержцам нашим, посылаем на службу Им цвет нашего юношества, и – гордимся этими чувствами. Язык русский делается у нас общим. Старые воины и моряки наши, израненные в рядах ваших, требуют, чтобы дети их выучились говорить так же твердо, как они говорили: «Вперед, ребята! – умрем за Бога и царя!» – «Ну полно, полно, Отто Карлович, уж ты, кажется, и в штыки готов приударить... Пардон!» – хоть я до этого слова не очень охотник, да уж для сохранения твоей приязни вымолвил. И битва кончилась, раненых и убитых не было; поле сражения осталось за Отто Карловичем; а я (чтобы не сказать отретировался) оттянулся к линии своих запасов. Велел составить из них ужин, лег в постель и заснул нашу битву, так исправно, что через неделю, пустясь в Почтовую контору, и не думал уже об ней. Но видно, из окна заметили, что иду на двор, потому что только отворил я дверь, как мой Отто Карлович стоит уже на пороге, держа в обеих поднятых руках беленькую книжку. «Стойте, Клим Федулович! – возопил он. – Надевайте очки и – сдавайтесь!» – «Как сдаваться! – ни за что!» – «Надевайте очки! – увидите, что обойдены, окружены – сдавайтесь!» Вот я вытащил очки, вытер их,

надел, поднял голову и читаю: «Радуга – журнал Философии, Педагогики и Изящной Литературы, и проч...» – «Что, за видо?»⁵ Я думал, что там Русского духа слыхом не слыхивано, а там русский журнал издается, и – немец пишет по-русски. Подлинно я был поражен как громом: и весело было это видеть, и не хотелось тотчас сдаваться. «Ну вижу, что Русский Журнал, да надобно еще прочесть; мало ли журналов; иных лучше, чтобы и не было. Надобно знать, стоит ли этот журнал вашей радости». – «Пожалуйте-ка, я покажу знатоку и принесу вам его заключение». – «Дело, Клим Федулович, извольте; мы и сами с г. почтмейстером рады, чтобы кто-нибудь поученнее нас оценил это новое явление».

Надобно сказать, что в маленьком городишке нашем знаток-то есть, философ настоящий; но тяжелый на подъем, не хвастливый, не резкий, не говорун – поглядеть на него, мешок мешком. Он занимает место штатного смотрителя в одном из маленьких училищ; умница великая, да только по-христиански, старинного воспитания, последних годов митрополита Платона⁶. Вот я к нему – он прочел заглавие, нахмурясь пересмотрел оглавление – и лицо его разгулялось. «Благодарю, Клим Федулович, оставь прочесть». Я оставил; и через неделю он входит ко мне с книжкой: «Ну уж одолжил приятель; журналец по сердцу мне, да и более скажу – заставил он меня пораздуматься. В немецкой провинции, немецкого издателя, да Русского Духа. – Вот до чего мы дожили; между тем как наши-то пописывают русскими литерами по-немецки да по-французски, Немцы, ..., ..., слогом заговорили с нами по-русски; да еще об чем же? – упрекают, что мы обезьянски переняли у немцев и французов вредный образ мыслей, и уговаривают воротиться к святой старине нашей. Ай да эстляндцы! молодцы! – Вот так-то было, любезнейший Клим Федулович, с израильтянами, когда они

забыли своего Бога. Он их бросил; усыновил себе другие народы, и Царство Свое им отдал. Народ избранный впал во мрак; а новые наследники Света стали учить его».

Что мне теперь делать, думал я, слушая; как сладить с Отто Карловичем, чтоб выторговать у него мир непостыдный? Потащился к нему на дом. Он сидит с трубкой, подпершись левою рукой; поклонился мне довольно гордо и сказал, улыбаясь: «Что, приятель, какая весточка от Оракула?» – «Повинной головы меч не сечет, Отто Карлович, прошу вечного мира!» – «Хорошо». – «Плохой мир лучше доброй войны; но вот условие: *sine qua non*, то есть непременно: описать все наше побоище и торжество мое с ревельским журналом в руке, издателю его». Я согласился очень охотно на умеренное требование победителя и с удовольствием его исполню.

Ваш искренний почитатель,
Клим Правдобаевский.
Отставной майор, живущий
в Симбирской губернии.

ПРОДОЛЖЕНИЕ 4-го ОТЛОМКА ФИЛОСОФСКОГО МОЗАИКА

Слово «притяжение» очевидным образом недостаточно для изъяснения системы мира. Недавно выдумал такое, которое бы выражало в одно и то же время и притяжение, и центробежность; ибо ежели бы только притяжение действовало, то весь мир превратился бы в одну плотную и неподвижную массу. Мы все знаем, что всякое движение есть действие, и знаем также, что начальная причина всякого движения не может быть иная, как духовная. Древние говорили, что начала всякого движения должно

искать в чем-либо неподвижном. Те некоторые сказали, что движение свойственно материи, – говорили против собственной совести. Вопрос вот в чем: движение или последствие и совокупность движений образующих, например, какое-либо ископаемое, растение или животное, свойственны ли материи? Идея материи необходимо ли включает в себе идею изумруда, соловья, розы? Всякое движение материи имеет целью и последствием или разрушение, или образование – и по сему не можно утверждать необходимого движения, не утвердив в то же время необходимых его последствий; а в сем смысле движение очевидно и непременно будет соединено с намерением, – следовательно, предполагая, что движение свойственно материи, должно допустить, что и намерение равно ей сродно. Таким образом, то самое доказательство, которое должно было устранить дух, привело нас к нему.

Когда явилась идея Ньютона; то она понравилась своему веку не столько своею истиной, как тем, что можно было перетолковать ее в подтверждение тех мнений, кои должны были ознаменовать сие гибельное столетие. Котес¹, в славном предисловии своем к Невтоновой книге о Началах, поспешил было утвердить, что сила притяжения свойственна материи; но творец сей системы (Невтон) первый возразил против мнения славного ученика своего, публично заявив, что никогда не думал утверждать сего, и присовокупил, что до того времени совсем и не видал предисловия Котесова. (Богословские письма Ньютона к доктору Бентлею.)

В самом введении к славной книге своей Невтон объявляет торжественно и неоднократно, что его система не касается до физики, что он не присваивает никакой силы центрам и что, одним словом, он нимало не намерен выступать за предел математики. Он сказал: «Предложение природной центробежности, составляю-

щей необходимое свойство материи, до такой степени, чтобы одно тело могло действовать на другое, в некотором расстоянии (именно то, что утверждают ныне все ученые нашего времени, его именем), – есть для меня такое безумие, что я не думаю, чтобы человек, имеющий обыкновенную способность рассуждать о физических предметах, мог допустить его. (Письма Ньютона к доктору Бентлею; III. письмо 11 февраля 1693 года; найти можно в Британской библиотеке, февраля 1797 года, в IV части, под № 3, на странице 192.)

Он сказал в бессмертном творении своем: «Когда я употребляю слово притяжение... то не физически понимаю сию силу; а единственно математически. Читатель должен весьма внимательно остерегаться, чтобы не вообразить, что под сим словом разумею я какую-либо причину физическую; или хочу присвоить центрам притяжения действительные и физические силы; ибо я в сем трактате рассматриваю только количества и соразмерности математические, не занимаясь природой сил и свойств физических. (Philos. nature. princ. mathem. Cum comment. P. P. L. Seur et Jaquier, Genevae, 1793 – 40, in 4. t. I, Def. VIII. p. II. Et Schol. propos. XXXIX. P. 464.)

Кларк², о котором Невтон говорил: Кларк один меня понимает, – сделал по сему предмету замечательное признание: притяжение, говорит он, может быть следствием двигателя, но, конечно, невещественного (*Impulsu non utique corporeo*); а в примечании прибавляет: Притяжение, без всякого сомнения, не есть вещественное действие; но действие какой-либо причины невещественной. (*Causae cujusdam immaterialis* и проч. Смотри физику Rohault, переведенную на латинский Кларком, т 8.1. II. Cap. XI. S. 15. Текст и примечание.)

Гений открытий в естественных науках состоит единственно в способности отыскивать неизвестные яв-

ления; ибо как искать причин в природе, которая и сама есть одно явление? Он может прилагать явления, еще не изъясненные, к таким действиям, кои уже известны (и которые мы принимаем весьма несправедливо за причины). Таким образом, тот, кто открыл круговращение крови, полы растений, – сделал, без сомнения, важную услугу для наук; но открытие явления ничего не имеет общего с открытием его причин. Невтон заслужил бессмертие, отнеся к тяготению такие явления, которых до него никто не осмелился приписать оному; но лакей сего великого человека знал не менее о причинах тяготения, как и господин его. Некоторые самозванные последователи Невтона, за которых покраснел бы он, ежели б мог возвратиться на землю, дерзнули утверждать, что притяжение есть закон механический. Никогда Невтон не произносил сей хулы на здравый смысл, и напрасно усиливаются сии иметь участником в своем преступлении столь славного человека.

Стало, последователи Невтона, твердя непрестанно о небесной физике, прямо противоречат своему учителю, который постоянно устранил от своей системы всякую идею о физике. Они говорят, что притяжение не есть система; но событие; однако же на опыте открывается, что оно не что иное, как система, и система их собственная. Не очень еще давно (в 1819 году) Королевская в Париже академия предложила следующую задачу: можно ли составить из чистой теории лунной таблицы также совершенные, как те, кои составлены из наблюдений?

Следовательно, это подлежит еще сомнению. Сама Парижская академия в этом еще не уверена. А как скоро так, то и общему здравому смыслу, без всяких глубоких вычислений, не может быть запрещено* мыс-

* Думать, что сила притяжения есть не более как наблюдение в формулах представленное – не может быть запрещено.

лить так: движение тел небесных не более таинственно, ежели оно последственное, или от чей-либо воли, ежели оно первоначальное. Лжеименные невтонианцы обязаны сказать: кто тот вещественный двигатель, которому поручили они водить тела небесные в пустом и бесконечном пространстве, кроме их Эфира, о коем можно прочесть сочинения Лесафа Женевского, чтоб убедиться во всей крайности безумий разума? Хотя подобные системы и недостойны возражения, но они бесценны в том отношении, что обнаруживают всю степень отчаяния сего рода философов, кои умели бы подкрепить мнения свои предположениями более сносными, ежели бы они существовали.

Таким образом, пришли мы к невещественной причине движения. Теперь вопрос только в том: останавливаться ли на причине последственной или тотчас взойти к первоначальной? Но в том и другом случае, где силы и разные их сопряжения и где вся механическая система? Одна слепая вера в злоупотребленное имя Невтоново могла доселе налагать на всех молчание; но как скоро из собственных слов его мы узнали, что люди, объявляющие себя его учениками, прикрыли только его именем, всклепали на него совершенное ему противоречие; то кто запретит нам и каждому мыслящему человеку думать по-своему и, не взводя ни на кого из мертвых своих собственных предложений, свободно излагать их:

Тела небесные вращаются потому, что воля Высшая их вращает. Кому угодно наблюдать их движение и представлять его цифрами, очень можно, довольно легко и весьма полезно. Никто не мешает, и это не имеет ничего общего с существованием необходимого начала. Календари останутся.

Я гоняю лошадь на корде. Ее движут две силы: корда, которую я потягиваю, чтоб она не сошла с описывае-

мого ею круга, и арапник, коим хлопаю, чтоб она в круг не входила. Пусть удаленный зритель сего движения заключает, что две силы заставляют мою лошадь обегать сей круг. Это правда. Пусть исчислит он ее движение, исчисление будет верно; и он предскажет минуту, в которую явится она на той или другой точке; но то, однако же, останется неоспоримым, что лошадь моя так бежит единственно потому, что я так хочу.

Невтон говорит (в тех же богословских письмах к доктору Бентлею³), как необходимо различать возможность физическую от теоретической или метафизической.

Можно ли представить десять тысяч иголок стоящими на гладко выполированном стекле? Без сомнения, как скоро это простая теория. Стоит только предположить, что они поставлены в совершенном равновесии, от чего же им упасть? Но как скоро мы преступим в область физики, то ничего нельзя представить невозможным.

Сие рассуждение Невтоново прямо прилагается к системе мира. Как возможно, чтоб сия огромная машина двигалась слепыми силами? На бумаге, в чертежах и алгебраических формулах еще возможно, но на самом деле никак. Без существа действующего или содействующего порядок невозможен; и одним словом: физическая система мира (говоря согласно с Невтоном) физически невозможна!

Остается только выбрать для двигания оной существо первобытное или сотворенное, но и в сем случае долго колебаться нельзя; и разум, и предания всей древности (которыми наш век недаром пренебрегает) тотчас разрешат сомнение.

Мы увидим, что сабеизм⁴ был древнейшим идолопоклонством.

Что каждой планете приписано особое Божество и тесно соединялось с нею, присвоив оной и имя свое.

Что планета спутника Земли, отлична от прочих, управляясь таким Божеством, которое принадлежало к Земле и к аду. (Tergeminamque Hecaten tria Virginis ora Dianae Virg. Aen. IV.)

Что древние думали, что металлов столько, сколько планет, и присваивали каждому из них имя и фигуру его планеты*.

Что Иов утверждает пред Богом, что никогда не глядел на звезды с приближенною к устам рукою**.

Что пророки говорят часто о воинстве небесном***.

Что Ориген⁵ говорил, что солнце, луна и звезды возносят молитвы к Богу Вышнему через едиnorodного Сына Его. Что когда мы молимся Богу прямо, то им сие приятнее, нежели когда через их посредство разделяем силу молитвы человеческой****.

* Прежде было 7 планет и 7 металлов; но примечательнее всего то, что в наше время число тех и других умножилось в той же соразмерности; ибо нам известны 28 планет и спутников их и 28 металлов (Journal de physique, travaux et progress dans les sciences naturelles, dendant l'annee 1809, cite dans le Journal de Paris du 4 Avril 1810. P. 672, 673. No. 4.)

Не менее удивительно и то, что есть полуметаллы и полупланеты; ибо астероиды суть полупланеты.

Впрочем, к употреблению человека остается только 7 планет и 7 металлов.

** Или не видим солнца воссиявшего оскудевающа, луны же умаляющиеся, не в них бо есть. И аще прельстися сердце мое, аще руку мою положив на устах моих лобзах? (Иов 31 : 26, 27, 28.)

*** И истают все силы небесные (Ис 34 : 4). И против всего воинства небесного (Иер 8 : 2).

**** Цельс полагает, что мы ни во что не вменяем солнце, луну и звезды; но мы знаем от Святого Учителя языков (Рим 8: 19 и послед.), что чаяния бо твари откровения сынов Божиих чают. Знаем, что суете бо тварь повинуся неволею; но за повинущаго то на уповании, яко и сама тварь освободится от работы истления в свободу славы чад Божиих. Знаем, что вся тварь (с нами) совоздыхает и соболезнует даже до ныне. Если бы в бесчисленном множестве наших сказаний о звездах Цельс слышал только: «Хвалите его солнце и луна, хвалите его все звезды и свет. Хвалите его небеса небес» (Пс 148 : 3 и 4.); то он не обвинил бы нас в пренебрежении к сему великому и хвалебному лику Божию (Orig. adv. Cels. Lib. V).

После сей массы священных и мирских, древних и новейших преданий, единогласно соединяющихся в нашем смысле и ученым миром, вероятно, еще не сведенных и потому не обдуманных; неужели не может быть признана неоспоримой та истина, что система мира неизяснима и невозможна средствами механическими? Говорить, каким образом она может быть изяснена и возможна в теории математической, – не наше дело; ибо сие вывело бы нас в мир гипотез, совершенно для нас чуждый. Наша истина, основанная на торжественно объявленном мнении самого Невтона, неоспорима. А как никакая истина не может быть в противоречии с другой, то теперь должностным теорикам предлежит выбираться из сего затруднения!

Мы знаем, что нынешние астрономические теории, стоя на самых глубоких вычислениях, доступны только весьма малому числу людей. Что потому-то и могли мудрецы наши? Столкнувшись? возвести на бедного Невтона свои собственные и совершенно противоречащие ему грезы. Что только потому, в продолжение почти двух столетий? сей невинный обман и оставался тайною маленького их сословия. Что для того-то и огордили они ученость свою Эфесскими мистериями⁶. И невзирая на то, что всякая, самая высокая истина должна быть по самой неделимости своей совершенно проста, вывели они из теорий астрономических какую-то как бы религию, против которой малейшее сомнение почитается богохульством.

Ежели ученые читатели наши доселе на нас не осердились, то, верно, не осердятся и за следующие признания в нашем невежестве и сомнениях.

Не верим мы их механическим теориям мира. Верим вместе с Невтоном (как выше доказано) одной математической их гипотезе. И вот, между прочим, что осо-

бенно сбивает нас с толку: нам всем твердят в первых уроках математической географии, что наша планета у полюсов сжата, под экватором, напротив того, выпукла. Для удостоверения в истине сего, говорят, есть два средства: опыт или геодезическое измерение и теория. Сия последняя основывается на следующей физической истине: Возьмите сферу (из кожи или тонких медных обручиков), вертите ее на оси, она поднимется под своим экватором, по законам центробежности, и примет фигуру сплюснутого сфероида. Берут такую сферу, начинают очень скоро вертеть, за приделанную к оси ее ручку, и она действительно принимает сказанный вид; и все мальчики, торжественно поглядывая друг на друга, говорят: видишь, как это ясно.

Но как подрастут да пообдумают все, что им казалось доказательством ясным, так возникнут ясные возражения на сии доказательства.

Во-первых, Земля не из кожи и не из медных листочков. Внутренность ее – спросите у гг. Кювье⁷ и Гумбольда – запечатана. Наружность же, которую дозволил Бог вскапывать, не глубже для нас простирается, как на шеститысячную часть ее радиуса; это значит скоблить ее кору, ползать по гробовой крышке допотопного мира. Тут что находим? Воду и землю. Если бы, предположив эту огромную массу сперва неподвижною (как то и необходимо в механической системе), вдруг двинуть в суточный ее ход; то что бы вышло? Обиталище человека и животных было бы совершенно разрушено водою, которая бы вся хлынула к экватору, в то время как быстрота, едва начавшегося движения, не успела еще сделать его выпуклым. И так Земля необходимо должна была иметь ту же самую фигуру, которую теперь имеет, до начала своего суточного движения.

Второе: те физики, которые не только не предполагают сотворения мира по книге Бытия, но даже и сердятся при слове о нем, как могут утверждать, что Земля возвысилась под экватором от такого движения, которое, по собственным словам их, не имело начала? Где тут логика?

Третье: отбросив вечность материи и допустив, следовательно, что мир имел начало, мы просим наших механиков сказать нам только: кто из них щупал Землю при ее сотворении и может уверить, что она была тогда мягкою? Кто объехал ее в то время и доказал, что она была круглою?

...Что делать, надобно хоть и с большим страхом, но вымолвить, что общепринятая доселе теория хороша только для маленьких школьников, которых убеждает верчение кожаной и медной сферы; да для тех, кои, пользуясь легковерием и ленью полуученых, строят на сем вертящемся основании свои системы центробежностей философских, в которые хотят убежать от Бога! Но камо⁸ пойду от духа Твоего и от лица Твоего камо бегу?⁹ Аще взыду на небо – Ты тамо еси! Аще сниду во ад – тамо еси!¹⁰ (Пс 183 : 7 и 8.)

ПЕРВОЕ ПРИМЕЧАНИЕ НА 3-й ОТЛОМОК ОТ ФИЛОСОФСКОГО МОЗАИКА

«Общество значит связь, в которой пожертвование собою есть единое начало порядка и единое средство к его охранению». «Добровольное пожертвование всякого человека самим собою обществу находится в одной христианской религии, и сия жертва состоит из *всего чело-*

века: из пожертвования собственными его мнениями и личным образом мыслей; из пожертвования самою ею жизнью, в тех случаях, где общая польза того требует». Вот слова Господина Простодумова.

Здесь не ясно, какое общество г. Простодумов разумеет. И от неясности сего понятия происходят весьма многие другие неясности.

Из Священного Писания извлекается понятие о двух обществах, из которых одно есть – *Церковь*, а другое – *Государство*.

Какое из них разумел г. Простодумов? Первое или второе? – или соединил он оба в одном понятии?

Соединение сих двух понятий в одном невозможно; это ясно не только из множества споров, бывших об этом до нас, но и из самых слов Спасителя, сказавшего, во-первых, что Его Царство не от сего мира, во-вторых, чтобы отдаваемо было Богу Богово, а Цесарю Цесарево.

Если разумел г. Простодумов под именем общества Церковь, то, без всякого сомнения, справедливо, что в Церкви человек должен добровольно жертвовать всем собою, без всякого изъятия. Но зачем тогда сказать о выгодах? зачем прибавлено: «...в тех случаях, где польза общая того требует?» По слову Священного Писания, мы все должны быть членами одного тела: а сие тело есть Церковь – Тело Христово. Церковь и Богочеловек суть Тело и Душа – единый состав. Если я уверовал в это, то, жертвуя всем собою, стану ли я помышлять о выгодах? Или стану ли ожидать, чтобы польза общая от меня жертв потребовала? Довольно, если Христос мне сказал: «Аще кто грядет ко мне, и не возненавидит отца своего и мать, и жену, и чад, и братию, и сестр, еще же и *душу свою*, не может мой быти ученик. И иже не носит креста своего, и вслед мене грядеши, не может мой быти ученик». Я и без всяких других побуждений,

единственно из любви к Христу, все это добровольно исполню.

Сверх того я не нахожу никакой близкой и непосредственной связи пожертвования моими мнениями, моим образом мыслей, моими склонностями с общей пользою. Не знаю, какая польза другим членам Церкви, когда я отрекусь от моих мыслей и склонностей – и какой вред для них, если я этого не сделаю. Радоваться могут сыны Церкви при моем отречении от ложных мыслей и дурных склонностей и горевать, когда я упорно стану удерживать их; но пользы или вреда для них тут нет никакого. Лишь бы оставались эти мысли и склонности без влияния на других.

Если же бы для пользы членов Церкви и нужно было, чтобы я отрекся от мыслей, мнений и склонностей своих, то я без всякого сомнения исполню это, и исполню, положим даже, добровольно, то есть не будучи принужден к тому, но чистая ли будет это жертва с моей стороны? Меня не принудили правда к тому, но разве я не был к тому по крайней мере побужден, извне понужден? Я увидел, что пожертвование мое нужно для членов Церкви, и исполнил его. Могу ли же я его назвать совершенно добровольным пожертвованием? Я думаю, что самая чистая жертва Христу есть та, которую приношу я ему без всякого внешнего побуждения.

Не думаю, чтобы выражение: «...в тех случаях, где польза общая того требует» – относилось только к пожертвованию жизнью; ибо стоит только заглянуть в истории, чтобы увидеть, чем труднее пожертвовать – мнениями, склонностями или жизнью.

Если слово «Общество» в статье г. Простодумова не соответствует Церкви, которая есть Общество, преимущественно на первой заповеди Господа основанное, на заповеди всесердечной любви к Богу; но оно тем ме-

нее соответствует Государству, Обществу, преимущественно основанному на второй Господней заповеди, повелевающей любить ближнего, как себя. Если уже Церковь мне говорит: «Заблуждайся, если ты так упорен. Мне вреда ты никакого не приносишь своим заблуждением, если только других не соблазняешь. Ты себя лишь губишь. Я сокрушаюсь сердцем, видя тебя блуждающего; но сокрушаюсь единственно ради тебя. Я болю о твоём несчастье, слезно молюсь к Творцу о тебе; но если ты не хочешь спасти сам себя, то сам будешь ответствен за перед судом Божиим» или «Не мне ты пользу принес, обратясь на путь истинный, а себе самому. Я только радуюсь и ликую об обращении твоём, любя твоё блаженство; ибо и Ангелы в Небе радуются и ликуют, как обратился грешник». Если уже Церковь мне это говорит, то не скорее ли я должен ожидать, что государство мне скажет: «Если мнения и мысли твои вздорны и безумны, и склонности грубы или недобры; то не только не позволено тебе служить в таком кругу, в котором бы ты мог вредить мыслями и склонностями твоими, но запрещается тебе и вообще иметь влияние на людей. Хорошо, если ты обратишься; но я обращения твоего не требую, я только требую, чтобы ты других с пути не сбивал», или: «Хорошо, если мнения и мысли и склонности твои хороши; но мне мало пользы в том, если ты умеешь только сам их иметь. Умей передать хорошие мысли и склонности и другим; тогда я назову тебя полезным членом моим». А если бы государство, которое основано преимущественно на заповеди любви к ближним, увидело, что для пользы людей нужно чье-либо личное отречение от мнений и пр., то неужели бы ему нужно было ждать, пока тому самому угодно будет это сделать? Но дело в том, что государству едва ли когда может быть это нужно.

И так ни государства, ни Церкви не означает слово «Общество» в статье г. Простодумова, что же оно выражает?

Ошибаюсь я или нет, не мое дело о том судить; я говорю только откровенно, что мне кажется, уверен будучи, что откровенность эта будет приятна и г. Простодумову.

Мне кажется, что слово «Общество» в статье г. Простодумова соответствует тому понятию, которое составилось в продолжение Средних веков в Риме. Это идеал духовно-светского организма, Церковное Государство или Государственная Церковь.

Века кровопролитий между народами Запада доказали неправильность сего понятия об Обществе; и самое Священное Писание ниспровергает его, говоря ясно о раздельности Обществ Духовного и Светского. В Средние века люди мечтали, что может такое общество существовать на земле, *какова она теперь*, мечтали даже, что оно существовало и что они были членами его. Естественно, что этому мнимому Обществу приписывалась чистота и духовная власть того Общества, которое по Св. Писанию есть Церковь, и права и светская власть – Государства. Но что оно было, усилившись против Св. Писания быть Церковью и Государством вместе? Ни то ни другое в настоящем смысле: оно было падшая Церковь и несправедливое Государство.

Правда, членам, принадлежавшим сему Обществу, не было нужды до того, падшее ли оно Общество было или нет. Власть, если она уже власть, то она не откуда иначе не приходит, как от Бога. Не правы были альбигензы¹, гуситы² и проч., когда они не хотели собою жертвовать падшему обществу своему: не их было дело рассуждать, их дело было жертвовать собою. Те, которые принимали незаслуженную жертву, сами бы должны были отве-

чать за то. Дух гордости и себялюбия побуждал их не повиноваться требованиям их общества. Но каковы же их требования были? Не простое повиновение требовалось. Общество падшее, следовательно, не составлявшее уже чистых членов тела Христова, требовало, чтобы ему жертвовали альбигензы и пр. собою, жизнью своею, склонностями своими; чтобы, следовательно, вступали членами – в совет нечестивых. На такие ли требования христианину изъяслять добровольную готовность?

Папы говаривали: если я заблуждаюсь, то и вся Церковь должна заблуждаться. Не повиновавшийся сему требованию пусть был не прав (ибо легко можно было тут сказать, что польза общая того требует и нечем было возразить), пусть возлагал он на себя ужаснейшую тяготу ответственности, ибо папа был Богом подставленная власть <...>. И если бы он не отрекался от жертвы и неправедно требуемой, а добровольно бы подвергался ей, то отвечал бы за то папа; а он остался бы очищен душою. Но если дух тьмы пробуждал непокорность в тех, которые должны были жертвовать не только выгодами частными и жизнью, но и мнениями, короче, всеми собою; то не дух ли же тьмы побуждал и требовавших – неправедно требовать таких пожертвований?

Пусть тысячи таких находились, которые готовы были добровольно жертвовать такому Обществу всем без изъятия, не рассуждая нимало о том, справедливо ли оно требует пожертвований или нет. Но все ли они могли убить в душе своей *уверенность*, что Общество их ни чистая Церковь, ни чистое Государство. Все ли они могли, жертвуя не только выгодами и жизнью сему Обществу (что весьма легко), но даже образом мыслей своих или, говоря *яснее*, своею любовью, – могли ли люди, которые не имели своего образа мыслей, а имели только веру, люди, которые не имели своих склонностей, а имели

только любовь, могли ли они, жертвуя Обществу сими драгоценностями своими, убить в груди своей *чувство*, что из любви, преданности и беспредельной доверенности к своему Обществу, жертвуют ему теми священнейшими залогами союза их с Богом, которых пожертвования не имело право требовать от них Общество? А если не в силах они были убить в груди сего чувства, то каково же Обществу, пробудившему его? Такое чувство прямо на небеса вопиет!

В Западной Европе это понятие об Обществе христианском господствовало почти во все времена христианства. В России его не было почти никогда; ибо покушения Никона³ ничего не значат там, где противное основание пустило глубокие корни. В России Церковь и Государство разграничены при самом введении Христианской Веры. Церковный устав, приписываемый Владимиру⁴, потому уже, заметим кстати, нельзя почитать подложным, что, во-первых, он основан на столь чистой Истине, во-вторых, что все направление Русской Истории и весь дух ее согласны с его постановлениями. Могло ли бы это быть, если бы он был сочинение какого-нибудь монаха XIII века, а не один из коренных уставов, данных России при самом начале ее? Да и что побуждает почитать его подложным? Разве имя Фотий не могла быть описка? Разве Ярослав⁵ в своем уставе не мог прибавить постановления, которое бы противоречило первому, если это нужным оказалось? И что, кроме тяжёб о наследствах (Ярославом и отнесенных к мирской власти) и мер и весов, было по сему уставу в ведении Духовенства, что бы собственно принадлежало к власти мирской? Не только, кажется, подложным нельзя назвать сей устав; напротив, его-то бы и должно назвать источником того счастливого духа, который столько веков миром осеняет Россию; миром, говорю, ибо что значат междоусобия за мирское

достояние? что значат брани с врагами внешними? что значит самое напряжение всех сил России против самозванцев? что все это значит в сравнении с кровопролитиями, которые причиняли на Западе власть духовная и власть светская? Может ли что-нибудь быть столь ужасно, как кровопролитная борьба *Совести с Волею*? Не должно ли назвать все войны миром в сравнении с этою войною? Не так счастлива была Западная Европа.

И замечательно, что в Западной Европе – какая бы сторона ни одерживала верх, тех ли, которые повелевали, или тех, которые повиновались, – все к одному заблуждению уклонялась победоносная сторона – к мечте о Светско-Духовном Обществе. Чего хотели папы, к тому же стремились в последнее время и иллюминаты и множество других сект. Одним хотелось осчастливить землю, дав ей личного представителя Спасителя на земле, вокруг бы которого она могла быть, как в Новом Иерусалиме вокруг Самого Агнца будет. Другие, отвергая личное представительство Спасителя на земле и объясняя по-своему пророчество о Суде Божиим, мечтали, что Новый Иерусалим могут насильно низвести на землю, и усиливались скрытно и явно и достигать сей мечтательной цели, и устранять все, препятствовавшее тому.

Все это характеризует Западную Европу, и почему-то ей одной всегда было свойственно. Проникал в последнее время и в Россию то тот, то другой дух, но в России он не мог укорениться. В России обыкновенно принимали всякий такой заносный незнакомый дух за усовершенствованное просвещение и пленялись им, и проникались им. Но до сих пор не мог ни один из них войти, так сказать, в кровь Русского Народа, все они оставались только в умах очень немногих. И как планы Наполеона нашли предел в равнинах русских; так и все эти духи, как бы каким-то ветром благодатным развеваются по степеням ее.

Третий Отломок г. П. есть, как видно из заглавия, выписка из французской книги. Это объясняет и направление, и дух статьи.

Надеемся, что г. Простодумов не откажет сообщить нам, если сделает какие возражения; ибо уверены, что хотя Истина и вечна и явлена нам Богом воплощенным, но мы должны все-таки искать ее, а ища ее, не можем не попадать на разгласия; которые, впрочем, соглашаются очень легко – беспристрастием и христолюбием искателей.

5-й ОТЛОМОК ОТ ФИЛОСОФСКОГО МОЗАИКА. НЕСКОЛЬКО СТРОК В ИСТОРИЮ НАУК

...Мы очень мало знаем о времени *допотопном*. И вероятно, по весьма важным причинам, должны мало знать о нем. Достоверно, однако же, можем заключить, что *наказание Божие всегда соразмеряется с преступлением; а преступление всегда бывает соразмерно с познаниями преступника*; и потому всемирный потоп предполагает преступления для нас, по счастью, *недомыслимые*; а преступления сего рода предполагают познания *гораздо высшие*, чем все нам известные. Вот что *достоверно*, и рассуждение о сем должно необходимо составить введение к положительной истории наук. Чрезвычайные и, может быть, *невозможные* уже для нас сии познания, *омыты* будучи от зла, соделавшего их столь пагубными, *пережили человечество* в семействе праведном.

Мы ослепляемся в заключениях о свойстве и ходе наук, только тем грубым софизмом, который, не об-

мыслив, суеверно приняли за догмат; то есть что судим о таком времени, когда человек мог видеть *действия в самой их причине*, по такому времени, в коем он должен восходить с трудом *от действия к причине*; в котором часто занимается он исключительно *одними действиями*; а иногда утверждает, что нет и нужды в *причинах*, и даже не знает, собственно, *что есть причина?* Кричать повсеместно: *«Представьте, сколько надобно было времени, чтобы узнать то или другое!»* – Какое тупое ослепление! *Миг один для сего был достаточен*, ибо ежели человек мог узнать причину одного только физического явления, то знал уже и все прочие. Мы не хотим приметить, что те самые истины, которые так трудно *нам открывать* самим, очень легко принимать. Платон говорил: *«Это легко и совершенно выучивается, ежели кто-нибудь нам покажет»*. Кому не очевидно, что люди, которые заселили мир, потопом *извращенный*, имели необходимую надобность в помощи *чрезвычайной* для одоления тех чрезвычайных затруднений, кои на всяком шагу должны были встретить. И смотрите же на великолепный характер сей истины! Как скоро понадобилось ей быть утвержденною, то со всех сторон являются сами собою свидетели, которые, никогда не сговариваясь, никогда друг другу не противоречат; в то время как свидетели лжи, и условясь даже в ней между собою, всегда один другого опровергают. Выслушайте только мудрую древность о первых человеках. Она скажет вам, что то были люди чрезвычайные, что Существа высшего порядка удостаивали их своими наставлениями, и в этом нет ни малейшего разногласия: посвященные в древние таинства, философы, поэты, история, баснословие, Азия и Европа *говорят одно и то же*. Подобное согласие всех преданий человеческих *с откровением и разумом* составляет такое

доказательство, на которое не может быть возражения. И так *наука с родом человеческим*. Она была различна от наших; но гораздо их превосходнее; ибо послана была свыше; почему и имела *свою опасность*. И сие-то изъясняет, для чего в самом начале была она окружаема таинствами и испытаниями и сокрыта в храмах, где наконец и погасла, когда пламень ее вместо *освещения* начал *сжигать*. Никто не знает, откуда начинаются, я не говорю уже, первое устройство обществ, но даже и важнейшие гражданские установления, глубочайшие познания, великолепнейшие памятники художеств и могущества человеческого. Подле *римского храма Святого Петра* я нахожу *проводы Тарквиниевы*¹ и *циклопские здания*². Сия эпоха граничит с *этрусками*³, коих искусства и могущество теряются во мраке древности, которых Гесиод⁴, за девять веков до Рождества Христова, называл уже *великими и славными*, кои за несколько веков до войны Троянской посылали уже колонии в Грецию и на многие острова. Пифагор, путешествуя в Египте, за шесть веков до нашего летосчисления узнал там причину всех явлений Венеры и мог узнать, ежели бы хотел, и более, например, *что Меркурий в угождение одной Богине играл в шашки с Луною и выиграл у ней 72-ю часть дня*. Здесь надобно приметить, что 72-я часть дня, будучи умножена на 360, составляет те пять дней, которые прибавлены впоследствии для дополнения солнечного года. Индийские книги говорят о семи молодых девах, пляшущих с *Кришиною* (Аполлоном Индии) – который разделился на *семь кришин*, чтобы плясать с каждою из сих дев в одно и то же время. Вспомните, что пирамиды египетские, древнейшие всех исторических времен, с величайшею точностию поставлены на Восток. Что все искусства обыкновенно живут и процветают в одно время; что народ, который

умел составить краски, три тысячи лет на чистом воздухе сохраняющиеся; поднять на высоту шестисот футов такие тяжести, кои бы устояли против всех усилий нашей механики; иссечь на граните птиц, которых все роды один из новейших путешественников мог различить; что этот народ, говорю, был – без всякого сомнения – равновелик и во всех прочих искусствах и знал многое, чего совсем мы и не знаем. Взглянув оттуда на Азию, я вижу стены Немврода⁵, воздвигнутые на земле, еще влажной от потопа, и астрономические наблюдения, с ними современные. Где же так названные нашими философами времена невежества и дикости? Потоп лежит неодолимою преградою ко всем романам воображения; а геологические разыскания утверждают как *бытность*, так и *недавность* его. Физика согласна в сем случае с историею; ибо и предания *исторические* всех народов останавливаются именно на потопе; то есть веков за восемь до нашего летосчисления. Одно средство оставалось нечестивым, говорящим к суеверной толпе своих фанатиков: *астрономические наблюдения, за четыре или пять тысяч лет китайцами сделанные, в государстве, которого тогда и на свете еще не было*. Но и эта ложь не устоит против той исторической истины, что китайцы только в XVI столетии *выучились от иезуитов* составлять календари. Система древностей индийских питала еще надежды неверующих; но и тут Академия калькуттская полезными разысканиями своими их уничтожила. Книги браминов, в которых собирались они показать подлинник наших священных преданий, потеряли свою таинственность. Мы знаем, что *Брама*⁶ есть испорченное имя *Авраама*, тем положительнее, что и жена сего Бога Индии именуется *Сарою*. Один взгляд на географическую карту доказывает, что Китай не мог быть населен *прежде* Индии, и потому падение древ-

ностей индийских сокрушило и пестрые развалины древности китайской, баснями о которых так продолжительно усыплял нас Вольтер и его последователи.

Враги религии много говорят об Азии как о колыбели наук, но твердят сию истину только в превратном смысле, ибо тем самым, чем утверждаются все наши священные предания, бесполезно силятся их опровергнуть. Азия действительно обладала в допотопной древности, вместо наших умозаключительных наук, вперенною⁷ наукою; и потому-то донныне сей опутанный цепями невежества орел не хочет летать в шаре Монгольфьера. Приметьте, что об наших науках не можно помыслить, не окружив себя тысячами машин, орудий, сосудов, приборов – сим многообразным и сложным *скарбом ума* и всеми методами искусства. Европейская наша ученость – в узком и коротеньком своем платъице, с головою, едва видною из-под парика всклокоченного, с руками, обремененными инструментами и книгами, подслепая и желтая от бессонницы и разысканий, запачканная чернилами, *тащится*, вилея, по дороге к истине, потупив к земле чело свое, алгеброю испещренною. – Взгляните же в глубокую древность; посмотрите, сколько то возможно, в отдаленнейшем от нас расстоянии на *Ведение* веков начальных: под сверхъестественною и эфирною наружностью своею, свободно и легко – нейдет, но как бы летит оно: из-под великолепной его *митры*, развеваются по ветру кудрявые волосы; волнистый *Эфод*⁸ приосеняет прозрачным туманом грудь его, вдохновением воздымаемую; оно прямо глядит на небо, и ежели небрежно прикасается, легкими *сандалиями* своими, к земле, то это для того только, чтобы скорее и выше подняться!

(С этой стороны пришел край мозаика.)

М. Простодумов.

ОСКОЛОК ОТ ФИЛОСОФСКОГО МОЗАИКА. ПОЕЗДКА ФИЛОСОФА В ДИЛИЖАНСЕ

Очень надобно осторожно выговаривать – так общее ныне имя философии. Оно как грошевик, ходит на торгу слова человеческого; все берут, дают, принимают, передают, бросают, поднимают его, и никому не вздумается – да и точно не нужно, взглянуть на чекан сего грошевика. Так поступает, однако же, чернь философская; а ученый археолог не только рассматривает все подробности вида ходячей монеты, да еще, ежели она в масле или муке позамарана или от игры в орлянку постерлась; то он ее вычистит и, рассмотрев в увеличительное стекло стершиеся признаки, кладет, в принадлежащий по роду ее и хронологическому порядку, ящичек. В подобии сем философия – грошевик; а я – археолог. И потому, прежде чем расскажу поездку мою в дилижансе, хочу определить точное значение слова: философ, чтоб не приняли меня за что-нибудь иное от того, что я действительно есть.

Почему пишется и говорится у нас философ, а не филозоф, как у немцев, у французов и англичан? Это слово греческое; но от окончания на соф или на зоф принимает оно не только совсем разные значения, но даже и выражает совершенно противоположный смысл: философия значит по производству сего слова от любви и мудрости (σοφία) – любомудрие; а филозофия по производству от любви и мрака (ζόφος) – любомрачие. Итак, я не филозоф, а философ. Прошу не забыть этого.

Теперь расскажу мои похождения.

Однажды, в прекрасный день, вздумал я, подражая Платону, расхаживавшему по своим аллеям, прогуляться

в Царскосельском саду; взял место в дилижансе и отправился. Со мною села какая-то старушка. Приехали. Я направил путь мой в сад; а спутница моя в гости. От пыли захотелось мне пить. Я пошел к молочнице¹ по террасе, осеняемой высокими и тенистыми деревьями. Как эти огромные липы глядят, думал я, в окна Царскосельского дворца и сколько происшествий видели! Они видели, как возвратившийся из Парижа Благословенный² указывал архитектору чертеж тех торжественно-скромных ворот, на которых написано: «Любезным моим сослуживцам» с той стороны, мимо которой проходят грозные ряды сих славных его сослуживцев; а с другой, в сад, «à mes chers Compagnons d'Arme»³, — для тех военных товарищей, которые в сюртуках и фуражках там с ним гуляли. Они видели, как принесенную в кабинет его огромную вазу с видом вступления его в Париж, фарфоровый памятник, велел он оборотить к стене сим изображением. Они видели прощальную его прогулку по любимым местам Царскосельского уединения, где, как солнце, в рассвечаемом им облаке скрывал он славу свою, обдумывал великие предположения для счастья милой ему и обожавшей его родины. Видели, как прихаживали представители целого мира узнать судьбы его от сего Старейшины царей. Так, мечтая, пришел я к молочнице и сел домечтать на зеленой скамейке, но меланхолическая дума моя внезапно прервана каким-то дворником, который с поставленною в соломенной корзине бутылью пришел за водою; и покуда она, довольно слабо, из позолоченного кувшина в бутыль его нацеживалась, стоял прибоченясь и смотрел на молочницу. Мне показалось, что он искал разгадать смысл сего памятника. «Часто ли ты сюда приходишь за водой?» — «Каждый день два раза». — «Так ты, верно, знаешь, что это за женщина и зачем она присела подле разбитого кувшина?» — «Как же не знать; здесь все знают». — «Расскажи,

пожалуйста». И мой дворник, видя, что я заезжий, кашлянул с некоторой важностью и, потрепывая молочницу, так рассказал мне повесть ее: «Вот видишь, барыня послала ее с дорогим кувшином за водою; кувшин из руки выскользнул, да и разбился. Она ах! да и ну плакать, не знает бедняжка, как и глаза-то домой показать без воды и без кувшина... Бойтся барыни, видно, лиха». – «Благодарствуй, любезный». – «Не за что». Заткнул бутылъ, приподнял немного шляпу и ушел. Вот изъяснение памятников от пирамид египетских и колоссов перувианских⁴ до царскосельской молочницы! Я вынул свой дорожный стакан, выпил чудесной воды этого ключа и пошел, куда было надобно. В уреченный час еду обратно в дилижансе, и старушка опять со мною. «Что, сударыня, как провели время в Царском Селе?» – «Скучно, батюшка, не застала хозяев своих дома; все ждала, не приедут ли из Гатчины; сидела одна под окном, да поглядывала на пустую улицу; – не приехали; пошла к дилижансу; этот день годом мне казался». – «Странное дело, а мне тот же самый день мигом пролетел. Что ж это значит? Как могут часы, равно состоящие из 60 минут каждый, быть для вас длиннее, а для меня короче?» – «Не только так, батюшка, да и для меня-то самой очень часто один час бывает короче, а другой длиннее, потом опять короче – такая вот диковинка! Правда, что диковинка, да нужно бы разгадать ее; она, может быть, много других диковинок откроет. Пыталась уж я, да никак нельзя; даже у племянника своего, очень ученого академика, спрашивала, но ясного ответа не получала. «И со мной, – говорит, – тетушка, тоже бывает, – это от скуки иной час по длиннее кажется». Вот и все, а там, как пустится вглубь, по-ученому-то да начнет толковать, что по их науке значит время; так и святых вон понеси! Голова так и онемееет; а час-то еще длиннее покажется». – «Ну а если б ваш академик отвечал вам, что

совсем нет времени, что б вы тогда сказали?» – «Ах, батюшка! Что ты, перекрестись, уж нет времени! Да куда ж ему деться? Я сама его вижу по солнцу». – «А слепой?» – «Слышит, как часы бьют; скажет кто-нибудь». – «А глухослепой?» – «Вот уж не могу сказать наскоро, как этот он узнает, который час?» – «Ну не забудьте же об этом глухослепом, почтенная моя спутница, и скажите вашему ученому племянничку, что, ехав из Царского Села, узнали вы от одного философа, что точно совсем нет времени; что мы промежуток разных явлений меряем особенным вершком, счетом наших мыслей, – и называем это временем». – «Быть не может, батюшка! ты надо мной, старухой, смеешься, – как нет времени? А часы-то, дни, недели, месяцы, годы, куда ты их все денешь?»

А глухослепой-то? Вот как скоро вы его забыли. Точно нет времени. Сами рассудите: часы, дни, недели – это все условные выражения, названия того промежутка, который я сейчас изъяснил вам; ну а где же видали вы время, само по себе, без часов, без недель, особо? Оно есть только мелькание наших мыслей, одна за другою... и от того... «Но вот уж и мост... мы приехали... прощайте сударыня; не забудьте сообщить наш разговор вашему академику». – «Постараюсь батюшка, как сумею; а куда б хорошо, кабы вышло по-вашему, – я бы и часы мои с кукушкой продала».

6-й ОТЛОМОК ОТ ФИЛОСОФСКОГО МОЗАИКА. НЕСКОЛЬКО СТРОК ИЗ ФИЛОСОФИИ ХРИСТИАНСКОЙ

Истина и заблуждение разделили на две части ту землю, по которой идет человек мимоходом. На ней

преступления, страдания и смерть показывают ему, что он существо падшее. На ней совесть, раскаяние и тысяча подобных благ Создателя помогают ему встать для того, чтобы он опять пошел к вечной цели своей, покаясь воле Божьей, ведущей его без нарушений свободы его произвола. Пред ним открыты два пути: погибели и спасения! Пути таинственные и невидимые, на коих толпятся, как бы без разбора, сыны Адамовы; но между тем идут, удаляясь непрестанно более одна от другой — к разлуке вечной!

Бог и Истина одно и то же. И посему, всякая Истина, которую встречает человек, приходит ему от Бога, вне коего не может он найти ничего, кроме лжи, и который, по времени и обстоятельствам, выдает нужные человеку истины, как хлеб насущный. Точно так, как истина исходила от Бога, заблуждение рождается от человека.

Оно имеет два вида: суеверие и неверие. Человек или искажает в себе образ Божий, прилаживая его к страстям своим, или в некоем бесновании и совсем его изглаждает. Первому из сих преступлений подвержены все народы древности, кроме одного, но все они ненавидели второе, и те несчастные, кои ему подвергались, долго были у них редким исключением, ибо нечестие сего рода, вооружаясь против Бога, ополчается в то же время и против самого существования обществ; и здравый смысл народов понял сие, когда богомерзкое учение Эпикурово заразило империю Римскую, то казалось, что все должно было обратиться в хаос. И точно все бы погибло, но сама истина на земли явися и с человеки поживе. Древние предания внезапно ею ожили, очищенные и освященные новым светом. Тогдашнее общество, труп уже полусогнивший, восприняло жизнь и движение, и сие начало возвращенной ему жизни не могло уже истребиться ни переворотами империй, ни

длинным рядом тех безграмотных веков, кои называются варварскими. Однако же в пятнадцатом столетии, названном веком Возрождения, смертные признаки общества снова показались: ибо тогда разум, в древней гордости своей, которая казалась дотоле побежденной верой, опять осмелился разбирать и опровергать предания. Место невозможного уже языческого суеверия заступило дерзкое неверие. Оно разрушало мало-помалу сие чудесное здание, которое сама истина воздвигла и, непрестанно опровергая один за другим все догматы веры, то есть все отношения человека к Богу, шло постоянно вперед посреди возрастающего разврата до Французской революции, когда целое общество совершило преступление неслыханное – отвергнув бытие Божие. Тогда злополучие достигло до величайшей степени и гражданский порядок угрожался большими бедствиями, нежели в последние времена империи Римской; ибо Истина Превечная, сделав уже для человека последнее чудо своего милосердия, ничем более, кроме правосудия, не осталась должна ему и не явится более на земле, иначе как для суда. Все погибало снова. Общество европейское снова должно бы было рушиться, ежели бы спасительное учение истины не нашло еще последнего себе убежища в малом числе сердец ими проникнутых, верных ему и великодушных. Одни из них восстали за сию святую Истину и пали мучениками! Другие сделали ее Апостолами. И в то самое время, как заблуждение дошло до самой последней крайности, Истина в устах их загремела ужаснейшими, последними приговорами – исчезли все оттенки, престали все снововки страха и осторожностей, и сии мужественные Атлеты на самом краю пропасти провели твердою рукою ту черту, которая разделяет отныне навсегда два мира: благочестия и нечестия. Одни из них отдернули завесу

будущего, другие стали давать советы для избежания бедствий, коими оно угрожает, – пророчества сбылись! Да внемлются и советы!

Никогда еще разрушительная философия не встречала противоборцев отважнейших потому, что никогда еще не было сражения более решительного за благо или гибель всего человечества. Ни ученость, ни гений, ни слава не останавливают их. Они идут к святой цели своей мимо их и опрокидывают сии истуканы, на глиняных ногах воздвигнутые, поражая их различными оружиями: то громким воплем негодования, то смехом презрения, то палицею строгой диалектики, то громом красноречия. И робкое нечестие, хотя и шипит, выставляя жало свое, но еще прячется от них в мрачную свою нору! Не дерзает выступить в открытый с ними бой. Так страшен ему и один луч небесной Истины!

7-й ОТЛОМОК ОТ ФИЛОСОФСКОГО МОЗАИКА. ОБОЗРЕНИЕ НРАВСТВЕННО- ИСТОРИЧЕСКОГО РОМАНА О КОМЕТАХ

История наук есть повесть невежества и мечтаний человеческих; ибо каждая истина окружена толпою заблуждений, через которые должно с трудом до нее добираться. В течение 36 веков человек думал, что Солнце, в 1 400 000 раз огромное Земли, обращается вокруг нее; и для доказательства сего заставлял его проходить 246 900 000 миль – в одну минуту! И сия уродственно-исполинская мечта выдумана, разочтена и общепринята была всеми мудрецами 36 веков, потому только, что мудрование человеческое не могло того разгадать, что мудрость божественная гораздо проще его; и для соверше-

ния так недомыслимых ему суток только велела Земля повернуться каждые 24 часа около самой себя!

Точно так же в течение 36 веков бредили о кометах, так же ошибались и, наконец, кажется, и доселе ошибаются! Ум человеческий не так шибко сам подвигается, как до Коперника подвигал он Солнце.

1928 год до Рождества Христова.

Гермес Трисмегист, то есть три краты великий, законодатель, жрец и философ египетский, изобретатель букв и часов, первый писал о кометах. Он думал, что оне то, чем кажутся: звезды то видимые, то невидимые. Итак, на одном конце кометогрaфии подземный вход в его пирамиду, на другом – лестница на чердак села Спасского.

570¹.

Пифагор и ученики его думали, что оне² – явления, образуемые игрою солнечных лучей.

470.

Анаксагор полагал, что, независимо от известных комет, есть еще множество маленьких, из коих некоторые, встретясь одна с другою, соединяются и составляют комету.

410.

Демокрит был того же мнения.

400.

Гиппократ почитал их (не много прежде Невтона, 2000 лет) планетами, а хвост их водою, привлекаемой к ядру планеты и в которой отражаются солнечные лучи.

350.

Явился человек чрезвычайный, который должен был подвинуть их назад, которого творения сперва запрещенные отцами Церкви, приняты Парижским уни-

верситетом, сожжены Сорбонною в XIII столетии, снова приняты через сто лет, и, наконец, так фанатически чтимы, что нельзя было сказать никакой истины, не согласно с Аристотелем, и мнение Аристотелево было всеобщим законом.

Он думал, что кометы суть земные испарения, которые, достигая чистейшей атмосферы, густеют, загораются и сгорают.

Сие мнение, весьма скромно и в виде простой догадки Аристотелем сказанное, принято сектаторами его с восторгом. Решено положительно, что кометы воздушные явления. Перестали наблюдать их законы и спокойно оставили потешные огни сии загораться и гаснуть в воздухе.

228.

Страбон вздумал посадить их в фонарь! Он назвал их особенными звездами, завернутыми в облако, сквозь которое они светят.

От начала христианского летосчисления.

32.

Сенека сказал, что придет время, когда узнают, что комета есть одно из вечных творений природы. Опять прежде Невтона за XVI столетий.

Между тем как астрономия так немоществовала о кометах, гордая сестра ее астрология дерзко похитила ее права. Богатая всеми прелестями воображения и сильная легковерною пытливостью человека, она обратила все небесные явления к разгаданию одних земных происшествий. Двенадцать знаков зодиака сделались домами, а Венера, Марс и Юпитер – листами в колоде карт. С тех пор Солнце, Луна, планеты и созвездия начали обращаться, восходить и ложиться для того только, чтоб показать, сколько лет проживет какое-либо значащее лицо,

дочь или сын у него родится, счастье такого-то и любовь такой-то будут ли постоянны?

Можно себе представить, какие в сем смысле заключения делались тогда из комет.

Но и саму астрономию астроном великий должен был далеко отодвинуть назад. Птоломей, замысловатый изобретатель ложной системы, принял и подтвердил, всем своим влиянием, мнения Аристотелевы – и кометы осуждены на четырнадцать столетий быть воздушными явлениями.

Но поспешим пройти сии веки, чтобы скорее достигнуть до Аппиана, астронома Карла V, который начал первый сомневаться в учении Аристотеля³.

Около того же времени Коперник опрокинул систему Птолемея; а Тихо-Браге, из угла Дании, усиливался согласить их. Он уверял, что кометы творятся на время и потом уничтожаются.

Славный великим своим открытием Кеплер думал, что кометы образуются из небесного вещества, от которого некоторые части отпадают, округляются, отражают свет солнечный, блуждают и рассеиваются.

Так служили кометы камнем преткновения, о который споткнулся и сей великий ум.

Снеллий⁴ отламывает их от солнца. Это гораздо короче, но можно обжечься.

Гассенди⁵ полагает возможным сделать их планетами.

Картезий⁶, блеснувший на минуту своими вихрями, хотел подмести ими и кометы. Это солнцы, говорит он, которые погасают, потеряв силу держаться в средоточии собственных своих вихрей; они упали в вихри соседственные. В них блуждают они, доколе снова засветятся и опять попадут в солнцы.

Вот сокращение из истории всей кометографии до Невтона!

Посмотрим историю самых комет.

С начала мира до Рождества Христова, в 4004 году, в самых древних бытописателях, упомянуты только 55 комет, то есть по одной с небольшим на каждый век; между тем как верно явилось их гораздо более, судя по числу тех, кои наблюдаены в веки последующие.

До Рождества Христова.

177.

Самая старшая из комет, по сказанию историков, пришла в 2234 году от сотворения мира пред потопом Огигея, царя Аттики. Она явилась сначала похожею на Венеру и потом распустила огромный хвост. Полагают, что это комета 1680 года, которой Невтон определил 575 годовой возврат; ибо, восходя от его кометы назад по 575 лет, приходится именно сей год для явления оной. Довольно смелое заключение.

1194.

Говорят, что 576 лет после сей кометы явилась другая и по расчету времени должна быть опять Невтонова; но по несчастью сие явление очень недостоверно.

Говорят, что около сего времени прошла одна из Плеад⁷.

Достоверно то, что древние считали их семь, а мы видим только шесть.

619.

В сие время Невтонова комета должна была явиться; и действительно, одна пришла позже или ранее несколькими годами, неизвестно, но достоверно то, что ежели это Невтонова, то в продолжительном путешествии променяла она хвост свой на очень курчавую прическу а la Titus.

479.

Явилась прекраснейшая комета, названная Цератой, потому что хвост ее похож был на рог. Историки

замечают, что в сей год разбито греками бесчисленное войско Ксеркса.

Персы заключили, что она была гибельным для них предзнаменованием, а греки приняли ее же за самое для себя счастливое.

371.

Прекраснейшая комета, которой хвост занимал три четверти видимого над горизонтом неба.

203.

Прекрасная комета с длинным хвостом; по мнению Галлея, она та же, которую наблюдал он в 1682 году, хотя у сей был хвост короткий. Но это ничего, он мог вырасти.

43.

Волосатая звезда, являвшаяся в Рим в продолжение семи дней. Астрономы хотят, чтоб это было четвертое явление Невтоновой кометы, которая имела длинный хвост и видна была три месяца. Что делать, так велют думать – учитель сказал! Извольте сами разбирать по сравнению фигур.

Христианское летосчисление.

64.

Прекрасная комета, явившаяся в царствование Нерона и давшая повод Сенеке намекнуть систему Невтонову.

69.

Комета с длинным хвостом, подобная мечу, которая, по многим авторам, была видима целый год, а по мнению Пенгре, не более четырех месяцев. Выбирайте любое.

96.

В сей год должна бы была явиться комета Галлеева.

171.

И в этот год ждали ее напрасно.

248.

Комета, наблюденная в Китае в созвездии Ворона. Хвост ее был более двух градусов. — Ее считают возвратом Галлеевой.

400.

Величайшая и ужаснейшая из комет, с простирающимся от Зенита, почти до видимого горизонта хвостом. Она тоже почитается Галлеевою.

531.

Большая и страшная комета, именуемая *Lamradis*; ибо похожа на пылающую лампу; Пенгре, усердный приверженец к Невтоновой системе, говорит, однако же, что комета сия по ее элементам не может быть Невтоновой возвратной (как бы то следовало по исчислениям).

582.

Большая и сердитая комета, которая возвестила Азии смерть Шильперика⁸, короля Французского.

729.

В том году являлись две кометы одним разом в продолжение четырнадцати дней; одна поутру, а другая вечером.

815.

Странная комета, похожая на две луны, вместе сложенные.

837.

Первая комета, которой элементы могли быть исчислены Пенгреем. Ядро ее было блистательно; а хвост имел то 7, то 10, то 26 градусов, и, наконец, достигнув

до 50, разделился на два луча, из которых один был десятью градусами длиннее другого.

1000.

В сей год увидели на небе то явление, которое называется Хасма, то есть Пропать.

Сначала было оно похоже на горящее бревно, потом сделалось драконом, у которого синие ноги и непрестанно увеличивающаяся голова. Оно исчезло в ту же ночь. Меран думает, что это было род северного сияния.

В то же время являлась и комета в продолжение девяти дней. Не родня ли она была дракону? Теперь решить трудно.

1006.

Комета в три краты большая Венеры, и которая светила, как четверть луны.

1106.

Большая комета, по некоторым историкам, крошечная – по другим, блистала, как говорят иные, 14, другие 40 и даже 46 дней. Хвост ее полагают в 60 градусов и более.

Посреди сих недостоверностей, из нее выделали возвратную Невтонову, 1680 года; но это трудно устроить: надобно переправить историков, подположить, что они ошиблись во времени явления в направлении хвоста, и надобно приладить элементы ее к системе, а не систему к элементам. Кто же возьмется за это?

1264.

Славная комета с хвостом сперва коротким и широким, который начал суживаться и вытянулся до 100 градусов. Иные говорят, что ее видали четыре месяца, другие сокращают сие время до трех месяцев. Она исчезла в день смерти Папы Урбана IV. Чтоб не сказали, что она его уморила!

1305.

Прекрасная комета с красивым хвостом. Ее почитают одной из Галлеевых.

1315.

Две кометы, одна очень большая обтекала северный полюс, указывая хвостом на восток, где в то же время сияла другая комета, поменьше ее.

1402.

Две прекрасные кометы с блистательными перьями.

1456.

Та маленькая комета 1682 года, наблюденная Галлеем, которую в разное время мы уже указали под разнообразными видами. Она должна быть не очень послушна, ибо иногда, как приказывали ей, возвращаться, — и глаз не показывала. В этот год вздумала явиться во всем блеске.

Хвост ее разделился на два луча в 60 градусов.

1531.

Другая, так названная возвратная Галлеева комета с очень, кажется, маленьким хвостом, ибо и не говорят об нем.

1652.

Гевелий открыл комету немного менее Сатурна, которой острый хвост простирался на 6 или на 7 градусов и был остроконечен. Являлась двадцать дней.

1618.

Две маленькие кометы пришли в этот год возвестить третью! Прекраснейшую из всех когда-либо виденных.

Вчетверо более Юпитера, она была с четверть луны и имела хвост в 40 градусов, который, все более вытягиваясь, дошел до 104. Тонкий вначале, загнулся он на конце и был шириною в 5 градусов.

В телескоп видно было, что ядро ее состояло из трех пламенных шаров. Девять разных видов оно переменило; то казалось большим, то со множеством пятен, то пятна сии исчезали, и оно представлялось вовсе более прежнего, и проч.

Неутомимый наблюдатель Гевелий срисовал и выгравировал ее.

1617.

Маленькая комета; но примечательная тем, что была прекрасна и похожа на сноп или на искусственный букет ржи, которым дамы украшают шляпки свои.

1661.

Тот же неутомимый Гевелий с Данцигской обсерватории открыл еще комету. Ядро ее, казалось, величиною с Юпитера; оно окружено было прозрачной атмосферой. Хвост ее в 6 градусов длиною к концу расширился.

В продолжение нескольких дней ядро увеличивалось, и потом, вместе с хвостом, стало уменьшаться. Она являлась 53 дня.

1664.

Комета, в сем году явившаяся, была объявлена всеми астрономами самой ужасной, хотя очень мала. Возникнув в созвездии Ворона, птицы зловещей, она возвещала, говорит Комье⁹ (Comiers), «столько же зол, как вышло из Пандориной коробки». Половина царей должна была умереть — все уцелели. Комета и год прошли благополучно.

Ядро, уменьшаясь при ее исчезании, потеряло круглый вид свой, казалось разорванным и угловатым. Как же думать, что это планета? Хвост ее был то короче, то длиннее, и наконец, загнувшись к горизонту, сделался похожим на рог, из которого вышел хвост павлина. Она была видна в продолжение 56 дней.

(Продолжение впереди.)

8-й ОТЛОМОК ОТ ФИЛОСОФСКОГО МОЗАИКА. МЫСЛИ ПРИ ЧТЕНИИ ЗАМЕЧАНИЯ МЕНЦЕЛЯ О ФИЛОСОФИИ В ГЕРМАНИИ

Итак, наконец, напечатана философская расписка в следующих признаниях мудрецов века сего:

Многочисленная и высокоумная школа Шеллинга раздробилась по разным сторонам. «Так (прибавляет Менцель), что в Натуральной философии остался один Окен¹».

Беда совершенная. Что нам теперь делать? Мы спроста принимали все бредни сии за высочайшую мудрость и готовы были умереть за истину Шеллингова учения. Куда теперь девать наши истории философских систем, в которых так оно расхвалено? Что делать с логиками, кои из творений Шеллинговых кой-как, хоть и не очень связно, да скропаны? А конспекты-то, а профессорские тетради, в которых так искусно собирались мы процеживать амброзию сию и с нужной осторожностью и под видом собственного изделия? Куда денемся теперь с этим хворостом, когда и сам великий жрец нашего пантеизма и все жрецы, ему прислуживавшее при алтаре золотого Болвана, сбросили его и тащат по грязи, восклицая: выдыбай Боже! – выдыбай!² Что нам делать с нашими книгами, книженьками, конспектами и тетрадями лекций? Неужели бросить в печь? И куда же? Конечно, в печь! Да после-то с чем останемся? Чужие перья представляли нас, по крайней мере, какими-то заморскими птицами, а как их ощиплют, что с нами будет? Придется опять щекотать с простыми сороками.

Да куда делись все гениальные мыслители Шеллинговой системы? Как могли они добровольно отка-

заться от своей мудрости, которая так удивляла нас? Как можно мудрецам сказать о самих себе, что они все вздор говорили, и сему смертельному для нас признанию пожертвовать трудами целой жизни, плодом прекраснейших ее лет, Европейскою славой и даже местом, строчкой, страницей, может быть, в истории великих философов? Непонятный поступок! Ежели бы один философ его сделал, то мы бы сказали, что это ничего не доказывает, что он сошел с ума; а то целая шайка их, кроме одного высокоупрямого Окена. Неужели все они повредились в уме?

И апостаты философии, отступники, отщепенцы сии, куда же обратились? К вере Христовой! Католики сделались опять католиками, лютеране – лютеранами, пиетисты – пиетистами.

Один Трокслер нравится Менцелю тем, что хотя и он пришел в такой же философский тупик, как и все прочие, хотя и он увидел, что философия есть только удаляющее от веры распутье заблуждений; но не хочет, подобно Стеффенсу³, омыwać слезами покаяния богохульств своих, соблазна и развращения умов; и что же предпринял? Идти назад! Зачем? Чтобы полюбоваться всеми кривизнами того пути гибели, на котором предполагается прошататься всю жизнь. Вот истинно великий человек, сей мыслитель гениальный!

А на бедного Макара и шишки теперь валяются. Говорят, что всю беду эту сделал Гегель? Он дошел до последней точки видимого для ума горизонта. Невзначай, впрочем, но он открыл его ограниченность в мире духовном. Вертел свое метафизическое ничто во все стороны, прикрывал его, как самый проворный фигляр, всеми возможными личинами хотел выделывать из него что-нибудь, но блестящая личина развалилась – зрители увидели, что под ней было одно ничто! Захохотали и ушли!

Первый созерцатель был Люцифер, говорит Трокслер, и это правда, великая истина! Вот настоящая родословная философии (не философии). Странная вещь, однако же, что мудрецы века нашего торжественно называли самих себя учениками дьявола, отца лжи, духа мрачного и нечистого. Какова была мудрость их, а мы, бедные, как усердно ей учились! О Боже, как спутал Ты, как обезумил, осрамил буйную гордость разума!

Все дело в том, что гениальные мыслители века нашего дофилософствовались до того, что уничтожили философию. Ум зашел за разум. Люди из них добросовестные (и их по счастью большая часть), которые искали истины, по неведению, там, где нет ее, но искали искренно, признаются чистосердечно в ошибке своей и спешат обратиться к настоящему ее источнику; а те, кои только по гордости ума стремились разными своемыслиями оправдать разврат своего сердца, те ищут новых игрушек для воображения, чтоб чем-нибудь заглушить тоску и вопль своей совести.

Переворот в германской философии, ныне происходящий, произведен двумя обстоятельствами: обращением Шеллинга и славнейших его учеников и последователей к христианству, и Гегелем, который доумничался и дотонил донельзя. Самый ум увидел, что далее идти некуда, что вся область его пройдена и обшарена, и найдено в ней одно – ничто! Он очутился там же, откуда пошел. Все навороты умствований испытаны, все красноречие истощено, вся пустозвучность философской терминологии разгадана. Савлы, ехавшие в Дамаск, ослепленные светом истины Христовой, пали с коней гордого своемыслия и встают у ног его! Господи! Что мя хочещи творити?

Настала великая эпоха образумления Европы! Поздравляем с сею зарею всех друзей Церкви, тронов и за-

конности. Господь сделал видимое чудо, внезапно озарив слепую толпу философов светом своей истины, выведя из самой крайности зла добро высочайшее, из векового скопа заблуждений вечную истину!

А вы, злополучные и недоучившиеся ученики в школах Шеллинга и Стеффенса, вы, бесталанные подражатели несчастному гению Гегеля, индийцы философии, поклонявшиеся сему далай-ламе, не ожесточайтесь при виде сих падших, но исполинских титанов. Пигмеи ума и учености, бросьте сор и хлам, из которого и вы кучки свои, по одному слабодушному подражанию, начали было сметать в уголок, чтобы тоже, встав на них, взять приступом небо. Смотрите, как громовержец блеснул молниями своими в глаза полубогов ваших! Полетели! Что же с вами-то будет, ежели малейший ветер пахнет? Задует вас в пыли. Образумьтесь. Вон пустынный гроб вашего далай-ламы. Вон простертый у подножия алтарей Христовых славный Шеллинг ваш со всей своей школой. Вон обличающий свое и учителей своих безумие Стеффенс посыпает пеплом покаяния голову свою, которая недавно еще так вас изумляла. Вы всегда рабски подражали сим гениальным умам, продолжайте же подражать. Вам ближе воротиться потому, во-первых, что вы без всяких умствований, всею душою, как подобострастные ханжи философии, веровали во все, что вам ни скажут из Германии. Во-вторых, ничему порядочно не выучились и не имели нужды учиться потому, что легкий труд скоро снимать худые копии гораздо выгоднее для лени и прибыльнее в видах скорой известности и звенячего прибытка, нежели ученость, так головоломная и потовая. Так что ж может вас останавливать? Примитесь попросту за дело, за веру дедов ваших, верных Богу Русскому и Царю Белому. Очистите от нечестия испорченные вами науки: а ежели не знаете как, то вот вам и совет.

ОСКОЛКИ ОТ ФИЛОСОФСКОГО МОЗАИКА Г. ПРОСТОДУМОВА

НОВАЯ ФИЛОСОФИЯ

Из самых *несомненных* исторических событий две эпохи заслуживают особенное внимание: *смещение языков* при строении Вавилонского столпа и *соединение языков* при сошествии Духа Святого на Апостолов.

ПОЦЕЛУЙ

Как уста суть орган слова, которое само есть орган и выражение духа; то люди всех стран и всех веков заключили, что в сближении двух уст есть нечто священное – смешение двух душ. Религия установила при алтарях своих *лобзание мира* в самые святые минуты – не без важной причины. Отцы Церкви уже жаловались, что преступление злоупотребляет *сей священный и таинственный знак*. Но как бы то ни было, и в осквернении его развратом, и в страхе от его неговорчивой стыдливости, и в ангельской улыбке чистых уст супруги и матери, откуда всемирность и сила его?

МЕТАФИЗИК

Смешон тот *метафизик*, который проводит целую жизнь в том, чтобы доказывать, что нет *метафизики* и что он сам только есть только *славное животное*, в котором нет духа.

КРОХИ

Гамана.

СЕБЯЛЮБИЕ

Не простые ли это явления себялюбия, что мы означаем понятием свободы? Себялюбие есть сердце нашей

воли, из которого все наклонности, подобно кровеносным жилам, истекают и в которое так же возвращаются. Мы не можем ни хотеть, ни думать, не сознаваясь в самих себе.

Как все наши познавательные силы имеют предмет самопознание, точно так и все наклонности и желания наши имеют средоточием себялюбие. Первое есть наша мудрость, второе наша добродетель.

ОСЕДЛОСТЬ

По римскому праву запрещалось воинам покупать земли в тех местах, где они вели войну. Вот римский закон, осуждающий христианина, который призван быть борцом на земле, а заботится об оседлости на ней.

КАПЛИ И БРЫЗГИ ДОЖДЯ ПОЗНАНИЯ

ТОРЖЕСТВО ИСТИНЫ (К Пасцепцию, который похвалился, что победил Августина¹.)

Легко кому-нибудь победить Августина, истиною ли, или криком, не мое дело о том говорить. Мне прилично только сказать: очень легко победить Августина, и тем легче показаться победившим его или даже и не показаться, а только быть ославлену. Это очень легко: мне не хотелось бы, чтобы ты считал это за что-нибудь великое, а тем менее искал бы этого как будто чего-нибудь великого. Не в том состоит благо человеку, чтобы он победил другого человека. Но великое благо для него, когда над ним, и согласно с волею его, истина одержит победу; ибо великое зло для него, когда истина одержит над ним победу против его воли; истина все-таки одержит верх над человеком: если не над исповедующим ее, то над отрекающимся от нее.

Бл. Августин Epist. <...>

ВЕТЕР И БУРЯ

Года два тому назад профессор С., бывши в Ревеле, рассказал в одном собрании следующее: «Недавно мне случилось прочесть в одном физическом журнале о новом наблюдении над ветром. Замечено, что если ветер идет большею полосой в одном направлении, то постепенно от него происходящие бури идут в противоположном направлении, так что, если ветер начнется в Северной Америке и идет вдоль всей Америки на юг, то бури начинаются на юге и подвигаются постепенно на север. Я долго не мог этого себе объяснить. Но увидел, что это очень естественно, вспомнив, что, когда льешь воду из бутылки, то пузыри имеют направление от горлышка бутылки ко дну. Вероятно, ветер имеет до тех пор одно движение, пока не встретит чего-нибудь на пути, что могло бы послужить ему преломлением, например гор, пропастей и т. п.». Так-то, подумал я, и благодатный ветер небесного просвещения шел с востока на запад обширную полосу, пока не стал преломляться в разных местах на западе в Европе и в Америке и не стал возвращаться пузырями философскими да вихрями.

СЧАСТЬЕ

Кто достоин быть счастливым, тот уже счастлив, хотя счастье и гневно к нему.

Оксенистирн.

МАЛЕНЬКАЯ ЖЕНА

Одного спросили, зачем он женился на такой маленькой жене. Он отвечал: «Так как жена есть зло, то я из многих зол выбрал самое малое».

Он же.

БРАКИ

Говорят, что всякий брак в небе заключается: правда ли это, я не знаю: но есть довольное число браков, которых контракт письменно совершен – в аду.

Он же.

ОСТРОТА УМА

Самое верное доказательство остроты ума есть откровенное сознание в своем невежестве.

Он же.

О ПЕРЧАТКЕ, БРОШЕННОЙ г. АКАДЕМИКОМ ВЕЛЛАНСКИМ (См. «Северн. пчелу» 1832 года № 133.)

Не поднять собираемся эту перчатку, а только слова два сказать об ней хотим. Поднять не отваживаемся.

Во-первых, потому, что в Шеллинговой системе, как уже сказано в статье «Где мы ищем света!» в первой книжке Радуги, заключаются отчасти истины из Священного Писания, как из всеобщего семенника истины почерпнутые, но вне зависимости от оно́го развитые и потому темные и незрелые, отчасти же извращение истин сих, происходящего из ложного начала $A = A$. Согласно с первыми *указаны* Шеллингом живые силы в природе вместо мертвых механических свойств, какие видела в ней физика, до него господствовавшая. И только потому и удалось ему ниспровергнуть мертвую физику, что он, хотя темно и нечисто, намекнул на целостную жизнь мира, которую уже и Моисей и чисто, и ясно, и точно, и верно по Богодухновению представил. Извращения же истин, заключающихся в Св. Писании, составляют в его системе собствен-

но так названные трансцендентальные гипотезы его. Здесь он, не возвысившись до понятия о той самостоятельной и всемогуще независимой триедино личности абсолютного Универса (как ему угодно было назвать Бога), о которой нам нашим человеческим языком так ясно говорит Св. Писание, попал на необойдимый, непереидимый, неподойдимый и даже непереломотый камень преткновения. И оттого-то его и его последователей психология, этика, эстетика представляют самый нестройный хаос. Но Д. М. Велланский² вызывает в борьбу с ним о свете, о тяжести, о магнетизме, об электрицизме и проч. и требует, чтобы *противное изложение было выведено из высших начал умозрительного понятия*. Доказывать, что Шеллинг отчасти то же сказал, только темно и нечисто, что Св. Писание говорит, не значило бы оспаривать его; а указывать в подтверждение противных положений на Св. Писание – не значило бы выводить противное изложение из высших начал умозрительного понятия; и по окончании борьбы ни за что ни про что пришлось бы, пожалуй, за каждый обспоренный предмет по 500 рублей, а всего за все предложенные семь предметов 3500 руб. Это, кажется, несколько дорогая плата за одно удовольствие – во услышание всех поспорить с уважаемым и почитаемым господином Академиком.

Во-вторых, как-то неловко поднять перчатку г. Велланского и для того, чтобы не могли люди сказать, что у нас на Руси Истину начали за деньги показывать и победы ее увенчивать денежными вознаграждениями, как увенчана была победа покойного Лукина над английским силачом, который брал известную сумму со всякого, кто не мог сшибить его со скамеечки, на которой он стоял, и предлагал все, что имел, тому, кто сшибет его с такой подставки. Наш Лукин, говорят, очень ловко и

легко сшиб его и, забрав кучи денег, вокруг скамеечки наложенные, раздал их своим матросам.

Если же бы нашелся охотник вступить в предлагаемое единоборство, то думаем, что он недурно бы сделал, пригласив могущественного соперника своего вступить с ним в состязание о каком-нибудь другом предмете вместо предлагаемых, например хоть о статье «Человек в Биологическом исследовании Природы в творящем и творимом ее качестве». Если бы в эту или подобную статью, как в висок, направил новый Давид пращу свою, то не знаем, на чьей бы стороне победа осталась.

Раздел III

ВОСПОМИНАНИЯ О СОВРЕМЕННОКАХ И АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАПИСКИ

Воспоминания о современниках

ДУМА ПРИ ГРОБЕ ГРАФА СПЕРАНСКОГО

Около полувека тому назад воспитанник Владимирской семинарии в простом тулупе, с несколькими рублевиками в кармане, с благословением сельского священника, отца своего, вошел, трепетною ногою, в ворота Александро-Невской лавры. И вот он под раззолоченным балдахином погребальной колесницы, окруженный факелами и облаком кадильного фимиама, въезжает в те самые ворота – графом *Сперанским*, знатным и знаменитым сановником империи.

Так славный мореходец, проплыв грозные пучины дальних морей, возвращается бездыханный в отишие той отечественной пристани, из которой на гордо поднятых

ветрилах, как на крыльях надежды, вылетел он некогда со всеми мечтами счастья и славы!

Много крутых стремнин и тяжелых распутий перейти надобно для окончания такого поприща, какое совершил Сперанский. Но утешительно то, что в России подобная дорога каждому отличному дарованию и заслуге открыта!

Сперанский знатный сын дел своих! и даже творец своего имени, которое получил он в училище за отличные успехи¹, ибо выполнил прорицательное его означение и сделал историческим. Оно вписано в летопись нашей славы. Завеса смерти со всеми испещряющими ее ужасами шумно опустилась! За нею – дух на суде Божиим! Перед ней гроб и дела! Потомство с беспристрастием, а сорокалетняя дружба, сквозь слезы, их рассматривают.

Сперанский принадлежит к числу тех редких мужей, которые восходят на политическом горизонте как вековые светила и, обтекая более или менее обширную сферу, несясь более или менее быстро, пылая более или менее ярко, – его озаряют. Все на них смотрят и, гадая, ожидают чего-то!..

Он пал на поле чести доблестей гражданских. Достойный одр мужа знаменитого, которому нет подобного в нашей истории, по разнообразию обширных и глубоких его познаний, по зоркости ума его, по смелому и высокому полету его мыслей, по дару слова, соединявшему силу и простоту с какою-то неподражаемою очаровательностью, и которым изустно и на письме владел он без всякого приуготовления легко и непринужденно по быстрому объему и ясному изложению самых трудных государственных предметов; по непосредственному участию, в продолжение четырех царствований, в важнейших установлениях.

Пройдем быстро тернистую стезю его жизни, дабы следовать за ним на пути гражданской его славы.

Сперанский, сын сельского священника Владимирской губернии, замечен отличным учеником в тамошней семинарии и потому выбран в Петербургскую академию. Брошенный в сей новый мир, он прилежно учится и показывает успехи в красноречии, пишет стихи, делается учителем, сочиняет и преподает курс российской словесности. Девять лет проводил он в прочтении отличнейших тогда по числу книг, академической библиотеки. И сие обстоятельство решило вкус и направление ума его на всю жизнь. Между тем известность его в академии перешла в город; князь Куракин (Алексей Борисович)², занимавший при генерал-прокуроре князе Вяземском значительное звание, захотел иметь его учителем сына и частным секретарем. Сперанский принужден был принять сию должность и отправлял ее до восшествия на престол государя Павла I. При перемене царствования князь Куракин сделан генерал-прокурором, а Сперанский из академического звания переименован в гражданское. Здесь решительно отрезан он от быта духовного, и начинается гражданское его поприще. Скоро достигнул он до чина тайного советника. По смене князя Куракина князем Лопухиным и при генералах Беклешове³ и Оболянинове⁴ оставался он, при каждом из них, более или менее значащим лицом.

Во вцарение государя Александра I **был он управляющим** комиссиею снабжения Петербурга хлебом. Неизвестна причина сей необычайной выходки в его службе, но полагать надобно, что он принял сие место только для того, чтобы в бывших переменах тогда осмотреться. Потом вступил он правителем дел к статс-секретарю Трошинскому⁵. Здесь приобрел он большую значительность, писал самые важные бумаги, сделал-

ся известным государю, пожалован в действительные статские советники и статс-секретари и получил пенсioen. Вскоре вышло образование министерств. Граф Кочубей, назначенный министром внутренних дел, избрал его в диктаторы своего министерства. Тут открылись его отличные дарования во всем их блеске. Образовались разные департаменты внутренних дел из бывших до того коллегий, и совершенно новый, деловой мир открылся и пошел в стройном движении. Порядок министерства отразился и на управлении губернском. Положение об управлении земских и городских повинностей, устройство столичных и градских полиций, положение о евреях, собрание статистических сведений о России, учреждение рекрутских участков, правило и формы губернаторских отчетов, положение о дорогах и вольных хлебопашцах – все сии акты и многие другие писаны Сперанским. Архив Министерства внутренних дел, от его учреждения до 1809 года, есть примечательное собрание образцовых актов Сперанского по распорядительному управлению.

В неусыпно тяжелой работе сей вел он жизнь самую уединенную и скромную. На краю города против Таврического сада целое утро занимался он делами, обедал с тремя друзьями, у него жившими, и потом до поздней ночи читал все, что ставило его в совершенность с успехами европейского просвещения, предаваясь особенно изучению философии и наук государственных; но сия счастливая жизнь не долго продолжалась: перед отъездом государя в Витебск Его Величество имел случай узнать Сперанского лично. Министр занемог и послал его с своим докладом. Государь так был пленен умом Сперанского, ловкостью его доклада, познанием дел и самую приятностию чтения, что при новом отбытии в Эрфурт назначил его к отъезду с собою и изволил хва-

литься перед некоторыми из окружавших тогда Его Величество, что нашел своего Марета⁶. В Эрфурте подойдя на бале к Сперанскому, государь спросил у него, как находит он чужие края в сравнении с Россиею. Сперанский ответил: «Мне кажется, государь, что здесь установления, а у нас люди лучше». Государь умным, точным и оригинальным его ответом так был доволен, что изволил сказать: «Возвратясь домой, мы с тобою часто будем говорить об этом». Точно так и было. Тотчас по возвращении государя в Петербург Сперанский начал иметь частые и продолжительные доклады, коих одним из последствий явился Государственный совет в новом его образовании, в котором Сперанский возведен в звание государственного секретаря. Вышел общий устав министерств и образованы Министерства финансов, полиции и военного, с частными их уставами. Здесь Сперанский – государственный секретарь только по званию – имел на самом деле влияние первенствующего министра на все дела, по отличной к нему доверенности государя. И на сей высшей степени случайности ненарушимо сохранил старинные связи, уединенную жизнь и простоту домашнего своего быта.

Но внезапно все органические работы государственной канцелярии остановлены известием, что война с Наполеоном неизбежна и близка. Государь немедленно озаботился приготовлением к ней; и как Его Величество, так и Государственный совет занялись рассмотрением учреждения для большой действующей армии, которое издано в начале 1812 года.

В сие смутное и страшное для Отечества время личная вражда, всегда в видах своих прозорливая, нашла выгодным к оклеветанию Сперанского перед государем; и действительно, не было возможности заняться обследованием, ибо общая безопасность на-

стоятельно требовала только скорейших мер осторожности и жертв. Сперанский провел с лишком четыре года в изгнании в Нижнем Новгороде, Перми и новгородской своей деревне. В Перми принужден он был продать брекетовские часы для содержания себя, доколе не приспела ему помощь Лазаревых⁷, с семейством которых был он всегда дружен и кои, против обыкновения, поспешили оказать важную услугу благодарности знаменитому изгнаннику. По природному благодущию своему Сперанский одолжал многих. Одни Лазаревы его вспомнили.

В изгнании своем перевел он с латинского подлинника изданное им в пользу бедных *«Подражание Христу»*⁸ и присовокупил к нему краткое изречение из прочих творений Фомы Кемпийского, которое есть неподражаемый образец изящнейшего слога, отрывок невиданной у нас прозы. Он незаметен в конце книги *«Подражание»*, но резко от нее отличается потому, что Сперанский, из преувеличенного почтения к слову подлинника, почти буквально его перекладывал; в двух же прочих сочинениях Фомы Кемпийского извлек и передал свободно, на творческом своем языке. В новгородской деревне занимался он, предпочтительно, изучением отцов Церкви, писавших о жизни созерцательной. Там нашел он в одном соседственном монастыре книгу, в которой собрано полное сих отцов учение, с присовокуплением деятельной его части. Он углубился в него совсем порывом души высокой, и от гонений человеческих ушел в небо! Тут последовал переворот в судьбе его. Он оправдан Высочайшим указом и определен пензенским губернатором. В сей Ост-Индии нашей, которую нашел он во всем ужасе местного самоуправления, открыл и обличил он долголетние злоупотребления, поставил им законные преграды и представил сообразное с отдале-

нием сей области положение, коим навсегда обеспечил ее благосостояние; как новый Ермак, он присоединил Сибирь к общему порядку и благоустройству империи. Жестокий климат сего края, заботы и труды, особенно же мысль, что определение его труда есть некоторый род почетного удаления от государя, начали расстраивать его здоровье. Он настоятельно просил дозволения приехать в Петербург и после многих сильных противодействий получил его благодетельным посредством князя Александра Николаевича Голицына. Милостиво принятый государем, уклонился он от предложенного ему министерства и остался членом Государственного совета и сибирского комитета.

Новые труды его в настоящее время так известны, что излишне было бы говорить о них подробно. Свод Законов, памятник, в течение ста лет недоделанный, сооружен им в таком виде, что законодательный труд, прославивший царствование Феодосия⁹, не может выдержать никакого с ним сравнения.

В последнее время знаменитой своей жизни венцом славы почитал Сперанский счастье, которого он удостоился, быв преподавателем высшего законовещения государю наследнику. С восхищением вспоминал он присутствие Их Императорских Величеств, что ему внимал тот, который сам будет некогда законодателем пятидесяти народов. Он рассказывал, что государь цесаревич везде, где после того встречал его, заводил с ним речь о сем, пленившем его предмете. И сие естественно, ибо Сперанский, посвятивший всю жизнь на его изучение, конечно, один мог преподавать его со всею прелестью обширного ума и очаровательного государственного красноречия, коего был и творцом, и первым у нас подвижником. Такой преподаватель достоин такого слушателя.

Огромный капитал комиссии духовных училищ, составившийся из свечных доходов, есть мысль Сперанского. Сироты духовенства, и ныне презренные, и до высших духовных степеней образуемые, равно как обеспечение состояния семинарских и академических воспитанников, суть также плоды его предположений в бытность членом комиссии духовных училищ. Много принесут жертв умилоствления пред св. престолами Божиими, много вознесется молитв и вздохов от сирот и вдов духовенства при известии о его кончине, и сие теперь ему нужнее всех наших прославлений.

Положив венец гражданским доблестям на досточтимый ему памятник, молодой россиянин в благородном порыве народного чувства скажет: «Вот каких мужей Россия имела!» И гордым шагом пойдет от него. Но мы, окруженные развалинами современных с нами царств, свидетели падения стольких сильных земли, мы, разочарованные от земной славы, не остановимся на сем последнем ее рубеже и, воздав праведную честь праведному сановнику, пойдем далее за человеком!

Сперанский, независимо от личных его дарований, был одно из тех изящных существ, кои в разных образах мнений, через которые всякий мыслящий человек более или менее происходит, везде и всегда добрые. Добрый муж, отец нежный, домостроитель благодушный и кроткий человек. Милосердый к бедным, великодушный против врагов своих. Вот титла и отличия, которые понес раб Божий Михаил с собою – куда! – в новое, вечное свое гражданство! Все прочее осталось на пороге могильной его двери.

Напутствуем же и мы душу его таким молитвенным вздохом, который был бы ей во услышание благоприятное: Господи! Помяни раба твоего во царствии Твоем!

ДУМА НА ГРОБЕ ГРАФИНИ РОКСАНДРЫ ЭДЛИНГ, УРОЖДЕННОЙ СТУРДЗА¹

На закраине здешнего поморья, там, где *пределом безусловного гостеприимства* протянута цепь береговой стражи, стоят, прилеском, несколько редких в здешнем крае вечно зеленых елей. Заезжие на чужбину сироты, уныло смотрят они на море, им незнакомое, на белокрылые корабли с роскошью Запада, с лакомствами Востока, с пшеницей Севера, с громами России – мимо их летающие; смотрят на цветистый ковер окружной степи и орла пустынного, на душистом стоге отдыхающего, смотрят – и как будто ждут чего-то, и недаром дожидаются.

Эта древняя пустыня, в виду которой в течение 36 веков пронеслось столько всемирных происшествий, промчалось столько народов, от тавров, кимвров, скифов, амазонок, аргонатов, греков и римлян до нас, – нет под Державою Русской, под благословением Церкви Православной; не золотое руно Колхиды хранить обрекается, не кровавым требищем Дианы прославится, не алтарь дружбы языческой воздвигнет – эта пустыня будет отныне *свободною пристанью мира духовного*, преддверием Царства Небесного, усыпальницею отстрадавших, алтарем умилоствления, нивою Божией, и уже – Архистратиг его стоит на ее страже.

Лет пять тому назад пришла на сердце Святителя Божия вдохновенная мысль – устроить при городской Церкви Архистратига Михаила такой женский монастырь, при котором можно было бы основать места воспитания для бесприютных сирот Священства.

Благодатная мысль сия, как луч Небесный, зажгла сердца милосердые и – запылала в душе *Графини Эдлинг*;

она первая, после бесцветных лент, внесенных здешним духовенством, испросила книгу для сбора, именем Христовым, частных пожертвований, на предположенный монастырь, и возвратила ее с 40 тыс. руб. В это время куплен и приморский хутор для подворья монастырского. Между тем около городской Михайловской церкви внезапно поднялась обширная каменная ограда, выстроились красивые помещения для монашествующих и для сирот, зазеленели сады, и еще до устройства монастыря пришли особенными путями Божиими с разных сторон несколько инокинь, и из числа многих предназначенных сирот прибыли некоторые, – так что монастырь, еще не учредившийся, каким-то дивным промыслом – *уже тут*. Уже живут в нем инокини, уже молятся в нем сироты.

Но между тем как это основание, твердейшее гранита, положил Господь сему отшельничеству, хутор монастырский оставался в запустении. Вокруг сторожевой мазанки колыхалась трава высокая и зеленел бедный прилесок зашедших откуда-то елей; но и *тут тот же* Домостроитель учредил *по-своему*. Вдруг под тенью этих елей вырыта могила, в которую поставлен богатый гроб, орошенный слезами целого города, слезами родных и друзей, слезами нищих и сирот. Вот какое семя тут засеяно.

Тут положена жена знаменитая, от крови страдальцев за Веру и Отечество, знаменитая не одними личными достоинствами, не одним светским значением, но делами милосердия. Чуждаясь всякой славы ума обширного и пылкого, убегая всякого притязания к славе литературной, на которую по отличным дарованиям имела полное право, добровольно сошла она с высшей степени положения, по связям ее значительного, в неизвестность жизни частной, и совершенно предалась, как избранница Божия, отправлению истинного долга своего – *дела милосердия*.

И в Бессарабии участок степи, дотоле пустынной, покрылся огромными стадами, со всех сторон стекшимся населением, застроился зданиями окрест дома Божия и домов гостеприимства и милосердия, садами окруженных. Необозримые поля зазеленели разноцветными сокровищами земли благодатной. Устроилось училище для бедных детей обоего пола. Открыта безмездная лечебница, и этот *оазис* образованности и счастья общественного обратил на себя внимание отечественных и иноземных знаменитостей.

В другой степи, попечением той же Христолюбивой жены, устроенный благотворительным обществом в пригороде Одессы, среди обширного сада, дом Сиротский приведен в цветущее состояние и проникнут тем же духом Христианского милосердия, который так видимо низводит на него благословение Божие, устройством в нем благолепного храма и определением при оном Иерея и законоучителя, того молодого крестного витязя, который в бывшую здесь чуму, запершись в карантине, нетрепетною рукою преподавал Св. Таинства зачумленным.

В третьей степи для предполагаемого женского монастыря собрала она от берегов Дуная до Невских значительные суммы, коими и положено начало сему богоугодному заведению.

Вот те *три памятника* любви к Богу и ближнему, которые славнее и тверже всех бронзовых монументов. Всеведущий прочтет в *день* – он те иероглифы тайных благодеяний, мудрых советов, увещаний, примирений, благоустроенных браков, милостынь, которые одна десница ее ведала, и коими памятники сии исписаны.

Она прияла конец достойный ее жизни. *Блажены милостивые, яко те помилованы будут.* На одре страданий она двукратно помилована: помилована от присужденного уже истязания, когда, после Таинств, ею приня-

тых, выпал нож из руки удивленного врача. Помилована, когда в неизбежном ожидании лютых и, может быть, продолжительных страданий от жестокой и неизлечимой болезни, прилетал к ней – как она сама летала некогда на помощь бедным, на утешение страданий и скорби – прилетел тихий Ангел смерти и усыпил ее телесно до радостного Утра!

Вот на этом пустынном участке земли под тенью этих елей гроб ее.

И здесь, как в лучшем обществе, которое украшала она благоуветливостью души любвеобильной, и здесь водворилась она для того только, чтобы и после смерти послужить основой Храма Божия, окружиться смиренными гробами отшельниц и сирот, ею облагодетворенных, и – в страшный день – он – последний для земли, но первый для Неба, где нет последнего – предстать лицу Божию в сем *лучшем* тогда обществе.

А ты, брат и друг ее, утешайся в ожидании сего радостного воскресения, теми безразлучными свиданиями, кои с отшедшими друзьями нашими отсюда нам дозволены, сквозь дым кадила, за них возносимого, сквозь завесу той умилоствивляющей Тайны, в которую и Ангелы желают проникнуть!

Автобиографические заметки

ПОКАЗАНИЯ МАГНИЦКОГО. О СЛУЖБЕ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОГО СТАТСКОГО СОВЕТНИКА МАГНИЦКОГО

Записан будучи по тогдашнему обыкновению в лейб-гвардии Преображенский полк унтер-офицером

в 1781 году, он произведен в сержанты в 1792-м, а в 1795-м определен ординарцем к майору сего полка, князю Голицыну, и отправлен с ним в Польшу.

В 1796-м выпущен в армию, капитаном.

В 1798-м вступил в коллегия иностранных дел и переведен в канцелярию вице-канцлера, из коей в том же году определен к Венскому посольству, от которого, будучи прикомандирован к фельдмаршалу Суворову, отправлял при нем, во всю бытность его в Вене, все политические и военные дела; а во все время его кампании исключительно занимался как перепискою с ним посла, так и донесениями по оной к Государю и к министерству, равно как и переводом всех сообщений графа Суворова на французский язык, для австрийского министерства.

По отзывании посольства из Вены находился он при вице-канцлере, получил разные награждения за труды при посольстве в Австрии и отправлен в Париж с послом, ехавшим туда для заключения мира.

Отправлял в Париж два года все дела, относившиеся к размену пленных, писал протокол мира при конференциях посла с министром Талейраном, образовал начальную канцелярию посольства и после двух лет определен в канцелярию государственного канцлера.

В 1803-м переведен в новообразованное Министерство внутренних дел начальником отделения.

В 1804-м послан по высочайшему повелению с секретным поручением во Псков по дошедшим до Государя сведениям о лихоимстве губернатора, который и сменен по его донесению.

В 1805-м по высочайшему же повелению послан для открытия заговора в Вильну. Исполнил сие поручение с успехом, представил ясные доказательства, что в тамошнем университете было и тогда уже (за 25 лет до

последнего мятежа Польского), под начальством ректора Стройновского и покровительством попечителя князя Чарторижского, гнездо будущих возмущений (князь Чарторижский был в то время в величайшей силе при дворе). Магницкий получил за сие орден св. Анны 2-й ст., но и обратил на себя гонение временщика¹ и охладил к себе начальство, ему угождавшее, до такой степени, что в рескрипте, препровождавшем орден, не решились сказать, за что дают его. Сие важное дело кончено выговором князю Чарторижскому через министра просвещения.

С сего времени Магницкий осужден был на черную канцелярскую работу без всякой возможности к какому-либо отличию до 1810 года, в котором Государю угодно было, без всякого со стороны его искательства и даже совершенно для него неожиданно, взять его к себе в статс-секретари, с пожалованием в действительные статские советники.

В сем новом звании, кроме текущих дел по государственной канцелярии, Его Величество поручать ему изволил:

1) Все дела военные в высшем их отношении, а именно: а) инструкции главнокомандующим; б) рескрипты, кои должны были оставаться неизвестными военному министерству; с) образование Министерства полиции; d) образование Министерства военного и проект наказа ему.

За сии труды награжден он орденом св. Владимира 3-й степени.

2) Откупное дело графа Зубова, коему присуждено было Сенатом миллионное вознаграждение, а оказалось справедливым взыскать с него два миллиона рублей, что и исполнено.

3) Учреждение комиссии для сочинения уставов и уложений, по всем частям военного ведомства.

Магницкий определен директором сей комиссии и в несколько месяцев довел дело сие до такого состояния, что все нужные уставы и учреждения были уже в аналитических табелях составлены, рассмотрены и одобрены; но в то время как для окончания его оставалась одна механическая работа — вставить текст законов в готовые, систематические рамы, она приостановлена повелением составить немедленно, в несколько месяцев до Отечественной войны оставшихся, известное учреждение для большой действующей армии.

Вся комиссия занята была, день и ночь, сим трудом, и Магницкий, имея ежедневные по оному доклады у Государя, часто до глубокой ночи продолжавшиеся, привел ее к окончанию в декабре 1811 года, в котором и награжден за то орденом св. Анны 1-й степени.

Четыре типографии едва успели напечатать сие учреждение в половине марта 1812 года. Магницкий подписал последнюю его корректуру в начале сего месяца; книга вышла и разослана с фельдъегерями 17 марта поутру, а в тот же день, вечером, Магницкий, уже государственный преступник, послан в изгнание.

Не прежде как через четыре года прислан за ним фельдъегерь, с дозволением принести свои оправдания в Грузине. Там, под именем оправданий, предложены ему некоторые смягчения изгнания, в котором жена его, от жестокого климата, потеряла здоровье, а дочь умерла. Но он просил или способа к совершенному, публичному оправданию, или дозволения возвратиться в свое изгнание. Там пробыл он еще восемь месяцев, как получил пять тысяч рублей на подъем, продолжение назначенного, без просьбы его, за несколько до того лет, пенсион; место вице-губернатора в Воронеже и повеление отправиться туда прямо; равно как и копию с высочайшего указа Правительствующему Сенату об его оправдании.

Сие происходило в 1816 году.

В бытность его вице-губернатором, получал он от Государя разные, важные и доверенные поручения, для проверки или обнаружения дел бывшего в то время там губернатора.

В половине 1817 года получил он высочайший указ, определяющий его Симбирским губернатором с назначением, опять без его просьбы, вместо 3 тыс. руб., до того им получаемых, шести тысяч из государственного казначейства.

В 1819 году, будучи по отпуску в Петербурге и желая оставить службу, в которой видел он одно продолжение какого-то прикрытого изгнания, получил он, от высочайшего имени, предложение вступить в члены Главного правления училищ, с пожалованием аренды и земель, в сравнительное вознаграждение с товарищем изгнания его, тайным советником Сперанским, с тем, чтобы тотчас ехал осмотреть через 13 лет запущенный Казанский университет, который бывший тогда министр предполагал уничтожить, и чтобы благодарил Его Величество не прежде, как по исполнении сего поручения и как бы при донесении о нем.

Магницкий все исполнил с точностью. Он имел счастье, при изъяснении Императора, рыдать в объятиях сего ангела Божия и вышел из кабинета его, как бы никогда не страдавшим.

Государь, выслушав донесение его о состоянии Казанского университета, изволил потребовать, чтобы он принял звание его попечителя, с неограниченным полномочием. «Je vous donne carte blanche»² – слова Его Величества, известные бывшему тогда министру. Как Магницкий ни уклонялся от сего рокового поручения, должно было принять его. Магницкий, через семь лет труда необъятного по силе противодействия, допил до

дна чашу служебных скорбей в сем звании. Он не только не получил никакого награждения, но ниже одобрительного слова, в течение семи лет непрестанно обходимый и обижаемый; но он и не думал на то жаловаться: ибо, несомненно, был уверен, что свято исполняет волю Государя и благодетеля своего; а ежели бы даже и Его Величеству представлены были дела его в столь превратном виде, то и тогда, в чистоте их побуждений, в пользе их для Церкви, Государя и Отечества, остается ему свидетелем и помощником Бог!

В сем положении чувств и дел его узнал он, что царственного благотворителя его не стало и что ему воспрещается даже и последнее утешение — омыть гроб его слезами!

ГЕНЕРАЛ-АДЪЮТАНТУ БЕНКЕНДОРФУ

14 сентября 1829 г. Ревель.

Mon general! Profitant de la permission de Votre Excellence, je prends la liberté de lui presenter, ci-joint, les papiers que j'ai eu l'honneur de lui lire aujourd'hui. Celui qui accorde la paix a ses ennemis depuis l'Euphrate jusqu'aux murs des Constantinople, sera-t-il inflexible pour moi seul, le plus dévoué de ses sujets et le plus enthousiaste de ses admirateurs? Agreez l'hommage de ma reconnaissance de mon respect et de mon devouement sans bornes etc.¹

Искренне относя все происшествия, в течение четырех лет несчастье моего семейства составившие, менее к людям, нежели к стечению неблагоприятных для меня обстоятельств и смутному времени, — я постараюсь, в простом раскрытии странного сцепления сих происше-

ствий, показать мое оправдание. В доказательство же несомненной достоверности мною утверждаемого буду я все подкреплять свидетелями, актами и письмами. Те обстоятельства, кои по каким-либо личным уважениям писать было бы неуместно, буду я дополнять на словах, готов будучи, впрочем, не боязненно утвердить их и на письме по первому требованию.

Хотя благородные чувства вашего высокопревосходительства и доброта души вашей и ручаются мне за то, что вы не поскучаете получасом чтения для спасения целого семейства, по десятилетним отношениям своим не совершенно вам чуждого, но должная в сем случае скромность заставляет меня сказать, что не иначе решился я отвлечь благотворное внимание ваше от важных дел охраняемой вами империи, как потому, что защита чести чиновника, 32 года служащего и осчастливленного доверенностью императора Александра, к славнейшему времени царствования коего привязано имя его, есть дело не совсем чуждое предметам общественным.

Ваше высокопревосходительство, равно простите мне, ежели о некоторых делах моих на службе напому я; сие потому только, что никто, кроме меня, не напомним о них в пользу сего.

Приступая засим к изложению самого дела, я буду иметь честь обратить внимание вашего высокопревосходительства на него с двух сторон: *с политической и гражданской.*

Дело мое в политическом отношении

Во всю службу мою, с тех пор как я начал что-нибудь значить, случалось мне непрестанно быть поставленным между совестью и необходимостью раздражать общее

мнение. Из многих случаев, сие доказывающих, приведу я здесь только несколько самых важных.

1) В бытность мою статс-секретарем Государю угодно было посадить меня членом в комитет, который должен был решить: следует ли петербургскому откупщику графу Зубову заплатить, по претензии его на императора, за удаление кабаков от казарм, 2 млн руб. потерпенного якобы от того убытка? Вознаграждение сие было уже присуждено Сенатом. Комитет нашел, по совести и актам, что претензия откупщика было самое наглое притязание к похищению казны, что Сенат и министр юстиции совершенно виновны не только в неправильном одобрении его требований, но и в невзыскании с него самого 2 млн руб., по откупу не вносимых. Заключение комитета передано в Совет, который единогласно отвергнул его – так сильно двумя высшими судилищами был поддерживаем откупщик! Государь принужден был взять сие обратно к себе и утвердил мнение комитета во всей его силе. Десять или двенадцать тысяч душ графини Потоцкой, бывшие в залоге за откупщиком, проданы с публичного торгу, и вместо несправедливой ему платы 2 млн руб. они с него взысканы.

2) В бытность мою воронежским вице-губернатором, отказав в губернском правлении подписать неправильную смету земских повинностей, я принужден был и по закону и в защиту собственного поступка подать мнение, в котором доказал, что под именем земской повинности, в продолжение трех лет, совершенно ограблена деревня на несколько миллионов, которые следует взыскать с виновных. Министр финансов, Государственный совет и Его Величество утвердили во всей силе мнение сие.

3) В бытность мою воронежским же вице-губернатором Государь, приказав препроводить ко мне выписку из журналов Комитета министров по весьма извест-

ном вашему высокопревосходительству делу Сенявина, повелеть изволил сказать о нем истину. Я не усумнился написать все то, что знал и что потом вами обнаружено, то есть убийство двух человек, все интриги и подкупы, для закрытия его бывшие.

4) В бытность мою воронежским же вице-губернатором Государю угодно было поручить мне рассмотреть дело богатого откупщика Бородина, состоявшее в том, что между тем как крестьяне его воронежских деревень жаловались Его Величеству на притеснения и тиранство, по его жалобе местному начальству обстоятельство сие названо бунтом, и вместо защиты утесняемых послано войско унять их военную рукою. Я поехал в имение, открыл истину, освободил людей, умиравших от затеснения тюрьмы, обличил и откупщика в обмане, и губернское начальство *подлинными письмами Бородина*. Государь все действия мои изволил утвердить, имение взято в опеку, и Бородин предан уголовному суду.

5) В бытность мою симбирским губернатором восемь помещиков за тиранство предал я суду, и в том числе известного богача Наумова, который, имея 300 тыс. руб. дохода, употреблял для истязания железную шапку в 16 фунтов.

6) В то же время татарина Абдульмена Ермеева, судимого в завладении целым уездом, в вырубке казенных лесов, в собирании с крестьян податей и употреблении их на свои обороты, в убийстве, в делании фальшивых ассигнаций в продолжение 16 лет, я открыл и поймал в Москве, где он укрывался от полиции, захватил всю его переписку, обнаружил тем связи его с разными чиновниками, обличил сенатскую канцелярию в лихоимстве собственными письмами виновных. Государь утвердить изволил все мои действия и пред-

положения, щедро наградив употребленных мною по сему делу чиновников и приказав подвергнуть строжайшему следствию канцелярию Сената, которая, однако же, так была в сем случае счастлива, что не только дело сие не имело для нее последствий, но главный виновник был уже юрисконсультom в то время, когда суд, надо мною самим производимый, находился в руках сей канцелярии.

Смело вопрошу каждого честного чиновника, как можно было в сих делах поступать иначе? Между тем они-то дали мне ту гибельную известность, от которой приобрел я множество врагов. Дворянство видело во мне, по его мнению, не раз мною самим слышанному, предателя собственного моего сословия из преданности правительству; весь многочисленный класс подъячих и лихоимцев – опасного и смелого обличителя, получестные их покровители – человека жестокого и злонамеренного.

И в сем неблагоприятном для меня положении так называемого *общественного мнения*, явился я в Петербург просить увольнения от нестерпимого звания губернатора, ибо, борясь со всеобщим злом в одном маленьком углу империи, не только другим, но и самому себе казался я тем несчастнейшим Донкишотом², что прекратить драку с мельницами по совести не мог. И по собственному вызову императора вступил я в звание члена Главного правления училищ.

Но здесь снова от неугомонной совести своей предстояли мне горшие беды, которых я совсем не ожидал, почитая учебную часть весьма спокойною, потому, по крайней мере, что она *безвзяточна*.

Меня послали обревизовать Казанский университет. Я открыл безнравственное невежество сего заведения, разврат, грабеж и беспорядки управления. По

представлению моему, 11 или 12 чиновников одного более или менее милостиво уволены, но ни один не пострадал, как бы заслуживали. Новый гул и жалобы, новое сословие (ученых и полуученых) присоединились к множеству врагов моих. Государь, напротив, один всегда у меня в виду бывший, увидев новые причины доверенности, лично приказал мне принять должность попечителя и восстановить Казанский университет — мнение министра было его уничтожить.

Желая оправдать доверенность Его Величества, я принялся за основательное изучение моей новой службы. Купил для сего дорогую по состоянию моему библиотеку и заперся на три года в моем кабинете, а в заседаниях правления оградил себя совершенным молчанием, изучая ход дел и направление мнений моих сочленов. Объяв предположенный себе предмет во всем его пространстве, то есть *схоластическо-исторически*, старался я составить себе полную систему истин о просвещении, дабы идти к новому пути моему не ощупью. И истины сии представились в следующем виде:

1) Слово «*просвещение*» никем еще основательно не определено. Все, кои его произносят, понимают под его названием некоторое извлечение из собственных своих о нем понятий, и от того происходят споры и недоразумения, от того его злоупотребление, ибо часто добрым именем сим закрывают от правительства люди неблагонамеренные начинания самые вредные и гибельные.

2) Просвещение в государственном смысле не может быть не что иное, как полное собрание всех положительных наук с новейшими их открытиями и лучшими методами преподавания, вверенное надежному, *по его нравственности*, сословию ученых и распределяемое им, *под деятельным надзором*, согласно с религиею,

с образом правительства разным классом граждан, в *нужной* для каждого из них мере.

3) Науки можно разделить на точные, или положительные, таковы суть: богословские, юридические, естественные, математические – и на мечтательные, каковы: философские и проистекающие от них нравственные и политические, ибо основания их не только совершенно произвольны, но каждые 20 лет переменяются, и в одно и то же самое время в разных государствах различны и даже противоположны, между тем как положительные имеют ту *всемирность*, которая есть единственный признак земной истины.

4) Лжеименное просвещение, то есть когда мечтательные науки портят положительные, заражая их своими заблуждениями, всегда было вредно. Следовательно, нужно охранить науки неприкосновенными к сей заразе и в полезной чистоте их точных начал. Так, например: на что допускать в геологию вредные гадания *о невозможности потопа*, когда она должна просто рассматривать ту шеститысячную часть земного радиуса, далее коей человек проникнуть не может и которая, собственно, есть не что иное, как самая поверхностная кора земли? На что к науке прав положительных приделывать вредные гадания о происхождении властей от подразумеваемого договора и проч.?

5) Россия имеет свой особенный характер в религии, в нравах и в образе правления, следовательно, и просвещение ее должно быть соображено с сими отличительными ее свойствами, ибо иначе всякое его противодействие непременно произведет вредное потрясение сперва нравственное, потом гражданское и, наконец, политическое.

6) Мы заимствовали просвещение от земель иностранных, не приспособив его к нашему положению (*не*

обрусив), и сверх того, в самую неблагоприятную минуту – в XVII и начале XVIII столетия, то есть во время опасной его заразы, мы пересадили ядовитое растение сие в наш холод, где оно вредит медленно, ибо *растет худо*. По счастью, равнодушие к нему управляющих и национальная лень наших ученых остановили его на одной точке.

7) Надобно, однако же, сдвинуться с нее руководством учителей, осторожнейшим образованием учеников, пересмотром классических книг, кои по духу и по ограниченности их никуда не годны и даже от своего времени отстали; очищением литературы народной, в которой нет еще листа сносной прозы, а все дурное, от жизни Ваньки Каина³ до Вольтерова «Кандида», готово уже для развращения грамотной черни. Сие небольшое число истин самых неоспоримых, по совести, лучшему моему разумению и согласно с мнением отличнейших гениев и ученых от Бэкона и Кеплера до Ролена и Боссюэ поставив себе руководством, старался я при разных случаях передать их моим сочленам в Главном правлении училищ, но несмотря на то, что бывший тогда министр *был совершенно моего мнения*, все мои сотоварищи и те даже, кои часто горячо разделяли мой образ мыслей, при каждом публичном прении меня подписом своим предавали для того, как после узнал я, чтобы нейти против духа времени. Увидев сие и действуя всегда по убеждению, я отставил всякую надежду на какое-либо содействие и решился презреть все опасности в надежде на святость моего дела и помощь Божию.

Два примечательных случая сие доказывают: 1) Я представил министру вредную книгу естественного права профессора Куницына. Он собрал правление и пригласил к заседанию его ректора университета и двух профессоров для выслушания их защиты. Заседа-

ние сие в протоколе Главного правления училищ, *составляющее эпоху*, примечательно особенно тем, что перед целым присутствием доказано депутатам учености, что книга, ими одобренная и защищаемая в виде классической, не только вредна и возмутительна, но и в ученом ее отношении, сравнительно с лучшими классиками, никуда не годна. Правление и впоследствии государь положили запретить ее в преподавании и в продаже. 2) Попечитель виленский представил философию, сколько теперь припомню, профессора Голяховского, на утверждение. Ученый комитет и правление единогласно ее одобрили. Я доказывал столь положительно вред ее, что просил заметить, что через год или два неминуемо подвергнется он запрещению полиции государя цесаревича. Через полгода тетради студентов по повелению Его Высочества отобраны и профессор выслан за границу.

Сие время начавшегося торжества начал моих, событиями оправдываемых, избрали враги мои для правильного на меня нападения. Им весьма справедливо казалось недостаточным все дотоле сделанное, хотя интригами и клеветою их и пронесен уже я был тогда *погасителем, врагом наук, подавшим проект инквизиции и проч.* Хотя слухи сии и повторялись уже от площади до чертогов царских, но им далеко еще казалось от сего поругания до совершенного моего истребления, которое было поставлено целью их действий, и потому здесь следует словесное изъяснение о двух лицах и средствах, ими избранных, к окончательному поражению меня.

Посему перемена правления, невзирая на то что самые происшествия, при начале его случившиеся, все мои действия и опасения, *задолго до того словесно и письменно заявленные, совершенно оправдали*, имела для меня самые горестные последствия. Она застала

меня в следующем оглашении, сколько могу я судить о нем по отрывкам некоторых речей, ибо клевета всегда действовала против меня тайно и обвинений ее никто положительно не объявлял мне.

Те самые, которых обличал я во мнениях и поступках опасных, обратив на меня собственное мое оружие, успели пронести самого меня лицом опасным, утверждая:

1) Что, говорив и писав о вредном направлении мнений своевольных и возмутительных, я вызвал якобы бунт, заставив испуганных моими словами заговорщиков ускорить его. Странную небылицу сию многие добросовестно повторяли, не примечая, что в сем смысле всего опаснее была бы полиция, которая по сему заключению, предохранительными мерами своими, должна непременно ускорять все преступления.

2) Что я, затевая какие-то интриги (коих, впрочем, никто еще не определил), искал в ненавистном временщике (графе Аракчееве); но я имел и представил подлинные письма и записки, которые доказывают, что то, что называют моим в нем искательством, было не что иное, как взаимность за его расположение еще с 1815 года, и в самых важных обстоятельствах моей жизни постоянно мне оказываемое. Что ничего и не просил, и не получил я от него, впрочем, книга, в Грузии доньше, вероятно, сохраняемая, может доказать, что, быв там один только раз, я нашел в ней длинный список искателей, меня упредивших и кои занимают теперь весьма важные места, не слыша сего упрека.

3) Что я входил в духовную интригу, от келии монаха до кабинета придворной дамы (Орловой-Чесменской⁴) простиравшуюся. Пусть спросят обоих, первого: чего стоило ему добиться моего посещения? Знал ли я во время его действий, что он их предпринимает? И, узнав о них *вместе с публикою*, одобрял ли я не нравственность

оних? А вторую: *правду ли я говорю здесь* и знаком ли я был с нею 25 лет прежде свидания в Петербурге?

В сем деле я служил плащом и был жертвою самого низкого коварства. Для скрyтия истинных причин интриги нужно было кого-нибудь выставить наружу, и чего лучше человека, уже столькими врагами на ненависть обреченного. Вот почему, оглашая меня своим приятелем, скрывали от меня все действия, стыдясь низости своих способов и оскорбляясь моими на них указаниями. Я имею на сие самые сильные доказательства и живых свидетелей, и хотя знаю, что происшествие сие не сделает чести моей проницательности, но соглашаюсь лучше быть грубо обманутым, нежели тонким обманщиком.

Когда несчастное для меня стечение всех сих обстоятельств созрело и кончина императора⁵ представила врагам моим случай преследовать меня открыто, тогда началось следующее: министр просвещения⁶, которого пришел я просить о защите по случаю высылки меня в Казань, на четвертый день по получении известия о кончине императора объявил мне, что военный генерал-губернатор приезжал уже к нему требовать сего от имени государя великого князя Николая Павловича. Тщетно просил письменного предписания с объявлением мне сего обстоятельства, ибо я почитал его вымышленным, для того только, чтобы заставить меня выехать, чего иначе никто не был вправе сделать без высочайшего повеления, ибо я жил и, занимая казанское место, служил в разных петербургских комитетах по именным высочайшим повелениям, коих ни министр, ни военный губернатор отменить не могли. Сомневаясь, таким образом, в объявлении министра, потому что он письменно дать мне его отказался, я немедленно написал к графу Милорадовичу, прося способа объясниться.

Но он мне отвечал, что это *недоразумение* и что выезд мой немедленно требуется.

Таким образом, огласив официально неблаговоление ко мне государя, до вступления еще Его Величества на престол, враги мои успели дать тот гибельный оборот делу моему в гражданском его отношении, который постараюсь я открыть в отделении, за сим следующим.

О деле моем в гражданском его отношении

Легко можно себе представить, какое действие имела огласка сия на положение мое, от Петербурга до Казани, когда государь воцарился. Я нашелся в каком-то очумленном состоянии, тем ужаснейшем, что не знал ни причины его, ни средства к избавлению. Дела мои совершенно расстроились, все связи прервались. Друзья и знакомые с ужасом отступили. Саратовские колонисты, покупавшие у меня лесную на Волге дачу за 209 000 руб., которую публично запродали им за несколько месяцев назад, для заплаты 150 000 руб. долга, на службе нажитого, от покупки сей внезапно отказались. Заимодавцы приступили с неотступными требованиями. Жена и сын остались в Петербурге совершенно без куска хлеба, и я сими обстоятельствами принужден был, продав сие имение за 150 000 руб., потерять 69 000, дабы уплатить долги, дать способы жить моему семейству и удержать на службе сына, который иначе должен был выйти в отставку юнкером. В сем положении министром просвещения, или, точнее сказать, по проискам того же лица, о котором изъяснился я словесно, начаты против меня в одно и то же время два преследования. Какие-то мои преступления, для меня доселе тайные, преданы рассмотрению Главного правления училищ, а другие поручены для местного обследования в университете ревизору.

Здесь приметить надобно, в доказательство недоброжелательства ко мне вышеупомянутых придворной дамы и духовного лица⁷, с которыми предполагают меня в связи, что присланный министром просвещения в помощь ревизору кол. совет.⁸ Есипов, *отрешенный за лихоимство от службы*, привез к генералу Желтухину рекомендательное о себе письмо от графа Орлова. Я сие слышал от самого генерала.

Еще заметить надобно, что по мере как ревизия университета ничего важного не открывала в Главном правлении училищ, вместо должного ожидания ее последствий для рассмотрения дела в совокупности спешили предварить решение его *на всякий случай* тем заключением, что я для места моего, семь лет занимаемого, неблагонадежен, и от сей необычной и противозаконной поспешности произошла несообразность самая неслыханная: когда ревизор подал Его Императорскому Величеству отчет свой, государь приказал препроводить обвинительные из него пункты ко мне, с милостивым и праведным мне повелением *представить оправдания мои в собственные руки Его Величества*. А в тот самый день, 6 мая 1826 года, когда я, исполняя высочайшую волю, отдал ответы в собственные руки Его Императорского Величества на почту в Казани, *в С.-Петербурге подписан указ об увольнении меня*. Таким образом, я наказан до выслушания требуемых объяснений. Но сие сделано для того, что опасались, дабы оправдания мои не были вняты, и спешили ввести правительство в такой шаг, с которого трудно было воротиться. Таким образом, все мои оправдания, *положительнейшими актами подтвержденные*, остались бесполезными и даже не упомянутыми в наветах министра просвещения Комитету гг. министров. Но здесь действительно знали, что я буду искать средства к личному объяснению, и потому

министр, заведя самые неистовые и тщетные (как опытом доказано) притязания к суммам, внесенным мною в университет, под предлогом сего дела, требовал моего возвращения в Казань.

Как вышезаявленный враг мой при Министерстве просвещения легко предвидеть мог, что личная правдивость Его Императорского Величества (как то впоследствии и вышло) не потерпит, чтобы попечитель университета был лишен чести и имени без формального над ним суда, то и распорядился он действиями руководимого им министерства так, чтобы заградить мне навсегда и последний сей путь к оправданию, когда дело мое <...> окончательно поступит в Сенат. Для сего министр представлял его отрывками *без доказательств* и в противность законам, *без спроса моих объяснений*, с тем только, чтобы безгласно и *до суда* взысканием с меня *мнимых* (как ниже доказано будет) начетов и высочайшим утверждением комитетских журналов связать будущий суд Сената, поставя его в такое положение, чтобы он не мог уже привести сего дела в обыкновенный порядок, ибо без того Сенат, всегда обязанный действовать юридически, должен бы был: 1) неопределенные и противоречащие наветы министра просвещения привести в ясность и в определенные пункты, *подкрепив его должными с его стороны доказательствами, которых не было и кои следовало дотребовать*; 2) сообщить сии обвинения и доказательства мне для выслушания тех ответов и объяснений, коих дотоле ни министр, ни Комитет гг. министров в виду не имели; 3) по моим возражениям взять где следует нужные справки и новые объяснения от министра, а мои на него жалобы *рассмотреть законным порядком* и, наконец, 4) все сии соображения обсудить совокупно и представить с общим заключением и всеми нужными сведениями *на высочайшее утверждение*.

Для предварительного избежания сего законного порядка, пред коим истина никак не могла бы укрыться, извращен совершенно ход моего дела и обеспечено то необычайное его окончание, которое покажу я в своем месте по порядку обстоятельств. Между тем, дабы завязать положение мое и самым разорением меня, учреждена, сверх бывшей в университете ревизии, комиссия для поверки университетских счетов, самых ничтожных и *большую часть уже Государственным контролем обревизованных*. На имение мое *под сим предложом* наложено повсеместное запрещение, все дела мои связаны, и даже *доход с аренды киевской, который не есть имение недвижимое* и потому не следовал под запрещение, удержан, и уже доселе 13 тыс. руб. его лежат в Приказе общественного призрения, между тем как я плачу на долги мои большие проценты. Когда запрещение снимется, кто вознаградит сии потери и на ком искать их? Дело же ревизии маловажных университетских счетов, к крайнему обременению и совершенному расстройству моему, уже продолжается четвертый год, невзирая на все бывшие повеления и даже объявленные мне обещания о скорейшем его окончании.

Наконец, когда пришло время, и врагами моими предвиденное и мною желанное, что Его Величество столь для меня благодетельно повелеть изволил предать меня суду, Сенат, не могший уже пересуживать того, что неоднократно решено в Комитете гг. министров *до сего суда*, предложил мне вопросные пункты *только для обряда*, ибо, не собрав на мои объяснения ни указанных мною справок, ни дополнительных сведений от министра, не вникнув в мои жалобы на его противоречия и несправедливые со мною поступки – *подвел меня под манифест*. Я мог бы на сие *по закону* жаловаться и просить о переносе дела, но куда? В общее собрание? Оно равным образом

не может перерешать суда Комитета гг. министров. Просить потом о рассмотрении дела в Государственном совете? Но там заседают те самые члены комитета, кои по одним *бездоказательным* словам министра, *без ответов и объяснений моих*, меня осудили.

Невзирая, однако ж, на сию видимую беззащитность мою, сама истина, самый конец дела очевидно защитил меня, ежели благоугодно будет приметить, что сам Сенат впал в следующую неправильность:

1) Я предан суду его по особенному высочайшему повелению. Установленный законом порядок требовал, чтобы приговор суда сего был представлен на высочайшее утверждение – *сего не сделано*, ибо в указе Сената сказано только, что решение Сената, через Комитет министров, доведено до высочайшего *сведения*. Ежели так поступлено потому, что я якобы избавлен от наказания по высочайшему манифесту, то не надобно забыть, что в моем звании, и особливо при явной невозможности законно осудить меня, сие самое помилование *есть уже тяжкое наказание*.

2) Деньги, неправильно, как из ответов моих видно, начтенные на меня министром, Комитетом гг. министров взысканы, а Сенатом сочтены так неправильно, что теперь спрашивают меня (как подносимое у сего письмо № 2 доказывает), *не желаю ли я излишне отнятых у меня денег взять назад?*

Сие обстоятельство привожу я здесь не для возвращения мне денег, потеряв около ста тысяч рублей, но дабы показать, с каким небрежением законов и порядка был я разоряем и бесчестим, привожу для того, чтобы иметь право спросить, ежели дело мое в двух высших государственных сословиях велось столь ошибочно в рассуждении счета денег, то не можно ли предположить, что и в других отношениях, гораздо

для меня важнейших, ведено оно не лучше? Невзирая, однако же, на все сии столь существенные уважения, негодование и происки самых ничтожных лиц, невидимо приведя в движение самые сильные и главнейшие пружины правительственной машины, произвели следующие для меня последствия:

1) Лишение места с тем содержанием, которое 32-летними трудами заслужил я.

2) Потерю 69 тыс. руб. при продаже саратовской моей дачи.

3) Двукратную меня высылку из Петербурга и одну из Казани, стоившие мне более 10 тыс. руб.

4) Несправедливое, как доказано в ответах моих Сенату, взыскание около 3 тыс. руб.

5) Бесчестие быть несправедливо подведенным под манифест и лишение через то знака отличия потому только, что Сенат *не мог не осудить меня*, рассматривая такое дело, в котором Комитет гг. министров, *по словам* министра просвещения, не требуя ни *ответов*, ни *объяснений моих*, уже предварительно осудил меня.

6) Запрещение въезда в столицы, только по суду за тяжкие преступления Его Величеством налагаемое, и сим сравнение меня, после 32-летней службы, с преступниками самого унижительного разряда.

Таковы казни, которые несу я, тщетно умоляя, чтобы, ежели Его Величеству не угодно покрыть императорскою милостью своею все прошедшее, в котором единственно виною несчастные для меня обстоятельства, то дан бы был мне суд, на коем рассмотрено бы было дело мое, в совокупности всех его обстоятельств, политических и гражданских, такую доверенною особою, которая бы, невозбранно приняв изъяснение моих оправданий, имела в случае моей невинности право на ходатайство о справедливом возмездии.

Впрочем, все мною по чистой совести здесь объясненное, предаю я правосудию Государя, и особенно тому сердцу Его Величества, которое, как бы чувствуя мою фанатическую к августейшему его дому и лицу преданность, посреди жесточайших противу меня предубеждений, в самые смутные минуты, искало облегчить мои страдания судьбою сына моего, снисходило для меня к неслыханным, могу сказать, уточнениям сердолобия и непрестанно заставляло гонимого отца лобызать руку благодетеля – в деснице карающего царя.

Сие чудное и, может быть, с одним мною бывшее происшествие не есть ли доказательство того, что посреди всех оклеветаний, меня чернивших, при самом исполнении мер строгости, казавшихся по обстоятельствам необходимыми, сердце царя говорило за меня? Ах! оно не обманулось!

Все страдания, мною перенесенные, и даже те из них, которые неисправимы, готов я забыть совершенно, ежели Государь, хотя уже и на конец преклонных лет моих, еще дарует мне способ показать ему на опыте, что не только все милости его к сыну моему, и даже каждый благотворительный взгляд на него, дорого оценены в чувстве моей благодарности и что в нелицемерной моей к нему преданности готов я отныне жить одною сею памятью сердца. И сие не на словах только, но и на деле доказать готов – прошусь и твердо надеюсь.

Превзойти в горячности моего усердия к Его Императорскому Величеству всех врагов моих есть одно из мщений, желаю и смею сказать, что Государь удостоил уже принять его задатки из самого изгнания моего, ибо имею в том всемилостивейшее от имени Его Величества удостоверение в письмах вашего высокопревосходительства.

ПРИЧИНЫ ПРЕСЛЕДОВАНИЯ М.Л. МАГНИЦКОГО, ИМ САМИМ ОПИСАННЫЕ

*Письмо М. Л. Магницкого — графу Аракчееву.
Января 31, 1826 г. Казань*

Милостивый государь, граф Алексей Андреевич!

Слава Господу, что под ужасным крестом, на Вас, милостивый государь, возложенным¹, сохранена жизнь ваша для людей вашему сиятельству преданных; слава Господу, что под крестом сим созрела вера и высокая покорность святой Его воле, столь необходимая для спокойствия сей и блаженства будущей жизни. Отец Небесный испытывает жестоко только тех, в ком изобилует сила. Для растопления платины нужен огонь сильнее, нежели для золота. Но после очищения нас огнем и слезами покаяния отеческое милосердие Божие посылает такие утешения, что нельзя променять их на все блага мира. Например, одно то, что мы в несчастьях только выучиваемся ка я т ь с я и мо л и т ь с я, за какие почести и богатства мира отдать можно?

Я твердо убежден, что Господь ни в каком случае не оставит вас, милостивый государь, за великие услуги ваши святой Его Церкви. Он верно поразит врагов ее; ибо исходом всех дел видно чудесное охранение дома царского и России.

Не дивлюсь поступкам духовного начальства с отцом Фотием², верным слугою Бога и царя; ибо я видел, как оно пред ним ползало; но твердо уверен в том, что ежели в сии важные времена будет оно двоедушничать, то Бог не попустит ему. Мы недавно видели, что есть духовный без духа, в самую важную минуту³.

Так ли в старые годы пастыри наши говаривали к народу и так ли народ слушивал пастырей? Им должно быть готовыми первыми умереть за церковь и царя!

О себе доложу Вашему Сиятельству, что я в самом несчастном положении. Со мной сделаны вещи неслыханные. Едва скончался государь, я схвачен, как преступник, вывезен в климат, для лет моих убийственный, лишен средства руководствовать сына, начавшего служить; лишен утешения жить в семействе своем, ибо жена по болезненному ее состоянию следовать за мной не может; разорен вконец, ибо я запродам было пожалованный мне в Саратове лес и земли за 269 000 руб. с тем, чтоб заплатив 120 000 руб. долгу, хотя небольшой кусок хлеба составить своему семейству; но покупатели, почитая меня преступником, все бросили и от торгу отказались. Остался долг и совершенная нищета. Жена, убитая всеми сими обстоятельствами и терзаемая заимодавцами и бедностью, едва имеет чем платить проценты, которых не берут, а требуют капиталов.

Вот, милостивый государь, то гибельное положение, в которое ввергнут я в самую почти минуту кончины милосерднейшего из царей, и за что же? За то, что служил Богу и ему верой и правдой. За то, что семь лет сряду предсказывал происшедший бунт и старался, чтоб были принимаемы меры к его отвращению (в чем ссылаюсь на самое лучшее свидетельство Вашего Сиятельства).

Я понимаю сие происшествие так: шайка, бунт сей готовившая, завладела полициею и некоторыми придворными лицами, которых и побуждала непрестанно клеветать на меня, дабы удалить давно несносного ей обличителя от всякой возможности пробудить правительство; а личная ненависть министра просвещения, за известное Вашему Сиятельству открытие мною немецкой энциклопедии⁴, помогла противной

мне партии погубить меня в минуту отсутствия державной власти и за 10 дней до б у н т а .

Всеподданнейшее письмо мое Государю дошло до рук Его Величества 14-го сего месяца; не знаю, какое последует решение; но я почел бы себя совершенно счастливым, ежели бы или посадили меня в Петербургский Сенат, с получаемыми ныне окладами, и оставя, ежели сочтено будет полезным, и членом Главного правления училищ; или, ежели сие невозможно, отставили от тридцатилетней службы с получаемыми окладами, дабы я мог жить покойно в Петербурге с моим семейством.

В записке, приложенной мною к всеподданнейшему письму моему, ссылаюсь я неоднократно в истине мною представляемого на свидетельство Вашего Сиятельства, как изволите увидеть из списка с оной, у сего представляемого. Молю Бога, чтоб его спросили.

С Николаем же Ивановичем пишу я и к графине и прошу ее помощи. Земли мои, кои стоят по цене покупателей 269 000 рублей, я желал бы заложить ей в 120 000 рублей на четыре года, без процентов, дабы заплатить долги и иметь время по удобности продать их.

Ежели можно Вашему Сиятельству подкрепить мою просьбу к графине добрым словом, то большое изволите сделать мне благодеяние.

Вручитель сего письма, верный, благородный и душою преданный Вашему Сиятельству человек. Я испытал сие на деле.

С душевным высокопочитанием и всегдашнею сердечною преданностью есть

Михаил Магницкий.

P.S. Простите великодушно, Ваше Сиятельство, что осмеливаюсь послать приложенные книжки в простом переплете; не зная случая, не успел приготовить. Мне бы

желательно было довести сию книжку и повыше, куда, вероятно, враги мои ее не пустят.

Забыл также доложить, что ректор здешнего университета, отличный медик, Фукс, говорит, что грудь Николая Иванова Холанского в дурном положении, что он ни здешнего живого и острого климата, ни здешних трудов переносить не может.

Краткая записка об истинных причинах гонения, действительным статским советником Магницким претерпеваемого

Магницкий был Симбирским гражданским губернатором, когда по высочайшему повелению предложено ему место попечителя Казанского университета. Он отозвался, что принять его не может, ибо все дела его в Петербурге; а воспитание сына непременно там жительства его требует. Ему сказано, что Его Императорское Величество желает сего для того, чтобы Казанский университет, в совершенный упадок пришедший, отогреть и восстановить. Тогда Магницкий предложил, чтоб его определили членом Главного правления училищ и отправили временно для осмотра сего университета. Мысль его принята, и он по высочайшему повелению в Казань послан. В то же время пожалованы ему земли и аренда на zapлату долгов, в бывшем с ним несчастии нажитых.

Он осмотрел Казанский университет и по возвращении из Казани имел счастье в кабинете Его Императорскому Величеству донести лично о последствиях сего осмотра. (Он имеет на сие доказательство.) Государь, утвердив все его представления, изволил потребовать от него, чтобы он принял непременно управление университетом, оставаясь в Петербурге (Магницкий имеет на сие свидетельство), и восстановил оный, присовокупя к

тому: Je vous donne carte blanche⁵. Магницкий вступил в управление университетом. Но желая в полной мере оправдать всемилостивейшую доверенность государя и всегдашнего благотворителя своего, он обратился к основательному изучению положения народного воспитания как в России, так и в чужих краях исторических.

После внимательных разысканий и труда нескольких лет поражен он был следующими истинами:

1) Всем возмутительным переворотам государств везде и всегда предшествовало возмутительное воспитание.

2) Все тайные общества, на возмущение государств действовавшие, начинали всегда с потайного действия на воспитание.

3) Дух нашего времени либералов, карбонариев⁶ и суеверов – все один и тот же дух иллюминатства, в новом только плаще, равно действует на воспитание.

4) Со времен Иосифа II прокрался он к нам и в нашем воспитании делает быстрые успехи, ибо повсеместно в науках богословских, философских, политических и исторических распространяет неприметным образом самые противные правила православию и самодержавию.

Поражен будучи сими истинами, на доказательствах основанными, как свет для него ясными, Магницкий, по святости присяги, не мог умолчать. Публично в Главном правлении училищ словесно и письменно (в чем ссылагается на свидетелей и акты) заявлял он более уже пяти лет тому, что народное воспитание наше заражено чужеземным духом, противным нашей вере и правлению, и что опасность сего так велика и близка, что не можно откладывать ни минуты для ее отвращения. Не найдя в слушателях и начальстве своем ожидаемой от них деятельности, он желал по крайней мере оградить университет, ему вверенный, от повсеместной заразы

и представил проект особенной для него инструкции, который государь император непосредственно, то есть мимо Государственного совета, удостоил высочайшего утверждения шесть лет тому назад.

Тогда все восстало на Магницкого – и университет Казанский, и начали называть его погасителем и фанатиком. Магницкий, не страшась сей неприязни, ибо полагался на Бога, располагающего сердцами царей, продолжал обличать возмутительные начала в преподавании и книгах. Его слушали; Казанский университет одобряли; но ни правил, им представляемых, не принимали, ни его лично не только в продолжение семи лет не награждали, но даже непрестанно обходили; а министр финансов пожалованных земель, невзирая на пять именных повелений, ему не давал. Таким образом, заброшенный, обижаемый и разоренный в продолжение семи лет, неуклонно от присяги своей он действовал. (Он может представить официальные акты сих действий.)

Естественно, что партия, в противных началах действующая и им непрестанно обличаемая, боясь пробуждения людей, ее не примечавших, клеветала и поносила его повсеместно.

Наконец, в течение сего года два были происшествия, наиболее врагов на него вооружившие.

1) Происшествие с Госснером. Он был употреблен на обличение методизма и доказывал, что сие духовное якобинство ведет явным образом, как и вольнодумство, к возмущениям; ибо ежели потрясут веру народа к Церкви, то вместе с тем потрясут и почтение к помазанникам Божиим, с сею Церковью освящаемым, и подтверждал сие тем доказательством, что везде за реформою Лютера следовали бунты народные.

Тут присоединилась новая, сильная и могущественная партия к врагам Магницкого.

2) Обличение книги: «Conversations Lexicon»⁷.

Магницкий, узнав, что в Петербурге публично и с дозволения министерства продается сия вреднейшая из книг, содержащая в себе не только систематически расположенное все нечестие германской философии, но и самые адские клеветы лично на государя, купил сию книгу и согласно с высочайшим указом об истреблении подобных книг представил ее министру народного просвещения с таким заключением, что не только нужно запретить и отобрать ее у покупателей, ибо она продавалась под росписки, но и прекратить навсегда сие опасное и классическое распространение п р о п а г а н д ы германских возмутителей. Г-н министр, не доведя дела сего до высочайшего сведения, желал кончить его только запрещением книги и выговором книгопродавцу. Магницкий довел о сем до сведения государя через графа Алексея Андреевича Аракчеева. Дело сие весьма уважено; книга запрещена, отобран список покупателей, и, сколько ему известно, поступок министра не одобрен.

Магницкий поехал в объезд округа и, найдя во многих губерниях сию опасную книгу, открыл места, откуда она высылалась, и лицо, которое ее распространяло, и сии сведения довел до графа Алексея Андреевича.

С сего времени министр народного просвещения явно заявил себя против Магницкого. И сие последнее происшествие было истинною причиною всего последовавшего. Он страдает ныне за то, что не хотел, изменив присяге, изменить лично царю и благотворителю своему!

Он ссылается в сем на свидетельство графа Алексея Андреевича Аракчеева и дело, которое должно находиться в собственной Его Императорского Величества канцелярии.

Вот те преступления Магницкого, за кои весьма уже сильная у нас партия противников веры и самодержавия,

воспользовавшись минутным отсутствием державной власти, хотела, поразив и обесчестив Магницкого, удалить его от всякой возможности продолжать опасные для нее действия его при новом царствовании.

Он ее не страшится, готов стать на суд с нею, пусть враги его обличат чем-либо иным, кроме преданности его к вере отцов, к самодержавию, к царям Отечества. Пусть самым строгим образом рассмотрят и исследуют все дела и официальные его бумаги и в министерстве просвещения и у него хранящиеся, в коих с е м ь у ж е л е т вопиет он непрерывно о потрясении вредным воспитанием и книгами сих трех священных опор, на коих единственно лежит и утверждается частное и общее благосостояние нашего Отечества.

Самое сильное доказательство исполнения горестных его приказаний есть то, что противники Православия и самодержавия могут в правительстве православном и самодержавном открыто гнать и преследовать его за них⁸.

ПРИМЕЧАНИЯ

Раздел I СОЧИНЕНИЯ

Нечто об общем мнении в России и верховной полиции

Печатается по рукописному оригиналу, хранящемуся в Российском государственном историческом архиве (далее – РГИА). Ф. 1167. Комитет 6 декабря 1826 г. Оп. 1. Опись дел архива Государственного совета. Т. XIV. Д. 25/21. 1826.

Архивное название документа: «Записка М. Магницкого, при всеподданнейшем письме от “...” ноября 1808 г. Об “общем мнении в России и верховной полиции”».

¹ Адресат письма – император Александр I (1801–1825).

² Марк Ульпий Нерва Траян, римский император (98–117). При нем Римская империя достигла максимальных размеров. Пользовался огромной популярностью как в народе, так и в высших кругах общества.

³ Здесь и далее при упоминании «первого консула» имеется в виду Наполеон Бонапарт.

⁴ Дидро Д. (1713–1784), один из крупнейших французский философов-просветителей, энциклопедистов наряду с Ф.-М. А. Вольтером и Ж.-Ж. Руссо.

⁵ Участников антиреволюционных выступлений в провинции Вандея (Франция)

⁶ Екатерина II Великая (урожденная София Августа Фредерика Анхальт-Цербстская, в Православии Екатерина Алексеевна; 1729–1796), всероссийская императрица с 1796 по 1796 г.

⁷ На полях Магницкий отмечает: «Утверждали между прочим, что Екатерина предсказывала, что Великий князь совер-

шенное сходство будет иметь с Генрихом IV, ибо на вопрос императрицы, кому бы из государей в истории славных желал он уподобиться, ответил великий князь: Генриху IV». **Генрих IV Великий** (Генрих Наваррский, Генрих Бурбон, 1553–1610) – король Франции, основатель французской королевской династии Бурбонов, в народной памяти остался как **Добрый король Анри**.

⁸ Патриарх Филарет (в миру Феодор Никитич Романов; ок. 1554–1633), отец основателя династии Романовых Михаила Романова, Патриарх Московский и всея Руси в 1619–1633.

⁹ Д'Аржансон Марк-Рене (1652–1721), французский государственный деятель. С 1697 г. занимал пост генерал-лейтенанта полиции. Значительно расширил систему слежки.

**Из писем и записок А. А. Аракчееву
1814–1817 гг.**

Печатается по рукописному оригиналу, хранящемуся в Государственном архиве Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 109. Секретный архив. Оп. 3. Д. 879.

Архивное название документа: «Бумаги (письма и записки) действительного тайного советника Магницкого из Вологды Александру I и графу Аракчееву в 1814 и 1815 гг. по поводу его ссылки со Сперанским М. М. и просьбой о пособии. Отчет о трехнедельном управлении Воронежской губернией».

¹ Аракчеев А. А. (1769–1834), русский государственный и военный деятель. По окончании Отечественной войны 1812 г. пользовался максимальным доверием императора Александра I. Эффективный реформатор русской артиллерии и армии в целом перед нашествием Наполеона. Генерал от артиллерии, военный министр, главный начальник военных поселений. В 1820-е гг. лидер патриотической русской партии.

² Глинка Г. Н. (1780–?), участник Отечественной войны, Бородинского сражения; Бобровский городничий, затем полицмейстер в Воронеже и городничий в Острогожске

³ Зацепин И. Я. (около 1777 – после 1827), в 1807 и 1811–1817 гг. был префектом духовной семинарии, затем профессором философии и смотрителем Воронежских духовных училищ. В 1821 – 1822 гг. – инспектор семинарии.

Речь при открытии Симбирского отделения Библейского общества

Печатается по газ. «Русский инвалид». Начало речи – номер от 30 марта 1818 г., окончание – в номере от 2 апреля 1818 г. Магницкий произнес ее, будучи Симбирским губернатором.

¹ Российское библейское общество — экуменическая организация, занимающаяся распространением и переводом Библии. Основано в 1813 г. для издания и распространения Священного Писания на русском языке и на языках других народов Российской империи.

² Основателей Вечного города, легендарных Ромула и Рема, по христианским морально-нравственным меркам можно считать разбойниками.

³ Тектон (*греч.*, от *teucho* – фабриковать). Плотник.

⁴ Магницкий говорит о Наполеоне Бонапарте.

⁵ Антиохия – город в древней Сирии, последователи Христа начали называться христианами именно в Антиохии, в ней находился центр одной из четырех древнейших автокефальных церквей – Антиохийской церкви.

Отчет по обозрению Казанского университета

Печатается по рукописному оригиналу, хранящемуся в РГИА. Ф. 733. Санкт-Петербургский учебный округ. Оп. 39. Д. 259. Дела о ревизии Казанского университета М. Л. Магницким и проведенных реакционных предприятиях. Л. 14–53.

¹ Создано в 1817 г. для внедрения в систему образования Российской империи религиозных ценностей. Делилось на два департамента – Духовных дел и Народного просвещения. Просуществовало до 1824 г.

² Им являлся князь А. Н. Голицын (1773–1844).

³ Должность, которая соответствует современной должности старшего преподавателя.

⁴ Яковкин И. Ф. (1764–1836), заслуженный профессор российской истории, географии и статистики.

⁵ Имеется в виду речь профессора философии и естественного права И. Е. Срезневского (1780–?).

⁶ Экзекутор – эконо и комендант зданий.

⁷ Якоби Фридрих Генрих (1743–1819), философ и романист, член Академии наук в Мюнхене. Полемизировал с рационалистическими учениями Канта, Фихте и Шеллинга, считал источником познания чувство и веру.

⁸ Сарториус фон Вальтерхаузен Г. (1765–1828), профессор Геттингенского университета, бывшего наиболее популярной высшей школой среди либерального дворянства Германии и других стран.

⁹ Смит Адам (1723–1790), шотландский экономист. Один из крупнейших представителей классической политэкономии.

¹⁰ Румовский С. Я. (1734–1812), академик, первый русский астроном, ученик Л. Эйлера. С 1800 г. – вице-президент Петербургской АН.

¹¹ Симонов И. М. (1794–1855), русский астроном, один из первооткрывателей Антарктиды, участвовал в кругосветном путешествии на шлюпах «Восток» и «Мирный» под командованием Беллинсгаузена и Лазарева.

¹² Никольский Г. Б. (1785–1844), заслуженный проф. Казанского университета по кафедре математических наук. Ректор того же университета в 1820–1823 гг.

¹³ Лобачевский Н. И. (1793–1856), гениальный русский математик, создатель неевклидовой геометрии, внесшей коренные изменения в представления о природе пространства. Ректор Казанского университета (1827–1846).

¹⁴ Хвостов Д. И. (1757–1835), поэт, переводчик. Имел у современников репутацию графомана, однако в ряде современных исследований признается его талант.

¹⁵ Квинт Гораций Флакк (65 до н.э. – 8 до н.э.). Один из крупнейших римских поэтов.

¹⁶ Бредеро, Гербранд Адрианс, голландский драматург и поэт. Жил на рубеже XVI–XVII вв.

¹⁷ Штуф – кусок, глыба руды или иного ископаемого.

¹⁸ Ахроматическая зрительная труба, изобретенная англ. оптиком Дж. Доллондом (1706–1761).

¹⁹ Инструмент, предназначенный для исследования меридиальных высот светил над горизонтом.

²⁰ С 1818 по 1832 г. им был Феофан Александров (1785–1853).

²¹ Речь идет о плане Кондырева учредить при Казанском университете с помощью муфтия высшее мусульманское медресе.

²² Архиепископ Казанский и Свияжский. С 1816 по 1826 г. им был Амвросий II (Алексей Протасов) (1752–1831).

²³ Главное правление училищ – орган, в который входили попечители всех 6 учебных округов, образованных в Российской империи в царствование Александра I. Разрабатывал концепцию образовательной политики, осуществлял назначения, утверждал учебные пособия и отчеты учебных заведений.

Инструкция директору Казанского университета

Печатается по: Сборник постановлений по МНП. Т. 1. Царствование Александра I. 1801–1825. 2–е изд. – СПб., 1875.

¹ Жак Бенинь Боссюэ (1627–1704), знаменитый французский проповедник и богослов, писатель; епископ Мо.

² Макиавелли Н. (1469–1527), Гоббс Т. (1588–1679), авторы известнейших политических трактатов.

³ Богданович И. Ф. (1745–1803) и Хемницер И. И. (1745–1784), известные представители русской литературы XVIII столетия наряду с М. В. Ломоносовым и Г. Р. Державиным.

⁴ Иоанн Златоуст (ок. 347–407), Григорий Назианзин Богослов (329–389), св. Василий (ок. 330–379), св. Афанасий (ок. 298–373) – Отцы Церкви.

Заключение о втором мнении г. попечителя Дерптского университета, князя Ливена, в рассуждении запрещенных книг, действительного статского советника Магницкого

Печатается по: Заключение о втором мнении г. попечителя Дерптского университета, князя Ливена, в рассуждении запрещенных книг, действительного статского советника Магницкого. Сообщил князь В. И. Баюшев // Чтения в Обществе истории древностей Российских (далее – ЧОИДР). 1870. Кн. 4. Октябрь–декабрь. С. 208 – 210.

¹ Ливен К. А. (1767–1844), генерал-лейтенант, министр народного просвещения Российской империи (1828–1833).

² Раупах Э.-В.-С. (1784–1852), профессор всеобщей истории в Санкт-Петербургском университете; Герман К. Ф. (1767–1838), основатель науки статистики в России; Куницын А. П. (1783–1840) – крупный юрист, преподавал в Царском лицее; Галич А. И. (1783–1848) – русский философ, один из первых последователей Шеллинга в России.

³ Мудров М. Я. (1776–1831), первый русский профессор, основоположник клинической медицины в России; Зябловский Е. Ф. (1763–1846), профессор статистики; Сандунов Н. Н. (1768–1832) – русский юрист, писатель, профессор Московского университета; Двигубский И. А. (1771–1839) – ректор Московского университета (1826–1833); Стойкович А. Ф. – первый проф. физики в Харьковском университете (1802–1813).

⁴ Кайсаров А. С. (1782–1813), российский просветитель, историк. Воейков А. Ф. (1779–1839), литератор, с 1815 по 1820 г. – профессор Дерптского университета.

Мнение о науке естественного права, 1823

Печатается по рукописному оригиналу, хранящемуся в РГАЛИ. Ф. 574. Оп. 1, ед. хр. 30.

¹ Кант И. (1724–1804). родоначальник немецкой классической философии.

² Посадил в претор, т. е. сделал судьей.

Господину министру духовных дел и народного просвещения [О книге «Начальные основания логики» И. И. Давыдова], 1823

Печатается по рукописному оригиналу, хранящемуся в РГАЛИ. Ф. 574. Оп. 1, ед. хр. 30.

¹ Давыдов И. И. (1794–1863), филолог, философ, сенатор, академик.

² Давыдов И. И. Начальные основания логики. М., 1821.

³ Стеффенс Г. (1773–1845), нем. натурфилософ, профессор минералогии, физиологии и естественной истории, писатель-романтик. Шеллингианец, оказал влияние на самого Ф. Шеллинга и на философа и теолога Ф. Шлейермахера (1768–1834).

⁴ Шеллинг Ф. В. Й., фон (1775–1854), выдающийся представитель немецкого философского идеализма.

⁵ Выписки и замечания в документе отсутствуют.

⁶ Имеются в виду революции в Сардинском и в Неаполитанском королевствах, в Испании.

⁷ Речь идет о Великобритании.

⁸ Марат Ж.-П. (1743–1793), французский политический деятель, один из лидеров якобинцев, ярый сторонник террора и диктатуры.

⁹ Куницын А. П. Право естественное. – СПб., 1818.

¹⁰ Каннинг Дж. (1770–1827), видный английский политический деятель, министр и премьер-министр (1827).

**Собственноручное всеподданнейшее письмо
действительного статского советника Магницкого,
с поднесением записки о народном воспитании**

Печатается по: Сборник исторических материалов, извлеченных из архива I-го Отделения собственной е.и.в. канцелярии. СПб., 1876. Вып. 1. С. 363–374.

Документ датируется 1823 г.

¹ Талейран-Перигор Ш.-М. де (1754–1838), французский политик и дипломат. Занимал пост министра иностранных дел с периода Директории и кончая правительством Луи-Филиппа (1797–1830). Имя «Талейран» стало нарицательным для обозначения хитрости, ловкости, прагматизма и беспринципности.

² Вейсгаупт А. (1748– 1811/1830), основатель ордена иллюминатов (1776).

³ Über die Idee der Universitäten: Vorlesungen.

⁴ Нерон и Калигула, римские императоры I в.н.э., отличавшиеся жестокостью, неадекватностью, сумасбродством.

⁵ Ориген (греч. Ὠριγένης, лат. *Origenes Adamantius*; ок. 185–254), христианский богослов, основатель библейской филологии, труды которого оказали большое влияние на творения Отцов Церкви.

⁶ То есть до начала «петербургского», «европейско-имперского» периода русской истории, открытого Петром I; Лефорт Ф. Я. (1655–1691), российский государственный и военный деятель, сподвижник Петра I; Бирон Э. И. (1690–1772),

курляндский дворянин, граф (1730), фаворит императрицы Анны Иоанновны.

⁷ Феофилакт (Лопатинский) (1670–1741), архиепископ Тверской и Кашинский, видный иерарх первой половины XVIII в., богослов, философ, выступавший с критикой синодальной системы, подчинявшей Церковь государству; Арсений (Мацеевич) (1697–1772), митрополит Ростовский и Ярославский. Выступал против секуляризации церковного землевладения. В 2000 г. был прославлен в лике святых как священномученик.

⁸ Наполеон.

⁹ Их утверждение состоялось 14 июля 1819 г.

¹⁰ Фенелон Ф. де (1651–1715), воспитатель внука Людовика XIV, архиепископ Камбре. В 1699 г. отлучен от Церкви за мистицизм.

¹¹ Ролан Ш. (1661–1741), известный французский историк и педагог.

Мысли о некоторых милостях всем состояниям

Печатается по рукописному оригиналу, хранящемуся в ГА РФ. Ф. 109. Оп. 3. Д. 880.

Документ датируется 1823 г.

¹ Казадаев А. В. (?–1854), российский государственный деятель.

Записка о пьянстве семинаристов

Печатается по рукописному оригиналу, хранящемуся в ГА РФ. Ф. 109. СА. Оп. 3. Д. 880. Л. 131–135.

Документ, написанный рукой М. Л. Магницкого, не имеет оглавления и даты. Предположительно написан в 1820-е гг., до 1826 г. Название документу дано публикаторами.

¹ Митрополитом Санкт-Петербургским, Эстляндским и Выборгским в период написания документа был Серафим (Глаголевский) (1821–1843).

² Ректором Петербургской духовной академии в период, в который записка Магницкого появилась на свет, был Поликарп (Петр) Гойтанников, архимандрит Лужицкого Можайского мона-

стыря, который 4 марта 1819 г. был назначен ректором семинарии и покинул этот пост в ноябре 1824 г. (См.: *Надеждин А.* История Санкт-Петербургской Православной духовной семинарии с обзором общих узаконений и мероприятий по части семинарского устройства 1809–1884. – СПб., 1885. С. 20–21).

³ Инспектором Петербургской духовной семинарии в указанный период был Феодосий (Федор) Птицын, в 1821 г. назначен инспектором, в сентябре 1823 г. переведен инспектором в Псковскую семинарию (См. *Надеждин А.* Указ. соч. С. 25–26).

⁴ На отдельном листке, прилагаемом к тексту, написано: «Близ Невского на Черной речке, где живут служители монастыря, в их домах есть также притон для пьянства семинаристов».

Мнение русского дворянина о гражданском уложении для России

Печатается по: Письма главнейших деятелей в царствование императора Александра I (1807–1829 гг.). – М., 2006. С. 357–361.

¹ Юстиниан I (483–565), византийский император с 527 г. Один из наиболее выдающихся монархов поздней античности. Здесь имеется в виду не столько кодекс Юстиниана, как таковой, сколько «Свод гражданского права» (*Corpus juris civilis*) в целом, составленный при этом правителе. Частью *Corpus juris civilis* и являлся кодекс. «Свод гражданского права» Юстиниана впоследствии послужил образцом и важнейшим источником для европейских законодательств.

² Феодосий Великий (349–395), последний император единой Римской империи.

³ Аларих – вождь и первый король вестготов. В 410 г. впервые за 800 лет истории взял и разграбил Рим.

⁴ Бревиарий Алариха – вестготский свод римских законов.

⁵ Части кодекса Юстиниана.

⁶ Василий Македонянин и Лев Премудрый – императоры Византии IX–X вв.

⁷ Дополнение к Юстинианову кодексу.

⁸ Фотий I (820–896), Отец Церкви.

⁹ Византийский император (913–959).

¹⁰ Номоканон – византийские сборники церковных правил и императорских указов, касающихся Церкви, составленные в VI–VII вв. и впоследствии дополненные.

¹¹ Ольга – княгиня, правившая Киевской Русью (945–962). Первая из русских правителей приняла христианство.

¹² Иоанн III Васильевич, Великий князь Московский (1462–1505).

¹³ Деспот Мореи (1428–1460), законный наследник византийского престола.

¹⁴ Алексей Михайлович (1629–1676), русский царь, второй из династии Романовых, отец Петра I. Уложение – свод законов, принятый в 1649 г.

¹⁵ «Закон должен быть безбожным» (*фр.*).

¹⁶ Священный Союз — консервативный союз России, Пруссии и Австрии, созданный с целью поддержания установленного на Венском конгрессе (1815) международного порядка.

**Мнения о цензуре вообще
и началах, на которых предполагает цензурный
комитет составить для оной устав**

Печатается по: *Сухомлинов М. И.* Исследования и статьи по русской литературе и просвещению. – СПб., 1889. Т. 1. С. 463–70. Документ датируется 1823 г.

¹ Джон Мильтон (1608–1674), английский поэт, политический деятель и мыслитель.

² «Письма с горы» (пер. с *фр.*).

³ Фуше Ж. (1759–1820), французский политический и государственный деятель.

⁴ Сталь А.-Л. Ж. де (1766–1817), знаменитая французская писательница.

Проект секретной инструкции цензурному комитету

Печатается по: *Сухомлинов М. И.* Исследования и статьи по русской литературе и просвещению. – СПб., 1889. Т. 1. С. 471–476.

¹ То есть с XVII в.

**Отношение попечителя Казанского учебного округа
к митрополиту Новгородскому, С.–Петербургскому,
Эстляндскому и Финляндскому от 24 мая 1824 г.**

Печатается по тексту, опубликованному в: Чтения в Обществе истории и древностей Российских (далее – ЧОИДР). 1861. Кн. IV.

¹ Серафим (Глаголевский).

Письмо А. А. Аракчееву 12 февраля (1824 г. ?)

Печатается по: Вестник Европы. 1870. Т. V. Кн. 9. Из аракчеевской переписки. 1805–1833. С. 118–119.

¹ Речь идет о «Православном исповедании» митрополита Петра (Могила) (1596–1648), подвергшемся обсуждению на Киевском соборе 1640 г. и одобренном на соборе в Яссах. «Исповедание» в греческом переводе было разослано для проверки и одобрения восточным патриархам.

² Феофан (Прокопович) (1681–1736), архиепископ, с 1721 г. – первый вице-президент Св. Правительствующего Синода, проповедник, государственный деятель, выдающийся писатель и публицист, поэт, сподвижник Петра I, главный создатель Синодальной системы.

³ Выпад М. Л. Магницкого против знаменитого «Катехизиса» св. Филарета (Дроздова), которого он воспринимал как союзника А. Н. Голицына.

**О способе, которым германская философия
заразила все науки, и даже те, которые
никакой связи прежде с нею не имели**

Печатается по: Записка о тайных обществах, полученная от Магницкого М. Л. в 1824 г. (об иллюминатах, об-ве Иоахима, о распространении немецкой философии, 1824.). ГА РФ. Ф. 1165. Особенная канцелярия Министерства внутренних дел. Оп. 3. Д. 59. 1824.

¹ Ктесий Книдский, древнегреческий историк второй половины V – начала IV в. до н. э.

² Беросс (ок. 350/340 – 280/270 до н.э.), вавилонский историк, жрец бога Бэла в Вавилоне.

³ Брахманы – варна (социальная группа) жрецов в Индии, древней и современной.

⁴ Мартин Лютер (1483–1546), инициатор Реформации, создатель лютеранства.

⁵ Фридрих II (1712–1786), король Пруссии, Иосиф II (1740–1790), император Австрии (Священной Римской империи), видные представители политики «просвещенного абсолютизма».

Окончательное дополнение к запискам о тайных обществах

Печатается по: Записка о тайных обществах, полученная от Магницкого М. Л. в 1824 г. (об иллюминатах, об-ве Иоахима, о распространении немецкой философии, 1824.). ГА РФ. Ф. 1165. Особенная канцелярия Министерства внутренних дел. Оп. 3. Д. 59. 1824. Л. 42–45 об.

Слева от текста имеется приписка рукой А. А. Аракчеева: «Государь изволил читать 17 апреля 1824 г.»

¹ 1 августа 1822 г. был издан рескрипт Александра I о запрещении тайных обществ и масонских лож и о взятии с военных и гражданских чинов подписки, что они не принадлежат и впредь не будут принадлежать к таковым организациям.

² Имеются в виду и римско-католическая, и Православная Церковь.

³ Методисты – протестантская конфессия, возникшая в XVIII в. в результате отделения от англиканской церкви и получившая распространение главным образом в англо-саксонских странах. В России методисты приняли активное участие в деятельности российского Библейского общества, против которого активно выступал Магницкий.

⁴ Иллюминаты – собственно иллюминатами называлась тайная организация, основанная в 1776 г. немецким мистиком Адамом Вейсгауптом. Принципы организации были заимствованы Вейсгауптом у иезуитов и масонов, в основе ее был строгий иерархический порядок. Члены организации следовали принципу «цель оправдывает средства». Только высшему разряду посвященных открывалась тайная цель общества: замена христиан-

ской религии деизмом и монархической формы правления – республиканской. В 1785 г. орден был запрещен. Следует иметь в виду, что Магницкий обычно называл иллюминатами масонов и мистиков всех направлений.

⁵ Иезуиты – монашеский католический орден.

⁶ Баадер Франц (1765–1841), немецкий религиозный философ, врач, естествоиспытатель, представитель философского романтизма и неортодоксального католицизма.

⁷ Линдль, Игнатий, немецкий проповедник, член российского Библейского общества.

⁸ Госснер Иоганн Евангелиста (1773–1858), католический священник из Мюнхена, активный деятель российского Библейского общества, выслан в 1824 г. из России за публикацию произведений, содержащих нападки на Православие.

⁹ Нилль, член Великобританского миссионерского общества.

¹⁰ В данном случае симпатии Магницкого к католицизму носят не религиозный, а культурно-политический характер. В этом отношении он напоминал К. Н. Леонтьева, который видел в католической церкви «самый выразительный из охранительных оплотов общественного здания» (см. *Репников А. В.* Консервативная концепция российской государственности. – М., 1999. С. 55–56).

**О злых действиях тайных обществ, выдумавших
Библейское общество в Европе и неусыпно
через оное все к своей цели направляющих**

Печатается по: *Чистович И. А.* История перевода Библии на русский язык. Репринтное воспроизведение издания 1899 г. – М., 1997. С. 253–257.

Записка была найдена в бумагах митрополита Евгения (Болховитинова), вызванного в 1824 г. в Святейший Синод для содействия новгородскому митрополиту Серафиму в закрытии Библейского общества и в прекращении перевода Священного Писания на русский литературный язык, а также рассмотрения содержания неправославных книг на русском языке. И. А. Чистович опровергает авторство А. С. Шишкова и убедительно доказывает, что записка принадлежит перу Магницкого. (См.: *Чистович И. А.* История перевода Библии на русский язык. Репринтное воспроизведение издания 1899 г. – М., 1997. С. 257–258.)

¹ Методизм (официальное название – Методистская церковь) – протестантская церковь, главным образом в США и Великобритании. Возникла в XVIII в., отделившись от англиканской церкви. Требуется последовательного, методического соблюдения религиозных предписаний.

² Паттерсон Д. (1776–1855), агент Библейского общества.

³ Попов В. М. (1771–1842), в 1810-е гг. директор Департамента народного просвещения, известный мистик, доходивший до иступления и истязавший среднюю дочь. А. Ф. Воейков (1778–1839) в своей сатире «Дом сумасшедших» охарактеризовал его так: *«Хоть без книжного ученья // И псалтырь одну читал, // А директор просвещения // И с звездою генерал»*.

⁴ Серов, секретарь Библейского общества.

⁵ Троппау, Лайбах – места проведения конгрессов Священного Союза (альянса европейских монархий во главе России, Пруссии и Австрии, созданного в 1815 г.) в 1820 и 1821 гг. соответственно.

⁶ Над переводом Нового Завета на русский язык работали: архим. Филарет (Дроздов), тогда ректор С.-Петербургской духовной академии; архим. Поликарп, ректор С.-Петербургской семинарии; архим. Григорий, инспектор академии, впоследствии митрополит.

⁷ Молокане-субботники (соблюдающие субботу) – одно из направлений в молоканстве, являющемся разновидностью так называемого духовного христианства.

[Сон в Грузии]

Печатается по: Материал для биографии М. Л. Магницкого // Русский архив (далее – РА). 1863. 2-е изд. – М., 1866. Стб. 842–849.

¹ Грузино – имение А. А. Аракчеева в Новгородской губернии.

² В июле 1816 г., во время пребывания в Грузии, А. А. Аракчеев определил на службу М. М. Сперанского и М. Л. Магницкого, попавших в опалу в 1812 г.

³ В Грузинском саду было много памятников, беседок и т.п. Вероятно, один из них был памяти умершего старца Исаака Константинова.

⁴ Сборник житий святых.

⁵ Собор св. Андрея Первозванного.

⁶ Памятник Павлу I в левом приделе Грузинского собора.

⁷ Там же был похоронен А. А. Аракчеев.

⁸ По преданию, св. Андрей Первозванный, проповедуя Евангелие на севере, был в Грузине и водрузил там свой жезл, почему и место это прежде называлось «Друзином». Памятник св. Андрея был воздвигнут на холме напротив Грузинской соборной церкви.

⁹ Грузино принадлежало прежде князю А. Д. Меншикову; А. А. Аракчеев создал искусственные руины замка в память о прежнем его владельце.

¹⁰ Бюст Павла I в Грузинском саду. Грузино было пожаловано Аракчееву Павлом I.

¹¹ Мелиссино П. И. (1726–1797), первый русский генерал от артиллерии, поместил малолетнего Аракчеева, не имевшего никакой протекции, в артиллерийский кадетский корпус и покровительствовал ему при начале его службы. Тот посвятил памяти Мелиссино одну из беседок Грузинского сада.

¹² В Грузинском доме Аракчеева гостил Александр I.

¹³ Город в Финляндии на границе ее со Швецией.

¹⁴ Статуи Веры, Надежды и Любви, стоявшие на пьедестале против северной стороны Грузинского собора.

¹⁵ Имеется в виду молельня в доме Аракчеева.

¹⁶ Лейпцигская битва, известная как «Битва народов» (16–19 окт. 1813 г.), решила исход войны с Наполеоном в Европе; Монмартр – холм на севере нынешнего Парижа, являющийся его высочайшей точкой. После его захвата и установки там русских батарей столица Бонапарта капитулировала.

¹⁷ Имеется в виду Ж.-К.-М. Дюрок (1772–1813), герцог фриульский, гофмаршал (высший придворный чин) наполеоновского двора.

Краткая речь к Императорскому Казанскому университету, произнесенная 15 сентября 1825 г.

Печатается по: Краткая речь к Императорскому Казанскому университету, произнесенная господином попечителем оного в заключение публичного акта в высокотожественный день помазания на Царство Его Императорского Величества. 15 сентября 1825 года в Казани. Казань. Университетская тип. 1825.

¹ Марк Юний Брут (I в. до н.э.), видный заговорщик-республиканец, участник убийства Гая Юлия Цезаря; Лукреция (ок. 500 г до н. э.), по преданию, жена римского патриция и дочь консула. Ее обещание и самоубийство привели к свержению царской власти в Риме и установлению там республики.

² Колизей – цирк в Древнем Риме, на арене которого подвергали мученической смерти первых христиан.

³ Демосфен (IV в. до н.э.), знаменитый афинский оратор и политический деятель демократического лагеря.

⁴ Имеется в виду И. М. Симонов.

⁵ Имеется в виду император Александр I как один из победителей Наполеона (библейское предание о Давиде и Голиафе).

⁶ Швеции.

⁷ Великое княжество Финляндское.

⁸ Наполеона.

⁹ Короля Франции, казненного по приговору революционного трибунала.

Письма императору Николаю I об иллюминатах

Печатается по: Два доноса в 1831 г. Всеподданейшие письма М. Магницкого императору Николаю об иллюминатах // Русская старина (далее – РС). 1898. № 12; 1899. № 1–3.

¹ «Первое предупреждение о масонах» (нем.).

² Ингольштадский университет – первый университет в Баварии, основан в 1472 г.

³ Шлезия – Силезия. Часть современной Польши.

⁴ Баварский курфюрст – правитель Баварии в рассматриваемую эпоху. Имеется в виду Карл II Теодор (1724–1799).

⁵ Город в германской земле Тюрингия.

⁶ 18 ноября 1830 г.

⁷ Сведенборг Э. (1688–1772), известный шведский ученый-естествоиспытатель, изобретатель, затем – теософ, мистик-визионер.

⁸ Мартинисты – оккультно-мистическая секта, основанная в XVIII в. маркизом де Сен Мартеном.

⁹ Имеется в виду Рейхстаг (нем. «государственное собрание») – высший сословно-представительный орган Священной Римской империи.

¹⁰ Шварц И. Г. (1751–1784), выдающийся русский масон, близкий друг и сподвижник Н. И. Новикова.

¹¹ Репнин Н. В. (1734–1801), масон, видный деятель эпохи Екатерины Великой.

¹² Новиков Н. И. (1744–1818), просветитель и общественный деятель, лидер российского масонства.

¹³ Елагин И. П. (1725–1794), государственный деятель, историк и поэт. В 1772 г. стал провинциальным Великим Мастером и реорганизовал существовавшие к тому времени в России ложи в единую (т. н. елагинскую) систему. На склоне лет – один из родоначальников «первобытного» славянофильства. Владелец одноименного (впоследствии) острова в Петербурге.

¹⁴ Поздеев О. (И.) А. (1746–1820), видный член масонской ложи розенкрейцеров.

¹⁵ Эгира – то же самое, что хиджра – начало мусульманского летосчисления.

¹⁶ Баррюэль О. (1741–1820), аббат-иезуит, критик европейского масонства и Французской революции. Автор «Мемуаров по истории якобинизма».

¹⁷ Гольбах П. А. (1723–1789), французский философ, один из основателей школы французского материализма и атеизма, выдающийся представитель французского Просвещения, идеолог революционной французской буржуазии.

¹⁸ Фридрих Вильгельм III, король Пруссии в 1797–1840 гг.

¹⁹ Мирабо О. Г. (1749–1791), французский политический деятель и оратор.

²⁰ Филипп I, герцог Орлеанский (1640–1701), младший брат Людовика XIV Французского. Родоначальник Орлеанской ветви дома Бурбонов.

²¹ Сен-Жермен, граф (ок. 1696 – 1784), авантюрист эпохи Просвещения, дипломат, путешественник, алхимик и оккультист.

²² Калиостро А. (1743–1795), известный авантюрист-мистик.

²³ Маркиз де Ла Файет М. Ж. (1757–1834), французский политический деятель. Участник трех революций: американской Войны за независимость, «Великой» французской и Июльской революции 1830 г.

²⁴ Сиес Э.-Ж. (1748–1831), аббат, член Учредительного собрания Франции. В 1792 г. был председателем Конвента, в 1795 г. сделался членом Совета пятисот, в 1799 г. стал членом Дирек-

тории. Помогал произвести переворот генералу Бонапарту, стал одним из трех консулов.

²⁵ Великий восток Франции – крупнейшее масонское послушание, основанное в 1733 г. во Франции. Является старейшим в континентальной Европе.

²⁶ Маркиз де Кондорсе М. Ж .А. (1743–1794), французский философ, ученый-математик, академик и политический деятель. Родоначальник теории прогресса.

²⁷ То есть ядом. См. выше.

²⁸ То есть французский король Людовик XVI.

²⁹ Дюмуре Ш.-Ф. дю Перье (1739–1823), французский генерал и политический деятель.

³⁰ Имеется в виду Польское восстание 1830–1831 гг.

³¹ Ковы – вредные замыслы.

³² Ландштурм – резерв вооруженных сил, который созывается на время войны. В Германии и Австрии соответствовал ополчению в России.

³³ Штейн Г. Ф. К. (1757–1831), имперский барон, немецкий государственный деятель.

³⁴ Тугендбунд – «Союз доблести», патриотическое общество в Кенигсберге (1808–1810).

³⁵ Буршеншафт – студенческое братство (община) в германских университетах.

³⁶ Имеются в виду движение «Просвещение», деятельность кружка «энциклопедистов».

³⁷ Иезуиты (орден Иезуитов; официальное название «Общество Иисуса») – мужской монашеский орден римско-католической Церкви, основанный в 1534 г. Игнатием Лойолой.

³⁸ Роялисты – сторонники королевской власти, монархической формы правления в целом.

³⁹ Костюшко Т. (1746–1817), военный и политический деятель Речи Посполитой и США, участник Войны за независимость США, организатор Польского восстания 1794 г. Принес Павлу I верноподданническую присягу.

⁴⁰ Мельманн И.-В.-Л. (1765–1795), ректор Московской университетской гимназии, профессор древней словесности Московского университета (1786–1795).

⁴¹ Лагарп Ф.-С. де (1754–1838), швейцарский политический деятель, философ, воспитатель Александра I.

⁴² Имеется в виду польско-германский оккультист и масон Т. Лешица-Грабянка (1740–1807).

⁴³ Новосильцов (Новосильцев) Н. Н. (1761–1838), русский государственный деятель, член Негласного комитета при Александре I, президент Императорской академии наук (1803–1810), Кабинета министров (1832), председатель Гос. совета (1834).

⁴⁴ Лабзин А. Ф. (1766–1825), один из крупнейших деятелей масонства в России, основатель ложи «Умиравший сфинкс».

⁴⁵ Религиозно-нравственный журнал мистико-«экуменического» направления. Выходил с перерывами с 1806 до 1818 г.

⁴⁶ Каразин В. Н. (1773–1842), русский ученый, инженер и общественный деятель, просветитель. Харьковский университет носит его имя.

⁴⁷ Чарторыйский А. (1770–1861), польский аристократ, входил в Негласный комитет, занимал пост министра иностранных дел Российской империи (1804–1806). Глава польского повстанческого правительства в 1830 г. Инсургенты неоднократно прочили его в польские короли.

⁴⁸ Сперанский М. М. (1772–1839), российский общественный и государственный деятель, крупный реформатор, законодатель.

⁴⁹ «Земельный кодекс» (*фр.*).

⁵⁰ Тургенев А. И. (1784–1846), российский государственный деятель, историк; брат декабриста Н. И. Тургенева.

⁵¹ Лелевель И. (1786–1861), польский историк и общественный деятель.

⁵² Имеется в виду Кейданское дворянское училище (Литва).

⁵³ От греческого слова «hierophantes»; буквально: «Тот, кто разъясняет священные понятия».

⁵⁴ Кадудаль Ж. (1771–1804), сын бретонского мельника, преданный Бурбонам, духовенству и дворянству. Вождь шуанов, движение которых стало вторым крупным роялистским восстанием наравне с восстанием в Вандее.

⁵⁵ Коцебу А. фон (1761–1819), немецкий драматург и романист, газетный агент на русской службе в Остзейском крае (Прибалтика), потом в Германии. В свое время был популярнее Гёте и Шиллера. Убит террористом К. Зандом.

⁵⁶ Милленаризм – основанное на христианской догматике учение о «тысячелетнем царстве» Христа, блаженном существовании человечества до Страшного Суда, когда Мессия будет царствовать на Земле с «верными», а дьявол будет «связан» на

1000 лет (Откр 20: 2–6). В эпоху Просвещения миллениаризм был воспринят теорией прогресса и стал обозначать цель поступательного развития человечества – идеальное состояние общества («золотой век»).

⁵⁷ Конгрегация – в католичестве: подобное монашескому сообщество, утвержденное епископом или папой. От монашества отличается тем, что члены его приносят не торжественные, а лишь простые обеты.

⁵⁸ Гримм Ф.-М. (1723–1807) – немецкий публицист, критик и дипломат, корреспондент Екатерины II, барон.

⁵⁹ Голицын Д. А. (1734–1803), русский дипломат, действительный тайный советник, камергер, посол, химик, минералог, вулканолог. С 1763 г. – полномочный министр при Версальском дворе. Через Д. А. Голицына императрица приобрела библиотеку Д. Дидро, вела переговоры о перенесении издания французской «Энциклопедии» в Россию; именно он рекомендовал Екатерине II Ф. Гримма.

⁶⁰ Шувалов И. И. (1727–1797), русский государственный деятель, фаворит императрицы Елизаветы Петровны, основатель Московского университета и Петербургской академии художеств.

⁶¹ Д'Аламбер Ж. (1717–1783), французский ученый-энциклопедист. Широко известен как математик, философ, механик.

⁶² Митрополит Московский и Коломенский Платон (Левшин) (1737–1812). Сочинения митр. Платона до появления катехизисов митр. Филарета (Дроздова) (1783–1867) были единственными пособиями по православному богословию на русском языке. Для духовных школ Московской епархии и академии «эпоха Платона» означала одухотворение всей системы образования и воспитания. В 1800 г. сыграл ключевую роль в учреждении единоверия. Автор трудов по истории Православной Церкви, в том числе – «Краткой Церковной Российской Истории», ставшей первым систематическим курсом русской церковной истории, в котором впервые отражен критический подход к источникам и историческому преданию.

⁶³ Плещеев С. И. (1752–1802), известный масон, прозаик и переводчик, вице-адмирал. Состоял при цесаревиче (наследнике престола) Павле Петровиче, будущем императоре.

⁶⁴ Лопухин И. В. (1756–1817), государственный и общественный деятель, философ, публицист, мемуарист; издатель, сенатор. Действительный тайный советник.

⁶⁵ Гагарин Г. П. (1745–1808), видный деятель масонского движения в России, писатель, сенатор. При Павле I – член Императорского совета, при Александре I – министр коммерции. Обладатель большого состояния.

⁶⁶ Херасков М. М. (1733–1807), русский поэт и писатель, государственный деятель.

⁶⁷ Страхов П. И. (1757 – 1813), физик, профессор и ректор Московского университета (1805 – 1807), член-корреспондент Петербургской академии наук (1803).

⁶⁸ Чеботарев А. Х. (1784 –1833), профессор Московского университета, переводчик, служил в цензурном комитете, Председатель казенной палаты в Херсоне.

⁶⁹ Карнеев Е. В. (1773–1849), генерал-лейтенант, директор Департамента горных и соляных дел, директор Горного кадетского корпуса, член совета Министерства финансов, сенатор, переводчик, писатель.

⁷⁰ Лубяновский Ф. П. (1777–1869), переводчик, мемуарист, пензенский гражданский губернатор (1819–1831).

⁷¹ Юнг-Штилинг И. (1740–1817), немецкий мистический писатель. Наряду с К. Эккартсгаузеном (1752–1803) – главный авторитет мистиков в России начала XIX столетия.

⁷² Прозоровский А. А. (1732 – 9 (21 августа) 1809), генерал-фельдмаршал, московский главнокомандующий в 1790–1795 гг.

⁷³ Кошелев Р. А. (1749–827), государственный деятель, дипломат. Председатель комиссии Государственного совета. Известный мистик и масон, вице-президент Российского библейского общества.

⁷⁴ Инзов И. Н. (1768–1845), русский генерал от инфантерии (пехотный генерал).

⁷⁵ Уваров Ф. П. (1773 –1824), российский полководец, генерал от кавалерии.

⁷⁶ Оленин А. Н. (1763–1843), российский государственный деятель, историк, археолог, художник. Государственный секретарь, впоследствии – член Государственного совета.

⁷⁷ Паррот Е. И. (1767–1852), физик-изобретатель, академик Петербургской академии наук, организатор восстановления Дерптского университета.

⁷⁸ Завадовский П. В. (1739–1812), русский государственный деятель, кабинет-секретарь и фаворит Екатерины II, первый министр народного просвещения Российской империи (1802–1810).

⁷⁹ Имеется в виду Императорское Вольное экономическое общество, созданное в 1765 г.

⁸⁰ Имеется в виду восстание солдат лейб-гвардии Семёновского полка в октябре 1820 г.

⁸¹ Кочубей В. П. (1768–1834), русский дипломат и государственный деятель, министр внутренних дел Российской империи в 1802–1807 и 1819–1823 гг. Один из ближайших советников Александра I, член Негласного комитета.

⁸² Розенкамф Г. А. (1762–1832), юрист.

⁸³ Имеется в виду «Авиньонское общество» («Новый Израиль», «Народ Божий», «Общество Грабянки»), которое действовало в Петербурге с 1805 по 1807 г. «Авиньонское общество» использовало элементы практики последователей Э. Сведенборга, орденов мартинистов и розенкрейцеров, а также первых трех степеней масонских лож.

⁸⁴ Нарышкина М. А. (1779–1854), фрейлина, жена обер-егермейстера Д. Л. Нарышкина, фаворитка императора Александра I.

⁸⁵ Озеров С. П., генер.-поручик (10 июля 1776 г.) и гофмаршал 1776 г.

⁸⁶ Фесслер И. А. (1756–1839), писатель, общественный деятель, один из виднейших деятелей масонства.

⁸⁷ Злобин К. В. (1779–1813), богатый помещик, друг Сперанского.

⁸⁸ Гауэншильд Ф. Л. А. (1780–1830), австриец, сотрудничал со Сперанским.

⁸⁹ Ессеи, или кумраниты, – иудейская секта (II в. до н.э. – I в. н.э.).

⁹⁰ Виельгорский М. Ю. (1789–1856), служил в Министерстве народного просвещения, а затем в Министерстве внутренних дел, музыкальный деятель, библиофил.

⁹¹ Ланской С. С. (1787–1862), государственный деятель, министр внутренних дел Российской империи (1855–1861), известный сторонник и участник крестьянской реформы. При Александре I был вторым мастером «Провинциальной ложи». Также состоял в петербургских ложах «Елизавета к добродетели», «Александр Золотого Льва», «Палестина». Великий надзиратель «Великой провинциальной ложи», командор и субпрефект «Капитула Феникса», член Верховной Директории, основатель кассы масонской братской взаимной помощи.

⁹² Жеребцов А. А. (1780 – после 1828), генерал, участник Отечественной войны и Заграничных походов. В 1816 г. возглавил

возрожденную в Петербурге «Великую провинциальную ложу». Был почетным членом петербургской иоанновской ложи «Елизаветы к добродетели».

⁹³ Тормасов А. П. (1752–1819), генерал от кавалерии. В Отечественную войну 1812 г. командовал 3-й западной армией на южном фланге, московский градоначальник.

⁹⁴ То есть главой ложи.

⁹⁵ Вязьмитинов С. К. (1744–1819), первый военный министр, генерал от инфантерии. В 1812–1816 гг. председатель Комитета министров.

⁹⁶ Баратаев М. П. (1784–1856).

⁹⁷ Романовский В. В. (1757–1827), действительный статский советник, член лабзинской ложи «Умиравший Сфинкс».

⁹⁸ Имеется в виду книга «Theorie der Geisterkunde». В русском переводе: *Юнг-Штиллинг И. Г.* Приключения по смерти: в 3 ч. – СПб., 1805.

⁹⁹ То есть сектантки.

¹⁰⁰ Прянишников Ф. И. (1793–1867), член Государственного совета Российской империи, главноначальствующий над Почтовым департаментом (1857–1863). Состоял в нескольких ложах «Великой провинциальной ложи Астрея», в ложах «Умиравший Сфинкс», «Елизавета к добродетели», «Вифлеем».

¹⁰¹ Ковальков А. И. (1795–1852), писатель-мистик.

¹⁰² M-me Guyon – Мот-Гюйон Ж.-М. де ля (1648–1717), видная представительница квиетизма (мистического течения в католицизме). В 1698–1703 гг. содержалась в Бастилии.

¹⁰³ Плещеева Н. Ф. (1768–1885), фрейлина великой княгини Марии Феодоровны.

¹⁰⁴ Рябинин Е. М. (1786–1827), действительный тайный советник.

¹⁰⁵ Законы движения планет Солнечной системы.

¹⁰⁶ Козодавлев О. П. (1753–1819), российский государственный деятель и писатель. В 1809 г. Козодавлев основал официальную газету почтового департамента «Северная почта», в 1810-м – министр внутренних дел.

¹⁰⁷ С.-Петербургская духовная академия.

¹⁰⁸ Феофилакт (Русанов) (1765–1821), митрополит Карталинский и Кахетинский, экзарх Грузии.

¹⁰⁹ Ансильон Ф. (1767–1837), прусский министр, историк, государственный деятель.

¹¹⁰ Министерство духовных дел и народного просвещения – учреждение, руководившее духовными делами всех исповеданий в России и учреждениями народного просвещения и науки. Существовало в 1817–1824 гг. Известно также под неофициальными названиями «двойное министерство», «сугубое министерство», «соединенное министерство».

¹¹¹ Галахов П. А. (1776–1838), действительный статский советник. Состоял членом комиссии духовных училищ.

¹¹² Ястребцов И. И. (1776– 1839), врач и педагог. Был правителем дел комиссии духовных училищ.; Татищев А. И. (1763–1833), российский генерал эпохи Наполеоновских войн, генерал от инфантерии, военный министр.

¹¹³ Глаголевский.

¹¹⁴ Принадлежал приезжавшим в Петербург колонистам-гернгутерам, относившимся к так называемой Моравской церкви, которую причисляют к протестантским деноминациям.

¹¹⁵ Госснер И.-Е. (1774–1858), пастор-проповедник в столице Российской империи при Александре I.

¹¹⁶ Мещерская С. С. (1775–1848), фаворитка Александра I, писательница и переводчица, трудившаяся в рамках Библейского общества, автор религиозно-нравственных сочинений.

¹¹⁷ Школы, использующие в своей работе Белл-Ланкастерскую систему (по имени разработчиков А. Белла и Дж. Ланкастера). Сущность ее состояла в обучении более старшими и знающими учениками учеников младшего возраста. Эта система возникла в 1798 г. в Англии.

¹¹⁸ Греч Н. И. (1787–1867), русский издатель, редактор, журналист, публицист, беллетрист, филолог, переводчик.

¹¹⁹ То есть предназначенных для военных поселений.

¹²⁰ Речь идет о М. Л. Магницком.

¹²¹ Квакеры – представители протестантского движения, возникшего в середине XVII в. в Англии и Уэльсе.

¹²² Кавычками здесь и выше выделен текст, который в оригинале дан разреженным шрифтом.

¹²³ Песталоцци И. Г. (1746–1827), известный швейцарский педагог.

¹²⁴ Баадер Ф.-К. фон (1765–1841), известный немецкий философ и теолог, представитель философского романтизма. Развил характерные для романтизма представления о мире и обществе как расчлененной органической целостности.

¹²⁵ Крюденер В.-Ю. фон (1764–1824) – франкоязычная писательница из остзейских дворян, проповедница мистического христианства. После 1815 г. имела влияние на императора Александра I.

¹²⁶ Станевич Е. И. (1775–1835) – писатель-архаист, принадлежал к кругу А. С. Шишкова – Г. Р. Державина, выступал против масонства и мистицизма, подвергся гонениям со стороны А. Н. Голицына.

¹²⁷ Кикин П. А. (1775–1834), статс-секретарь Александра I.

¹²⁸ Иннокентий (Смирнов; 1784–1819), епископ Пензенский и Саратовский, один из активных деятелей православной оппозиции. Почитается в лике святителей.

¹²⁹ Орлова-Чесменская А. А. (1785–1848), графиня, камер-фрейлина, единственная дочь сподвижника Екатерины II Алексея Орлова и наследница его многомиллионного состояния. Была духовной дочерью архимандрита Фотия (Спасского). Полученное наследство потратила на благотворительность.

¹³⁰ Татаринова Е. Ф. (1783–1856), организатор общества «духовных христиан» в аристократической среде Петербурга.

¹³¹ Милорадович М. А. (1771–1825), генерал от инфантерии, один из руководителей русской армии во время Отечественной войны 1812 г.; генерал-губернатор Санкт-Петербурга с 1818 г., смертельно ранен декабристом П. Г. Каховским.

¹³² Румянцев Н. П. (Румянцов) (1754–1826), русский государственный деятель. В годы Наполеоновских войн занимал пост министра иностранных дел. Известный меценат, коллекционер, основатель Румянцевского музея, покровитель первого русского кругосветного плавания. Почетный член Императорской Российской академии. Сын великого военачальника Петра Александровича Румянцева.

¹³³ Лейбниц Г. В. (1646–1716), немецкий ученый энциклопедической широты: философ, логик, математик, физик, юрист, историк, дипломат, изобретатель и языковед. Основатель и первый президент Берлинской Академии наук.

¹³⁴ Велланский Д. М. (настоящая фамилия – Кавунник; 1774–1847), ученый-медик и философ. Шеллингианец. Профессор Петербургской медико-хирургической академии в 1814–1837 гг. Оказал влияние на кружок Любомудров, из членов которого вышло немало интересных мыслителей, в том числе – представители классического славянофильства.

¹³⁵ Грегуар А. (1750–1831), французский католический священник, позже епископ, деятель Французской революции. Первым подал мысль о назначении суда над королем. Во время самого процесса над Людовиком XVI Грегуар высказался за его осуждение, но против смертной казни. Почетным членом Казанского университета Грегуар избран в 1814 г. в числе 28 лиц, «отличившихся ученостью». После Реставрации Бурбонов заклеен именем цареубийцы.

¹³⁶ Разумовский А. К. (1748–1822), русский государственный деятель, действительный камергер, тайный советник, сенатор, министр народного просвещения.

¹³⁷ Уваров С. С. (1786–1855), русский антиковед и государственный деятель, управляющий Министерством народного просвещения и министр просвещения (1833–1849). Член Российской академии, почетный член (1811) и президент (1818–1855) Петербургской академии наук. Наиболее известен как разработчик идеологии официальной народности.

¹³⁸ Стурдза А. С. (1791–1854), выдающийся дипломат русской службы, писатель, полиглот, деятель просвещения.

¹³⁹ Имеется в виду Голенищев-Кутузов П. И. (1767–1829) военный, деятель системы образования, сенатор, литератор. В качестве Досточтимого Мастера руководил ложей «Умиравший Сфинкс».

¹⁴⁰ Северин Осипович Потоцкий (1762–1829), граф, российский чиновник, сенатор. Первый попечитель Харьковского учебного округа.

¹⁴¹ Давыдов И. И. (1794–1863), русский филолог, академик Петербургской АН (1841), философ, педагог и писатель.

¹⁴² Виленский университет образовывал католическое духовенство в Российской империи, Дерптский – лютеранское.

¹⁴³ Антиох III Великий (241 – 187 до н. э.), один из наиболее выдающихся правителей державы Селевкидов, образовавшейся при распаде империи Александра Македонского. В течение 202–198 гг. занял Иудею, в том числе – Иерусалим.

¹⁴⁴ Ирод I Великий – царь Иудеи (40 – 4 гг. до н. э.), основатель династии Иродиадов.

¹⁴⁵ Юлиан II Отступник – римский император в 361–363 гг. Последний языческий римский император; ритор и философ. Отказался от христианства как государственной религии.

¹⁴⁶ Санхуниатон или Санхунайтон, древний финикийский автор из Бейрута, живший, «когда Семирамида была царицей

Ассирии» (IX в. до н. э.). Раскопки, проведенные в середине прошлого века в Угарите (Сирия), выявили множественные параллели сведениям Санхуниатона в подлинных финикийских текстах.

¹⁴⁷ В этом абзаце Магницкий изложил представления П.-С. Лапласа (1749–1827), выдающегося французского математика, физика и астронома, известного работами в области небесной механики, дифференциальных уравнений.

¹⁴⁸ Геогнозия – термин, введенный в 1780 г. нем. геологом А. Г. Вернером вместо термина «геология». В течение первой половины XIX в. этот термин употреблялся наряду с термином «геология». С середины XIX в. термин «геогнозия» стал выходить из употребления.

¹⁴⁹ Нептунизм – направление в геологии XVIII в., объяснявшее формирование древних геологических пластов действием Мирового океана. Находилось под сильным влиянием библейской картины мира. Вулканизм (правильнее – плутонизм) – направление в геологии, распространенное в конце XVIII – начале XIX вв., последователи которого считали, что ведущую роль в геологической истории Земли играли внутренние силы.

¹⁵⁰ Гумбольдт А. Ф. (1769–1859) – немецкий ученый-энциклопедист, физик, метеоролог, географ, ботаник, зоолог и путешественник, младший брат В. фон Гумбольдта. Благодаря его исследованиям были заложены научные основы геомагнетизма.

¹⁵¹ Прохаска Й. (1749–1821), чешский анатом, физиолог и окулист.

¹⁵² Имеется в виду книга *Шмальц. Ф.* Право естественное: С прибавлением истории и литературы естественного права. – СПб.: Тип. Императорского Воспитательного дома, 1820.

¹⁵³ Имеется в виду Польское восстание 1830–1831 гг.

¹⁵⁴ Занд К. (1795–1820), убийца А. Коцебу.

¹⁵⁵ Гермоген (ок. 1530–1612), второй (фактически третий) Патриарх Московский и всея Руси (с 1606), известный церковный общественный деятель эпохи Смутного времени. Канонизирован Русской православной церковью; Сергей Радонежский (1314–1392) – основатель Троице-Сергиевой лавры, преобразователь монашества в Северной Руси. Почитается РПЦ в лике святых как преподобный и считается величайшим подвижником земли Русской.

¹⁵⁶ Кочетов И. С. (1789–1854), протоиерей РПЦ. Преподавал в Санкт-Петербургской духовной академии гражданскую, библей-

скую и церковную историю. С 1817 г. преподавал в Царскосельском (затем Александровском) лицее. Был членом Российской академии, потом Императорской Академии наук.

¹⁵⁷ «Кандид, или Оптимизм» – наиболее часто публикуемая и читаемая повесть Вольтера. В печати появилась в 1759 г.

¹⁵⁸ Имеется в виду книга «Древний и новый всегдашний гадательный оракул, найденный после смерти одного стошестилетнего старца Мартина Задека <...> с приложением его ж, Задека, предсказания любопытнейших в Европе происшествий...» (М., 1800), ставшая очень популярной в России.

¹⁵⁹ Имеется в виду древнегреческий миф о Медузе Горгоне, взгляд которой обращал в камень.

¹⁶⁰ «Делая их раньше времени вольнодумцами» (фр.).

¹⁶¹ Имеется в виду Бухарский эмират – государство, существовавшее с 1785 по 1920 г. на части территории современного Узбекистана, Таджикистана и Туркмении.

¹⁶² Котельников Е. Н. (около 1775 – около 1855), донской казак, есаул, основатель секты духоносцев мистическо-экстатического характера. Под влиянием работ Библейского общества и сочинений Я. Бёме, Юнга-Штиллинга и других написал «Воззвание к человекам о последовании внутреннему влечению Духа Христова» (Санкт-Петербург, 1820) и «Начатки с Богом острого серпа в золотом венце». Был заточен в Соловецкий монастырь, где постригся в монахи.

¹⁶³ Амвросий (Протасов) (ок. 1762 – 1831), архиепископ Тверской и Кашинский, талантливый проповедник.

¹⁶⁴ Мещерский П. С. (1778 – 1857), обер-прокурор Святейшего Синода в 1817–1833 гг.

¹⁶⁵ То есть придворные.

¹⁶⁶ Витберг А. Л. (1787–1855), русский архитектор и живописец. Известен проектом храма Христа Спасителя. На формирование замысла Витберга повлияло общение с вице-президентом Академии художеств А. Ф. Лабзиным (см.), при содействии которого архитектор вступил в масонскую ложу «Умиравший Сфинкс» и кружок «Беседа любителей русского слова». Однако в 1830 г. был объявлен новый конкурс, и в 1832 г. утвержден проект К. А. Тона.

¹⁶⁷ Территория нынешних Латвии и Эстонии.

¹⁶⁸ То есть милленаристов. См. примечание выше.

¹⁶⁹ «Друзья».

¹⁷⁰ «Близкие».

¹⁷¹ Часть Остзейских губерний.

¹⁷² То есть «мага».

¹⁷³ Фонвизин Д. И. (фон Визен, 1745–1792), литератор, создатель русской бытовой комедии. Происходил из рыцарского рода, вышедшего из Ливонии еще при Иване Грозном. Находился под сильнейшим воздействием французских просветителей от Вольтера до Гельвеция, но прежде всего – Руссо. Состоял при кабинете-министре грандмассоне Елагине (см.).

¹⁷⁴ Веллингтон А.-У. (1769–1852), английский фельдмаршал, победитель при Ватерлоо (1815). Премьер-министр Великобритании в 1828–1834 гг. (с перерывами).

¹⁷⁵ Политика деморализации (фр.).

¹⁷⁶ Беранже П.-Ж. де (1780–1857), французский поэт и сочинитель песен, известный прежде всего своими сатирическими произведениями.

¹⁷⁷ Возможно, имеется в виду Ж. Лафит, знаменитый французский приватир (корсар) и контрабандист сефардского происхождения (сефарды – субэтническая группа евреев, сформировавшаяся на Пиренейском п-ве), который с молчаливого одобрения американского правительства грабил английские и испанские корабли в Мексиканском заливе. Расцвет его «предприятия» пришелся на 1810-е гг. После 1826 г. известия о нем пропадают. Виноградники Лафита, дававшие сырье для красного вина бордоского типа, были в 1868 г. куплены Ротшильдами, которые обусловили свой заем царскому правительству обязанностью России импортировать лафит в довольно значительных количествах.

¹⁷⁸ Имеются в виду меры российского правительства, принятые в это время: отставка А. Н. Голицына, расформирование «соединенного» министерства и т. п.

¹⁷⁹ Где-либо (*старослав.*).

¹⁸⁰ Он был отправлен на подавление польского мятежа 1830–1831 гг.

Взгляд на мироздание

Печатается по: Взгляд на мироздание // Москвитянин. 1843. Ч. VI. № 11. С. 133–141.

¹ Архит Тарентский (428 г. до н. э. – 347 г. до н.э.), философ-пифагореец, математик и механик, теоретик музыки, государ-

ственный деятель и полководец. Был современником и другом Платона.

² Знаменитые римские ораторы и поэты.

³ Ареопаг (др.-греч. Ἀρείος πάγος, буквально – «холм Ареса») – орган власти в Древних Афинах.

⁴ Фонтенель Б. де (1657–1757), французский писатель и ученый, популяризатор науки, прежде всего – астрономии.

⁵ Знаменитые древнегреческие ученые.

⁶ Харун ар-Рашид (Гарун аль-Рашид), Харун Справедливый (766–809), арабский халиф, правитель Аббасидского халифата.

⁷ Гершель В. (1738–1822), выдающийся английский астроном немецкого происхождения.

Раздел II СТАТЬИ В ЖУРНАЛЕ «РАДУГА»

Письмо к издателю

Печатается по: М. Простодумов. Письмо к издателю // Радуга. 1832. № 2. С. 96–108.

Подписано псевдонимом М. Простодумов.

¹ Бюргер А. И. (1804–1876, по др. данным – 1888), литератор и переводчик, издатель журнала «Радуга» (Ревель, 1832–1833 гг.)

² Бэкон Ф. (1561–1626), английский философ, родоначальник английского материализма.

³ Магницкий ссылается на слова языческого философа Порфирия (232/233–304/306), приводимые Евсевием Кесарийским (ок. 263 – 340) – римским историком, отцом церковной истории.

⁴ Ad hoc (лат.) – кстати, к месту, по ситуации.

⁵ Спиноза Б. (1632–1677), голландский философ-рационалист, натуралист, один из главных представителей философии Нового времени.

⁶ Круг В. Т. (1770–1842), немецкий философ и писатель, популяризатор критической философии с точки зрения «здорового смысла»; был профессором философии в Кенигсберге (ныне – Калининград) непосредственно после И. Канта.

⁷ Коран.

**2-й отломок
от философского мозаика**

Печатается по: *М. Простодумов*. 2-й отломок от философского мозаика // Радуга. 1832. № 3. С. 137–154.

Подписано псевдонимом *М. Простодумов*.

¹ Бенгель И. А. (1687–1752), немецкий лютеранский библист и теолог, основоположник текстологии Нового Завета.

² Лаланд Ж. (1732–1807), французский астроном.

³ Пенгре А. (1711–1796), французский астроном, профессор Руанского университета. Автор сочинения «Кометография», где приведены расчеты движений 32 комет. Совершил путешествие в Тихий океан для наблюдения прохождений Венеры по диску Солнца.

⁴ Кассини Дж. (1625–1712), итальянский и французский астроном и инженер. Открыл спутники Сатурна (Япет, Рея, Тетия, Диона), обнаружил щель в его кольцах («щель Кассини»). Доказал осевое вращение Юпитера и Сатурна, составил большую карту Луны. С хорошей точностью определил расстояние от Земли до Солнца и др.

⁵ Крин сельный – то есть полевые цветы. Старославянизм, употреблявшийся в любимом чтении Магницкого – Евангелиях.

**Осколки
от философского мозаика**

Печатается по: *М. Простодумов*. Осколки от философского мозаика // Радуга. 1832. № 3. С. 213–214. Подписано псевдонимом *М. Простодумов*.

¹ Пукевиль Ф. (1770–1838), французский дипломат, исследователь, врач и историк, член Institut de France. Был заложником турецкого султана, затем консулом Наполеона Бонапарта.

² Бекташи – суфийский орден, основанный в XIII в. Близок к шиизму и содержит элементы христианства (крещение). Был распространен в Турции, Албании и Боснии, в основном в среде перешедших в ислам бывших христиан.

³ Плиний Старший (23–79), римский писатель-эрудит, автор «Естественной истории».

**3-й отломок от философского мозаика.
Особенный характер европейского духа времени**

Печатается по: 3-й отломок от философского мозаика. Особенный характер европейского духа времени. Выписка из французской книги // Радуга. 1832. № 4. С. 231–242.

¹ То есть потокали.

² Шарль (Карл)-Фердинанд, герцог Беррийский (1778–1820), второй сын графа Карла д'Артуа, будущего короля Карла X. Был смертельно ранен рабочим Луи Лувелем.

4-й отломок от философского мозаика

Печатается по: 4-й отломок от философского мозаика. Выписка из второго протокола обсерватории села Спасского // Радуга. 1832. № 4. С. 243–254.

¹ Эйлер Л. (1707–1783) – швейцарский, немецкий и российский математик, внесший значительный вклад в развитие математики, а также механики, физики, астрономии и ряда прикладных наук. Автор работ по математическому анализу, дифференциальной геометрии, теории чисел, небесной механике, приближенным вычислениям, математической физике, оптике, баллистике, кораблестроению, теории музыки и др. Академик.

² Фазтон (др.-греч. Φαέθων – «блистающий») – в древнегреческой мифологии – сын бога Солнца Гелиоса. Выпросил у своего отца позволение править солнечной колесницей, но кони отклонились от правильного направления и приблизились к земле, отчего та загорелась. Фазтон, сраженный Зевсом, погиб.

³ Поэтической.

⁴ Фурии – в древнеримских мифах богини мщения, обитающие в подземном царстве. В переносном значении: фурия – неистово злая женщина.

⁵ Гиль – смута, мятеж.

⁶ Имеется в виду так называемая Голова Горгоны – часть созвездия Персея.

⁷ Фраунгофер Й. (1787–1826), немецкий физик, знаменитый оптик.

⁸ Vis vitalis – жизненная сила (лат.).

Осколки от философского мозаика.

1. Из какого-то философа

Печатается по: Осколки от философского мозаика. 1. Из какого-то философа // Радуга. 1832. № 4. С. 294–296.

¹ Магницкий ссылается на знаменитого Гиппократ.

² Рим 7 : 24.

³ Силлогизм – вид умозаключений.

⁴ Магницкий цитирует Ж.-Ж. де Майрана (1678–1771), французского хронобиолога.

⁵ Магницкий ссылается на сочинение Луция Аннея Сенеки (4 до н. э. – 65), римского философа-стоика, поэта и государственного деятеля, воспитателя императора Нерона.

Письмо к издателю М.Г.А.И.

Печатается по: Радуга. 1832. № 5. Ч. II. С. 55–60.

¹ Адресат письма, М.Г.А.И., – это издатель журнала «Радуга», «м(илостивый) г(осударь)» А. И. Бюргер (1804–1876).

² Битва при Треббии (Сев. Италия. 6–8 июня 1799) – сражение между французской Неаполитанской армией и русско-австрийскими войсками под руководством А. В. Суворова, приведшее к разгрому и уничтожению наполеоновских войск.

³ Города Эстляндской губернии.

⁴ В данном контексте слово «гиль» означает «чушь, ересь».

⁵ Диво.

⁶ Левшина.

**Продолжение 4-го отломка
философского мозаика**

Печатается по: Продолжение 4-го отломка философского мозаика. Сила притяжения // Радуга. 1832. № 5. С. 323–337.

¹ Котс Р. (1682–1716), английский математик и философ.

² Кларк С. (1675–1729), английский философ и теолог.

³ Бентли Р. (1662–1742), английский критик и филолог, теолог.

⁴ Сабеизм – поклонение звездам, обоготворение небесных светил. В древности сабеизм был распространен в Вавилоне, в Ассирии, где храмы одновременно служили обсерваториями, в Аравии, Сирии, Малой Азии и т. д. Предметом поклонения были в особенности планеты, которым приписывалось влияние на все земное, на природу и людей. В связи с сабеизмом находятся магия, предсказания и гороскопы, изготовлявшиеся по астрологическим правилам.

⁵ Ориген (ок. 185 – 254), греческий христианский теолог, философ, ученый. Основатель библейской филологии.

⁶ Имеется в виду нечто, носящее ритуальный характер и открытое лишь узкому кругу посвященных.

⁷ Кювье Ж. (1769–1832), французский естествоиспытатель, натуралист. Считается основателем сравнительной анатомии и палеонтологии. Его имя внесено в список величайших ученых Франции, помещенный на первом этаже Эйфелевой башни.

⁸ Куда.

⁹ Бегу.

¹⁰ Если взойду на небо – Ты там! Если сойду в ад – там Ты!

Первое Примечание на 3–й отломок от философского мозаика

Печатается по: Первое Примечание на 3-й отломок от философского мозаика // Радуга. 1832. № 5. С. 337–349.

¹ Альбигойцы (*лат. Albigenses*), катары – движение христианско-еретического характера, распространенное в XI–XIV вв. в ряде стран и областей Западной Европы (Лангедок, Арагон, север Италии и некоторые земли Германии и Франции). Расцвет движения пришелся на XII–XIII вв.

² Гуситы – чешское реформаторское движение XV в., названное по имени Яна Гуса и принявшее в 1419 г. революционные формы.

³ Патриарх Никон (мирское имя Никита Минин (Минов); 1605–1681), шестой московский патриарх (1652–1666).

⁴ Владимир I Святославич (ок. 960 – 1015), киевский Великий князь, при котором крестилась Русь.

⁵ Ярослав Мудрый (ок. 978 – 1054), Великий князь Киевский (1016–1018, 1019–1054).

**5-й отломок от философского мозаика.
Несколько строк в историю наук**

Печатается по: 5-й отломок от философского мозаика – несколько строк с историю наук (Выписка.) // Радуга. 1832. № 5. 1832. С. 373–378.

¹ Луций Тарквиний Приск (Тарквиний Древний), пятый царь Древнего Рима. (616 – 579 до н. э.). По его приказу был построен первый римский водопровод. Затем был прорыт большой канал, в который выходили специальные протоки, спускавшие различные нечистоты и жидкие отходы. Назвали это сооружение «Великой (или Главной) клоакой».

² Циклопические сооружения – постройки из огромных каменных глыб без связующего раствора.

³ Этруски – древние племена, населявшие в I тыс. до н. э. северо-запад Италии и создавшие высокоразвитую культуру, предшествовавшую римской и оказавшую на нее большое влияние.

⁴ Гесиод (VIII – VII вв. до н. э.), древнегреческий поэт и рапсод (профессиональный исполнитель эпических поэм), представитель направления дидактического и генеалогического эпоса.

⁵ Нимрод – в Пятикнижии, агадических преданиях и легендах Ближнего Востока герой, воитель-охотник («славный зверолов перед Господом») и царь. Ему приписывается строительство Вавилонской башни.

⁶ Брахма – в индуизме рассматривается как творец Вселенной. Наряду с Вишну и Шивой является одним из лиц Тримурти (индуистская «Троица»). Супруга Брахмы – богиня знания и учености Сарасвати.

⁷ То есть окрыленной, крылатой.

⁸ Часть облачения священника, надеваемого при богослужении. Согласно Маймониду, льняной эфод являлся отличительным знаком человека, наделенного пророческим даром. Кроме того, эфод может являться одеянием идола.

**Осколок от философского мозаика.
Поездка философа в дилижансе**

Печатается по: Осколок от философского мозаика. Поездка философа в дилижансе // Радуга. 1832. № 5. С. 385–390.

¹ Известный фонтан, представляющий молочницу, разбившую кувшин свой.

² Император Александр I.

³ «Дорогим товарищам по оружию» (фр.).

⁴ Перуанских.

**6-й отломок от философского мозаика.
Несколько строк из философии христианской**

Печатается по: 6-й отломок от философского мозаика. Несколько строк из философии христианской // Радуга. 1832. № 6. 1832. С. 434–438.

**7-й отломок от философского мозаика.
Обозрение нравственно-исторического
романа о кометах**

Печатается по: 7-й отломок от философского мозаика. Обозрение нравственно-исторического романа о кометах. (Выписка из библиотеки сельской обсерватории.) // Радуга. 1832. № 6. С. 438–452.

Даты приведены по источнику.

¹ Здесь и далее, до соответствующего пояснения, указываются годы до Рождества Христова.

² То есть кометы.

³ Аппиан наблюдал комету в 1531 г.

⁴ Снелл В. (1580–1626), голландский математик, физик и астроном.

⁵ Гассенди П. (1592–1655), французский философ, математик, астроном и исследователь древних текстов.

⁶ Декарт Р. (1596–1650), французский философ, физик, математик и физиолог.

⁷ Плеяды (старинное русское название – Стожары или Волосожары, Волосыни) – рассеянное звездное скопление в созвездии Тельца; одно из ближайших к Земле и наиболее заметных для невооруженного глаза.

⁸ Хильперик I, король франков. Умер, вопреки Магницкому, в 584 г.

⁹ Комье К. (ум. в 1693), французский ученый.

**8-й отломок от философского мозаика.
Мысли при чтении замечания Менцеля
о философии в Германии**

Печатается по: 8-й отломок от философского мозаика. Мысли при чтении замечания Менцеля о философии в Германии // Радуга. 1832. № 6. 1832. С. 452–458.

¹ Окен Л. (1779–1851), немецко-швейцарский ботаник, миколог, зоолог, натуралист (естествоиспытатель), физиолог, доктор медицинских наук, философ, профессор.

² Выдыбай – выплыви (*др.-рус.*). Так, согласно преданию, кричали жители Киева, когда по приказанию князя Владимир в Днепр были сброшены языческие идола.

³ Стеффенс Х., также Штеффенс (1773–1845), немецкий ученый-универсалист, натурфилософ и писатель-романтик, выходец из Норвегии.

Осколки от философского мозаика г. Простодумова

Печатается по: Осколки от философского мозаика Г. Простодумова // Радуга. 1832. № 6. С. 489–490.

¹ Августин Аврелий (354–430) (Блаженный Августин) – епископ Гиппонский, богослов, причисленный к лику святых.

² См. сноску 134 к «Письмам императору Николаю I об иллюминатах».

**Раздел III
ВОСПОМИНАНИЯ О СОВРЕМЕННОКАХ
И АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАПИСКИ**

**Дума при гробе
графа Сперанского**

Печатается по: РС. 1893, № 11. С. 328–334.

¹ Родовое прозвание его Грамотин, а имя Сперанский есть пророческое прозвище, данное ему в семинарии для выражения

той надежды, которую подавал он в самом детстве. (*Прим. автора «Думы».*) «Сперанский» значит «подающий надежды» (от лат. глагола *spero, sperare* – уповать, надеяться).

² Куракин А. Б. (1759–1829), российский государственный деятель, действительный тайный советник 1-го класса (1826), который занимал ряд высших постов в царствования Павла I и Александра I.

³ Беклешов С. А. (1752–1803), генерал-лейтенант, военный губернатор Архангельска и Николаева.

⁴ Оболянинов П. Х. (1752–1841), российский государственный и военный деятель, генерал от инфантерии; один из самых влиятельных людей царствования императора Павла I, генерал-прокурор в 1800–1801. Московский предводитель дворянства в 1816–1832 гг.

⁵ Трошинский Д. Т. (1749–1829), русский государственный деятель, старший кабинет-секретарь (1793–1798), генерал-прокурор (1814–1817), тайный советник, сенатор, член Государственного совета и меценат.

⁶ Марэ Ю.-Б. (1763–1839), герцог де Бассано. Французский политический деятель. Член якобинского клуба. С 1791 г. дипломат. После возвращения Бонапарта из Египта стал его секретарем. После переворота 18 брюмера – Государственный секретарь, в 1811–1813 гг. – министр иностранных дел, затем, вплоть до отречения Наполеона, его личный советник. Во время Ста дней – снова Государственный секретарь. После второй реставрации изгнан из страны. Занимался пропагандой бонапартизма. После Июльской революции 1830 г. – пэр Франции.

⁷ Знаменитый род с армянскими корнями, промышленники и предприниматели, создатели Лазаревского института восточных языков.

⁸ «О подражании Христу» (*Imitatio Christi*) – трактат фламандского иеромонаха Фомы Кемпийского (1379–1471).

⁹ Имеется в виду «Кодекс Феодосия», принятый в 438 г. Феодосием II, императором Восточной Римской империи (402–450).

Дума на гробе графини Роксандры Эдлинг, урожденной Стурдза

Печатается по: Дума на гробе графини Роксандры Эдлинг, урожденной Стурдза // Москвитянин. 1844. Март. С. 87–91.

¹ Эдлинг (урожденная Стурдза; 1786–1844), сестра А. С. Стурдзы, близкого к Магницкому, любимая фрейлина императрицы Елизаветы Алексеевны.

**Показания Магницкого. О службе действительного
статского советника Магницкого**

Печатается по: Показания Магницкого. О службе действительного статского советника Магницкого (Копия с собственноручной его записки) // Деятельность XIX века. Исторический сборник. – М., 1872. Кн. 1. С. 235–238.

¹ То есть князя А. Чарторыйского.

² «Даю Вам полную свободу действий» (фр.)

Генерал-адъютанту Бенкендорфу

Печатается по: Письма главнейших деятелей в царствование императора Александра I (1807–1829). – М., 2006. С. 480–496.

Записка М. Магницкого, поданная генерал-адъютанту А. Х. Бенкендорфу в Ревеле 14 сентября 1829 г.

¹ «Мой генерал! Пользуясь разрешением Вашего Превосходительства, я беру смелость представить ему при сем прилагаемые бумаги, которые я имею честь прочесть ему сегодня. У того, кто дарует мир, есть враги от Евфрата до стен Константинополя, но для меня лично как наиболее преданного из его людей и наиболее восторженного из его поклонников он будет несгибаемым. Примите уверение в моем уважении и безграничной преданности и т. д.» (фр.).

² Дон-Кихотом.

³ Ванька-Каин (Иван Осипов; 1718 – после 1756), знаменитый в России вор, разбойник на Волге, позднее – московский «сыщик», потворствовавший преступному миру; легендарный герой воровских приключений и удалства.

⁴ Орлова-Чесменская А. А. (1785–1848), графиня, камерфрейлина, наследница многомиллионного состояния Алексея Орлова, сподвижника Екатерины II. Была духовной дочерью архимандрита Фотия (Спасского), одного из руководителей православной партии в первой половине 1820-х гг.

⁵ Александра I.

⁶ А. С. Шишков.

⁷ А. А. Орловой-Чесменской и архимандрита Фотия (Спасского).

⁸ Коллежский советник – гражданский чин VI класса в Табели о рангах. Соответствовал чинам полковника в армии и капитана I ранга во флоте.

**Причины преследования М. Л. Магницкого,
им самим описанные**

Печатается по: Причины преследования М. Л. Магницкого, им самим описанные // РС. 1901. Т. 105. № 3. Март. 1826. С. 678–684.

¹ Здесь говорится о том отчаянии, в котором находился Аракчеев после убийства его домоправительницы Настасьи Минкиной.

² Фотий (Спасский) (1792–1838), архимандрит; настоятель Юрьева монастыря.

³ Вероятно, речь идет о митрополите Серафиме (Глаголевском).

⁴ Conversation Lexikon.

⁵ «Даю вам полную свободу действий» (*фр.*).

⁶ Карбонарии – члены тайного общества в Италии в 1807–1832 гг. Боролись за конституцию, национальную независимость и единство Италии.

⁷ «Разговорный словарь».

⁸ Письмо это не имело последствий, так как звезда Аракчеева в это время постепенно потухала и он терял свою власть и значение. (Приписка к тексту Магницкого редакции журнала «Русская старина».)

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Август Октавиан 345	Анаксагор 403
Августин Аврелий 417, 500	Андрей Первозванный 220, 478
Авиен Руфий Фест 333	Анна Иоанновна 471
Агриппа Марк Випсаний 345	Ансильон Ф. 280, 486
Анкарстрем Я. Й. 246	Антигон 333
Аксенов А. 21	Антиох Третий Великий 304, 489
Аларик 186, 472	Аппиан Александрийский 405, 499
Александр Первый 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 18, 19, 24, 25, 26, 28, 38, 47, 49, 50, 53, 55, 56, 58, 61, 67, 179, 219, 222, 252, 267, 424, 439, 464, 465, 468, 472, 475, 478, 479, 481, 482, 484, 485, 487, 488, 499, 501, 502, 503	Аракин (акушер) 92
Александр Македонский 333, 344, 345, 489	Аракчеев А. А. 53, 55, 56, 58, 59, 80, 82, 204, 217, 254, 319, 447, 456, 462, 465, 474, 475, 477, 478, 503
Алексей Михайлович 186, 189, 190, 473	Аржансон М.-Р. д' 79
Альмамон 333	Аристотель 36, 151, 156, 333, 345, 348, 404, 405
Альфонс Мудрый 333	Арнгольд (профессор) 106, 116
Амвросий (Протасов), (архиепископ) 136, 321, 330, 468, 491	Арсений (Мацеевич) 51, 471
	Арсеньев К. И. 58
	Артуа Карл д' 495
	Архимед 333

- Архит Тарентский 332, 333, 492
- Атини д' 271
- Афанасий Великий 37, 155, 226, 468
- Баадер Ф. К фон 212, 291, 476, 487
- Бабкин (камер-фурьер) 252
- Бабо Л. 232
- Базилевский (чиновник) 81, 93
- Балашов А. Д. 17
- Баратаев М. П. 275, 486
- Бардт К.-Ф. 243
- Барклай де Толли М. Б. 15
- Баррюэль О. 240, 480
- Бартельс М. Ф. 114, 128, 129
- Бартенев П. И. 19, 59
- Басус (барон) 236, 237
- Баюшев В. И. 468
- Беклешов С. А. 424, 501
- Белл А. 289, 487
- Беллинсгаузен Ф. Ф. 30, 467
- Беме Я. 491
- Бенгель И. А. 350, 490
- Бенкендорф А. Х. 438, 502
- Бентли Р. 375, 376, 379, 496
- Беранже П.-Ж. 328, 492
- Беркгейм Ф. 292
- Беррийский Ш.-Ф. 255, 360, 495
- Беросс 208, 304, 475
- Беттигер (супер-интендант) 286
- Беттингер (иллюминат) 240
- Бирон Э. И. 51, 174, 470
- Бирюков (переводчик) 291
- Бистер (библиотекарь) 242
- Богданович И. Ф. 37, 154, 468
- Боде И. 241, 242, 244
- Борн И. М. 243
- Бородин (откупщик) 441
- Босси (секретарь сардинского посольства) 247
- Боссюэ Ж. Б. 149, 157, 177, 225, 445, 468
- Браун И. О. 111
- Бредеро Г. А. 116, 467
- Брейтенбах (профессор) 108, 115
- Брокгауз Ф. А. 16
- Броннер Ф. К. 113, 123, 300
- Брут Марк Юлий 227, 479
- Бурбоны 33, 230, 465, 482
- Бурмалаки 164
- Буссе (учитель) 303
- Бэкон Ф. 445, 493
- Бюргер А. И. 493, 496
- Ванька-Каин (Осипов И.) 502
- Василий Великий 37, 154, 173, 312, 468
- Василий Македонянин 188, 472

- Василий Новый 219
 Вейс (иллюминат) 276
 Вейсгаупт А. 48, 169, 174, 213, 232, 233, 234, 235, 236, 238, 239, 240, 241, 242, 243, 244, 245, 246, 249, 307, 470, 475
 Велланский (Кавунник) Д. М. 298, 304, 419, 420, 488
 Веллингтон А. У. 327, 492
 Венинг (купец) 283
 Вердерамо Э. О. 115
 Вернер А. Г. 490
 Вигель Ф. Ф. 10, 11
 Виельгорский М. Ю. 274, 485
 Виланский (профессор) 306
 Виргилий 344
 Витберг А. Л. 321, 491
 Витте И. И. 62
 Вишленкова Е. А. 27, 30, 31, 33, 58
 Владимир Мономах 157, 174, 190
 Владимир Первый 497
 Воейков А. Ф. 161, 469, 477
 Вольтер Ф.-М. А. 25, 72, 119, 195, 244, 246, 261, 267, 313, 395, 445, 464, 491, 492
 Воронцов М. С. 6, 62, 63, 64
 Воронцов С. Р. 10, 19
 Врангель Е. Е. 113, 128, 129
 Вронченко (титularный советник) 252, 253
 Вяземский П. А. 7, 19, 59, 424
 Вязьмитинов С. К. 275, 486
 Гавриил (Розанов) 63
 Гагарин Г. П. 262, 265, 266, 484
 Галахов П. А. 282, 295, 312, 487
 Галилей Г. 334, 335, 362, 363
 Галич А. И. 160, 304, 326, 469
 Галлей Э. 349, 350, 407, 408, 410
 Гарун аль-Рашид 333, 493
 Гассенди П. 405, 499
 Гауэншильд Ф. Л. А. (Го-геншильд) 485
 Гевелий Я. 410, 411
 Гегель Г. В. Ф. 349, 351, 413, 414, 415
 Гедике (советник берлин-ской консистории) 242
 Гельвеций К.-А. 492
 Гендерсон (масон) 283
 Генрих Четвертый 246, 465
 Герман К. Ф. 58, 106, 160, 469
 Германик 333
 Гермоген (Патриарх) 312, 490

- Гершель В. 493
 Городчаинов (профессор) 111
 Геродот 155
 Герострат 221
 Гершель В. 338
 Гесиод 498
 Гесснер И.-Е. 487
 Гете И. В. фон 300, 482
 Гиппарх 333
 Гиппократ 403
 Глазеева А. С. 68
 Глинка Г. Н. 84, 85, 88, 465
 Гоббс Т. 36, 151, 468
 Гогеншильд (директор пансиона) 273, 296
 Гойтанников П. 471
 Голенищев-Кутузов П. И. 301, 489
 Голицина (Всевожская) А. С. 292
 Голицын А. Н. 23, 24, 26, 27, 47, 53, 56, 57, 58, 63, 66, 261, 280, 428, 466, 474, 488, 492
 Голицын Д. А. 483
 Голицын Д. В. 8
 Голливуд (Сакробоско) И. 333
 Гольбах П. А. 480
 Голяховский (профессор) 446
 Гораций 116, 467
 Горголи (обер-полицмейстер) 296
 Городчанинов Г. Н. 116
 Госснер И.-Е. 54, 55, 56, 212, 286, 290, 291, 461, 476
 Гофман Э. Т. А. 241, 248
 Грабянка Т. 252, 271
 Гребенщиков А. 68
 Грегуар А. 33, 34, 300, 489
 Греч Н. И. 25, 26, 56, 57, 288, 487
 Григорий (архимандрит) 226, 477
 Гримм Ф. М. 261, 483
 Грюнбергер Ф. 235
 Гумбольд В. фон 306, 382, 490
 Гус Я. 497
 Густав Третий 247
 Гюбнер (иллюминат) 242
 Даламбер Ж. 261, 262, 483
 Давыдов И. И. 165, 302, 469, 489
 Данилевский Н. Я. 24
 Двигубский И. А. 160, 469
 Дебольцов (статский советник) 85
 Декарт Р. 499
 Демокрит 403
 Демосфен 226, 479
 Де-Пуле М. Ф. 24
 Державин Г. Р. 7, 37, 38, 116, 154, 468, 488

- Дерябин (масон) 273
 Джунковский (тайный советник) 294
 Дидрих Ф. Ф. 244
 Дидро Д. 85, 464, 483
 Диллис (священник) 235
 Димитрий Ростовский 65
 Дмитриев И. И. 7, 38
 Дмитрий Донской 178
 Доллонд Дж. 126, 467
 Дрекиль (библиотекарь) 234
 Дружинин (титularный советник) 252
 Дубровин Н. Ф. 11
 Дудаков С. Ю. 62
 Дунаев (адъюнк) 115
 Дюмурье Ш.-Ф дю Перье 247, 481
 Дюррок Ж. К. М. 478
 Евгений (Болховитинов) (митрополит) 476
 Евсей Кесарийский 493
 Екатерина Вторая 6, 74, 180, 230, 240, 276, 464, 483, 484, 488, 502
 Екатерина Павловна 251, 252, 261
 Екатерина Первая 297
 Елагин И. П. 240, 261, 262, 480
 Елизавета Алексеевна 6, 502
 Елизавета Петровна 6, 483
 Еллинг фон (инспектор) 91
 Еремеев А. 441
 Ермак (Ермолай) Тимофеевич (Токмак) 428
 Есипов (коллежский советник) 450
 Желтухин П. Ф. 450, 485
 Женет (агент версальского двора) 247
 Жеребцов А. А. 275
 Жозефина (Богарне) 9
 Жуковский В. А. 6, 116
 Завадовский П. В. 268, 290, 298, 300, 484
 Загоскин Н. П. 19, 24, 27, 34
 Задек М. 313, 491
 Занд К. 26, 310, 490
 Зацепин И. Я. 92, 465
 Землер И. С. 241
 Злобин К. В. 61, 274
 Злобин К. С. 273, 485
 Зубов (граф) 435, 440
 Зябловский Е. Ф. 160, 469
 Иванов (майор) 283
 Игнатий (Лойола) 481
 Ильина К. А. 67
 Инзов И. Н. 264, 265, 484
 Иннокентий (Смирнов) 294, 488
 Иоанн Златоуст 37, 154, 173, 210, 226, 312, 468

- Иоанн Третий 189, 190, 473
 Иоанн Четвертый Грозный 492
 Иосиф Второй 209, 238, 272, 298, 344, 460
 Ирод Великий 304, 489
 Исаак (Константинов) 219, 477
 Кабон (казначей якобинцев) 247
 Кадудаль Ж. 255, 482
 Казадаев А. В. 179, 471
 Кайсаров А. С. 113, 161, 469
 Калигула 173, 470
 Калиостро А. 245, 480
 Калмыков (промышленник) 105
 Каннинг Дж. 166, 470
 Кант И. 162, 165, 177, 349, 405, 467, 493
 Каразин В. Н. 253, 267, 268, 269, 298, 469, 482
 Карамзин Н. М. 7, 24, 254
 Карл-Август 239
 Карл Второй 479
 Карл Пятый 405
 Карнеев Е. В. 263, 484
 Кассини Дж. 352, 494
 Каховский П. Г. 488
 Кеневич В. Ф. 63, 64
 Кеплер И. 278, 334, 362, 367, 370, 405, 449
 Кикин П. А. 293, 488
 Кирилл (архиепископ) 214, 226
 Кларк С. 376, 496
 Клеопатра VII Филопатор 345
 Клиер Дж. 13
 Клингер Ф. М. 267
 Клингер (попечитель) 301
 Книге (книгопродавец) 241
 Ковальков А. И. 277, 486
 Козанде (священник) 232, 233, 235
 Козодавлев О. П. 486
 Комье К. 411, 499
 Кондаков Ю. Е. 8
 Кондорсе М. Ж. А. де 245, 481
 Кондырев П. С. 113, 135
 Константин Седьмой Порфирородный 188
 Копе (иллюминат) 243
 Коперник Н. 334, 335, 403
 Корф М. А. 7
 Костюшко Т. 251, 266, 481
 Котельников Е. Н. 319, 320, 491
 Котесов 375
 Котс Р. 496
 Коцебу А. фон 26, 255, 482, 490
 Кочетов И. С. 312, 330, 490
 Кочубей В. П. 269, 271, 278, 295, 425, 485

- Кошелев Р. А. 55, 264, 278, 279, 281, 282, 293, 294, 295, 296, 302, 484
- Крамер Ф. 243
- Кромвель О. 45
- Круг В. Т. 349, 493
- Крюденер В. Ю. фон 292, 488
- Ктесий Книдский 208, 474
- Кунеус П. 345
- Куницын А. П. 160, 163, 166, 167, 304, 307, 445, 469, 470
- Куракин А. Б. 424, 501
- Кювье Ж. 382, 497
- Кюстин А. де 247
- Ла Файет М. Ж. 245, 249, 250, 480
- Лабзин А. Ф. 264, 265, 270, 276, 281, 283, 322, 325, 482, 491
- Лагарп Ф. С. 252, 267, 481
- Лажечников И. И. 7, 38, 39, 46, 47
- Лазарев М. П. 30, 467
- Лазаревы 427
- Лазбин А. Ф. 253
- Лаланд Ж. 351, 494
- Ланкастер Дж. 289, 487
- Ланской С. С. 274, 485
- Ланц (священник) 233
- Лаплас П.-С. 305, 489
- Лафит Ж. 249, 329, 492
- Лев Премудрый 188, 472
- Лейбниц Г. В. 297, 488
- Лейтер (держатель пансиона) 122
- Лелевель И. 254, 302, 360, 482
- Ленуар Э. 80
- Леонтьев К. Н. 476
- Леопольд 248
- Лесаф Женевский 378
- Лесепс 247
- Лефорт Ф. Я. 51, 174, 470
- Лещица-Грабянка Т. 482
- Ливен К. А. 158, 468
- Ливия Друзилла 346
- Линдль И. 212, 265, 286, 290, 476
- Линднер Г.-А. 274
- Линней К. 124
- Лобачевский Н. И. 30, 115, 117, 467
- Лодий П. Д. 304
- Ломоносов М. В. 37, 38, 116, 154, 468
- Лонгинов Н. М. 6, 10, 18, 19
- Лопухин И. В. 262, 264, 265, 266, 270, 277, 320, 424, 483
- Лопухина А. П. 275
- Лубяновский Ф. П. 263, 265, 271, 484
- Лувель Л. 360, 495
- Луи-Филипп 470

- Лукин (силач) 420
 Лукреция 226, 479
 Лупарева Н. Н.
 Людовик Пятнадцатый 249, 480
 Людовик Четырнадцатый 79, 471
 Людовик Шестнадцатый 33, 481, 489
 Лютер М. 25, 208, 216, 225, 461, 475
 Магницкая Е. О. 6
 Магницкий (Теляшин) Л. Ф. 5
 Магницкий М. М. 62
 Маймонид (раввин) 344
 Майран Ж.-Ж. 496
 Макарий 173, 226
 Макиавелли Н. 36, 151, 468
 Малов (священник) 295
 Манасеин Е. П. 112
 Марат Ж.-П. 166, 470
 Мария Федоровна 58, 486
 Мартини (писатель) 164
 Мартынов (директор департамента) 268, 297, 300, 301
 Марэ Ю.-Б. 426, 501
 Мацеевич Л. С. 63, 64, 66
 Мелиссино П. И. 487
 Мельман И.-В.-Л. 251, 481
 Мендельсон (библиотекарь) 242
 Менцель А. фон 353, 412, 413
 Меншиков А. Д. 179, 220, 221, 478
 Меран Ж. де 409
 Мефодий 214
 Мещерская С. С. 282, 286, 288, 292, 330, 487
 Мещерский П. С. 321, 491
 Мещерякова А. О. 68
 Миддендорф А. Ф. 303
 Милорадович А. С. 448, 488
 Милорадович М. И. 295
 Мильтон Дж. 192, 473
 Минаков А. Ю. 68
 Минкина Н. 503
 Мирабо О. Г. 244, 246, 480
 Михайлова С. М. 34
 Михайловский-Данилевский А. И. 11, 15, 16, 23
 Морозов П. Т. 9, 20, 33, 45, 65
 Мот-Гюйон Ж.-М. де ля 486
 Мудров М. Я. 160, 469
 Мурзаевич Н. Н. 63, 64
 Мухин (профессор) 160
 Мюллер (крестьянин) 281
 Надеждин А. 472
 Назаренко Е. 68
 Назианзин Г. 37, 154, 210, 468
 Наполеон Бонапарт 9, 13, 15, 19, 45, 48, 99, 169, 174,

- 187, 189, 195, 196, 202, 209, 247, 248, 255, 280, 292, 314, 350, 390, 464, 465, 478, 479, 481, 494, 501
- Нарышкин Д. Л. 485
- Нарышкина М. А. 271, 485
- Нейвидский (князь) 239, 240
- Нерон 173, 389, 407, 470, 496
- Никодим 100
- Николаи (книгопродавец) 241
- Николай Первый 10, 53, 58, 59, 60, 62, 64, 67, 231, 448, 479, 500
- Николев Н. П. 38
- Никольский Г. Б. 114, 117, 121, 122, 278, 467
- Никон (патриарх) 497
- Нилль (проповедник) 212, 285, 476
- Новиков Н. И. 240, 251, 152, 162, 263, 264, 265, 270, 274, 276, 480
- Новосильцов (Новосильцев) Н. Н. 252, 253, 267, 268, 269, 270, 482
- Ньютон И. 335, 344, 350, 351, 353, 354, 362, 367, 375, 376, 377, 378, 379, 381, 403, 404, 405, 406, 407, 408
- Ободовский (учитель) 303
- Оболенский (князь) 302
- Обольянинов П. Х. 424, 501
- Овидий 333
- Озеров С. П. 271, 485
- Окен Л. 412, 413, 500
- Оксенштирн И. Д. 418
- Оленин А. Н. 267, 484
- Олсуфьев (чиновник) 252
- Ольга 188, 473
- Ориген 173, 470, 497
- Орлов (граф) 450
- Орлов А. 488
- Орлова-Чесменская А. А. 54, 294, 447, 488, 502, 503
- Отсолиг (студент) 115, 127
- Павел Первый 247, 251, 252, 263, 266, 424, 478, 481, 483, 484, 501
- Павловский М. К. 63, 64
- Пальма (книгопродавец) 248
- Панаев В. И. 7, 10, 14, 23, 55, 57, 58
- Паррот Е. И. 267, 484
- Паттерсон Д. 213, 214, 283, 285, 477
- Пезаровиус (масон) 273
- Пенгре А. 351, 407, 408, 494
- Песталоцци И. Г. 291, 303, 487
- Петр (митрополит) 474
- Петр Первый 5, 77, 178, 179, 219, 229, 282, 297, 319, 470, 473, 474

- Петровский (адъюнкты) 117
 Пилат П. 200
 Пилецкий (секретарь тю-
 ремного общества) 295
 Пинкертон (губернер) 282,
 284
 Пифагор 344, 393, 403
 Платон 36, 149, 151, 347, 392,
 493
 Платон (Левшин), митро-
 полит 262, 344, 373, 483,
 496
 Плещеев С. И. 262, 264, 265,
 266, 483, 486
 Плещеева Н. Ф. 264, 277,
 278
 Плиний Старший 354, 494
 Погодин М. П. 64
 Поздеев О. И. 240, 264, 265,
 274, 480
 Поликарп (архимандрит)
 477
 Полозов (полицмейстер) 87
 Попов (тайный советник)
 276, 282, 284, 285, 288,
 291, 293, 295, 301, 320
 Попов В. М. 213, 477
 Попов Гавриил 293
 Попов Григорий 293
 Попов Н. А. 20, 34, 38
 Порфирий 348, 493
 Потемкин Г. А. 123
 Потоцкая (графиня) 440
 Потоцкий С. О. 301
 Прозоровский А. А. 252,
 263, 484
 Простодумов М. 349, 354,
 355, 361, 370, 384, 385,
 387, 391, 395, 416, 493,
 494, 500
 Прохаска Й. 306, 490
 Прянишников Ф. И. 277,
 486
 Птицын Ф. 472
 Птолемея 333, 405
 Пугачев Е. С. 317, 319
 Пукевиль Ф. 354, 494
 Пушкин А. С. 275
 Разумовский А. К. 113, 300,
 301, 467, 489
 Ранцевич (городничий) 88
 Раупах Э.-В.-С. 160, 300,
 469
 Ренер (аббат) 232, 233, 235
 Репников А. В. 476
 Репнин Н. В. 240, 264, 265,
 480
 Рибопьер А. И. 19
 Римский-Корсаков 274
 Робеспьер М. 195
 Робисон Дж. 240
 Рождественский С. В. 32
 Розенкампф Г. А. 270, 273,
 485
 Ролен Ш. 177, 445, 471
 Романовский В. В. 276, 486
 Романовы 38, 157, 473

- Ротшильды 62, 329, 492
 Румянцев (Румянцов) Н. П. 488
 Румянцев П. А. 296, 488
 Рунич Д. П. 8, 28, 59
 Руссо Ж.-Ж. 85, 193, 195, 244, 246, 464, 492
 Рябинин Е. М. 277, 486
 Рязанов (профессор) 278
 Савинов (промышленник) 105
 Сандунов Н. Н. 160, 469
 Санхуниатон 304, 489
 Сарториус В. фон 91, 92, 113, 467
 Сарычев (надворный советник) 94
 Сведенборг Э. 479, 485
 Северин О. П. 489
 Семевский В. И. 61
 Сенека Л. Ф. 346, 404, 407, 496
 Сен-Жермен (граф) 245, 480
 Сенявин 441
 Серафим (Глаголевский) 53, 55, 56, 57, 68, 204, 285, 471, 434, 487, 503
 Сергей Радонежский 312, 490
 Серов (секретарь библийского общества) 213, 214, 477
 Сеян 346
 Сиес Э.-Ж. 245, 314, 480
 Симонов И. М. 30, 114, 160, 467, 479
 Славянов (городничий) 87
 Смит А. 113, 467
 Снелл В. 405, 499
 Сократ 148, 347
 Солнцев 112
 Соловьев С. М. 25, 26, 160
 София 189
 Сперанский М. М. 7, 10, 11, 14, 15, 16, 17, 19, 22, 26, 57, 61, 63, 253, 271, 272, 273, 274, 278, 422, 423, 424, 425, 426, 427, 428, 429, 437, 465, 477, 482, 485, 500
 Спиноза Б. 349, 492
 Срезневский И. Е. 32, 112, 466
 Сталь А.-Л. Ж. 196, 473
 Станевич Е. И. 293, 294, 488
 Стеффенс Х. 165, 171, 413, 415, 469, 500
 Стойкович А. Ф. 160, 469
 Страбон 404
 Струэнзе И.-Ф. 193
 Страхов П. И. 263, 484
 Стройновский И. 435
 Струдза А. С. 9, 28, 53, 54, 63, 64, 301, 489
 Суворов А. В. 8, 9, 332, 371, 434, 496
 Сумароков А. П. 7, 38

- Сухомлинов М. И. 16, 27, 28, 40, 41, 42, 45, 47, 52, 473
 Сыромятник (студент) 298
 Сычугов (учитель гимназии) 117
 Талейран-Перигор Ш. М. 48, 169, 244, 249, 327, 434, 470
 Тарквиний Луций 498
 Татаринова Е. Ф. 295, 312, 488
 Татищев А. И. 282, 487
 Татищева (племянница Р. А. Кошелева) 295
 Тверитинов Д. 5
 Теймут (лорд) 213
 Телер 241
 Теляшин Н. П. (св. Нектарий) 5
 Теринг (граф) 232
 Тиберий 346
 Тимаев (учитель) 303
 Тимьянский (адъюнк) 117
 Тихо Браге 405
 Толстой А. П. 63
 Толстой П. А. 252
 Томас (профессор) 117
 Томсинов В. А. 26
 Тон К. А. 491
 Тормасов А. П. 275, 486
 Траян Марк Ульпий Нерва 464
 Трокслер И. П. В. 413, 414
 Троппау Л. 477
 Трощинский Д. Т. 424, 501
 Трубецкой Н. Н. 262
 Трубецкой Ю. Н. 262
 Тургенев 282, 294
 Тургенев А. И. 253, 482
 Тургенев Н. И. 21, 22, 482
 Уваров С. С. 68, 300, 303, 489
 Уваров Ф. П. 267, 484
 Урбан Четвертый 409
 Утшнейдер (тайный советник) 235
 Фенелон Ф. де 177, 471
 Феодосий Великий 472
 Феодосий Второй 428, 501
 Феоктистов Е. М. 15, 43, 45
 Феофан (Александров) 467
 Феофан (Прокопович) 206, 474
 Феофилакт (Лопатинский) 51, 174, 280, 471
 Феофилакт (Русанов) 486
 Фердинанд Брауншвейский 239
 Фернанд 157
 Фесслер И. А. 61, 272, 273, 274, 280, 296, 329, 485
 Филарет (Дроздов) 312, 474, 477, 483
 Филипп Первый, Орлеанский 244, 245, 246, 480

- Филометор 345
 Филон 344
 Фихте И. Г. 349, 467
 Фишер (бургомистр) 234
 Фома Кемпийский 427, 501
 Фома Палеолог 189
 Фонвизин Д. И. 326, 492
 Фонтенель Б. де 493
 Фортунатов Ф. Н. 7, 10, 63, 65
 Фотий (Спасский) 53, 54, 55, 68, 188, 389, 456, 472, 488, 502, 503
 Франк (доктор) 123, 136
 Фрауенберг (барон) 234
 Фраунгофер Й. 495
 Фридрих Второй 209, 238, 251, 475
 Фридрих-Вильгельм Третий 243, 480
 Фукс (профессор) 115, 117, 127, 136, 459
 Фус (член правления училищ) 303
 Фуше Ж. 196, 473
 Хвостов Д. И. 116, 467
 Хвостова А. П. 22, 276
 Хемницер И. И. 37, 154, 468
 Херасков М. М. 6, 263, 484
 Хильперик Первый 408, 499
 Холанский Н. И. 458, 459
 Цапвер (священник) 235
 Цвак К. фон 236, 237
 Цезарь 479
 Цеплин П. А. 113
 Цимерман (иллюминат) 240, 241, 242, 248
 Цинцендорф Н. Л. 323
 Цицерон 191, 333
 Цуриков (помещик) 81
 Чарторижский (Чарторыйский) А. 253, 302, 435, 482, 502
 Чеботарев А. Х. 263, 484
 Чижов (профессор) 160
 Чистович И. А. 6, 57, 476
 Чубуркин (купец) 85
 Чулков (титularный советник) 93
 Чумиков А. А. 17, 18, 44
 Чумиков А. П. 17, 18, 44
 Чуриков (коллежский асессор) 80, 81, 82
 Шаде (профессор) 160, 300
 Шварц И. Г. 240, 264, 480
 Шведенбург Э. 246
 Шеллинг Ф. В. Й. 165, 171, 207, 305, 306, 349, 354, 355, 412, 414, 415, 419, 420, 467, 469, 470
 Шениг Н. И. 11, 16
 Шиллер Ф. 482
 Шилов (советник) 93
 Шильдер Н. К. 19, 24, 28

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
-------------------	---

РАЗДЕЛ I. СОЧИНЕНИЯ

Нечто об общем мнении в России и верховной полиции	69
Из писем и записок А. А. Аракчееву 1814–1817 гг.	80
Речь при открытии Симбирского отделения Библейского общества	94
Отчет по обозрению Казанского университета	101
Инструкция директору Казанского университета	137
Заключение о втором мнении г. попечителя Дерптского университета, князя Ливена, в рассуждении запрещенных книг, действительного статского советника Магницкого	158
Мнение о науке естественного права, 1823	162
Господину министру духовных дел и народного просвещения [О книге «Начальные основания логики» И. И. Давыдова], 1823	165
Собственноручное всеподданнейшее письмо действительного статского советника Магницкого, с поднесением записки о народном воспитании	168
Мысли о некоторых милостях всем состояниям	178
Записка о пьянстве семинаристов.....	182
Мнение русского дворянина о гражданском уложении для России	185

Мнения о цензуре вообще и началах, на которых предполагает цензурный комитет составить для оной устав	191
Проект секретной инструкции цензурному комитету	199
Отношение попечителя Казанского учебного округа к митрополиту Новгородскому, С.-Петербургскому, Эстляндскому и Финляндскому от 24 мая 1824 г.	204
Письмо А. А. Аракчееву	205
О способе, которым германская философия заразила все науки, и даже те, которые никакой связи прежде с нею не имели	207
Окончательное дополнение к запискам о тайных обществах	210
О злых действиях тайных обществ, выдумавших Библейское общество в Европе и неусыпно через оное все к своей цели направляющих	213
[Сон в Грузии]	217
Краткая речь к Императорскому Казанскому университету, произнесенная 15 сентября 1825 г.	223
Письма императору Николаю I об иллюминациях	231
Взгляд на мироздание	332

РАЗДЕЛ II. СТАТЬИ В ЖУРНАЛЕ «РАДУГА»

Письмо к издателю	342
2-й отломок от философского мозаика	349
Осколки от философского мозаика	354
3-й отломок от философского мозаика. Особенный характер европейского духа времени	355
4-й отломок от философского мозаика	361
Осколки от философского мозаика	368
Письмо к издателю М.Г.А.И.	371
Продолжение 4-го отломка философского мозаика	374

Первое Примечание на 3-й отломок от философского мозаика.....	383
5-й отломок от философского мозаика. Несколько строк в историю наук	391
Осколок от философского мозаика. Поездка философа в дилижансе	396
6-й отломок от философского мозаика. Несколько строк из философии христианской.....	399
7-й отломок от философского мозаика. Обзорение нравственно-исторического романа о кометах	402
8-й отломок от философского мозаика. Мысли при чтении замечания Менцеля о философии в Германии.....	412
Осколки от философского мозаика г. Простодумова	416

РАЗДЕЛ III. ВОСПОМИНАНИЯ О СОВРЕМЕННОКАХ И АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАПИСКИ

Дума при гробе графа Сперанского.....	422
Дума на гробе графини Роксандры Эдлинг, урожденной Стурдза	430
Показания Магницкого. О службе действительного статского советника Магницкого	433
Генерал-адъютанту Бенкендорфу	438
Причины преследования М. Л. Магницкого, им самим описанные	456
Примечания	464
Именной указатель	504

Институт русской цивилизации создан для осуществления идей и в память великого подвижника православной России митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Иоанна (Снычева).

Целью Института является творческое объединение ученых и специалистов, занимающихся изучением истории и идеологии русского народа, проведение научных исследований и систематизация знаний по всем вопросам русской цивилизации, истории, философии, этнографии, культуры, искусства и других научных отраслей, связанных с жизнедеятельностью русского народа с древнейших времен до начала XXI века. Приоритетным направлением деятельности института является создание 30-томной «Энциклопедии русского народа» (вышло 14 томов), а также научная подготовка и публикация самых великих книг русских мыслителей и ученых, отражающих главные вехи в развитии русского национального мировоззрения и противостояния силам мирового зла, руссофобии и расизма (вышло более 160 томов).

Редактор Л. К. Молотилова
Корректор Е. К. Гришина
Компьютерная верстка Е. Е. Поляков
Институт русской цивилизации. Тел.: 8-495-605-25-35

Подписано в печать 31.10.2013 г. Формат 84 x 108 ¹/₃₂.
Гарнитура «Times». Объем 20,75 изд. л.
Печать офсетная. Заказ №
Отпечатано в ОАО «Тверской полиграфический комбинат».

**ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ
ВЫПУСКАЕТ
БОЛЬШУЮ ЭНЦИКЛОПЕДИЮ
РУССКОГО НАРОДА**

Главный редактор О. А. Платонов

Энциклопедия включает следующие тома:

- Русская цивилизация (*вышел*)
- Русское Православие в трех томах (*вышли*)
- Русское государство (*вышел*)
- Русский патриотизм (*вышел*)
- Русское мировоззрение (*вышел*)
- Русский образ жизни (*вышел*)
- Русская география
- Русское хозяйство (*вышел*)
- Международные отношения
- Национальные отношения
- Русская литература (*вышел*)
- Русская икона и религиозная живопись в двух томах (*вышли*)
- Русская архитектура и скульптура
- Русская живопись
- Русский театр
- Русская музыка
- Русская наука
- Русская школа
- Русское воинство
- Памятники Отечества
- Русские за рубежом
- Противники русской цивилизации

Каждый том Энциклопедии посвящен определенной отрасли жизни русского народа и будет завершенным сводом энциклопедических знаний по этой отрасли от «А» до «Я». Читатели могут в зависимости от потребностей подбирать либо полный комплект Энциклопедии, либо необходимые один или несколько томов.

К подготовке издания привлекаются лучшие русские ученые и специалисты, используются опыт и наиболее ценные материалы предыдущих русских энциклопедий и словарей. Критерием подготовки и отбора статей для Энциклопедии являются православные и национальные традиции русской науки, соответствие сделанных оценок национальным интересам русского народа.

Редакция Энциклопедии привлекает к сотрудничеству всех заинтересованных русских людей и организации. Будем признательны за любую помощь в подготовке нашего издания.

Настоящая Энциклопедия является первой попыткой создания всеобъемлющего свода православных и национальных сведений о жизни русского народа. После выхода первого издания Энциклопедии предполагается ее совершенствование и подготовка нового издания.

Приглашаем к сотрудничеству всех русских людей, разделяющих идеи Святой Руси, русской цивилизации.

Будем благодарны за любые отзывы, замечания, поправки и дополнения.

Просим направлять их по адресу: 121170, Москва, а/я 18. Платонову О. А., e-mail: info@rusinst.ru

Электронную версию Энциклопедии можно получить на нашем сайте: www.rusinst.ru.

ВЫШЛИ В СВЕТ КНИГИ, ПОДГОТОВЛЕННЫЕ ИНСТИТУТОМ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ:

СЕРИЯ «РУССКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ»

- Митр. Иоанн. Самодержавие духа, 528 с.
- Киреевский И. Духовные основы русской жизни, 448 с.
- Гиляров-Платонов Н. П. Жизнь есть подвиг, а не наслаждение, 720 с.
- Аксаков И. С. Наше знамя – русская народность, 640 с.
- Гоголь Н. В. Нужно любить Россию, 672 с.
- Тихомиров Л. А. Руководящие идеи русской жизни, 640 с.
- Филиппов Т. И. Русское воспитание, 448 с.
- Григорьев Ап. Апология почвенничества, 688 с.
- Данилевский Н. Я. Россия и Европа, 816 с.
- Хомяков А. С. Всемирная задача России, 800 с.
- Самарин Ю. Ф. Православие и народность, 720 с.
- Катков М. Н. Идеология охранительства, 800 с.
- Булгаков С. Н. Философия хозяйства, 464 с.
- Аксаков К. С. Государство и народ, 680 с.
- Концевич И. М. Стяжание Духа Святого, 864 с.
- Флоровский Г. В. Пути русского богословия, 848 с.
- Гильфердинг А. Ф. Россия и славянство, 496 с.
- Страхов Н. Н. Борьба с Западом, 576 с.
- Мещерский В. П. За великую Россию. Против либерализма, 624 с.
- Свт. Филарет митр. Московский. Меч духовный, 720 с.
- Зеньковский В. В. Христианская философия, 1072 с.
- Ламанский В. И. Геополитика панславизма, 928 с.
- Черкасский В. А. Национальная реформа, 592 с.
- Достоевский Ф. М. Дневник писателя, 880 с.
- Солоневич И. Л. Народная монархия, 624 с.
- Валуев Д. А. Начала славянофильства, 368 с.
- Фадеев Р. А. Государственный порядок. Россия и Кавказ, 992 с.
- Лешков В. Н. Русский народ и государство, 688 с.
- Иван Грозный. Государь, 400 с.
- Лобанов М. П. Твердыня духа, 1024 с.
- Безсонов П. А. Русский народ и его творческое слово, 608 с.
- Леонтьев К. Н. Славянофильство и грядущие судьбы России, 1232 с.
- Щербатов А. Г. Православный приход – твердыня русской народности, 496 с.
- Шафаревич И. Р. Русский народ в битве цивилизаций, 936 с.
- Беляев И. Д. Лекции по истории русского законодательства, 896 с.
- Коялович М. О. История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям, 688 с.
- Погодин М. П. Вечное начало. Русский дух, 832 с.
- Шишков А. С. Огонь любви к Отечеству, 672 с.
- Хомяков Д. А. Православие. Самодержавие. Народность, 576 с.

Кошелев А. И. Самодержавие и Земская дума, 848 с.
Черняев Н. И. Русское самодержавие, 864 с.
Победоносцев К. П. Государство и Церковь в 2-х томах, т. 1 – 704 с.; т. 2 – 624 с.
Венелин Ю. И. Истоки Руси и славянства, 864 с.
Преп. Иосиф Волоцкий. Просветитель, 432 с.
Преп. Нил Сорский. Устав и послания, 240 с.
Трубецкой Е. Н. Смысл жизни, 656 с.
Ломоносов М. В. О сохранении русского народа, 848 с.
Митр. Иларион. Слово о Законе и Благодати, 176 с.
Ильин И. А. Путь духовного обновления, 1216 с.
Тютчев Ф. И. Россия и Запад, 592 с.
Святые черносотенцы. Священный Союз Русского Народа, 1136 с.
Шарапов С. Ф. Россия будущего, 720 с.
Св. Иоанн Кронштадтский. Я предвижу восстановление мощной России, 648 с.
Суворин А. С. Россия превыше всего, 912 с.
Меньшиков М. О. Великорусская идея в 2-х томах, т. 1 – 688 с.; т. 2 – 720 с.
Розанов В. В. Народная душа и сила национальности, 992 с.
Архиепископ Аверкий (Таушев). Современность в свете Слова Божия, 720 с.
Иларион Троицкий. Преображение души, 480 с.
Митр. Антоний (Храповицкий). Сила Православия, 688 с.
Соловьев В. С. Оправдание добра, 656 с.
Бердяев Н. А. Философия неравенства, 624 с.
Киреев А. А. Учение славянофилов, 640 с.
Феофан Затворник. Добротолюбие, 752 с.
Кожин В. В. Россия как цивилизация и культура, 1072 с.
Миллер О. Ф. Славянство и Европа, 880 с.
Архиепископ Никон (Рождественский). Православие и грядущие судьбы России, 640 с.
Пушкин А. С. Россия! встань и возвышайся!, 976 с.
Князь Александр Васильчиков. Русское самоуправление, 960 с.
Святитель Игнатий (Брянчанинов). Особенная судьба народа русского, 752 с.
Нилус С. А. Близ есть, при дверех, 576 с.
Кавелин К. Д. Государство и община, 1296 с.
Белов В. И. Лад. Очерки народной эстетики, 512 с.
Карамзин Н. М. О любви к Отечеству и народной гордости, 736 с.
Аскоченский В. И. За Русь Святую! 784 с.
Будилович А. С. Славянское единство, 784 с.
Повесть Временных Лет, 544 с.
Преп. Серафим Саровский. Стяжание Духа Святого, 480 с.
Ростопчин Ф. В. Мысли вслух на Красном крыльце, 704 с.
Магницкий М. Л. Православное просвещение, 528 с.
Домострой, 448 с.

СЕРИЯ «РУССКОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ»

- Ильин И. А. Национальная Россия: наши задачи, 464 с.
Нилус С. А. Царство антихриста «Близ есть при дверех...», 528 с.
Шарапов С. Ф. После победы славянофилов, 624 с.
Грингмут В. А. Объединяйтесь, люди русские!, 544 с.
Вязигин А. С. Манифест созидательного национализма, 400 с.
Пасхалов К. Н. Русский вопрос, 720 с.
Платонов. О. Загадка сионских протоколов, 800 с.
Платонов О. Почему погибнет Америка, 528 с.
Бутми Г. Кабала или свобода, 400 с.
Жевахов Н. Еврейская революция, 480 с.
Никольский Б. В. Сокрушить крамолу, 464 с.
Величко В. Л. Русские речи, 400 с.
Архимандрит Фотий (Спасский). Борьба за веру. Против масонов, 400 с.
Булацель П. Ф. Борьба за правду, 704 с.
Дубровин А. И. За Родину. Против крамолы, 480 с.
Бондаренко В. Г. Русский вызов, 688 с.
Марков Н. Е. Думские речи. Войны темных сил, 704 с.
Шамаков А. С. Международное тайное правительство, 944 с.
Чванов М. А. Русский крест. Очерки русского самосознания, 608 с.
Осипов В. Н. Возрождение русской идеологии, 720 с.
Нечволодов А. Д. Император Николай II и евреи, 400 с.
Бабурин С. Н. Возвращение русского консерватизма, 832 с.
Крупин В. Н. Книга для своих, 512 с.
Шиманов Г. М. Записки из красного дома, 1024 с.
Жеденов Н. Н. Гроза врагов русского народа, 704 с.
Книга Русской Скорби. Памятник русским патриотам, погибшим в борьбе с внутренним врагом, 1136 с.
Сенин А. А. Служить правде, 416 с.
Личутин В. В. Размышления о русском народе, 576 с.
Куняев С. Ю. Русский дом, 912 с.
Замысловский Г. Г. В борьбе с ненавистниками России, 720 с.
Проханов А. А. Слово к народу, 896 с.
Хатюшин В. В. Вехи окаянных лет, 608 с.
Ганичев В. Н. О русском, 832 с.

СЕРИЯ «РУССКАЯ ЭТНОГРАФИЯ»

- Максимов С. В. По Русской земле, 960 с.
Зеленин Д. К. Русская этнография, 672 с.
Коринфский А. А. Народная Русь, 944 с.
Сахаров И. П. Сказания русского народа в 2-х томах, т. 1 – 800 с.; т. 2 – 928 с.
Ермолов А. С. Народная сельскохозяйственная мудрость в пословицах, поговорках и приметах, 880 с.
Калинский И. П. Церковно-народный месяцеслов на Руси, 384 с.
Риттих А. Ф. Славянский мир. Историко-географическое и этнографическое исследование, 576 с.

Пассек В. В. Очерки России, 448 с.

Забелин И. Е. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях, 1056 с.

Забелин И. Е. Домашний быт русских цариц в XVI и XVII столетиях, 704 с.

СЕРИЯ «ИССЛЕДОВАНИЯ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ»

Лебедев С. В. Слово и дело национальной России, 576 с.

Платонов О. А. Экономика русской цивилизации, 800 с.

Антонов М. Ф. Экономическое учение славянофилов, 416 с.

Каплин А. Д. Мировоззрение славянофилов, 400 с.

Романов И. Стратегия восточных территорий, 320 с.

Евдокимов А. Ю. Биосфера и кризис цивилизации, 480 с.

Крыленко А. К. Денежная держава, 368 с.

Черная сотня. Историческая энциклопедия, 640 с.

Славянофилы. Историческая энциклопедия, 736 с.

Морозова Г. А. Третий Рим против нового мирового порядка, 272 с.

Троицкий В. Ю. Судьбы русской школы, 480 с.

Русские монастыри и храмы. Историческая энциклопедия, 688 с.

Русские святые и подвижники Православия. Историческая энциклопедия, 896 с.

Васильев А. А. Государственно-правовой идеал славянофилов, 224 с.

Игумен Даниил (Ишматов). Просветительская и педагогическая деятельность преподобного Сергия Радонежского, 192 с.

Сохряков Ю. И. Русская цивилизация: философия и литература, 720 с.

Олейников А. А. Политическая экономия национального хозяйства, 1184 с.

Черевко К. Е. Россия на рубежах Японии, Китая и США (2-я половина XVII – начало XXI века), 688 с.

Виноградов О. Т. Очерки начальной истории русской цивилизации, 544 с.

Олейников А. А. Экономическая теория. Политическая экономия национального хозяйства. Учебник для высших учебных заведений, 1136 с.

Каплин А. Д. Славянофилы, их сподвижники и последователи, 624 с.

Бухарин С. Н., Ракитянский Н. М. Россия и Польша. Опыт политико-психологического исследования феномена лимитрофизации, 944 с.

Ягодинский В. Н. Космология духа и циклы истории, 320 с.

Очерки истории русской иконы, 592 с.

Мокеев Г. Я. Русская цивилизация в памятниках архитектуры и градостроительства, 480 с.

Стогов Д. И. Черносотенцы: жизнь и смерть за Великую Россию, 672 с.

Евдокимов А. Ю. Русская цивилизация: экологический аспект, 672 с.

Синодикъ, или Куликовская битва в лицах, 736 с.

Русский государственный календарь, 728 с.

Пецко А. А. Великие русские достижения. Мировые приоритеты русского народа, 560 с.

Русская артель, 672 с.

Русская община, 1376 с.

Платонов О. А. Русский народ. История. Душа. Победы, 816 с.

Катасонов В. Ю. Капитализм. История и идеология «денежной цивилизации», 1072 с.

Минаков А. Ю. Русская партия в первой четверти XIX века, 528 с.
Кикешев Н. И. Славянская идеология, 704 с.
Катасонов В. Ю. Экономическая теория славянофилов и современная Россия, 656 с.
Прохоров Г. М. Древнерусское летописание. Взгляд в неповторимое, 416 с.

СЕРИЯ «ТЕРНОВЫЙ ВЕНЕЦ РОССИИ»

Платонов О. История русского народа в XX веке в 2-х томах, т. 1 – 804 с.; т. 2 – 1040 с.
Платонов О. Тайная история масонства, 912 с.
Платонов О. История масонства. Документы и материалы в 2-х томах, т. 1 – 720 с.; т. 2 – 736 с.
Платонов О. Пролог царевубийства, 496 с.
Платонов О. История царевубийства, 768 с.
Платонов О. Святая Русь. Открытие русской цивилизации, 816 с.
Башилов Б. История русского масонства, 640 с.
Шевцов И. В борьбе с дьяволом, 656 с.
Лютостанский И. Криминальная история иудаизма, 992 с.
Платонов О. Тайна беззакония. Иудаизм и масонство против христианской цивилизации, 880 с.
Платонов О. Загадка сионских протоколов, 800 с.
Платонов О. Заговор царевубийц, 528 с.
Платонов О. Николай II в секретной переписке, 800 с.

ПЛАТОНОВ О. А. СОБРАНИЕ ТРУДОВ В 6 ТОМАХ

Платонов О. А. Русская цивилизация. История и идеология русского народа, 944 с.
Платонов О. А. Россия и мировое зло. Труды по истории тайных обществ и подрывной деятельности сионизма, 1120 с.
Платонов О. А. Масонский заговор в России. Труды по истории масонства. Из архивов масонских лож, полиции и КГБ, 1344 с.
Платонов О. А. Разрушение Русского царства, 912 с.
Платонов О. А. Война с внутренним врагом, 1296 с.

Книги, подготовленные Институтом русской цивилизации, можно приобрести в Москве: в Книжном клубе «Славянофил» (Большой Предтеченский пер., 27, тел. 8(495)-605-08-58), в книжной лавке «Русского вестника» (Звенигородское шоссе, д. 4 (пав. «Детский мир на Пресне»), тел. 8(495)-788-41-48, podina@gw.ru), в книгоиздательской фирме «Крафт+» (Пр. Серебрякова, 4, тел. 8(495)-620-36-94) и в магазине «Политкнига» (тел. 8(495)-543-87-93, www.politkniga.ru)